

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2008

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О-33   **О времени, о Норильске, о себе... Книга
вторая** / Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.:
«*ПолиМЕдиа*», 2008. — 520 с.

ISBN 978-5-89180-057.

ББК 84-4

*Издательский фонд клуба норильчан
в Москве «69 параллель» благодарит за
финансовую поддержку нашего земляка*

***Вадима Федоровича
Николайчука***

и ООО «Транспромресурс»

ISBN 978-5-89180-055-1 © Составление. Касабова Г.И., 2008

9785891800571

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2008

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами вторая книга воспоминаний норильчан о жизни и работе в Заполярье.

Что движет людьми, взявшимися за перо? Об этом я спрашивала и самих авторов. Если их ответы привести к общему знаменателю, коротко можно сказать так: норильчане не хотят, чтобы случился исторический склероз общества, и решили начать со своей родни — они обращаются прежде всего к правнукам, внукам и взрослым детям. Ведь их воспоминания — это родословная нескольких поколений большой норильской семьи.

Надо развеять миф, что комбинат построили комсомольцы. Пора отдать заслуженные почести заключенным: это им досталась в нетронутой тундре самая тяжелая работа — она длилась долгих 25 лет до того времени, когда первый комсомольский десант высадился в Заполярье.

Тяготы экстремальной жизни на Крайнем Севере и труда в Норильлаге (первые 20–25 лет больше работали было просто нигде) и заключенных, и вольнонаемных вынуждали в каком-то смысле одинаково терпеть стужу и пургу, одолевать нелегкую дорогу на промобъект, ощущать нехватку солнца, витаминов, одежды... И те, и другие рассказывали, что доброта, находчивость и взаимовыручка стали норильской традицией именно в трагические годы Норильлага: уже тогда людей ценили прежде всего за моральные и профессиональные качества. Проверку на звание Человека в нечеловеческих условиях выдержали большинство норильчан независимо от того, кто из них был з/к, а кто в/н (вольнонаемный). Исключения, которые, конечно же, были, только подтвердили это правило.

Хочется верить, что придет время, когда историки со свойственным им профессионализмом смогут узнать все о настоящей истории промышленного освоения Таймыра и обратятся к документам советской эпохи, многие из которых до сих пор пока недоступны. Но очевидцы, скорее всего, не доживут до подобного благородного порыва... Без сомнения, официальные бумаги красноречивы, но уж очень скупы. Воспоминания норильчан (в числе других людских свиде-

тельств) помогут очеловечить сухие строки постановлений, указов, приговоров, справок и т.д.

Неудивительно, что пока многие норильчане описывают первые десятилетия промышленного развития Таймыра: они спешат, ведь авторам сегодня за 60–70–80 лет. Правда, уже несут и присылают свои воспоминания и первые молодые специалисты, и приехавшие по оргнабору. Читаешь их строки и понимаешь, что легких времен в Заполярье, видимо, не бывает...

Авторы воспоминаний — уже герои не нашего времени. Бесхитростно и откровенно они рассказывают о себе, о близких людях, сослуживцах, о том, как тяжело трудились, душевно отдыхали, дружили, любили, растили детей... И оказывается, наши люди и тогда были по-житейски мудры и потихоньку, без всякой бравады в душе были непокорными даже в самые страшные времена ГУЛАГа. Нет, сами они не оценивали себя подобным образом, просто это видно по тому, КАК и ЧТО они вспоминают...

Нам казалось, что норильская летопись интересна прежде всего самим норильчанам. Да и книги мы распространяем в основном среди тех, кто так или иначе связан с Таймыром. Выяснилось, что мы не совсем правы, ибо к книге проявили интерес и люди, никогда не жившие в Заполярье. Например, работавший ведущим научным сотрудником Института биоорганической химии РАН Павел Викторович Костецкий собирает материалы о репрессированных химиках.

— Ваша книга очень интересна и полезна для меня, — сказал Павел Викторович и добавил, что одну книгу он обязательно отнесет дочери известнейшего ученого, бывшего з/к Норильлага Алексея Александровича Баландина.

Если бы мы раньше познакомились с Ниной Алексеевной, обязательно попросили бы фотографию ее отца — к сожалению, в первой книге есть только его портретное изображение с конверта, выпущенного в его честь много лет назад. А.А. Баландина репрессировали дважды.

— Когда отца арестовали первый раз, мне был год и месяц. Когда он вернулся из Норильлага, мне исполнилось восемнадцать. Помню, меня тогда рассказами о лагерной жизни не тревожили, берегли. Это потом я многое узнала об отце, особенно когда прочитала два тома его дела. Предательство поразило меня... Кстати, сам отец прочитал

только один том своего дела, а мы знаем, что есть и третий. Его, сказали, не покажут никому... И не показали. Пока.

Нина Алексеевна, никогда не бывавшая в Норильске, обещала написать воспоминания о семье отца, о нем самом.

Есть и еще примеры неподдельного интереса к норильской теме среди москвичей и не только. Вспоминаю юбилейный вечер клуба «69 параллель» в санатории «Озеро Белое». 65-летняя история Норильского комбината заинтересовала всех собравшихся в зале, а ведь половина из них никогда не бывала на Таймыре. После вечера «ненорильчане» даже укорили нас:

— Что же вы так мало привезли книг о Норильске? В викторине выиграть их не смогли, а купили бы книги обязательно!

Воспоминаний, присланных из разных городов России, уже хватит не на одну книгу... Мы будем издавать воспоминания до тех пор, пока их пишут, пока покупают наши книги, ибо деньги от их продажи идут только на издательские расходы.

В заключение информация для наших потенциальных авторов. Каждый, кому есть что сказать о Норильске, о времени, о себе, может написать в книгу. Нашим девизом служат слова Зинаиды Гиппиус: «Записывать мелочи. Крупное запишут без нас. Мелочи лучше передают настоящее». В нашем случае «мелочи» — это то, из чего состоит жизнь простого человека. Вместе с воспоминаниями хотелось бы получить и документы, фотографии из семейного архива (мы обязательно возвратим их по указанному вами адресу).

В первоочередном порядке мы публикуем те материалы, которые рассказывают о первых десятилетиях Норильского промышленного района — из уважения к возрасту авторов.

Если кто-то из читателей заметил неточности в изложении события, факта, фамилии или имеет дополнения и уточнения к описанному авторами, просим известить об этом. С предложениями можно обратиться в издательство «*ПолиМедиа*» по тел. 159-86-11 или по адресу: 143000, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101.

*Галина Касабова,
генеральный директор
некоммерческого издательского
фонда «Норильский»*

Павел Сергеевич Аллилуев – сын Сергея Яковлевича Аллилуева, брат Надежды, свояк Сталина, любимый дядька дочери Сталина Светланы. П.С. Аллилуев занимает определенное место в истории Норильска. В 1925–1926 гг. он руководил экспедицией (с зимовкой), которая должна была помочь в ответе на вопрос: быть Норильску или нет?

Впервые этот материал был опубликован в «Заполярной правде», норильской городской газете, в августе 1995 г.

Павел Аллилуев:

*«...приходилось решать задачу
со многими неизвестными».*

*Первый дом Норильска, построенный
геологоразведочной экспедицией Н.Н. Урванцева летом 1921 г.
У этого дома зимовщики в 1922 г. провели первую
в Норильске Первомайскую демонстрацию.*

*Этот текст можно было прочитать на памятной доске
дома-музея, когда он стоял на своем месте на Нулевом пикете*

Начальнику горного отдела ВСНХ СССР
тов. Свердлову В.М.
Второй экземпляр Геологическому комитету
при Президиуме ВСНХ СССР

**«ОКАЗИЯ» ПОЗВОЛЯЕТ ДОЛОЖИТЬ ВАМ О ХОДЕ
РАБОТ ЭКСПЕДИЦИИ И ВЫСКАЗАТЬ НЕКОТОРЫЕ
СООБРАЖЕНИЯ, ЯВИВШИЕСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ
НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРЕБЫВАНИЯ ЗДЕСЬ**

В момент прибытия экспедиции в с. Дудинское (24 сентября) дела здесь обстояли следующим образом:

а) барак для рабочих в два казарменных помещения, с общей кухней, был почти возведен до состояния, пригодного для жилья, кроме кровли, печей, окон, тамбура, нар и прочих деталей, не имевших в то, сравнительно теплое, время существенного значения;

б) сруб для здания, предназначавшегося для адм.-тех. персонала, канцелярии и амбулатории, в 11 отдельных комнат, с общей кухней, был возведен, но лишь в своей третьей части... застлан полами, обпото-лочен и разгорожен (на четыре отдельные комнаты);

в) склад, гараж и баня не возводились вовсе.

Таким образом, намечавшаяся ранее строительная программа в с. Дудинском была выполнена лишь частично.

Создавшееся положение было вызвано поздним прибытием лесоматериалов и артели плотников по независимым от Экспедиции причинам, связанным с Госпароходством. Плотники, приехавшие из Енисейска, успели возвести лишь барак для рабочих, дом же для адм.-тех. персонала ставился плотниками, прибывшими из Норильска для возвращения в Красноярск с нашим пароходом, удачно запоздавшим.

Все это хотя и стеснило, но все же позволило кое-как разместить сотрудников Экспедиции (частью в наших зданиях, частью же в помещениях, предостав-

ленных местными организациями). В дальнейшем рабочий персонал был брошен на достройку казармы, дома и гаража с мастерской, где были использованы разобранные баржи.

Непрерывные дожди настоятельно вынуждали срочно убрать с берега грузы в крытое помещение. Отсутствие склада вынудило использовать для этой цели недостроенные две трети дома, которые, после соответствующих плотницких работ, были приспособлены для хранения груза.

Первоначально грузы с берега в склад, на расстояние трех четвертей версты, перевозились при помощи трактора, на специально построенной нами здесь телеге грузоподъемностью до 300 пд.: в дальнейшем снег и морозы позволили использовать для этой цели привезенные Экспедицией сани. Всего таким образом было перевезено с берега до 15 000 пд. разного груза.

В ПРОЦЕССЕ ЭТИХ ПЕРЕВОЗОК УДАЛОСЬ ВПЕРВЫЕ НАБЛЮДАТЬ РАБОТУ ТРАКТОРОВ В УСЛОВИЯХ ЗИМЫ

Выяснилось, что, при неглубоком еще в то время снеге, трактор, по ровному месту, в состоянии везти не более 250–300 пд., подъем же в 15–20° брался трактором при грузе в 150–200 пд. Возможность перевозки груза, равного двойному весу самого трактора (450–500 пд.), не подтвердилась. Последнее объяснялось тем, что у привезенных нами саней, построенных согласно чертежей инж. Ветчинкина, полозья оказались слишком короткими и узкими. Была сделана попытка приделать к саням дополнительные, фальшивые, деревянные подполозья, но это не дало положительных результатов, т.к. последние, под тяжестью груза и сильного трения, лопались в самом непродолжительном времени. Отсутствие же под руками чего-либо более подходящего исключало возможность пренебречь привезенными санями и вынуждало мириться с их конструктивными недостатками.

НЕУСТОЙЧИВАЯ ПОГОДА, ТО СНЕГ И МОРОЗ, ТО ДОЖДЬ И СЛЯКОТЬ, ДОЛГО НЕ ДАВАЛА ПОЛНОЙ КАРТИНЫ РАБОТЫ ТРАКТОРОВ В УСЛОВИЯХ ЗИМНЕЙ ТУНДРЫ

В конце октября установившиеся морозы и наличие снега позволили трактору при одних санях, груженных до 300 пд., сделать в тундру первую пробную вылазку. Примерно в версте от с. Дудинского трактор с санями провалился в еще недостаточно промерзшее болотце, после чего с массой хлопот и усилий, при помощи рабочих и другого трактора, он был вытасчен. Наше желание поскорее использовать трактора для перевозки грузов в Норильск этим первым опытом было обречено, пока что, на неуспех. От начавших прибывать к этому времени из тундры инородцев выяснилось, что лед на озерах и болотцах по тундре и снег еще недостаточно крепки, почему и пришлось выжидать более благоприятного времени.

Вместе с тем, параллельно испытанию тракторов, возникали всякого рода сомнения, удастся ли вообще использовать их как средство транспорта в условиях тундры, а если и удастся, то в состоянии ли мы будем перебросить должное количество грузов к необходимым нам срокам.

ВСЕ ЭТО НЕ ПОДДАВАЛОСЬ КОНКРЕТНОМУ УЧЕТУ, ИБО ПРИХОДИЛОСЬ РЕШАТЬ ЗАДАЧУ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Ждать же первого пробега тракторов до Норильска и после этого делать соответствующие выводы было рискованно, т.к. в случае неудачи Экспедиция обрекалась на прозябание в с. Дудинском, а отсюда, естественно, следовал срыв ее работ, то есть катастрофа. Было над чем задуматься. Возник вопрос, как выходить из положения в том случае, если нельзя будет использовать трактора как средство транспорта. В этом случае при местных условиях единственное

спасение — оленный транспорт, для чего нужны, во-первых, средства, которые, кстати сказать, не были предусмотрены нашей сметой, а во-вторых, и самое главное — олени.

При подсчетах выяснилось, что с деньгами вопрос обстоит более-менее благополучно, и необходимую сумму, урезывая расходы по другим статьям в дальнейшем, удастся выкроить. Другое дело оленный вопрос, он, как в то время, так и сейчас, еще в большей мере трудно разрешимая задача.

В первых числах октября велись предварительные переговоры с гр-м с. Дудинского М.Х. Горкиным об аренде у него оленей. Двое саней были нагружены плахами для полов и потолков общим весом 550 пд. (Одни сани 250 пд., другие — 300), третьи сани — горючим в количестве 60 пд., смазкой, глицерином, денатуратом, запасными частями, цепями, тросом и прочим, необходимым в дороге имуществом. Кроме того, к этим же саням, как более легким, был подцеплен и чум (фургон на полозьях, обтянутый оленними шкурами, с установленной внутри него железной печкой, в котором во время пурги и остановок укрываются от мороза путешествующие по тундре).

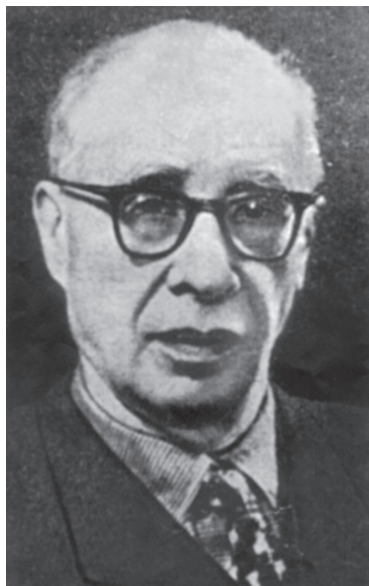
Теоретически рассчитывалось, что грузооборот тракторов с. Дудинское—Норильск и обратно будет совершаться в 6—7 дней при расходе на них от 60 до 80 пд. горючего с соответствующей пропорцией смазки и прочего.

Первый рейс, личным составом, был представлен в следующем виде: Н.Н. Урванцев, завтранспортом, два тракториста и электротехник, умеющий управлять машиной. В качестве водителей по тундре, знающих «землю» (дорогу), были приглашены абориген Горкин и инородец Васька Тынка.

Болезнь не позволила мне принять участие в этом, оригинальном по новизне, путешествии.

В дальнейшем план действий сводился к следующему: увезенные на оленях продовольственные и

прочие грузы создавали базу, дающую возможность переброски в Норильск части сотрудников, разместить которых можно было в старой казарме и доме для адм.-тех. персонала, сохранившихся от прошлых работ Экспедиции. Этих людей предполагалось перебросить в Норильск, по возвращении оттуда оленного каравана, чтобы к их прибытию туда уже были бы завезены тракторами лесоматериалы, потребные для достройки зданий силами перебрасываемой партии.

*Николай Николаевич
Урванцев*

Так как оленная дорога на Норильск от с. Дудинского до р. Косой пролегал непосредственно по льду р. Дудинки, решено было трактора, во избежание пролома льда под их тяжестью, пустить тундрой, вдоль берега этой реки. За р. Косой, которую трактора должны были в бродном месте пересечь в девяти верстах от д. М. Дудинское, уже шла оленная дорога, местами пересеченная озерами, 100 шт. оленей, по нашим расчетам, в течение зимы должны были перебросить в Норильск до 2000 пд. грузов, людей Экспедиции и обслуживать хозяйственные нужды рудника по перевозке дров, угля, торфа, воды, глины и прочего. Так как в то время трактора довольно успешно справлялись с перевозкой грузов с берега в склад, было целесообразно договор с Горкиным заключить незамедлительно, ибо, в случае неудачи с тракторами в тундре, цена за аренду оленей была бы им повышена, кроме того, местные торгорганизации,

нуждающиеся в оленнем транспорте, могли бы пере-хватить у нас этих оленей. Учитывая все это и принимая во внимание ряд других факторов, о которых речь будет дальше, договор с Горкиным был заключен 1 октября, хотя олени его в это время находились в тундре и время прихода их в район с. Дудинского было весьма проблематично.

ВСЕ ЗАВИСЕЛО ОТ ПОГОДЫ, ПАСТУХОВ, ВОЛКОВ И ДРУГИХ ПРИЧИН, «ОДНОМУ АЛЛАХУ ВЕДОМЫХ»

Договориться с кем-либо из инородцев о другой партии оленей в то время не представлялось возможным, т.к. все оленеводы были в тундре, а если кое-кто из них и появлялся, то сложно было учесть, насколько действительна наша потребность в оленях, да и большинство из оленеводов было уже связано договорами с торгорганизациями на вывоз груза факторий в тундру. Принимая же во внимание наличие специального транспорта тракторов, еще не проверенных работой в тундре, и отсутствие специального кредита на оленный транспорт, невольно приходилось откладывать разрешение этого большого вопроса на более или менее определенное время.

В последних числах октября установился санный путь, и на прибывших из тундры заарендованных у Горкина оленях была отправлена в Норильск первая партия продовольствия и прочего груза весом в 400 пд. Вслед за этим аргишом (оленный караван) предполагалось отправить на тракторах лесоматериалы для достройки зданий, возведенных летней партией в Норильске.

4 ноября, после предварительных испытаний по тундре в районе с. Дудинского, караван из трех тракторов, с прицепленными к каждому из них одними санями, выехал в Норильск. Озера предполагалось, если лед окажется недостаточно крепким, миновать обходами.

**ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПОСЛЕ УХОДА ТРАКТОРОВ
ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ИЗ НОРИЛЬСКА
ЗАВХОЗЯЙСТВОМ, СОПРОВОЖДАВШИЙ
ТУДА АРГИШ С ГРУЗОМ, О КОТОРОМ
СВОЕВРЕМЕННО УПОМИНАЛОСЬ, СООБЩИЛ, ЧТО
ТРАКТОРА ЕМУ НАВСТРЕЧУ
НЕ ПОПАДАЛИСЬ**

Предположение же, что трактора еще не перешли р. Косую, как-то не укладывалось в сознании, ибо ничтожность расстояния до р. Косой и продолжительность времени с момента их ухода, не давали повода допустить, что наш механизированный транспорт все еще где-то вблизи от нас, а не у цели, то есть в Норильске. Через пару дней выяснилось, что действительно наши машины все еще не пересекали р. Косую.

Вернувшийся на оленях Н.Н. Урванцев сообщил, что глубокий, рыхлый снег, скверная дорога с непрерывными ямами и подъемами чрезвычайно затрудняют продвижение тракторов. На подъемах часто приходится двумя тракторами вытягивать по очереди каждые сани; кроме того, поломки болтов, плиц и других мелких частей создают в условиях тундры и сильных морозов чрезвычайные трудности, отнимающие, непроизводительно, массу времени. Короткий же день усугубляет положение. Простывшие после ночи моторы не заводятся часами. Короче говоря, тысяча самых непредвиденных и порой ничтожных обстоятельств тормозят дело на каждом шагу. Однако он предполагает, что с переходом тракторов за р. Косую, на оленную дорогу, дело пойдет успешнее.

Наряду с этим были ссылки и на неудачную конструкцию тракторов сист. «Рено» и высказывались предположения, что трактора Обуховского завода сист. «Холт» были бы, несомненно, более удачными.

Мне, неспециалисту по двигателям внутреннего сгорания, тем более на гусеничном ходу и к тому же

в условиях полярной тундры, разумеется, трудно судить о достоинствах одних и недостатках других машин, но тем не менее, подходя к вопросу объективно, представляется, что дело здесь не в системе трактора, а в чем-то более существенном, о чем будет речь ниже. Как подтверждают соответствующие документы привлеченных в свое время Экспедицией экспертов-инженеров Ветчинкина и Кржовицкого трактора системы «Холт» и «Рено» имеют примерно одни и те же конструктивные достоинства, с той лишь разницей, что одна система несколько сильнее другой, в соответствии с чем и тяговая сила у них различна.

Причина, побудившая Экспедицию приобрести трактора сист. «Рено», — общеизвестна. Н.Н. Урванцев в свою очередь был тоже одним из инициаторов этого приобретения и если не явился фактическим исполнителем его, то лишь в силу того, что мы с ним в это время были вынуждены выехать по делам Экспедиции в гор. Красноярск, где с большим удовлетворением приняли сообщение Е.Г. Багратуни о закупке им тракторов сист. «Рено». Наши средства, как это всем хорошо известно было, позволяли в одном случае иметь один «Холт», в другом три «Рено». Столь большая разница в цене на эти две системы машин объяснялась тем, что в одном случае продукция была нашего производства, с дорогой себестоимостью, а в другом — заграничная, привезенная проф. Ф. Нансенom беспоплино как дар голодающим Поволжья.

После разговоров о том, что сейчас не время и не место спорить о качествах той или иной системы, а необходимо искать выход из создавшегося положения, пришли к выводу, что уже этот небольшой опыт с тракторами является достаточным предостережением к тому, чтобы расчеты по перевозке грузов в Норильск строить главным образом на оленях, а не тракторах, как это было до сих пор.

ВСЕ ВНИМАНИЕ ПРИШЛОСЬ СОСРЕДОТОЧИТЬ НА ОЛЕНЯХ

К этому же времени из тундры стали прибывать инородцы-долгане с небольшими стадами оленей, которых и удалось частично использовать. Так, с 10 до 15 ноября, частями, из с. Дудинское на оленях было отправлено около 1000 пд. груза, из коего основным — горное оборудование, в том числе и буровая вышка, предварительно сработанная в с. Дудинском, по случаю отсутствия в Норильске, для ее стройки, необходимых материалов.

15-го же ноября на арендованных оленях Горкина была отправлена в Норильск, во главе с Е.Г. Багратуни, первая партия людей в составе 30 человек. Из этой партии 6 горнорабочих предназначались для работ в штольне, 6 горнорабочих (они же плотники) сперва на постановку и сборку буровой вышки, с тем чтобы в дальнейшем перейти на горные работы. Затем буровые рабочие, горный техник, десятники, кузнец, молотобоец, слесарь, конюх, стряпухи-хлебопечки, кладовщик и чернорабочие.

Как Н.Н. Урванцев, так и Е.Г. Багратуни рассчитывал, что хотя горные и буровые работы несколько запаздывают и не сразу можно будет полностью использовать из-за отсутствия жилья в Норильске всех людей Экспедиции, тем не менее, учитывая квалификацию работников и норильский опыт в прошлом, выражали уверенность, что программу работ Экспедиции выполнят полностью. По мере же доставки в Норильск грузов будут постепенно закончены и строительные работы.

Учитывая абсолютную необходимость оборудовать в первую очередь лабораторию, решили весь лесоматериал, отправленный с тракторами, использовать на эти нужды. Размеры дома, предназначавшегося под лабораторию, позволяют использовать некоторую площадь его и под жилье из расчета на 12 человек, что и было очень кстати.

17 ноября от Н.Н.Урванцева, через проезжающих иностранцев, была получена записка с сообщением, что трактора находятся в 26 верстах от с. Дудинского, фактически же от р. Косой шли два-три дня всего лишь 3–4 часа в сутки, остальное же время непроизводительно стояли из-за трудности заправки машин и прочих непредвиденных обстоятельств, но дело пошло теперь лучше и поломок нет. Затем он просил послать горючего, т.к., судя по расходу, его может не хватить до Норильска, а тем более на возвращение обратно.

Наш оленный транспорт с людьми, ушедший 15 ноября, к этому времени догнал трактора, и Н.Н. Урванцев присоединился к нему, с тем чтобы ориентировать Е.Г. Багратуни в норильской обстановке.

Бочка с бензином на оленях была отправлена.

Неожиданно приехавший 28 ноября Н.Н. Урванцев рассказал, что наши люди благополучно добрались до Норильска и устроились. Работам сильно мешает пурга. Трактора же, не дойдя до Норильска 30 верст, стоят без горючего, за которым он, собственно, и приехал.

Еще две бочки бензина были отправлены на оленях.

В этот же день я впервые уехал в Норильск.

Возвращаясь назад к оленному вопросу, необходимо отметить, что он является одним из существенных факторов жизни полярной тундры.

ОЛЕНЬ РЕШАЕТ ЗДЕСЬ ВСЕ ВОПРОСЫ, БЕЗ ИЗЪЯТИЯ

Без него тундра — мертвая, недоступная человеку пустыня. Если взглянуть на оленное хозяйство местного края с точки зрения цифровых данных, то как будто бы положение более чем благоприятное. Аборигены уверяют, что край насчитывает до 60 000 голов оленей. Цифра более чем внушительная.

Местные торгорганизации строили программу вывоза в тундру 12 000 пд. груза, для чего потребно

не более 2500–3000 оленей, то есть одна двадцатая наличествующего количества. Между тем они, будучи прекрасно ориентированными в обстановке края, имея широкие и продолжительные связи среди инородческого населения, с чрезвычайным напряжением, едва-едва выполнили свою программу, причем часть оленей, на более близкие расстояния, совершила по несколько грузооборотов. Одна из факторий из-за отсутствия оленей почти ничего не вывезла и, разорившись, закрылась.

Рассуждая логически, казалось бы, что в данном случае имеется какая-то несообразность. Население тундры экономически само заинтересовано в соответствующем ассортименте товаров, из коих мука, сухари, чай, сахар, табак, мануфактура и т.п. продукты являются жизненно необходимыми. Стало быть, предпосылка существенная. Учитывая же то обстоятельство, что за перевозку своих грузов торгорганизации расплачиваются товарами (деньгами инородцы не интересуются), становится и вовсе непонятной эта инертность.

Само собой разумеется, что вся эта на первый взгляд несуразность имеет под собой вполне естественные социальные причины. Инородец, в лице долганина и в особенности самоеда, находясь на определенной стадии своего культурного развития, ведя преимущественно кочевой образ жизни, следуя за оленем в зависимости от времени года то на север, то на юг, беспрестанно меняя свое местожительство в зависимости от пастбища для оленя, который дает ему кров, одежду и пищу, естественно, не разделяет взглядов культурного европейца о способах использования его оленного хозяйства.

Будучи до последней степени ограничен в своих потребностях и всецело зависим от оленей, инородец предпочитает все потребное для него получать от европейца не за труды по перевозке грузов, а в обмен на пушнину и прочие продукты тундры. Наряду с

этим есть еще целый ряд причин, изложение коих слишком загромодило бы настоящий доклад. Все это, в совокупности взятое, надо полагать, собственно и вынудило в свое время Н.Н. Урванцева искать выхода из положения и в конце концов остановиться на гусеничных тракторах как на единственном средстве тяги, с помощью которых по полярной тундре возможны перевозки грузов.

ИТАК, 28 НОЯБРЯ Я ВЫЕХАЛ В НОРИЛЬСК

Н.Н. Урванцев остался, с тем чтобы с отправляющимся на следующий день грузовым аргизом догнать трактора, доставив им еще две бочки бензина.

Пробыв в Норильске пять дней, я выяснил, что все помещения, пригодные под жилье, заняты на 100 %, следовательно, пока трактора не доставят лесоматериалов, о переброске сюда еще людей не может быть и речи. Предполагали, что машины, снабженные горючим, будут в Норильске в первых числах декабря. К этому же времени Горкин, работавший на руднике, должен был выехать в с. Дудинское за людьми и грузом.

Подготовительные горные и буровые работы едва двигались из-за пуржливой погоды, коротких дней и других причин. В штольне надо было предварительно проделать частичную крепежку — Е.Г. Багратуни опасался, что трещиноватые породы при взрывных работах могут обвалиться. К установлению буровой вышки еще не было приступлено по следующим причинам: место буровой скважины, намеченной еще осенью в с. Дудинском согласно указаниям И.Ф. Григорьева и по его карте, оказалось в условиях зимы труднодоступным. Крутые склоны горы, покрытые затвердевшим, скользким снегом, были едва доступны для человека. Попытки поднять часть буровой вышки к месту работ оленями не увенчались успехом. Строили подъемный вороток для затаскивания груза на специально сконструированных для

этой цели санях, при помощи троса. Материал для устройства воротка частями, в разобранном виде подымали люди с помощью каната.

ВСЕ СКЛАДЫВАЛОСЬ КАК НЕЛЬЗЯ ХУЖЕ

На каждом шагу самые неожиданные трудности и препятствия. Возник вопрос, как будем в дальнейшем выходить из положения с момента начала буровых работ, когда встретится необходимость снабжать вышку топливом и в особенности водой, которой, в случае трещиноватости породы, может потребоваться неограниченное количество.

Осмотр угольного месторождения был также малоутешителен. Расположенный на расстоянии до двух верст от рудника, он труднодоступен в том смысле, что дорога к нему пролегает непосредственно по ручью, загроможденному крупными камнями, не везде покрытыми снегом. Вывоз отсюда угля – дело довольно сложное. Н.Н. Урванцев заверил, что Угольный ручей будет вскоре занесен снегом настолько, что по нему можно будет ходить даже на тракторах.

Вода имеется ближе, на расстоянии версты, но отсутствие достаточных перевозочных средств (две лошади) может и здесь создать немало хлопот. Принимая же во внимание, что уголь, дрова и вода потребны также в хозяйстве, рассчитывать много на лошадей не приходится.

Наряду с этим часть вышки и бурового оборудования, отправленные нами из с. Дудинского в десятых числах ноября с одним из инородцев, к этому времени в Норильск не прибыли.

Дело в том, что инородец, подряжаясь перевозить грузы Экспедиции за соответствующую плату товарами, смотрит на это, как на своего рода с его стороны одолжение, совершенно ни к чему его не обязывающее, в силу чего предъявлять к нему каких-либо жестких требований не приходится. В противном случае он предпочтет вовсе отказаться от перевозок.

Это, волей-неволей, вынуждает соглашаться на все, лишь бы только грузы не лежали в с. Дудинском, а двигались в Норильск.

ИНОРОДЕЦ ЛЮБИТ «ГОСТЕВАТЬ»

Бросив свой груз на полдороге, он налегке разъезжает за десятки, а порой за сотни верст. Заведующий хозяйством В.А. Корешков, бывавший здесь в прошлом, сообщал мне факты, когда груз на оленях из с. Дудинского до Норильска шел по два месяца, в то время как нормально он идет 4–5 дней. В сущности, какое дело инородцу, что у тебя «горит» и что он везет груз, который решает вопросы чрезвычайной важности? До его сознания все это дойдет не сегодня и завтра... А «гостевал» он вчера, «гостюет» сегодня и завтра будет «гостевать», и никакая сила сегодня не заставит мыслить его иначе.

Н.Н. Урванцев и Е.Г. Багратуни считали, что, хотя обстановка для работ создается и чрезвычайно серьезная,

НЕТ БОЛЬШИХ ОСНОВАНИЙ БЕСПОКОИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ЭКСПЕДИЦИЯ НЕ УСПЕЕТ ВЫПОЛНИТЬ ПРОГРАММУ

Времени в нашем распоряжении, до осени, немало. Впрочем, Е.Г. Багратуни к этому времени выражал уже некоторые опасения за буровые работы: три последующие скважины оборудовать вышками будет еще сложнее. Кроме того, теоретически трудно было учесть, как в данной, незнакомой ему породе будет протекать бурение. За горные работы он не беспокоился. Все эти рассуждения были более или менее обоснованны. Осталось учесть, какими перевозочными средствами мы располагаем и на что, вообще, можем рассчитывать в этом отношении. Трактора к этому времени находились в 16 верстах от Норильска. Вопрос с помещением для лаборатории должен был решиться в ближайшие дни. Для оборудования му-

фельной печи и горна необходимо перебросить из с. Дудинского 2000 шт. кирпича, что составляет груз весом в 500 пд. Его решили перевезти вторым рейсом тракторов.

Надо присовокупить интересную деталь: русские печи, необходимые для выпечки хлеба, сохранившиеся в Норильске от прошлой Экспедиции, с течением времени несколько поразрушились, одну надо было совсем переукладывать, другую немного подремонтировать. Дело, казалось бы, небольшое: печник есть, кирпича привезли из Дудинского, работы на пару дней... Оказывается, заминка с глиной — ее нет в Норильске, она имеется лишь в 18 верстах. Разыскивается инородец, имеющий оленей, знающий ее местонахождение и т.д. И... через две недели мерзлая глина, по 25 коп. за пуд, привозится в Норильск. В дальнейшем предстоит кладка еще новых печей, и лабораторных, следовательно, глину для них будем возить по 25 коп. с пуда за 18 верст, а песок (и его в Норильске нет) по 1 руб. с пуда за 100 верст из Дудинского. Все это мелочи, конечно, но когда на «мелочь» натыкаешься на каждом шагу...

К этому времени в Норильск было 1000 пд. груза перевезено инородцами и 400 пд. Горкиным. Через Горкина, единственного человека, при содействии которого можно относительно быстро и определенно договориться с инородцами, выяснилось, что они 16–17 декабря поедут вторично за нашим грузом в Дудинское, предполагая поднять не менее 600 пд. Раньше этого срока ехать не соглашаются, т.к. олени устали и требуют отдыха, да и к тому же темная пора с пургами и сильными холодами их не устраивает выездом сейчас.

ДЛЯ БОЛЬШЕЙ ЯСНОСТИ СТОИТ ОСТАНОВИТЬСЯ НА ЗДЕШНЕЙ ПУРГЕ, ТАК КАК ОТ НЕЕ ЗАВИСИТ МНОГОЕ

Мне рассказывал Горкин, что его брат с аргишом был однажды в тундре застигнут пургой. Как в таких случаях и полагается, оленей распрягли и пустили пастишь. Олень во время пурги и сильного мороза зарывается в снег. Люди спрятались в чум. Проходит день, два, неделя, вторая, а пурга все не стихает. Из-за отсутствия дров сожгли сперва одни сани, затем вторые и т.д., до тех пор, пока уже не стало чего жечь. А пурга все еще не утихает. Наконец, съели все продовольствие, и умирающие с голода, в неотапливаемом чуме, продолжали ждать в неизвестности. По истечении месяца пурга прекратилась. Полуживые люди поплелись искать оленей, а их и след простыл. Ни саней, ни оленей, кругом мерзкая снежная тундра, до ближайшего жилья десятки верст...

Обеспокоенный продолжительным отсутствием брата, Горкин поехал на розыски и, случайно найдя, спас их от неминуемой смерти.

Сейчас, правда, такой длительной пурги не наблюдается, но зима еще впереди, да и короткие пурги для наших работ явление малоутешительное, тем более на горе, где должны устанавливать вышку. Малейший ветерок, и с горы, попросту выражаясь, приходится улепетывать, иначе снесет ветром, а при неудаче разобьет о камни. Вообще же работы на открытом воздухе при морозе в 40° и ниже, да еще при ветерке, дело весьма сомнительное. Короче говоря, что в нормальных условиях делается в день, здесь зимой не укладывается зачастую в неделю. Отсюда соответствующий вывод о продуктивности работ и т.д. и т.п.

Летние условия мне пока неизвестны, о них речь будет в свое время.

Итак, Горкин может поднять третьим рейсом, кроме второй партии, человек 12 (врач, бурмастера

и рабочие), еще 240–260 пд. груза. Этим, собственно, и ограничивались наши реальные возможности на ближайшее время. Высказывались предположения, что с наступлением более светлой поры инородцы станут сговорчивее и хотя бы небольшими партиями, понемногу в течение зимы вывезут наш груз. Большие надежды возлагались на самоедов, которые с крупными оленными стадами должны были вскоре перекочевать с севера в наши широты. Имелось в виду взять у богатых самоедов оленей «кортом» (аренда всех оленей натурой, вне зависимости от падежа, хищения волком и т.п.). На иных условиях получить у самоеда оленей не представляется возможным, т.к. он продает их в исключительных случаях и в минимальном количестве. Для наших же перевозок необходимо по меньшей мере 300 голов.

После всех этих рассуждений и предположений я вернулся в Дудинское, отчасти из-за отсутствия в Норильске для меня жилья.

**ХОТЯ ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ МОЕГО
ВОЗВРАЩЕНИЯ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ
В ТОМ, ЧТОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ МЕСТНЫМ
ВЛАСТЯМ В ЛИЦЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВИКА
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯТЬ ОЛЕНЕЙ,
ЗАВЕРБОВАННЫХ ЭКСПЕДИЦИЕЙ**

Дело в том, что оленный кризис ставил также и торгорганизации, расквартированные в с. Дудинском, в критическое положение. Началась борьба за оленей, и пошла писать губерния. ВИК решил бразды оленного вопроса взять в свои руки и занялся их распределением и перераспределением. Приходилось быть настороже, потому я и предпочел оставаться пока в Дудинском.

На днях у меня были самоеды во главе с «князем» орды, имеющим несколько тысяч оленей, — сколько именно, он и сам не знает. Был оказан подобающий «княжескому сану» гостя прием, с чаепитием «до седы-

мого пота» и прочими атрибутами. Кормить и поить чаем приходится всех инородцев, тех же, в коих заинтересован, в особенности. В противном случае с ними ни до чего не договориться — обидится, не станет разговаривать и уйдет. Ну а «князь» и тем более.

При содействии уполномоченного Туруханского УИсполкома и других лиц, сведущих в инородческих делах, повели «дипломатические» разговоры об оленях для Экспедиции «кортом» и на мясо. После нескольких часов этих переговоров выяснилось, что на мясо кое-что получить можно будет, а относительно 300 оленей «кортом» — дело сложнее, т.к. хотя оленей у «князя» и много, но процент обученных ходить в запряжке невелик, и нужного количества оленей он один самостоятельно предоставить нам не сможет. Кроме того, необходимо обождать, когда съедутся другие самоеды, после чего и будет видно, что они совместными усилиями сумеют дать нам. О цене и прочих условиях обещал уведомить через Горкина, которого и просил прислать для окончательных переговоров.

ЗНАТОКИ УВЕРЯЮТ, ЧТО ОЛЕНЕЙ У НЕГО ДОСТАТОЧНО, НО БЕЗ СПИРТА НИ ДО ЧЕГО НЕ ДОГОВОРИТЬСЯ

Теперь жду Горкина, он со дня на день ожидается из Норильска.

12 декабря получил от Н.Н. Урванцева записку, в которой он уведомляет о благополучном, наконец, прибытии 8 декабря тракторов в Норильск, поломок не было. Трактора в последний день прошли 12 верст, предварительно бросив одни сани, нагруженные запасными частями, и повели лишь двое саней с плахами и чумом. Все трактора сцепились в кильватерную колонну, и это настолько облегчило движение, что по глубокому снегу машины не буксовали и не проваливались. Е.Г. Багратуни сообщает, что работы двигаются довольно медленно, мешает непрекращающаяся пурга и непродолжительность светлого

времени (всего 3–3 1/2 часа). С прибытием тракторов у них настроение повысилось. Затем просят прислать хотя бы одну бочку бензина для вывоза угля из Угольного ручья.

Тут же отправили три нарты с грузом, в том числе и бочку с бензином.

Сегодня 15 декабря, а Горкина еще нет. Вероятно, задерживается из-за погоды, все время стояли 40-градусные морозы, температура доходила до -47° при сильном ветре. Сейчас стало теплее: -25° .

Прошлый раз, отправляя людей в Норильск и экономя оленей, аргиш снарядили без чумов, которые требуют для запряжки каждого из них от 4 до 6 оленей. Люди при морозе в 36° четыре ночи ночевали в палатке, отапливаемой железной печкой. К счастью, стояла тихая погода. В случае пурги могли произойти большие неприятности. Сила ветра здесь бывает настолько сильна, что палатку сорвало бы через несколько минут. Люди в тундре без крова во время продолжительной пурги обречены на гибель.

По рассказам Е.Г. Багратуни, на следующий день по прибытии партии в Норильск поднялась такая пурга, что дом, построенный из тяжелого лиственного леса, потрясало (он даже беспокоился за его целостность). В дальнейшем, как бы ни было велико желание «сэкономить» оленей, людей без чума отправлять не буду.

ВЫРАЖАЯСЬ ОБРАЗНО, «СИДИМ У МОРЯ И ЖДЕМ ПОГОДЫ»

Перспектива, как на ближайшее время, так и на дальнейшее, самая неопределенная. Можно все, что угодно, предполагать, рассчитывать, гадать и ворожить, но абсолютно ничего нельзя утверждать. Оперировать, собственно, нечем. Необходимые данные отсутствуют.

ВСЕ ПОКРЫТО МРАКОМ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Суммарно потребное к переброске в Норильск количество грузов выражается в следующих цифрах:

1. Лабораторного имущества	1000 пд.
2. Строительного материала (необходимого для окончательной достройки зданий)	5000 пд.
3. Продовольствия и хоз. материалов	4000 пд.
4. Горючего (для буровых работ, осветительных нужд и др. целей)	2000 пд.
5. Прочих грузов	1000 пд.
Всего	13 000 пд.

Чтобы поднять в один прием, потребовалось бы 3000–3500 оленей. Осуществить это, конечно, невозможно. Следовательно, вывозить будем частями, в зависимости от наличия оленей. На трактора если и можно рассчитывать, судя по первому пробегу, то лишь в минимальной степени, не больше как на две-три поездки, да и к тому же при том расходе горючего, которое они потребляют, бензина у нас хватит ненадолго. В случае же если и в дальнейшем с оленями будет продолжаться заминка, то от перевозки всего груза придется отказаться, сократив до минимума строительные работы и размещая людей, елико возможно, поплотнее. Далее, сократив еще все остальное, до возможных пределов, «сэкономим», вероятно, на треть, а быть может, и больше свои грузы.

Все это надо будет проделать до мая, т.к. в мае оленеводы откочевывают на север и остаются лишь небольшие партии местной бедноты. Кроме того, в летнюю пору олень в состоянии везти всего лишь один пуд полезного груза.

Во время пребывания в Норильске интересовался у Н.Н. Урванцева, как будем выходить из положения осенью, когда надо будет с людьми и некоторым грузом возвращаться в Дудинское. Решили: еще весной — снегом все лишнее и ненужное отправить в Дудинское, а осенью, захватив личные вещи, техни-

ческие пробы, колонки и т.п., аргировать две трети пути на оленях, а затем на лодках. Груза будет примерно 300–400 пд., здоровые пойдут пешком, слабые и больные — на оленях. Чтобы поднять все это одновременно, необходим минимум 400–500 оленей, или на две ездки по 200–250 оленей. Пока что можем рассчитывать на 100 оленей Горкина, есть надежда получить некоторое количество у долган Норильской орды или, если удастся, у самоедов. Хорошо, если на зиму и лето не случится какой-либо эпидемии на оленей, она косит их порой сотнями и тысячами. Тогда наше положение будет почти безвыходное.

СЕГОДНЯ, 16 ДЕКАБРЯ, НАКОНЕЦ ПРИЕХАЛ ГОРКИН

Сообщает, что дела в Норильске идут тихо, мешает пурга. В штольные работы уже начались, буровая вышка все еще не устанавливается, т.к. только недавно удалось, после долгих усилий, укрепить стойки для воротка, барабан для него хотели устанавливать на следующий день (после его отъезда). Е.Г. Багратуни пишет, что в Норильск можно прислать еще 22 человека, помещение для них уже имеется. Стали комбинировать с завхозом, сколько и какого груза в первую очередь необходимо сейчас же отправлять. Выходит, что по требованию из Норильска необходимо отправить туда все, и притом в первую очередь.

С Горкиным пришел инородец. У обоих всего 27 нарт (грузовые сани грузоподъемностью 20 пд. везутся четырьмя оленями). Если послать 22 человека, то на остающихся нартах не увезти и десятой доли того, что необходимо отправить «вне всякой очереди». Решили отправить 12 человек, а нарты использовать под груз. К тому же чум, который на сей раз посылаем, не в состоянии вместить большого количества людей, чум же Горкина битком забит проводниками.

Помимо всего этого количество зимних походных костюмов (сокуй, парка, бакари, тяжи и т.п. —

одежда и обувь из оленьих шкур, мехом внутрь и наружу, без которых даже инородец не рискует выехать зимой в тундру) у нас весьма ограниченное, достать же их здесь сейчас в достаточном количестве невозможно. По возвращении Горкина в Норильск оттуда должны выехать к нам за грузом инородцы, о которых я уже упоминал, с ними будут отправлены остальные 10 человек. Поручил Горкину по возвращении в Норильск разыскать «князя» и совместно с Н.Н. Урванцевым и Е.Г. Багратуни договориться с ним об оленях. Уверяет, что без спирта ничего не выйдет. Разрешил сообщить, что кроме товара будем давать и спирт. Не срывать же на самом деле из-за этого работу Экспедиции.

Между прочим, сегодня Горкин рассказывал, что один из норильских долган, объезжая на днях свои капканы, снял с них 17 песцов, что по местным ценам составляет 500–600 руб. Вот и заставьте такого инородца возить на оленях грузы, когда без особых трудов или, вернее, трудясь на родном и приятном поприще, он в несколько дней обеспечивает себя всем необходимым на всю зиму. Для нас это очень скверное «предзнаменование». Промысел на песца в этом году очень хороший — торгорганизации потирают от удовольствия руки. На всех не угодишь. Интересы наши не совпадают.

КТО БЫ МОГ В МОСКВЕ ИЛИ ЛЕНИНГРАДЕ ПОДУМАТЬ, ЧТО УСПЕХ ГОРНОРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ЗАВИСИТ И ОТ ПЕСЦА...

Переходя к заключительной части своего доклада, предварительно считаю необходимым оговориться, что все излагалось, быть может, несколько пространно и с некоторыми повторениями вполне преднамеренно, дабы несведущему в местной обстановке дать хотя бы некоторую возможность ориентироваться и, более или менее правильно, взвесить все обстоя-

тельства, связанные с работами Экспедиции. Конечно, многие детали, не поддающиеся учету, но тем не менее весьма ощутимые, дабы еще в большей степени не загромождать доклада, мною опущены. В дальнейшем же придется к некоторым еще вернуться.

Взвешивая объективно всю совокупность создавшегося положения, приходишь к далеко не утешительным выводам. Не имея возможности конфиденциально излагать некоторые соображения (доклад отправляется почтой), все же, между строк, считая своевременным кое-что сообщить теперь же, Вам и Геологическому Комитету расшифровать это будет просто.

И.Ф. Григорьев и Ю.В. Лепешинский, уезжая осенью в Москву, делали нам доклад о своих летних работах, оперируя цифровыми выкладками. Н.Н. Урванцев, насколько я его понял, с данными И.Ф. Григорьева не совсем был согласен. Если наши разведывательные горные работы подтвердят данные И.Ф. Григорьева, то в этом случае, по моему глубочайшему убеждению, вряд ли будет иметь смысл в дальнейшем эксплуатация месторождения. Даже в том случае, если масштаб его окажется значительно шире (конечно, многое будет зависеть от процентного содержания и способа обогащения полуфабриката), учитывая экономические, транспортные, климатические, бытовые и прочие условия, связанные с разработкой месторождения, нахожу, что это дело требует предварительной и очень тщательной проверки. Месторождения же, разведанные Н.Н. Урванцевым этим летом восточнее Норильска, в районе озера Лама, как еще более удаленные от водной артерии (р. Енисей) и вовсе являются, на мой взгляд, недоступными.

**В САМОМ ДЕЛЕ, ВОЗЬМЕМ
ТРАНСПОРТНЫЙ ВОПРОС: ЕСЛИ ДАЖЕ
ПРЕНЕБРЕЧЬ ТАКИМ «ПУСТЯКОМ»,
КАК 2000 ВЕРСТ ВОДНОГО ПУТИ И 3000 ВЕРСТ
ЖЕЛ. ДОРОГИ (УРАЛ — ГДЕ ВЕРОЯТНЕЕ ВСЕГО
ПОЛУФАБРИКАТ МОЖЕТ ПЕРЕРАБАТЫВАТЬСЯ),
ТО КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ТУНДРУ?**

Этот вопрос и по сей день остается открытым. Конечно, не «Рено» здесь виновато, «Холт» также вряд ли оказался бы покорителем полярной тундры (кстати, Алдан-золото в этом году взяло несколько «Холтов», там, правда, не тундра, но некоторая аналогия с нашей обстановкой есть, интересно было бы выяснить, как там работают машины). Учитывая опыт с тракторами «Рено», безусловно, можно будет создать более удачную конструкцию трактора и сани, приспособленных к местной обстановке, а при массовых перевозках в десятки и сотни тысяч пудов груза организовать между Дудинским и Норильском промежуточные базы-мастерские, где машины смогут снабжаться, ремонтироваться и совершать грузооборот не на все 100 верст, а в более коротком звене — и т.д. и т.п.

**ВСЕ ЭТО, КОНЕЧНО, ОБЛЕГЧИЛО БЫ
И УПРОСТИЛО ТРАКТОРНУЮ ПРОБЛЕМУ,
НО КАК БЫТЬ С ПУРГОЙ? А ГЛАВНОЕ,
ВО ЧТО ВСЕ ЭТО ОБОЙДЕТСЯ?**

Будет ли экономическая целесообразность использовать такой транспорт? Малейшая поломка и неисправность машины в тундре отнимает дни и недели в то время, как в нормальных условиях это требует минуты или часы. Труд тракториста в этих условиях также вопрос немаловажный.

**ЗА ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ДНЕЙ СВОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ИЗ ДУДИНСКОГО В НОРИЛЬСК ТРАКТОРИСТЫ, ПО
ИХ ОТКРОВЕННОМУ ПРИЗНАНИЮ,
«УТРАМБОВАЛИ» ДОРОГУ КРЕПКИМ СЛОВОМ,
РУГАЯ СЕБЯ, МАШИНЫ
И СТИХИЮ, ЧИСТОСЕРДЕЧНО ЗАЯВЛЯЯ,
ЧТО В БУДУЩЕМ ИХ НЕ ЗАМАНИШЬ
СЮДА И КАЛАЧОМ**

Надо отдать им должное — публика оказалась на редкость добросовестная и выносливая. Машина требует в этих условиях в особенности тщательного ухода за ней, для чего необходим постоянный обслуживающий персонал. Частая смена последнего не замедлит сказаться на машине. Иметь в этих условиях постоянный персонал — дело наверняка невозможное. В подтверждение к сказанному могу сообщить некоторые факты, которые характеризуют этот немало важный вопрос:

а) Нанимая, совместно с Н.Н. Урванцевым, в Красноярске плотников и чернорабочих для летних работ в Норильске, мы были заинтересованы в том, чтобы часть из них, в том числе и шесть плотников, остались зимовать. Все отъезжающие наперебой просили каждому из них устроить возможность зимовки, мы решили, что этот вопрос выяснится в Норильске, где будет виднее, кто чего заслуживает. Н.Н. Урванцев обещал по радиотелеграфу сообщить мне, кого из них он оставит на зиму.

**ЭТОЙ ТЕЛЕГРАММЫ Я НЕ ПОЛУЧИЛ,
А ПО ПРИЕЗДЕ В ДУДИНСКОЕ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО
НИКТО ИЗ НИХ ОСТАВАТЬСЯ НЕ ХОЧЕТ**

б) Туруханский исполком, имея в своем распоряжении специальные ассигнования на содержание врача и ветеринара, при окладе в 300 р. каждому из них, в течение двух лет не может найти охотников работать в Туруханске.

в) Красноярский соцстрах, учитывая обстановку и условия работ в Экспедиции, отказался страховать членов Экспедиции.

Уже сейчас, можно сказать с уверенностью, из всех участников настоящей Экспедиции процент желающих остаться на вторую зимовку самый минимальный. Осенью он, вероятно, сведется к нулю. А ведь такое сложное и ответственное дело, как будущие разработки Норильского месторождения, требует некоторого количества рабоче-технического персонала в интересах дела, несменяемого в течение более или менее продолжительного периода.

Итак, ни олени, ни трактора не являются тем средством, на которое можно было бы положиться. Остается железная дорога. На этом вопросе я не буду останавливаться, он описывается в книге Н.Н. Урванцева «Норильский каменноугольный район». Полагаю, что если это дело и возможное, то по своей дороговизне доступное лишь при очень солидных разработках месторождения. Конечно, небезынтересно ознакомиться с материалами ж.-д. изыскания, проделанного Комитетом Северного морского пути в 1920 г. по маршруту Дудинское—Норильск.

О ЕНИСЕЙСКОМ ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ

Тоннаж его ограничен до последней степени — еле справляется с выпадающими на его долю местными задачами. Несмотря на то, что мы с Н.Н. Урванцевым еще весной текущего года договорились в Красноярске с Госпароходством о переброске летом грузов Экспедиции в Дудинское, все же немало было хлопот и забот впоследствии. Наши грузы запаздывали, благодаря чему с домами и получилась такая канитель. Объемистый груз, как сено, дрова, скот и т.п., перевозят в ограниченном количестве.

С дровами сейчас у нас в Дудинском большая заминка. Привезли их всего лишь 12 саж., сожгли не менее сорока, в данное время уничтожаем строитель-

ный материал. Если трактора вскоре не привезут угля из Норильска, то мы очутимся в безвыходном положении.

ПРИ ЗДЕШНИХ МОРОЗАХ ТОПИТЬ ПРИХОДИТСЯ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

После ночи, к утру, температура в жилье близка к нулю.

Лампы горят круглые сутки — выгорает в день до двух пд. керосина.

Во избежание недоразумений сообщаю несколько запоздавшую справку о том, что местные власти в лице ВИКа при всем своем добром намерении помочь Экспедиции в оленном вопросе не могут. До настоящего времени ВИК сам не в состоянии отправлять в тундру медперсонал и культбазу. В недалеком прошлом ПредВИКа решил было в виде гужевой повинности поручить «князю», о котором я уже упоминал, привезти для нужд Волисполкома 10 саж. дров из леса, находящегося в 16 верстах от Дудинского. «Князь» наотрез отказался выполнить это распоряжение, и никакие угрозы ареста и т.п. ни к чему не привели.

ДЛЯ «КНЯЗЯ» ЗАКОНЫ НЕ ПИСАНЫ

Отсутствие самой минимальной почтовой связи с центром вынуждает уже теперь, пользуясь «оказией», коснуться некоторых вопросов дальнейшего, освещение коих при нормальных условиях можно было отложить на некоторое время. К сожалению, ни Н.Н. Урванцев, ни Е.Г. Багратуни, из-за их отсутствия, не могли воспользоваться этой возможностью, дабы со своей стороны информировать центр и высказать свою точку зрения по вопросам, мною затронутым (что я считаю абсолютно необходимым, так как, не будучи специалистом горного дела, могу допустить ту или иную ошибку в своих выводах).

Чем бы ни закончились работы Экспедиции, полагаю, что в дальнейшем могут быть два основных варианта:

Первый. Экспедиция осенью 1926 г. ликвидирует свои дела совсем или на более или менее продолжительный срок.

Второй. Осенью 1926 г. месторождение начнет эксплуатироваться.

При первом варианте все имущество в Норильске придется оставить, ибо осенью его вывезти оттуда будет невозможно. Является вопрос: кому поручить хранение этого имущества? В одном случае таковым лицом может явиться один из сотрудников Экспедиции (на что рассчитывать очень трудно). В другом — кто-либо из инородцев. В обоих случаях необходимо предусмотреть в сметах Геолкома, которому, надо полагать, будет принадлежать имущество Экспедиции, необходимые средства для содержания человека...

Юридически я, как начальник Экспедиции, обязан буду сдать имущество на хранение сторожу по соответствующим приемо-сдаточным ведомостям. При стороже-европейце это выполнимо, при инородце же — невозможно, если бы даже передачу производила комиссия. Ведь если инородец и поставит на ведомостях свое «танго» (родовой знак, заменяющий подпись), то фактически нельзя будет предъявить ему юридических требований, а посему прошу указаний, как поступить в данном случае.

Из с. Дудинского же имущество увозится нами или будет оставлено.

В первом случае необходимо договориться заблаговременно об этом с Госпароходством, т.к., возвращаясь с низовья осенью, переполненные рыбаками и рыбой пароходы могут отказаться от погрузки не только грузов, но и людей Экспедиции.

Во втором случае в с. Дудинском нужен сторож, он же уполномоченный Экспедиции для регулирования вопросов центра с местными властями и органи-

зациями. Его также надо предусмотреть сметой, с окладом в 80 руб. Доверенный человек в с. Дудинском абсолютно необходим, т.к. в случае продолжения работ на Норильске с лета 1927 г. он должен будет еще зимним путем, по радиотелеграфному распоряжению из центра, забросить для летних работ в Норильске имущество и продовольствие. Раньше эта обязанность возлагалась на гр. М.Х. Горкина, однако он предполагает осенью переехать в Красноярск на постоянное жительство. В местных советских и торговых организациях публика временная, вследствие чего на нее рассчитывать не приходится. Впрочем, осенью будет виднее, сейчас сказать что-либо определенное невозможно.

При втором варианте, в случае, если возглавляющий эксплуатацию месторождения будет не из участников настоящей Экспедиции, то по местным условиям ему или его уполномоченному надлежит приехать сюда с первым пароходом, чтобы успеть принять от меня имущество в с. Дудинском и в Норильске.

Считал бы целесообразным, если в течение зимы трактора окончательно покажут свою несостоятельность, отправить их летом 1926 г. обратно в Красноярск или куда найдете необходимым. Людей же, обслуживающих их, и тех, кто окажется к лету лишним, рассчитать к первому пароходу, что даст некоторую экономию.

Согласно колдоговору с Красноярским райкомом Союза горнорабочих, расчет с рабочими Экспедиция должна произвести в с. Дудинском полностью, в противном случае мы оплачиваем рабочих за время их пути до Красноярска полной ставкой. Необходимо к 1 сентября 1926 г. иметь здесь солидную сумму наличных денег, размер ее определить сейчас очень трудно, ибо все зависит от масштаба сдельных и прочих работ и забора сотрудниками, в счет жалованья, у Экспедиции предметов потребления. Во всяком случае, эта сумма не превысит нашу пятимесячную потребность,

предусмотренную ведомостью распределения кредитов Экспедиции на 1925–1926 гг., высланную нами из Красноярска в Мосгеолком осенью текущего года. Эта сумма для удобства расплаты должна частью состоять из мелких денег, но от меди и серебра необходимо отказаться, ибо емкость ее и в бумаге будет приличная (с небольшой дорожный чемодан).

КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕНЬГИ ЛУЧШЕ ДОСТАВИТЬ СЮДА?

Почтовое ведомство, за неимением здесь своего отделения, этого не сделает. Способов несколько.

Первый. Экспедиция первым пароходом, отходящим из Дудинского в средних числах июля, командует в Красноярск доверенное лицо. Это просто, но нежелательно: сотрудники, коим можно поручить это ответственное дело, будут необходимы нам здесь, да и вообще выполнение этого поручения одним человеком крайне рискованно: внезапная болезнь, сон и прочее могут вызвать потерю денег. Надежнее, когда оно будет возложено на несколько человек.

Второй, и наиболее целесообразный. Для полноты картины и всестороннего освещения мною затронутых вопросов и по целому ряду других причин, кои сами возникнут в процессе наших дальнейших работ, было бы рационально предписанием из центра, еще зимним путем (примерно в середине марта), вызвать с соответствующими материалами Н.Н. Урванцева, поручив одновременно Е.Г. Багратуни осветить его точку зрения по этим вопросам. Все это даст, на мой взгляд, те необходимые данные, на основании коих центр может сделать соответствующий вывод. В этом случае, возвращаясь летом в Норильск, вероятно, не в единственном числе, Н.Н. Урванцев сможет одновременно захватить с собой необходимую сумму денег.

И, наконец, третий. Деньги привозятся непосредственно из центра лицами, кои будут сюда командированы, если это окажется необходимым.

В последних двух случаях деньги необходимо задержать в Москве, т.к. в Красноярске они могут быть получены только по моей доверенности.

На этих днях посылаю в Мосгеолком телеграмму с просьбой не переводить деньги с нового года в Красноярск.

Разумеется, что после перепечатывания настоящего доклада копия его будет отправлена с первой оказией в Норильск для ознакомления с его содержанием Н.Н. Урванцева и Е.Г. Багратуни.

*Начальник Экспедиции
П.С. Аллилуев*

Вот и все... Много десятилетий минуло с тех пор, как экспедиция Аллилуева—Урванцева (думаю, правильнее так ее называть, ибо административное руководство — это еще не все, а Николай Николаевич, официальный заместитель начальника, оставался руководителем по научной части, по геологическим вопросам) прибыла в Дудинку.

Только прочитав этот документ, секретное донесение начальника экспедиции, начинаешь приближаться к пониманию того, какая «битва в пути» разразилась в ведомстве Ф.Э. Дзержинского — не чекистском, а в высшем хозяйственном органе страны — перед отправкой команды П.С. Аллилуева в невероятную даль, на Таймыр. Что, в конце концов, продиктовало решение, собрав все скромные ресурсы, направить экспедицию в Норильск. Точнее говоря, в горы Норилья, так называлось это место, но, по законам языка, на штампе в левом верхнем углу первой страницы перепечатанного на машинке текста выделяются слова **Норильская экспедиция**.

Выше — «Президиум Высшего Совета народного хозяйства». Ниже: «Геологического комитета» (наркомата, Министерства геологии еще не было). Надеюсь, теперь понятно, что у противников быстрого освоения (точнее, продолжения разведки недр в районе)

было куда больше аргументов, чем у сторонников Норильска. И тут считаю нужным лишний — нелишний! — раз воздать должное человеку, фамилия которого и через 70 лет отнюдь не на слуху. Ему — под очередным «Секретно» — адресована резолюция высокого чиновника, начертанная, как это делается и сегодня, под углом в 45 градусов (по штампу и началу текста):

«А.К. Гедовиус. Прошу дать для ознакомления членам Норильской комиссии. (Вот во что вылилась схватка на высшем уровне — продолжать или не продолжать расходование денег неизвестно на что. — А.Л.)

В ближайшем заседании Норильской комиссии, которое надо созвать не позже 10 марта (1926. — А.Л.), сделайте доклад о ходе работ экспедиции по телеграммам и этой записке, а также по ходу анализов и обработке материалов в комитете, по возможности, с предварительными выводами экономического свойства.

Установите состояние с денежными средствами на экспедицию — что (слово не разобрал. — А.Л.) необходимо будет израсходовать. Если надо, свяжитесь для этого с Н.В. Соколовым (?) и с экспедицией. Выскажите и ваши соображения о способе снабжения деньгами, о чем пишет т. Аллилуев.

Прошу также обсудить для введения в смету вопрос о ликвидации работ...»

Подпись — М. Пригоров или Л. Тригоров — не столь важна (скорее всего референт В.М. Свердлова, родного брата первого председателя ВЦИКа). Что же касается адресата, то его роль в норильской истории неоценима. Альфред Карлович Гидовиус (доверимся в написании фамилии Урванцеву), начальник геологоразведочных работ Геолкома, добравшись летом 1926-го до Норильска и осмотрев месторождение, сказал «да» детальному его изучению и доразведке. Скрупулезно подсчитав экономические возможности (при добыче в год всего 1 миллиона пудов руды, двойном удорожании работ против ожидаемых расходов и продаже за границу 550 тонн белого штейна), Гидовиус получил итог, который не мог не произвести

должного впечатления в Москве: около 200 тыс. руб. прибыли в золотой валюте.

Это явно был незаурядный специалист, который «видел сквозь землю». К сожалению, благословив Норильск, вскоре ушел из жизни. Его, как видно из текста, основной оппонент, Иосиф Федорович Григорьев (1890–1949), судя по дате, дожил до осознания ошибочности своих взглядов на Норильск и, видимо, сделал немало для геологии, коль стал академиком. Но не для Норильска.

Вот такое драматическое столкновение научных идей и позиций. Донесение Аллилуева, несомненно, яркий документ эпохи и доказательство сказанного выше.

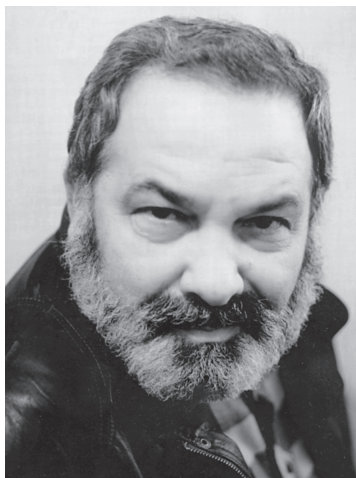
Возможно, следовало кое-что в тексте прокомментировать, но было бы неуважением к читателю, к примеру, объяснять, что слово «инородец» не несет в данном тексте обидного смысла, а содержит буквальный — человек иного происхождения, рода. Надеюсь, и без комментария ясно, что автор (может, сказался среднеазиатский опыт войны с «басмачами»?) наделен дипломатическими способностями — определенной хитрецей, даром психолога, трижды осторожен в выражениях: а вдруг документ будет рассекречен?

Нельзя исключить вероятность того, что прочитанный вами документ объективно сослужил немалую службу не только Норильску (хоть автора не отнесешь к оптимистам в отношении судьбы месторождения), но и лично Павлу Сергеевичу. Вскоре начался лондонско-берлинский этап его деятельности.

Документ напечатан с некоторыми сокращениями и разбивкой на части с выделением предложений в качестве подзаголовков.

*Подготовил к печати
А. Львов*

Анатолий Львович Львов

Анатолий Львов:

*«Мерз сорок пять лет мне
кажется, что Завенягин долгие
годы жил рядом, мало кого
представляю столь живо...»*

Кто-то примет за выдумку, но на эту фамилию — Завенягин — я обратил внимание в могучем прочтении нашего знаменитого диктора. Левитан передавал по радио первую скорбную весть после Новогодья — она не могла не привлечь, как и странное имя, редкая фамилия; но еще больше удивило другое: такой заслуженный человек, похоронят на Красной площади, а я его не знаю...

Через сорок пять лет мне кажется, что Завенягин долгие годы жил рядом, мало кого представляю столь живо, помню дни рождения его дочери (попробуй забыть первый день весны!) и даже правнучки, но никогда не держал в руках, к примеру, личного дела А.П. Завенягина. Столько «дел» листал и перечитывал — давно понял: доверять им нужно весьма умеренно. Если кому-то было нужно — путали следы, выкрадывали свидетельства, придумывали фантастические сюжеты своих и чужих биографий. Завенягин же занимал такое место... даже не в иерархии, а, скорее, в лабиринтах власти и так долго держал в своих руках, в своем сейфе, в памяти, в мозгу столько высших государственных тайн, так просвечивался, прослушивался и подслушивался, что даже теоретически ничего интересного для биографа в личном деле героя остаться не могло.

Впрочем, слегка увлекаюсь. Могло и, как теперь знаю, кое-что осталось. Не Молотов, а сам Завенягин предложил в письме предсовнаркома Норильск в качестве своей временной работы (слово «ссылка», понятно, не употреблял). Не сомневаюсь, кстати, что А.П. Завенягин причастен к наведению «порядка» и ликвидации «компромата» на себя, начиная с принимавшей опасный оборот ситуации в Магнитогорске (на нее вовремя отреагировал Орджоникидзе), а то и с 20-х годов.

Короче, документов я видел немного, исключение — норильский период. Эти сохранились почти случайно (особая история). Зато повезло на встречи с теми, кто хорошо знал А.П. Завенягина. Некоторые оставили воспоминания независимо от меня, другие выполнили «задание», посчитав его своим долгом, третьих не хватило на письменную работу (возраст, болезни, малая грамотность), но сохранившаяся память, цепкий взгляд, умение передать личностные особенности старого знакомого — друга, приятеля, соседа, начальника, оппонента — добавили штрихи к портрету.

Услышав о Завенягине, по существу, в день его ухода (мне было почти двадцать), не мог предположить, что предстоит прожить с первого рабочего дня до пенсионного возраста ...рядом с ним (да и на улице его имени!). Рядом — не преувеличение, если в трудовой книжке, в любой справке, в характеристике для поездки за границу, на пакете с кефиром, в застолье, на вечере в Центральном Доме литераторов (с председательствующим Симоновым ли, Робертом Рождественским, с их постоянным замом Рябчиковым, молившимся на Завенягина, — тот спас его и благословил на первую книжку о Норильске) — везде пропечатано, видимо, слышимо это имя, давно переставшее звучать странно, с фамилией, которая уже не кажется редкой...

Как Завенягин стал моей журналистской темой? Естественно! — самый простой ответ, но не полный. Сначала надо было проникнуться интересом к таймырской земле, к ее истории, ее героям (чего стоит один Миддендорф!). Потом вдруг выяснилось, что из гостиницы, где я поселился, не так уж давно, года два, как съехал Н.Н. Урванцев с женой.

— Тот самый? Чей домик стоит на Нулевом пикете?

— Тот самый.

— Так и прожил здесь с 1921 года?

— С 1919 года. Но с перерывами... Он же здесь сидел.

— Где?

— В лагере. А потом Завенягин попросил его задержаться в Норильске, чтобы не оголять геологическую службу. Ибо Воронцова Авраамий Павлович отправил в Чехословакию — увеличить урановые запасы.

С Александром Емельяновичем Воронцовым я встретился на его даче под Москвой в 1967 г. Тогда же побеседовал (чуть пораньше и в Норильске) с Ланой Дубровской, уполномоченной бюро пропаганды советского кино, до войны — экономистом Норильскстроя. Ее-то начальник, Василий Павлович Бусыгин (не по кино, а по стройке), пожалуй, первым попытался рассказать о своем норильском начальнике — Завенягине. Когда волею судеб я оказался в многотиражке «Норильский строитель», это 1962-й, начало Талнаха, туда прислал рукопись Бусыгин, и мне поручили редактирование. Я ее назвал, лучше выдумать не мог, повестью о настоящем человеке. Главы «Завенягин в Норильске» увидели свет. Их основным недостатком было стремление автора к художественному освоению материала. Себя он называл Яковлев, скромно, однако это сбивало с толку, ибо, как я слышал, инженер Яковлев существовал и реально...

Слава Богу, герою Василий Павлович фамилию сохранил, как, чувствовалось, и привязанность к нему, благодарность и уважение. Возможно, некоторые страницы, не менее 40–50, вы читали. Увы, в книжке «Авраамий Завенягин» они лучшие, но на обложке имени Бусыгина нет. Как и среди списка того, что использовали продолжатели его дела Д. Алкацев и Ж. Трошев, кому я предложил использовать повесть В.П. Бусыгина из добрых побуждений и с благими намерениями.

Так начиналась «тема навсегда». Долго не считал ее своей, как и «Норильлаг»: были живы и в силах поведать о пережитом сотни норильчан. На моих глазах их ряды таяли, десятки превратились в единицы, но и они стали отмечать 80-, а то и 90-летия. Эти даты, как и очередные юбилеи Норильского комбината, 60 лет со дня появления Завенягина в Норильске, 100-летие со дня его рождения, заставили работать. Но еще больше, безусловно, дарованная (уже, к сожалению, скукоженная) свобода печати и огромное количество непрофессиональных и даже неотредактированных творений по норильской истории. Характерная реплика симпатичного и способного репортера ТВ:

— Ну дают эти норильчане: комбинат до сих пор носит имя начальника лагеря!

Очень симпатичный. Ни-че-го не читал...

А. Львов

*Памятник А.П. Завенягину в Норильске.
Когда-то он стоял на площади, носящей его имя.
Ныне он установлен в управлении
ОАО «ГМК «Норильский никель»*

1901–1937

УЗЛОВАЯ: НАЧАЛО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БРАТА ЗАВЕНЯГИНА

ИВАНА ПАВЛОВИЧА СЛЕПЦОВА

Родители, по каким-то своим причинам, ожидали появления на свет девочки и имя будущему ребенку подобрали уже женское. Появление мальчика вызвало растерянность. Отец, войдя в комнату, где находились мы, дети, попросил дать ему настольный календарь (издание Сытина). В календаре приводился большой перечень православных имен.

Первым по алфавиту стояло имя «Авраамий». Накануне этих дней отец читал книгу о смутном времени в России (1606–1618), где восхвалялась патриотическая деятельность келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына.

— Ну вот, — сказал отец, — в честь Авраамия Палицына и назовем сына Авраамий, — и убежал в комнату матери.

О «ЗАНЕВАГИНЕ» И ПРОЧЕМ

ИЗ ЗАМЕЧАНИЙ ЮЛИЯ АВРААМИЕВИЧА ЗАВЕНЯГИНА

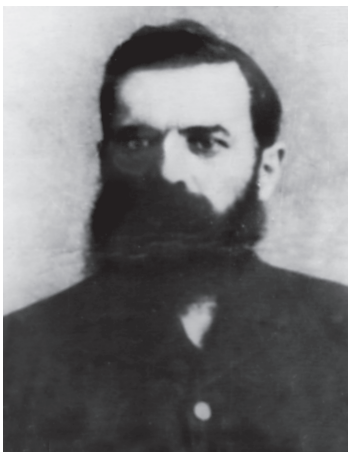
Может быть, нелишне коснуться и происхождения фамилии Завенягин. Вот что я сам слышал от дедушки Павла Устиновича в 1938 г. Отец (а может быть, дедушка) Павла Устиновича ездил с обозом в Петербург. Вернувшись, он много рассказывал о городе на Неве и получил прозвище Заневагин. Постепенно трансформировалось в фамилию Завенягин...

...Любопытный штрих к портрету А.П.З. Мой отец всегда с величайшим уважением относился к дедушке Павлу Устиновичу.

*Пелагея Владимировна
Завенягина*

*Павел Устинович
Завенягин*

Меня в детстве всегда удивляло, что отец обращается к дедушке на «вы» и по имени и отчеству (ведь я с отцом был на «ты», и не только с отцом, но и с дедом!). Дедушка Павел Устинович был человеком очень умным (хотя и малообразованным), очень справедливым, бескомпромиссно справедливым, очень скромным, тактичным. Он презирал всякие излишества и был человеком суровым, очень крепкого характера, и только меня, своего внука, баловал подарками.

...Следует упомянуть, что А.П.З. нежно любил свою мать (именно любил, тогда как в его отношении к отцу примешивалась изрядная доля уважения).

...Жена и двое детей приезжали к нему в Норильск в 1939 и 1940 гг. Причина того, что А.П.З. не взял с собой в Норильск семью, была простой. Его дочь (моя сестра) Женя, которой в 1938-м исполнилось два года, тяжело болела в начале года (дифтерит с осложнением). После болезни у нее долгое время прослушивались сильные шумы в сердце. Отец боялся за ее здоровье, думал, что в условиях Севера оно может ухудшиться.

Другая причина состояла в том, что отец не хотел ломать мне учебу в 8–10 классах...

...Моя мать познакомилась с отцом на митинге в Юзовке, на котором он выступал с речью. Митинг этот был траурный в связи с гибелью (от махновцев) отряда юзовских коммунистов и рабочих... Я сам часто слышал от отца и от старых товарищей отца, работавших с ним в Юзовке, рассказы о многих эпизодах борьбы, которая велась с махновцами.

Авраамий Павлович с сестрой Марией. 1919 г.

СТАРОЖИЛЫ ХВАЛЯТ И УЛЫБАЮТСЯ

ИЗ ЗАПИСАННОГО В.Н. ЛЕБЕДИНСКИМ

Подошла пора Авраамию учиться. В Узловой для детей работали две школы: одна называлась церковноприходским училищем, а вторая — железнодорожная общеобразовательная школа с пятигодичным сроком обучения, в нее и поступил Авраамий.

В 60-х годах в городе Узловая удалось разыскать нескольких старожилов, помнивших Авраамия Завенягина. Здесь начали собирать материалы для музея, и выяснилось, что учитель Илья Федорович Черкасов и заведующий школой Алексей Васильевич Смирнов хвалили за успехи и прилежание Завенягина. А вот Мария Ивановна Зоркова, которая училась вместе с Авраамием в одном классе и сидела за партой впереди, рассказала, что Авраня не таким уж и тихоней был. Бывало, он незаметно привязывал косы Маши Зорковой к парте и ждал, когда учитель вызовет Машу...

Конечно, Мария Ивановна, теперь уже пожилая женщина, рассказывала все это с доброй улыбкой — Авраня нравился ей, несмотря на шалости.

ИСТИНЫ РАДИ И ТОВАРИЩЕСТВА

Л.П. РАССКАЗОВ, ОДНОКЛАССНИК

«Мы с Авраамием находились в гардеробе, когда вошел инспектор и обвинил меня в том, будто я курил. Я только что вошел! Завенягин вступился за меня. И в это время зазвенел звонок. Перемена окончена. Инспектор предложил мне остаться после занятий. Авраамий, надеясь убедить инспектора в моей невиновности, остался тоже. Но разубедить инспектора, конечно, не удалось. Строгий страж порядка наложил наказание и на Завенягина. Авраамий знал упрямство инспектора, но ради объективной истины, чтобы оправдать товарища, готов был на многое. Таким он был в юные годы, таким же принципиальным остался на всю жизнь». Далее

Леонид Петрович пишет, что учился Завенягин хорошо, прилежно, увлекался математикой, физикой и литературой. Под его руководством был организован литературный кружок, где велись беседы, в частности о важнейших событиях в жизни страны.

НИКАКОГО ШКОЛЯРСТВА!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.Н. ЗАВЕНЯГИНОЙ

Он как-то прислал из Старобельска с шофером короткое письмо: «Приезжай». Говорю водителю: «Но там же банды кругом!» Он отвечает: «Товарищ Завенягин не велел без вас возвращаться. Чего боитесь? Нам проскочить-то нужно небольшой участок. В кабине есть пулемет — отстреливаться будете». Невестам тоже приходилось нелегко.

...Лекции, книги становились для него праздником. И не беда, что мы теснились в маленькой комнате общежития, не беда, что максимально приглушенный свет часто горел всю ночь: ни мне, ни сыну он не мешал. Маленькие праздники мужа были и нашим счастьем... Очень аккуратный и исполнительный во всем, что касалось учебы (да и, впрочем, всего остального), муж никогда не шел на экзамен,

А.П. Завенягин. 1916 г.

А.П. Завенягин. 1918 г.

если не знал хоть одного вопроса — переносил сдачу. Случалось, друзья недоумевали, пожимали плечами, даже ругали: «Пошел бы — и обязательно сдал!» А он в свою очередь недоумевал: «Зачем?» Он не только не принимал ученичество или школярство — он искренне их не понимал.

СДЕРЖАННОСТЬ, ТЕРПЕЛИВОСТЬ, УЧТИВОСТЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Л.И. БРАГИНСКОГО

Что было характерно для Завенягина — это его редкая сдержанность, немногословность, исключительная вежливость и учтивость в обращении с людьми; и, насколько я заметил, он был добр и очень терпим в отношении отдельных людских слабостей, если это не касалось сугубо принципиальных вопросов.

В состав бюро Юзовского уездного комитета партии того времени входили Иван Гаврилович Макаров, большевик с 1906 г., директор Юзовского металлургического завода; Федор Иванович Зайцев, имевший партстаж с 1915-го; Роман Яковлевич Терехов, член партии с 1912 г.; Чугурин, член партии с 1902 г., и другие. Самым молодым в комитете был его секретарь Завенягин... И эти старшие товарищи самым серьезным и внимательным образом прислушивались к его выступлениям, предложениям и, как правило, соглашались с ним. Не потому, что он подавлял их авторитетом секретаря — об этом не могло быть и речи! А потому, что его предложения всегда были разумно аргументированы, обоснованы и деловиты.

...Квартира Завенягина представляла из себя несколько пустых холодных комнат, почти совсем необставленных... На столе лежала какая-то окаменелость, которая, очевидно, неделю назад называлась ломтем хлеба... Но было время суровое, время военного коммунизма, когда этим бытовым фактам меньше всего придавалось значения...

РЕДАКТОР

— Ну какая у меня биография? Репортер, литературный сотрудник, редактор — профессии, о которых у нас не пишут, — так ответил Авраамий Павлович корреспонденту «Известий» Илье Дубинскому-Мухадзе, пришедшему к нему взять интервью.

Газетчиком Авраамий Павлович был недолго. Несмотря на это, он считал свою деятельность в газете не менее значимой, не менее важной, чем, скажем, в металлургическом секторе ВСНХ СССР на посту его начальника. В свое время Завенягин сделал «Диктатуру труда» боевитой газетой, наступательной по духу. Как ему это удалось?

— Говорите народу всю правду в лицо, — поучал новый редактор «старых» газетчиков.

В руках Авраамия Павловича печатное слово являлось верным и сильным средством воздействия на широкие слои трудящихся.

Товарищи по перу пророчили Завенягину судьбу газетчика. Другие дела его захлестнули вовсю, но любовь к журналистике сохранил он на всю жизнь.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. ЕМЕЛЬЯНОВА.

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР

СТУДЕНТ-ПРОРЕКТОР

Завенягин прибыл в Горную академию из Донбасса, где он работал секретарем Юзовского укома. С юных лет у него была склонность к организационной работе и большие способности к ней. Позже они раскрылись полностью.

Окончив обучение в Горной академии, Завенягин буквально через несколько дней был назначен директором Гипромеца — огромного института по проектированию новых металлургических заводов и реконструкции старых заводов Украины и Урала. Затем его назначили директором Магнитки — крупнейшего металлургического завода страны. Магнитогорский завод он проектировал, строил и затем руководил его работой.

В конце 30-х годов он был послан за Полярный круг, где строил Норильский металлургический комбинат и возводил город Норильск.

Строительство и реконструкция многих заводов и создание новых производств в нашей стране связаны с именем Завенягина. Но талант организатора ярко проявлялся в нем уже в студенческие годы. Он вошел в ту руководящую группу, которая взяла на свои плечи все формирование нового учебного заведения, налаживание политической работы среди студенчества.

...В 1922 г. при выборах ректора началась борьба. Мы выдвинули кандидатом в ректоры Ивана Михайловича Губкина — группа реакционно настроенных студентов во что бы то ни стало хотела провалить его кандидатуру.

...Губкин был избран ректором. Вести дела в академии одному, без помощи, было невозможно. Помимо ректорства в академии Губкин работал в ВСНХ, где руководил всей нефтяной промышленностью.

На следующий же день после избрания ректором он обратился за помощью в партийную организацию, попросив выделить из числа студентов для помощи ему кандидата в проректоры.

Выбор пал на Завенягина — студента первого курса. Ему пришлось все студенческие годы помимо выполнения всего учебного плана нести тяжелые обязанности проректора.

Холодные, пустые, запущенные помещения бывшего мещанского училища необходимо было превратить в аудитории, химические, физические, металлургические лаборатории, создать минералогический музей и приобрести все приборы и экспонаты, необходимые для нормального учебного процесса.

Достать каждый прибор и станок в то время было проблемой. Денег у академии не было, и нечего было рассчитывать на их получение.

*Горная академия.
А.П. Завенягин. 1924 г.*

Мне вспоминается, как он нашел решение трудной задачи — достать необходимые средства на оборудование лабораторий института.

Завенягин попросил Губкина собрать руководящий научно-преподавательский состав академии и обсудить положение.

Я это совещание хорошо помню. Профессор Григорович предложил мне прийти на него вместе с ним — он был заведующим лабораторией электрометаллургии, а я — единственным штатным сотрудником.

Иван Михайлович Губкин, открывая совещание, сказал:

— Средств для оборудования лабораторий нет, и рассчитывать на их получение в ближайшие годы нереально.

И своим сильно окаяющим ярославским говорком он закончил:

— Ищите заказы, выполняйте работы для промышленности и на заработанные деньги приобретайте оборудование для лабораторий. Установим такой порядок: сорок процентов от выручки пусть берут себе те, кто выполнял работы, а шестьдесят процентов можно расходовать на приобретение оборудования. Если мы как следует поработаем, то можно будет создать хорошие лаборатории. У нас есть главное — головы и руки.

Я знал, что за этим предложением стоит Завенягин, — он говорил мне об этом задолго до совещания. Он советовался со многими из работников академии и искал пути решения трудной задачи.

Когда решение о заказах и порядке расходования средств было принято, Завенягин приступил к практической деятельности. Он вызывал людей, ходил по лабораториям, звонил по заводам и на пустом месте стал создавать один за другим очаги кипучей деятельности. Академия буквально превратилась в какой-то муравейник — все пришло в движение.

Через несколько месяцев в пустовавших ранее помещениях появились станки, приборы, разного рода приспособления и устройства для проведения работ по обогащению угля, графита, руд. Начались плавки свинца, латуни, ферросплавов. Появились установки для электролиза алюминия.

Началась полнокровная жизнь, и всей этой деятельностью руководил двадцатидвухлетний студент-проректор Авраамий Павлович Завенягин — будущий заместитель Председателя Совета Министров СССР.

«ГОТОВ ЛЕЧЬ КОСТЬМИ»

Как-то, просматривая в архиве личные дела студентов Горной академии, я взял дело студента Завенягина. В те годы студенты при поступлении заполняли анкету. Среди многих ее вопросов был и такой: «Ваше отношение к Советской власти?» На него отвечали по-разному: «Сочувствую», «Признаю», «Я член РКП (б), и это определяет мое отношение». В анкете А.П. Завенягина было написано: «Готов лечь костями». И в этом был он весь. Всей своей деятельностью он подтвердил то, что в юношеские годы написал в анкете.

«ВОЮЮ ЗА КАДРЫ!»

Когда его назначили директором Гипромеза, дела там обстояли очень плохо. Сроки выполнения проектных работ затягивались, что ставило в трудное положение строящиеся заводы. Со всех концов страны шли одна за другой... тревожные телеграммы: «Отсутствие технической документации срывает начало строительных работ». Однажды в газете «За индустриализацию» я увидел приказ Орджоникидзе, в котором Завенягину за необеспечение строительства металлургических заводов технической документацией объявлялся выговор с опубликованием его в печати. Прочитал приказ и Авраамий Павлович, нахмурился и сказал:

— Не успели назначить, а уже выговор... Сегодня же вечером поеду к Серго, буду просить об отставке.

...Через день он вернулся... Своего хорошего настроения он не мог скрыть, да, по-видимому, и не хотел.

— Был у Орджоникидзе?

— Конечно был!.. Увидев меня, Орджоникидзе подошел, поздоровался, положил мне руку на плечо и спросил: «Ну как дела, Завенягин?» — «Неважно, товарищ Серго. Работа, вероятно, не по плечу. Да ведь вы сами ее уже оценили, выговор мне объявили. По всей видимости, мне не справиться с этим делом».

Серго убрал руку с плеча, слегка толкнул меня вперед и, обращаясь к присутствующим, сказал: «Посмотрите на этого молодого человека! Его Серго обидел, а он на Советскую

власть не хочет больше работать!» Я было к двери, а он: «Нет, Завенягин, подожди. А при чем здесь, Завенягин, Советская власть? Ты вот на что ответь мне!»

Потом, показывая на стул, сказал: «Садись!» Я сел. «Рассказывай, в чем у тебя основные трудности?» Говорю: «Конструкторов не хватает, чертежники перегружены». — «Сколько тебе дополнительно народа нужно?» — «Около двухсот человек». — «Так ты войуй за них. Сходи в Ленинградский обком, там поговори. Да поговори так, чтобы тебя и в Москве было слышно. Теперь тебе, Завенягин, терять нечего. Выговор у тебя есть, и об этом знает вся страна. Два выговора сразу, один за другим, не дают. Воспользуйся случаем — шуми, стучи кулаками, требуй. Говори там, в Ленинграде, что этот выговор дали не тебе, а всей ленинградской организации. Как, мол, вы могли допустить то, что молодой специалист начал свою деятельность с выговора? Поезжай назад в Ленинград и войуй за кадры, за план. Ну и я тоже поговорю с обкомом, попрошу их помочь тебе. Желаю удачи, Завенягин!»

Через две недели в Гипромез было направлено с ленинградских предприятий около 180 новых работников. Через три месяца положение с технической документацией было выправлено, и в газете «За индустриализацию» появился новый приказ Орджоникидзе, которым снималось наложенное на Завенягина взыскание.

А ВДРУГ ЧТО-НИБУДЬ ПУТНОЕ!

...Директором Магнитогорского завода был тогда Авраамий Павлович Завенягин. Он был чрезвычайно инициативный и упорный человек. Если уж что-нибудь задумал, то не было, казалось, ни доводов, ни силы, которые заставили бы его изменить свою точку зрения.

К своим решениям он приходил путем глубокого анализа всех доводов «за» и «против». Он мог подолгу, внимательно выслушивать людей, тщательно взвешивать все их аргументы, никогда не обрывая собеседников. Совещания, которые он проводил, были длительными. Мне казалось, что нельзя так долго выслушивать порой очень скучные и нудные, а иногда и просто глупые речи.

— Надо же дать человеку высказаться, а может быть, он что-нибудь и путное скажет, — смеясь, говорил он иногда мне, когда мы вместе возвращались с таких длительных и утомительных совещаний.

«ВЫ НАДЕЕТЕСЬ НА СЕБЯ?»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БРАТА А.П. ЗАВЕНЯГИНА ИВАНА
ОБ ОТЦЕ — ПАВЛЕ УСТИНОВИЧЕ ЗАВЕНЯГИНЕ

Отец... не употреблял спиртных напитков, не курил. Упорный и смекалистый в работе, постоянно учился... Во взаимоотношениях с другими был скрупулезно честным. Не терпел подлости, двурушничества, разгильдяйства в работе. На проступки того или иного сослуживца указывал прямо в глаза, но делал это мягким тоном, дабы не обидеть человека.

Другое дело — в семье. Тут он был тверд, как кремень, и его слово было законом для всех членов семьи. Отец считал себя морально обязанным дать каждому из детей образование согласно способностям каждого. А за учебу в те времена приходилось платить. Поэтому в семейных расходах соблюдалась строгая бережливость.

...Когда Павел Устинович в августе 1933 г. узнал о назначении сына директором Магнитки, он промучился две бессонные ночи и все-таки решил без предупреждения выехать в Москву. В душе он гордился Авраамием (хотя в жизни слова ему об этом не сказал), был рад, что сын окончил академию, руководил проектным институтом, заводом в Каменке... Но Магнитка?!

Нарком Г.К. Орджоникидзе убедил Завенягина: «Потянешь!» Назначение одобрил И.В. Сталин...

А обеспокоенный отец спрашивал сына с пристрастием:

— Вы надеетесь на себя?.. Может быть, лучше отказаться, пока не поздно?

Они проговорили далеко за полночь, называя, как и всегда, друг друга на «вы».

МЕТАЛЛУРГИ — НАРОД С ГОНОРОМ

ИЗ РЕЧИ Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ НА XVII СЪЕЗДЕ

«Магнитку» ведут товарищи Завенягин и Клишевич — вот два наших инженера и вместе с ними вся молодежь, которая там работает. Они ведут и вели «Магнитку» и в 40-градусные морозы, и вели неплохо. При 35 градусах мороза они пустили четвертую домну и прекрасно развили ее. А я помню, инженер фирмы «Мак-Ки» убеждал, уговаривал меня ни в коем случае домну зимой не пускать. «Если нет никаких политических соображений, пожалуйста, этого не делайте, — говорил инженер Хайвен в 1931 году, — потому что она погибнет». В отношении первой домны он оказался пророком, мы ее загубили. Но загубили благодаря нашей плохой работе, а четвертую домну при 35-градусном морозе пустили наши молодые инженеры, и домна работает хорошо.

Значит, уже появились новые кадры. Это наше огромное завоевание... А металлурги у нас народ с большим гонором: когда нового человека к ним посылаешь, будь то хозяйственник, будь то инженер, — они сразу спрашивают: «А какой у вас металлургический стаж?» — «А на кой черт ваш большой стаж, когда вы плохо работаете?»

Когда мы послали товарища Завенягина на Магнитогорский завод, коммуниста-инженера, его украинцы знают как хорошего партийного работника и во время гражданской войны, казалось бы, его должны были встретить на Магнитогорске как следует. Спрашивают, какой его металлургический стаж? Стаж у него маленький, потому что его мамаша поздно родила (смех), а дела у него неплохие (аплодисменты). Кстати, и стаж металлургический у него уже немалый.

САД

А.П. ЗАВЕНЯГИН. «ВОСПОМИНАНИЯ.
ЗАМЕТКИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ»

...Мой сад на Магнитке был если не первым, то, во всяком случае, одним из очень-очень немногих на Урале. В 1952 г., через 15 лет после отъезда из Магнитки, я летел в Красноярск. Я целый день посвятил осмотру города, комбината и... посаженного мною сада. Какой разросся! Деревья были усеяны плодами. Мне многое вспомнилось...

ВЫГОВОР С ЗАНЕСЕНИЕМ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЯНА ОТТОВИЧА ДАРГАЙСА

Ректором академии был профессор И.М.Губкин, управляющим делами работал Авраамий Павлович Завенягин, являясь одновременно студентом металлургического факультета. С Авраамием Павловичем я близко познакомился на общем партийном собрании. Нагрузка у него была большая — учеба, административная и общественная работа. Он почти беспрерывно был членом бюро парторганизации академии, а одно время — его секретарем.

...В 1933 г. узнал, что Авраамий Павлович работает директором Магнитогорского комбината. А осенью того же года приказом Серго Орджоникидзе часть аспирантов, в том числе и я, были направлены на Магнитку. После узнали, что Авраамий Павлович лично составил список и просил наркома откомандировать нас к нему.

...Однажды мы вместе с А.П. Завенягиным за-

А.П. Завенягин. 1934 г.

шли в контору начальника смены. Авраамий Павлович взял журнал, попросил лист бумаги и стал подсчитывать, сколько в среднем каждый экскаватор отгружает горной массы, сколько метров бурят бурстанки. Подсчитал и подытожил, что руднику не хватает двух экскаваторов и четырех бурстанков. И начал нас пробирать за то, что мы сами не сделали этот подсчет. «Оборудование я запрошу у наркома, — сказал Завенягин, — но оно, конечно, не поступит сюда ни завтра, ни послезавтра. Тем не менее домны обеспечить рудой вы обязаны».

Мы принимали все меры, чтобы увеличить добычу руды: часто устраивали субботники, очищали пути от снега и т.д.

Секретарем горкома партии тогда был Ломинадзе. Он узнал, что Завенягин запросил для рудника дополнительное оборудование. Был созван пленум горкома с участием партактива. Авраамий Павлович заболел, на пленуме не присутствовал. Ломинадзе очень резко обрушился на Завенягина за то, что он запросил дополнительное оборудование, когда, мол, и имеющаяся техника используется плохо. Он предложил записать выговор Завенягину. Я выступал тогда и возражал Ломинадзе: сначала надо выслушать объяснения Завенягина, а потом решать вопрос, заочно вообще нельзя выносить наказание. Не помню точно, но кажется, что выговор Завенягину все же занесли.

Через месяц рудник получил два экскаватора, несколько буровых станков. С пуском их в работу произошел перелом. Но не только оборудование решало вопрос. Коллектив рудника тоже начал работать с двойной энергией. Росла техника, росли кадры, росло умение управлять этой техникой.

НИКОГО НЕ ПРЕДАЛ — НИ В БОЛЬШОМ, НИ В МАЛОМ

Собственно, конфликт с новым наркомом, назначенным на этот пост после В.И. Межлаука, стал назревать почти сразу же. На одном из первых проводимых им совещаний — о газогенераторах — нарком прервал выступающего и спросил Завенягина:

— Вы согласны с тем, что говорит товарищ?

— Нет, не согласен.

— А почему молчите?

— Привык выслушивать людей до конца.

— Один ерунду порет, другой молчит! Выучились, а теперь молчите?! Выучили вас!

Возмущенный и постановкой вопроса, и тоном разговора, Завенягин не сдержался, ответил резко. Так они первый раз «не сошлись характерами». Не сошлись, похоже, и методами руководства.

«Последней каплей» в цепи беспочвенных придирок стали события, связанные с крупнейшим геологом страны, академиком И.М. Губкиным. Нарком предложил поддержать его собственную точку зрения о Губкине как ученом... бесперспективном, нерационально, а порой и преступно тратящем народные деньги на геологоразведочные работы.

Настойчивое предложение наркома переполнило чашу завенягинского терпения. Завенягин хорошо знал Ивана Ми-

А.П. Завенягин. 1937 г.

А.П. Завенягин. 1937 г.

хайловича лично. В Горной академии он не пропускал ни одной лекции ректора, каждая из которых была открытием удивительного, неведомого мира (не случайно вся профессура Москвы съезжалась в академию слушать Губкина). Завенягин, выбранный товарищами проректором академии, часто встречался с Иваном Михайловичем и по административным делам... Потом, работая на Магнитке, реально оценил молодой директор предложенный и осуществляемый Губкиным принцип: темпы геологоразведки должны опережать темпы развития промышленности (дальновидная политика спасла от простоя не только Магнитку — многие предприятия). Первопроходческие идеи Губкина — и о Курской магнитной аномалии, и о «Втором Баку» — не сразу получали поддержку в ученом мире, путь к истине простым не был. Но кто дал право формально «узаконивать» перспективность выдающегося ученого?!

В жизни своей Авраамий Павлович Завенягин никого не предал — ни в большом, ни в малом. Глубоко оскорбленный за Губкина, он прямо из своего рабочего кабинета позвонил Сталину. Он сказал, что с мнением наркома о Губкине категорически не согласен — напротив, считает необходимым ускорить поиски нефти по предложению ученого.

...В скором времени Губкин возглавил нефтеразведку между Волгой и Уралом. Однако нарком уже не смог «простить» своему первому заместителю «звонок через голову». «Характерами не сошлись»... Вызвал и сказал: «Ждите решения».

*Из книги М. Колпакова, В. Лебединского
«Формула Завенягина»*

«ЧТО КАСАЕТСЯ ВРЕДИТЕЛЬСТВА»

...и Хитаров (первый секретарь Магнитогорского ГК партии), и Завенягин очень осторожно относились к этому термину. Будучи высокообразованными, склонными к независимому, аналитическому мышлению, они не могли не соотносить так называемое массовое вредительство с общим невысоким уровнем технического оснащения российской индустрии, с низкой производственной и экономической культурой людей, с ошибками вышестоящих органов. Увы — у Завенягина вскоре появилась возможность в напряженных условиях полусвободы на Таймырском Севере осмыслить эту концепцию магни-

тогорских лет. Хитарову же для этого вряд ли хватило тех немногих тюремных месяцев, что были еще подарены ему...

*Из книги Оксаны Булгаковой
«Корни»*

«ПОЕЗЖАЙТЕ САМИ — НЕ ПРОГАДАЕТЕ»

Думаю так: человек своего времени, Завенягин воспринимал события этих лет с достаточной степенью убежденности в том, что репрессии необходимы. Но умом и сердцем он не мог не чувствовать, как они приобрели характер вакханалии черных сил, более заботящихся о себе, чем о социализме. Политический опыт подсказывал: ошибок слишком много... Не об этом ли говорят нам слова, которые хорошо запомнил магнитогорец В.В. Грязнов (такое было сказано не только ему): «Поезжайте в Норильск. Очень советую. Все равно ведь пошлют. Лучше — когда сам».

«Те, кто послушался совета Завенягина, не прогадали», — когда-то записал я старого горняка К.А. Коровина, инженера, награжденного орденом Ленина. В прошлом — офицера царской, как говорилось, армии, интернированного в свое время французами. Клеймо «французский шпион» его так и не коснулось...

Жилой дом на Нулевом пикете. Норильск, май 1938 г.

1938–1944

ЦИТАТА ИЗ НАНСЕНА

ВСПОМИНАЕТ ЮЛИЙ АВРААМИЕВИЧ ЗАВЕНЯГИН

Когда отец получил назначение в Норильск, он вскоре принес домой много книг, журналов по истории и географии района Норильска. Были и географические карты. В общем, он достал все, что мог достать в Москве. Его стол был завален литературой. Книги перекочевывали на кушетку, где отец любил читать, не уместались вокруг него, соскальзывали на пол... Поразила отца книга Нансена, в которой знаменитый полярный исследователь предвосхитил будущее Норильска. А когда накануне отъезда к нам пришли друзья отца, кто-то подарил ему «Географический атлас СССР», написав на титульном листе цитату из Нансена. Какую именно, вспомнить теперь, конечно, трудно.

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕРЫВА

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ МАХОТКИН, ПОЛЯРНЫЙ ЛЕТЧИК

Весной 1938 г., в конце апреля, у нас, летчиков Красноярского управления авиации, наступил перерыв в работе: садиться в Дудинке из-за мокрого снега становилось уже опасно. Сидим, изнываем от тоски. И подходят ко мне однажды двое товарищей:

— Вы — летчик Махоткин? Надо срочно отвезти в Норильск товарища Завенягина.

— Видите ли, какое дело, — отвечаю, — в Красноярске снег уже сошел, а в Дудинке и Норильске на колесах не сядешь.

Пришедшие выслушали меня внимательно и говорят:

— Вы нам совсем не то объясняете. Вы объясняете, почему нельзя лететь, а мы хотим услышать,

как можно полететь и доставить на Север товарища Завенягина.

Думал я крепко и утром изложил план: взлетаю в Красноярске на сухопутном самолете, на колесах, и лечу до Подкаменной Тунгуски. Здесь еще крепкий лед, и я сажусь на него. А из Дудинки, где находится самолет Р-5, на лыжах, в Подкаменную Тунгуску летит пилот Гречухин, садится на лед и забирает товарища Завенягина.

План мой одобрили, дали радиограмму в Дудинку, получили подтверждение — и я вылетел... Благополучно долетели до большого села на берегу Енисея, у впадения реки Подкаменная Тунгуска, и здесь мой пассажир остался ждать Гречухина, так как мы прилетели первыми.

Очень мне понравился Завенягин. Несмотря на свое высокое положение, разговаривал он просто, как равный с равными. Шутил. Расспрашивал о нашей работе летчиков полярной авиации. И очень сердечно благодарил меня.

Когда я вернулся в Красноярск, то узнал, что Гречухин прилетел на другой день и доставил товарища Завенягина по назначению.

ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.В. ХОРОЛЬСКОГО,
СЕКРЕТАРЯ ЗАВЕНЯГИНА

Около одиннадцати часов вечера в один из апрельских дней 1938 г. (я засиделся на работе) в приемную начальника Норильскстроя вошел человек среднего роста, в сакуе из оленьих шкур и, представившись, спросил: «Где можно видеть Матвеева?» Я ответил, указав кабинет. Минут через пятнадцать меня туда вызвали звонком. Гость сидел за письменным столом (хозяин кабинета — на диване). Он передал мне листок, исписанный цветным карандашом: «Прошу сейчас же напечатать в нескольких экземплярах и принести мне на подпись». Я передал текст дежурной ма-

шинистке, та почему-то медлила начинать. «В чем дело?» Я взглянул на написанное и понял. Там было: «Приказ по Норильскому комбинату... Согласно приказа наркома № 840 от 8 апреля 1938 года вступил в исполнение обязанностей начальника Норильского комбината. А. Завенягин». Для машинистки, как и для меня, это было новостью. Все издаваемые раньше приказы начинались словами «Приказ по Норильскстрою...». Я зачеркнул написанное Завенягиным слово «комбинат», исправил на «Норильскстрой» и возвратил листок машинистке. Напечатанный с моей поправкой приказ Завенягин прочел, взял синий карандаш, зачеркнул «по «Норильскстрою», четко вывел «по Норильскому комбинату», а мне сказал: «Никогда не исправляйте то, что я пишу».

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

ФЕДОР ТРИФОНОВИЧ КИРЕЕНКО,
ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ ГОСПРЕМИИ СССР

В 1933 г. я работал на стройке Магнитогорского металлургического комбината. Огромный коллектив трудился увлеченно, с энтузиазмом. Магнитострой был главной стройкой пятилетки, и это сознавали все. Старались лучшим образом ответить на внимание всей страны, но, очевидно, из-за непривычного масштаба работ случались неурядицы в управлении делами, наблюдался беспорядок на стройплощадках. По этой причине летом к нам приехал Серго Орджоникидзе.

Какое-то время он осматривал все вокруг, изучал, а в конце своего пребывания выступил с речью на слете ударников. Это был не доклад, а именно речь, изобличающая, острая, закончившаяся рядом предложений и приказаний. Помнится, не было никаких прений — о чем говорить, если все ясно!

Тогда же Серго представил нам нового директора комбината — А.П. Завенягина. Очень скоро мы почувствовали благоприятные изменения. Магнитострой как бы обрел второе дыхание — на удивление

быстро. Со временем нечто подобное произошло и в Норильске.

Строители пришли в норильскую тундру с начальной целью — обжить ее и сделать доступной — летом 1935-го. Теперь нам трудно даже вообразить, каких нечеловеческих усилий требовала эта адская работа, техника не играла решающей роли, она была слаба, часто просто беспомощна в условиях Севера. Первопроходцы — назовем первые отряды под командой В.З. Матвеева именно так — решили задачу № 1.

К началу 1938 г., менее чем за три года, в норильской тундре уже было жилое поселение, к нему были проложены дороги, в его складах накоплены всевозможные материалы... Матвеевские бригады приготовились к стройке. Но что строить, с чего начать? Управление делами застопорилось, как когда-то в Магнитогорске. Требовалось внести в жизнь Норильскстроя ясные планы дальнейших действий. У нового начальника был опыт действий в подобной, пусть несколько менее сложной обстановке. К тому же ему предоставили достаточно широкие полномочия действовать по своему усмотрению.

В первые же дни норильского пребывания А.П. Завенягин распорядился срочно организовать проектный отдел и опытный металлургический завод. Немедленно были отозваны из бригад нужные специалисты, выделены здания из имевшихся в поселке — строить новые не было времени, руководителем проектного отдела стал (в конце осени) А.Е. Шаройко, во главе опытного завода — О.Н. Лукашевич. За один месяц предстояло оборудовать завод, произвести пробные плавки руды, выдать анализы продуктов плавки. Проектный отдел обязан был в первую очередь сделать проект временного малого металлургического завода (ММЗ), имея в виду пуск плавильного цеха... через семь месяцев.

Сроки назначены фантастические. Трудно было поверить в возможность уложиться в них. Завенягин

объяснял: решения должны быть простыми и доступными для исполнения немедленно. Если нет иной возможности, то руду и уголь следует выбирать из пластов киркой, кокс выжигать на открытой площадке в кучах, печи загружать и обслуживать вручную, строить при минимальных затратах средств... Все должно быть рассчитано на временную работу завода, года на три, на четыре...

Возникали и такие вопросы: зачем это нужно, если уже начато проектирование в СНОПе большого современного металлургического завода (БМЗ) и предстоит в ближайшие годы начать его строительство?

Но именно данное обстоятельство и заставило Завенягина принять решение о сверхбыстром строительстве временного завода. Готовясь к приезду в Норильск, он ознакомился с положением дел в СНОПе и убедился, что проектирование БМЗ ведется неуверенно, слабо. Он знал также, что в Норильске нет специалистов по металлургии никеля и кобальта, специалистов с опытом строительства металлургических предприятий на Севере (не было их нигде в то время). Предстояло не медля готовить на месте исследователей, проектантов, металлургов, строителей. Для этого было еще время, А.П. Завенягин решил использовать имевшуюся возможность. Так появился необычный, может быть, единственный пример поэтапного строительства металлургических заводов, от «первобытного» ОМЦ до современного БМЗ.

А.П. Завенягин очень внимательно следил за выполнением своего плана. Он ежедневно знакомился с ходом дел то у исследователей, то у проектантов, то у строителей. А впоследствии с удовольствием вспоминал об этом периоде деятельности. И действительно, активная творческая работа захватила всех специалистов, была создана деятельная система управления строительством. Можно сказать, что тогда, в 1938 г., Норильскстрой обрел второе дыхание, как пятилеткой раньше — Магнитострой.

ЕЩЕ НЕ БЫЛО КОМПЬЮТЕРОВ...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АННЫ АНДРЕЕВНЫ НИКОНОВОЙ (1981 г.)

Я печатала стенгазету «Норильскстроевец» (ее вывешивали в столовой), когда Завенягин делал свой первый обход. Стучат в дверь.

— Это я. (Голос Дубровского Семена.)

Входит он с человеком лысоватым... Глаза... яркие, сразу обращали на себя внимание... удивительно много в них света.

— Вот, — говорит Семен, — наш инженер-обогачитель.

— И что вы здесь делаете? — спрашивает Завенягин.

— Пишу газету.

— Как это?

— На машинке.

— Умеете печатать?

— Да.

— Хорошо было бы всем инженерам уметь...

КАЖДОМУ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРА ЕМЕЛЬЯНОВИЧА
ВОРОНЦОВА, ЛАУРЕАТА ГОСПРЕМИИ СССР

Завенягин попросил не торопясь, со всеми подробностями изложить историю геологических поисков... Алексей Николаевич (Розанов, главный геолог. — *Ред.*) рассказал, что рудопроявление по Медвежьему ручью отмечал еще Урванцев, но только теперь начались разведочные работы, и первой же скважиной мы вскрыли месторождение медно-никелевых руд. Разведка продолжается, а уже можно сказать, что все открытое до сих пор не идет ни в какое сравнение с тем, что мы имеем на Медвежьем ручье. Завенягин взволнованно слушал:

— Почему не сообщили об открытии в Москву? Мне там ничего не говорили о новых запасах!.. На какой стадии разведка? Сколько подсечено уже руды? Покажите мне анализы и дайте карту.

Я раскрыл карту:

— Работы в самом разгаре, но зимой нам очень мешали снег, морозы, пурга, потому и не спешили сообщить. Одно ясно: месторождение больше, чем на Угольном ручье, руда богатейшая.

Беседа продолжалась долго. Завенягин расспрашивал, сколько людей занято на разведке, что это за люди, на каком оборудовании работают, как обстоит дело с питанием, материалами, транспортом. Потом сказал:

— На сегодня новостей более чем достаточно. Я не ожидал такого!.. Давайте-ка, Алексей Николаевич, я вас провожу. Завтра мы все вместе поедem на место разведки — отдыхайте. Вам не тяжело в ваши-то годы по горам ходить? Как у вас с транспортом?

— Да у нас, кроме лошади и собственных ног, никакой транспорт непригоден, а ноги пока носят.

Проводив профессора, Завенягин вернулся:

— Мне кажется, Александр, в сложившейся ситуации тебе надо возглавить геологоразведочные работы, а Розанову сосредоточиться на камеральных. Ты себе представляешь, что сулит новое месторождение стране?! Это самый настоящий переворот не только в цветной металлургии, но и в металлургии качественных сталей, машиностроении... На быстрейшую разведку Медвежьего ручья мы бросим все силы! Игра стоит свеч, и ты не пожалеешь, оставив свой пост главного инженера строительства. Ты еще не забыл, что геология должна опережать металлургию?

А.Н. Розанов

...Вскоре, собрав на совещание сотрудников управления (в их числе в полном составе проектный отдел), Завенягин сказал:

— Мне кажется, что в Ленинграде создается проект, не отвечающий задачам страны и возможностям Норильска. Отчасти это происходит потому, что ленинградцы неправильно представляют себе условия жизни и работы в Заполярье и недооценивают норильские богатства. Каждому из вас следует подумать о будущем комбината. Он должен быть мощным, рентабельным, оснащенным оборудованием на базе новейших достижений в технологии извлечения металлов из руды.

РАБОТАТЬ, НАДО РАБОТАТЬ!

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЕРЕМЕЕНКО

...Завенягин приехал в апреле 1938 г. С каждым встречался, разговаривал. Когда меня привезли в Норильск, мне было 22 года. Когда приехал Завенягин — 24 года. Он вызвал меня, я тогда баней заведовал. Вошел я в тот же кабинет, где совсем недавно сидел Матвеев. Завенягин расспрашивал обо всем. Тогда я не выдержал: «О чем говорить? Жизнь погублена, жизнь кончена». Завенягин сидел, опустив голову. И вдруг как ударит кулаком: «Что значит кончена? Мальчишка! Жизнь только начинается. Работать, надо работать!»

ПОМОГ ОСВОБОДИТЬ МАТЬ

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА ПОТАПОВА

Отец очень гордился Норильском, был высокого мнения о Завенягине. Авраамий Павлович помог освободить мать. Отец не знал, что она сидит.

СОВХОЗ У СОЦГОРОДА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИВАНА ИВАНОВИЧА ЛУНЕВА (1989 г.)

...В 1936 г. был построен небольшой коровник на 40–50 голов и рядом маленькая тепличка, которую возглавлял и все делал своими руками старичок-болгарин Петр Еремеевич Продаевич. Талантливый и ис-

ключительно трудолюбивый огородник, он заставил расти огородные культуры и цветы, казалось бы, в невероятных условиях. В задачу этого агрокомбината входило обеспечить молоком и зеленью небольшое количество семей руководства, и что-то попадало в больницу. На том этапе фермочка себя оправдывала. Норильск бурно рос, росли и потребности в молоке и овощах. Где-то в мае 1938 г. ферму посетил Авраамий Павлович, с большим интересом и вниманием он осмотрел убогое, но цепляющееся за жизнь хозяйство, внимательно нас выслушал и пообещал помочь. Помощи ждать долго не пришлось, был издан приказ об организации совхоза — между строящимся Соцгородом и кирпичным заводом. Был отведен земельный участок, и приступили к стройке. Директором совхоза был назначен Николай Иванович Иевский...

ЭКСПЕРИМЕНТЫ... В ВЫРАЩИВАНИИ САЛАТА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВИЧА РЫЖКО,
НОРИЛЬЧАНИНА С 1935 г.

Обеспечение овощами было сопряжено с неизбежными трудностями. На Большой земле овощи созревали тогда, когда в низовьях Енисея начинались заморозки, а тундра уже покрывалась снегом. А если учесть объем, сложность погрузо-разгрузочных работ вручную...

Все это принуждало прибегнуть к экспериментам и поискам выхода за счет местных возможностей. Следует заметить, что А.П. Завенягин в этой части (поисков и экспериментов) был человек решительный и дальновидный. В его бытность в Норильске отвели опытный земельный участок (на месте, где впоследствии возьмет начало Севастопольская улица) для выращивания в парниках огурцов, лука, салата и др. Пробовали сажать в открытый грунт картофель и капусту. В открытом грунте под воздействием не уходящего за горизонт солнца они хотя и набирали рост, однако не успевали созревать. Сказывалось воздействие вечной мерзлоты, да и малое количество теплых дней.

ВСАДНИКИ В НАЧАЛЕ ПУТИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЕРШОВА

(1984 г.)

Сразу же после Первомайских праздников 1938 г., помню это раннее утро, он вызвал меня к себе в кабинет.

— Мы советовались с партийной организацией, кого поставить на пост начальника строительства железной дороги. Не скрою, выбор у нас был. Остановились на вашей кандидатуре. Комсомолец. Окончил уважаемый Архангельский лесотехнический институт. Диплом инженера с гидротехническим уклоном. Есть опыт работы на строительстве канала. Здесь, — Авраамий Павлович улыбнулся, — тоже много воды: сколько рек, озер в тундре надо будет переходить. Дело в том, что все построенное нельзя еще считать дорогой. Надо делать грамотно, на года. И это поручается вам. Помощь со своей стороны гарантирую.

Не прошло и недели, меня снова вызвал Завенягин.

— Вы когда-нибудь на лошадях верхом ездили?

— Да, — говорю, — ездил мальчишкой, пас лошадей и катался верхом в свое удовольствие.

— Так вот, не знаю вашего опыта в верховой езде, но нам предстоит путь в 114 километров, а может быть, и больше. Приготовьте сегодня всю документацию, завтра в путь.

Утром у Нулевого пикета нас ожидали две оседланные лошади. Авраамий Павлович на удивление легко вскочил в седло. Тронулись в путь. Железнодорожная линия проходила под Шмидтихой. А там всегда ветерок. Поземка перешла в самую что ни на есть пургу. Мороз градусов 20. Пронизывает до костей, дышать трудно. Молча (не до разговоров) добираемся до станции Шея. Пока отогревались, пили чай, в махоньком балке собрались строители этого участка.

— Необходимо в ближайшие два года, — сказал Авраамий Павлович, — уложить шпалы и рельсы на плотное грунтовое покрытие, построить мосты на сва-

ях, станционные здания с подсобными помещениями и водокачками, наладить телефонную связь на всем пути от Норильска до Дудинки.

Завенягин поставил серьезные задачи и перед изыскателями: разведать в кратчайшие сроки графийные карьеры, создать запасы угля, произвести разведку воды для паровозов, забросить из Дудинки на период строительства дороги продовольствие и необходимые материалы...

— К слову, — спросил Авраамий Павлович, — кем дано этой станции такое название — Шея?

— Проектировщиками, — отвечаю.

— А не лучше ли назвать ее Надеждой? Тут ведь поблизости и плато Надежда.

Мы все поддержали предложение Завенягина. Забегая вперед, скажу, что приказом от 31 октября 1938 г. были переименованы многие станции железной дороги.

СТРАНИЦА 32, ОНА ЖЕ ПЕРВАЯ...

РАССКАЗЫВАЕТ ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ СТАРИЦКИЙ,
ПРОЕКТИРОВЩИК, ВНУК И СЫН ВИДНЫХ СУДЕБНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
РОССИИ, З/К НОРИЛЬЛАГА

В 1938 г., в апреле, прошел слух, что в Норильск едет Завенягин. Немногие знали, кто он такой. Но я знал это, потому что работал по проектированию металлургических заводов, а Завенягин сначала был директором Гипромеза, а потом — Магнитки. Известный в металлургии человек. Но мне было удивительно, что «черный» металлург едет на строительство цветной металлургии.

Вскоре после вступления в должность он уехал в командировку в Москву и там принял решение о создании опытной установки по плавке файнштейна. Из Москвы он отправил начальнику только что организованного проектного отдела телеграмму, в которой просил приступить к проектированию ватер-жакета по учебнику Смирнова и даже указал страницу. Как сейчас помню — 32. Работу поручили мне.

Это был небольшой такой «самоварчик», применявшийся чуть ли не в прошлом веке где-то в Аризоне. И первый штейн мы получили на этой самой установке еще в 1939 г., до начала строительства большого металлургического завода.

ИЗ БЛОКНОТА РАБКОРА АЛЕКСЕЯ БОНДАРЕВА

Сметливых людей, болеющих за дело, горевших на производстве, Завенягин выделял, поощрял, заботился о них.

Руду добывали в ущелье Угольного ручья. Добывали ее мало — не только потому, что рудник № 1 был невелик, еще не имел разветвленной сети горизонтальных и вертикальных выработок. Главное — добыча производилась вручную. Кирка, лом да лопата были основными орудиями труда. Даже и простых отбойных молотков не было. Как увеличить производительность труда? Над этим ломали голову не только инженеры. Об этом думали рядовые горняки. В их числе был Арсентий Ульянович Поворозник, молодой, с беспокойным характером, он тщательно изучал в своем забое породу, ее строение, «повадки». Он подступался к ней и так и этак, а она ему не давалась. Сколько пришлось пережить неудач! Но вот наконец-то один из многих опытов удался — горячее бурение. В первый же день небывалый успех — полторы нормы. Увеличилась проходка и на завтра... Арсентий Ульянович передал опыт другим. За короткий срок рудник значительно увеличил добычу ценной руды. Об этом стало известно начальнику комбината. Он не просто издал приказ о благодарности Поворознику, а встретился с ним. Случилось это в декабрьский день 1938 г. По ущелью неслись снежные потоки, сбивавшие с ног.

Поворозник заканчивал смену, когда к нему в забой пришел Авраамий Павлович с группой инженеров. Он поздоровался с горняком, протянув руку.

— Грязные, — застеснялся тот.

— Нет, у вас прекрасные руки и светлая голова, Арсентий Ульянович. Покажите в деле свой метод.

Потом Завенягин поинтересовался:

— Как обеспечены квартирой? Как с питанием?

Тем и другим нельзя было похвалиться. Тогда начальник комбината приказал Л.А. Савве:

— Обеспечьте товарища Поворозника лучшим общежитием и спецпайком. О его методе напишите в нашей газете «За металл».

* * *

Яков Моисеевич Шутов рассказывал мне о другом примере, как Абрам Павлыч умел прислушаться к совету и поддержать инициативу. Старый норильчанин работал на строительстве продовольственных складов по Октябрьской улице. Он предложил мастеру по-новому вязать деревянные фермы под покрытие. Тот не согласился. Плотник стал доказывать свое, чертя схему прямо на снегу — благо, день был тихий, ясный. Оба так увлеклись спором, что не заметили, как к ним подошли несколько человек и внимательно прислушивались к горячему разговору. Потом один из них сказал:

— А ведь предложение стоящее.

Яков Моисеевич оглянулся. Перед ним стоял невысокий, плотный мужчина. Открытое лицо, умные глаза под нависшим лбом показались знакомыми. «Неужели?..»

Да, то был Завенягин. Он пригласил плотника в обогривалку, еще раз внимательно его выслушал и тут же распорядился: вязать ферму по-новому.

Этот случай, может быть, через двадцать пять лет и забыл бы Яков Моисеевич, но к нему прибавилось такое, что врезается в память навсегда. Прошло несколько дней. Плотник получил подарок от самого Абрама Павлыча!

СЛОВА, КАКИХ ДАВНО НЕ СЛЫХАЛИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д.М. ЛОБОДЫ

Однажды шахтеров перед работой собрали у штолен. Перед ними выступил начальник Норильлага, он же начальник горно-металлургического комбината А.П. Завенягин, про которого среди заключенных ходили легенды. Говорили, что он опытный металлург, которого ценил и оберегал от неприятностей сам Серго Орджоникидзе. А когда тот застрелился, Завенягин очутился в Заполярье. Ходили слухи, что он сам издал приказ, который запрещал выводить заключенных на работу при температуре ниже -40. Правда, лагерное начальство часто тот приказ нарушало. Тогда Завенягин приказал соорудить для шахтеров бараки возле штолен, чтобы им не ходить в мороз и ветер так далеко. Так вот, собрали людей, Завенягин начал прямо:

— Я не знаю, кто и насколько из вас виноват. Допускаю, что тут много ни в чем не повинных. Но все вы советские люди и, надеюсь, правильно меня поймете. В Арктике дрейфует ледокол «Красин», ему нужно как можно больше угля. Поработайте не за страх, а за совесть. У меня все. Можно разойтись.

Простые человеческие слова, каких они давно не слышали, задела каждого. В тот день была зафиксирована наивысшая добыча угля в норильских штольнях.

КАК БУДТО ВЧЕРА...

ВСПОМИНАЕТ СОВЕРШЕННО УНИКАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК,

ЧЕЙ НОРИЛЬСКИЙ СТАЖ — С 1935 г.,

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ САПРЫКИН (1910 г.р.)

Первый раз увидел Завенягина, еще не зная, что это Завенягин. Я ехал в Дудинку за своей семьей — она там жила второй год. А навстречу попались саникошевка, которые везли лошади, запряженные цугом. Считалось, что так им легче бежать и тащить за собой груз. В санях были трое: кучер, охранник и охраняемая персона. Выезжавшие из Дудинки меняли лоша-

дей дважды — в Боганидке и в Амбарной. Трех лошадей хватало, чтобы достичь Норильска...

На станках можно было отдохнуть, даже переночевать, но на этот раз ездоки не задержались — спешили. Что новый начальник стройки, речи не было.

Второй случай, когда уже «поручкались», произошел в ноябре, а то и в декабре, но в светлое время, близко к полудню, и день был хороший. Морозец, без ветра. Наша буровая стояла у подножия горы Надежда, где потом построили оксиликвитный завод. Пришли к нам два лыжника: один был Завенягин, другой — Шаройко, которого называли Александр Емельянович малый, потому что Александр Емельянович большой был Воронцов (на самом деле маленького роста, но как начальник — больше). Завенягин забирал его к себе в Москву референтом, но вскоре Шаройко попросился назад, в Норильск, и тот его отпустил.

Оба лыжника были в пальто, и не коротких, прошли они к нам по Медвежьему ручью. Это километров 11–12. Лыжи были не на замках, а на ремнях. Гости провели у нас минут 15, не больше. Буровая была неприглядная, копер на трех ногах, газ от нефтяного двигателя — на густой нефти. Шаройко молчал — то ли от тяжелого впечатления, то ли при начальнике. А Завенягин сказал: «Да, тяжело. Но ждать вам уже недолго, придут новые буровые, там совсем другие условия». Слово сдержал.

К этому времени я уже был начальником бурового участка, под приказом подпись Завенягина, а рекомендовал, видимо, Воронцов. Я потом ему говорю, почему же не предупредили, что начальник у нас будет, а тот: «Ничего, ничего, он не любит, когда к его проверке готовятся».

Следующая наша встреча, еще более скоротечная, прошла в кабинете Завенягина, бывшем матвеевском, на Нулевом. Я просил квартиру, сказал, что семья живет на чердаке. Завенягин пообещал жилье, но не сразу. Пока что дать нечего. Потом получили, но по очереди.

Не пошел Авраамий Павлович у меня на поводу и когда попросился в отпуск. Так, мол, и так, уже больше трех лет (в 36-м ездил за семьей в Курскую область). Не могу, сказал Завенягин, ни в июне, ни в июле, Зуев и Серебряков вернутся — тогда и вы пойдете.

Это и все наши личные встречи. Остальные были на собраниях, совещаниях. Помню, все говорили тогда, как он сам бурил на руднике им. Морозова (это был погибший на новый, 1939 год от огня в железнодорожном вагоне первый секретарь окружкома; Завенягин увековечил его имя). Сам выжимал, давал давление своими руками, помогая слабому компрессору. Это было в Сотниковской штольне, откуда очень богатую руду возили на малый завод, подстилая брезент, чтобы не пропало ни крошки.

Я не работал рядом с Авраамием Павловичем, подолгу наблюдать за ним не мог. Но если все же давать ему характеристику, то назвал бы три качества. Очень требовательный. Второе — развитый, образованный: очень много знал и умел вовремя пользоваться знаниями (помогала богатая память). Третье — человечный. Казалось бы, мне, например, навстречу ни разу не пошел, но как-то так себя вел, что не обиженный от него уходил, а поверив: нет другой возможности. А может, я не мог отличить, в расположении духа он или у него неприятности, плохое настроение. А вот секретарь его, лейтенант, по-моему, лучше понимал такие вещи. Прикрывая двери, мне шепнул: «Приходи в другой раз, может, и получится с отпуском».

БЕРЕГИТЕ СЕБЯ!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФИНАНСИСТА П.А. ЧЕТВЕРИКОВА,
БЫВШЕГО ЗАКЛЮЧЕННОГО НОРИЛЬЛАГА (1989 г.)

Авраамий Павлович Завенягин был очень умный, порядочный руководитель и исключительно человечный. Он сделал очень много для становления Норильска. И для нашего брата он многое сделал.

Строительство было в разгаре. Завенягин отобрал лучших специалистов и направил кого — в проектную контору, кого — в управление комбината. Ваш покорный слуга был направлен в управление строительства.

Ранней осенью 1939 г. мы прибыли в Красноярск. Там нас встретил Авраамий Павлович Завенягин. Я его немного знал еще по Москве. Раз или два встречался на какой-то комиссии. На пересылке в Красноярске он разговаривал со многими и всех напутствовал: «Ваша задача беречь здоровье, а там будет видно». Он давал наказ — во что бы то ни стало сохранить жизнь.

Когда мы приехали в Норильск, памятуя о том, что говорил Завенягин, я продал свой костюм, все продал (из тюрьмы у меня сохранились небольшие сбережения — жена передавала). И сразу купил сахару, масла. После Орла* я был разбит цингой. И врач прописала мне отварную картошку с луком зеленым и постным маслом. Целый месяц меня так кормили — цинга утихла. До сих пор помню вкус картошки...

ПОРТРЕТ

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ САВВА,
ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НОРИЛЬСКА

Он был в меру полным, невысоким, с замечательными лучистыми, необыкновенными по выразительности карими глазами.

...Человек, в котором соединились качества государственного деятеля, пламенного коммуниста, талантливое инженера, выдающегося организатора, требовательного руководителя, высокоэрудированного, остроумного, склонного к юмору собеседника, прекрасного, отзывчивого человека, общительного и душевного товарища.

---

* Имеется в виду Орловский централ.

МЕНЯ «ПЕРЕПИСАЛИ»

...В 1939 г. нас погрузили в Дудинке, человек 200, на маленькие платформы — это было в июле. Платформы с заключенными были впереди, а маленький паровозик сзади. Это было сделано для того, чтобы в случае схода с рельсов легче было поднимать платформы. Трижды платформы сходили, конвой поднимал нас для того, чтобы мы руками с обеих сторон поднимали платформы, затем ехали дальше. Мы сидели плотно на полу, поджав ноги, вымокли, как суслики. Выгрузили нас всех на Нулевом пикете, на станции железной дороги. Пришло начальство, человек шесть-семь, среди них был лысый — Авраамий Павлович Завенягин, он нам представился как начальник Норильского комбината. Сказал, что надо переписать нас по специальностям, его помощники переписывали. Он обратил на меня внимание, так как я был меньше всех ростом и худенький.

Тогда я вызвался идти работать в шахту.

«КАКИЕ ЖАЛОБЫ?»

Зимой нас перебросили на строительство большого металлургического завода. Все работы велись вручную, на костре грели ломики, кувалдой вбивали их в грунт. Два метра пробьем, толкаем в шурфы глину, аммонал (все пальцами), взрываем, так 15 метров проходили до скалы. Норма была высокая, получал я иногда только 300 граммов хлеба. Приходил к нам на промплощадку сам Завенягин, спрашивал, какие есть жалобы, просьбы; мы говорили, что работа очень тяжелая, работаем по 12 часов, надо, чтобы привозили обед в 12 дня. Стали нам возить еду в флягах из-под молока.

ЧЕЛОВЕК НА ВЕС ЗОЛОТА

Производили взрыв котлованов. Бадьей вытаскивали грунт. Когда оборвалась бадья и убила человека, был выговор от А.П. Завенягина за неосторожность, он сказал, что каждый человек на вес золота.

ЗНАМЯ НАД СТОЛОВОЙ

В 1940 г., в сентябре, А.П. Завенягин вручал переходящее Красное знамя на Угольном ручье и говорил о будущем никелевого завода. Вручал его вольнонаемным и заключенным. Я выступал на этом собрании и сказал, что будем работать честно и добросовестно. Завенягин велел прибить это знамя к столовой, что мы и сделали.

ДУЛО МЕСЯЦ БЕЗ ТРЕХ ДНЕЙ

...На Угольном помню такой случай: зимой в конце 1939 и начале 1940 г. долго дуло. Одну сторону угла палатки ветер сорвал, забивали изнутри старыми бушлатами. Электростанция гудела круглые сутки. Кое-кто все-таки замерз. И вот когда утихла пурга, к нам приехал Завенягин и обратился ко всем, чтобы откопать занесенную линию узкой железной дороги. Особенно возле ЦУСа. Снег перебрасывали тремя ступеньками. Завенягин пришел вместе со своими помощниками, он особенно старался работать. Я своим ребятам говорю: «Смотрите, как Завенягин работает». А он возьми да и услышь. Говорит: «Я, товарищ, обязан...»

Всегда ходил руки назад, я слышал, как он высовывал потихоньку «Катюшу».

Он никогда не называл незнакомого на «ты». Из себя был человек среднего роста, широкий в плечах, лысый, шустрый, жизнерадостный.

ГЕНСЕК НА КАЛАРГОНЕ

ИЗ ЗАПИСЕЙ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА МИЛЬЧАКОВА,
БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК ВЛКСМ,
ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА ЦК ВКП (б)
И ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР,
ЗАТЕМ СОТРУДНИКА НОРИЛЬСКНАБА

5.11.1938 г. нас, в числе 20 человек, в морозный день пешком отвели в штрафной лагерный пункт «Каларгон», находившийся в тундре, в 18 километрах от Норильска, чтобы там расстрелять.

В числе обреченных на казнь были: сопроцессник Димитрова по лейпцигскому процессу, бывший секретарь ЦК Болгарского комсомола и член Политбюро Болгарской компартии Благой Попов, заместитель наркома пищевой промышленности СССР Чигринцев, член коллегии Наркомфина СССР Петр Четвериков, начальник Главного управления соляной промышленности СССР Никита Куликов, посол СССР в Румынии Островский, консул в Скандинавских странах, бывший ранее секретарем губкома комсомола на Волге Владимир Фишер, бывший первый секретарь Ереванского горкома партии Абел Ордуханян, бывший секретарь Казанского горкома партии Абдулла Юнусов, профессор истории Сергей Дубровский, профессор права Леонид Гинзбург, профессор права Петр Климов и др.

Две недели мы ждали расправы. От нас этого особенно и не скрывали. У нас отобрали одежду, одели в тряпье. Нам предложили заказать перед смертью «пожрать и накуриться вдоволь», послав в Норильск подводу за продуктами и табаком. У меня и Куликова личных денег нашлось только на пачку махорки и пачечку курительной бумаги... Приставленный к нам в помощь охране и лагерной администрации комендант из уголовников узнал меня. Он был в Невьянске на Урале старостой старательской артели, когда я в 1937 г. посещал невянские золотые прииски. Комендант сказал мне на ухо: «Батя, вас привезли «на шлепку», мне это точно известно...» И сунул мне в карман бушлата пачку папирос.

Спас нас начальник Норильского строительства и лагеря А.П. Завенягин. Он выждал две недели, а потом вразрез с «директивой центра», под свою ответственность приказал вернуть нас в Норильск. Эта готовившаяся бессудная расправа над нами вызвала много разговоров в лагерях.

Журнал «Смена» (1998, № 2)

КАК ПАЛАТКУ ОБШИТЬ ДЕРЕВОМ

РАССКАЗЫВАЕТ ИНЖЕНЕР-ХИМИК, АКТРИСА ТЕАТРА КВО
НОРИЛЬЛАГА ТАМАРА ИВАНОВНА СЛИВИНСКАЯ (1992 г.)

После приезда в первое лаготделение нас поселили в брезентовую палатку для военных, и хотя она имела двойные стены, настоящая пурга сорвала все двери. Нас занесло снегом...

На следующий день Ольга Петровна Цой пришла в проектную контору, где находился и кабинет Завенягина, и попросила принять ее. Рассказав о случившемся, спросила:

— Неужели мы не можем построить деревянное здание? Или хотя бы палатку обшить деревом?

Завенягин, выслушав, вызвал какого-то начальника, тот рапортовал:

— Там обшивают...

Вернувшись, Ольга Петровна увидела двух доходяг, еле несущих одну доску.

После обеда она вновь пошла к Завенягину и сказала:

— Авраамий Павлович, я видела, как обшивают палатку. Если работать так, то палатка будет готова через год.

— А что вы предлагаете?

— Я предлагаю поставить на палатку две бригады. — И она подробно объяснила, что должна делать каждая.

...К вечеру все было готово.

Я часто видела его на Заводской, на стройке двухэтажного дома. От работяг его можно было от-

личить по шапке, кажется ондатровой. Он шел на стройку и спрашивал у эков: что делали? как? чего не хватает? Вникал во все. Никто в Норильске не сказал, что он с кем-нибудь говорил грубо.

Однажды в лаборатории он подошел ко мне и стал спрашивать:

— Какие пробы? Из каких шурфов?

Я ему называю цифры, он записывает...

МЫ С НИМ РЫБАЧИЛИ

РАССКАЗЫВАЕТ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ КОРКИН (1988 г.),
ПАРИКМАХЕР И АКТЕР НА ВЫХОДНЫХ РОЛЯХ
НОРИЛЬСКОГО ТЕАТРА В 1942—1946 гг.

В 1937 г. Вера Николаевна Пашенная организовала в Игарке театр. Она привезла с собой из Москвы человек двадцать. Первые четыре года играли спектакли только по пьесам Островского и «Славу» Гусева. Помню, как Пашенная писала декорацию «Леса».

В 1939-м наш театр пригласил в Норильск Завенягин. Мы разместились в палатках, а работали в столовой. Говорили, что в то время в Норильске были десятки тысяч заключенных. Авраамий Павлович был на наших спектаклях, возил труппу на рыбалку.

«КАК КОРМЯТ?»

ВСПОМИНАЕТ СТРОИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЭТЕНЕЕР,
БЫВШИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НОРИЛЬЛАГА

А.П. Завенягина можно было увидеть в любое время суток на строящихся объектах и в зонах. Он проявлял постоянный интерес не только к тому, как мы работаем, но и к тому, как кормят и одевают нас, в каких условиях мы живем.

ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ

В.Я. БУРШТЫН, СОТРУДНИК ПРОЕКТНОГО ОТДЕЛА

Мы пользовались в работе основным и почти единственным источником знаний — Авраамием Павловичем! Эрудиция его была потрясающая! Мне,

например, пришлось проектировать конвертеры и ватерджакеты (шахтные печи). Я буквально сделал все, как советовал он. И вы сами видите, что все это работает хорошо.

РАССКАЗЫВАЕТ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЭРЕЦ (1989 г.)

НОРИЛЬСК ПРОЕКТИРУЕТ ... НОРИЛЬСК!

У меня был «треугольник», то есть тяжелые физические работы. А Завенягин всех специалистов свел в проектную контору. Я лично появился в проектно-сметном отделе уже 6 сентября. Проектно-смертному на бойком нашем языке. Абрам Палыч и Шаройко находились в первой длительной командировке. Как раз решалось, как вести горные работы. СНОП* выступал за подземные, Завенягин — за открытые (всю геологию ему растолковал его учитель по академии профессор Розанов). От решения соответственно поразному должны были выглядеть обогатительная фабрика, ремонтное хозяйство... СНОП в качестве уступок Завенягину отдал ему на местное проектирование клочок Угольного ручья. Этот кусок нам очень помог... Уже было за что зацепиться!

Числа 17-го сентября Завенягин появился и сказал: «Я добился проектирования Норильска в Норильске. Кроме ТЭЦ и железной дороги, все будем делать сами». И тут же выселил со второго этажа учкомбината «иноплеменных»: управление строительства, еще кого-то.

«СНЕСТИ» ВЕРХУШКУ ГОРЫ!

Рабочий день начинался в восемь утра и с перерывами продолжался до полуночи. Кто уставал, мог уйти или уводили в двадцать четыре часа; но многие оставались до двух, трех, даже половины четвертого — интересно! Завенягин приходил в 21.00 и сидел долго; по существу, он принял руководство на себя,

---

* «Союзникельоловопроект».

Ткачев не справлялся. Так что я видел Завенягина у своей доски каждый вечер. «Ну что у тебя, рудный человек?» (Так он обыгрывал мою фамилию: эрц — руда по-немецки.) Иногда он мне давал отдельные задания. Скажем, снести верхушку горы... Может, в качестве учебы? Или проверял диплом харбинского техникума? На такой массовый взрыв ни взрывчатки не было, ни руды столько не нужно было...

С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ

В горный отдел слили угольную группу, рудную группу карьеров, сюда же привлекли транспортников под управлением Иванова-Смоленского... Абрам Палыч «разбухал» нашу артель со свойственной ему энергией до тысячи двухсот человек. Одних корректоров набрали дюжину, бригадиром у них стал бывший посол в Румынии Островский. Всюду по Заводской жили или работали проектировщики. А мой лагерь был за железной дорогой направо (до долины ручья).

— Отношение Завенягина? Меня он просто спас — это отдельная история... Все у него было подчинено делу, но и в этом случае можно себя вести по-разному: позволять себе шутку — не позволять, называть зэка по имени — не называть... А он — обратили внимание? — в приказ вписал вместо «з/к» наши инициалы. Кажется, еще чуть-чуть — и дописал бы «тов.», как двум вольнонаемным, чьих имен, видимо, не помнил.

Как-то Чефранов, очень сильный экономист с революционным стажем, упал в обморок. (Он, бедный, умер в лагере, ему уже тогда было за шестьдесят.) Завенягину объяснили: обморок голодный. «Почему же мы их не кормим?!» И стали в час ночи приносить нам сыр, колбасу, какао...

ПРИЗНАТЬ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ? НЕ ПОЙДЕТ!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АНАТОЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КУЗНЕЦА
(1988 г.)

В то время мы строили жилье. Земляные работы велись вручную, мерзлый грунт разрабатывался при помощи клиньев и кувалд, ломов и кирок, а отвозили его тачками. Выработка в бригаде Жилстроя в среднем на человека составляла полкубометра. Я предложил начальнику рыхлить грунт взрывом. Тот согласился, выделил объект и мне же поручил организовать работу. Когда же он пришел проверить, как идет дело, то выразил сомнение в успехе:

— Я тебя послушал, поверил тебе, а ты роешь какие-то мышиные норы. Грунта нет, чем люди занимаются...

Упросил его оставить людей, взрыв удался, производительность труда выросла процентов на десять—пятнадцать, а это было заметно. Через два дня после взрыва я услышал:

— Тебя вызывает Завенягин.

— Зачем?

— Не знаю.

Так я впервые попал в кабинет начальника Норильскстроя.

Он был один. Ходил, что-то обдумывал. Потом начал разговор со мной... Интересовало его многое. Я отвечал. В конце беседы Авраамий Павлович сказал:

— Хочу организовать взрывцех, а тебя назначить начальником.

Поблагодарил за доверие, на том и расстались.

...Наш цех обслуживал карьерные хозяйства, изыскателей и строителей. За те семь лет, что я проработал начальником цеха, самый большой взрыв был подготовлен и произведен под площадку строительства ТЭЦ. Более сотни тонн взрывчатки снесли скальную сопку.

Только при Завенягине стройка стала выполнять планы, а строители — получать премии. Авра-

амий Павлович делал что мог для людей по части механизации и по быту; его можно было почти ежедневно видеть на основных объектах, а также в общежитиях. Обойдет все, побеседует — полностью в курсе дел и забот.

Однажды, помню, с начальником цеха дорожных работ Тупиковым пошли мы смотреть, как лучше организовать строительство дороги к руднику открытых работ. А Завенягин уже там. Он осматривал в бинокль панораму и нам показал, где какой объект поднимется (как раз начинали город, и, видимо, Авраамий Павлович хотел представить, где что будет — не просто на чертеже, а в натуре).

Завенягин, безусловно, обладал даром поднимать настроение, зажигать, вдохновлять людей. Конечно, личный авторитет ему в этом помогал, но талант — прежде всего.

Как-то организовали вечер передовиков производства. Казалось бы, что особенного говорил Завенягин с трибуны? Подвел итоги за месяц, поставил задачи перед всеми и каждым коллективом в отдельности... Но ведь факт, что с вечера расходились, будто наэлектризованные, и все только и думали о своей личной отдаче, о том, как найти резервы, как улучшить дело, как снизить себестоимость, как перевыполнить задание.

Конечно, я мало знал о личных переживаниях Завенягина, был далек от него, но кое-что до меня доходило, и не только до меня.

Партийно-хозяйственный актив по результатам работы московской комиссии. Выступает ее председатель. «Начал» с Бусыгина. Мол, Василий Павлович работу завалил, а Завенягин своего зама крылышком прикрывает. Потом о Завенягине: любит командовать — и т.д. А в конце концов договорился до того, что пригрозил: еще проверим, как сюда попал.

Начальник политотдела поддержал московского проверяющего: Завенягин не строит бараки, людям негде жить, а он «закатывает» трехэтажные дома...

Завенягин подает реплику: «Клоповников разводить не будем. Строить будем дома».

Тут масла в огонь подлил своим выступлением начальник оперчекистского отдела: «Завенягин разбросал платину по Енисею». Авраамий Павлович с ходу ему отвечает: «А вам нужно заниматься совсем другими делами». Когда же Завенягину дали слово, он сказал о несогласии с комиссией (а может быть, с ее председателем):

— Люди трудятся в таких тяжелых условиях, в таком климате... Если дать оценку «неудовлетворительно», это значит отбить руки любому и каждому.

Председатель комиссии ставит на голосование формулировку: «Работу Норильского комбината считать неудовлетворительной...» Зал гудит, никто руки не поднимает.

Председатель: «Ну что ж, тогда мы сами дадим оценку...» С тем комиссия и улетела в Москву.

Когда Завенягина вызвали в столицу, мы очень переживали: что с ним будет?.. И вдруг радиограмма о назначении начальником комбината А.А. Панюкова и подпись — «замнаркома внутренних дел Завенягин». А вскоре были отозваны из Норильска начальники политотдела и оперчекистского отдела, приехали совсем другие люди.

...Сорок лет назад я покинул Норильск, а до сих пор, все эти годы работая на Урале, не забываю Заполярье, своих товарищей-норильчан. Светлые воспоминания связаны с замечательным человеком и руководителем...

Я будто слышу его голос: «Все зависит от вас, дорогие мои товарищи, от вашего коллективного труда, от осознания каждым своей роли в обществе, от любви к человеку, к Родине, от бережного отношения и к природе, и к любому гвоздю... Будьте инициативнее, смелее, толковее, культурнее, чем до сих пор».

НЕ СКРЫВАЛ РАДОСТИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

МАРИИ НИКИФОРОВНЫ ЗАВЕНЯГИНОЙ

Муж вернулся из Кремля радостным, счастливым. В квартиру не вошел, а вбежал, обнял меня у порога и выдохнул: «Понят!» Давно не было такого праздника в нашем доме! Авраамий слетал за шампанским, мы позвали друзей — тех, кто год назад провожал его в Норильск. Муж рассказывал, что Сталин проявил хорошую осведомленность о положении норильских дел, и не скрывал своего удовлетворения и даже радости, что бывало с ним крайне редко. Муж привез из Норильска несколько слитков металла, что также произвело самое благоприятное впечатление. Один из слитков переходил из рук в руки. Он многие годы хранился в семье, и только спустя несколько лет после смерти Авраамия Павловича я передала его в Музей революции.

НЕ БОЙТЕСЬ ШИШЕК

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

СМИРНОВА (1976 г.), НАЧАЛЬНИКА САНИТАРНОГО ОТДЕЛА

ПРИ ЗАВЕНЯГИНЕ

Я приехал в Норильск на работу в сентябре 1939 г. Положение было тяжелое. Нарастали заболевания цингой и дизентерией. На первой же встрече Авраамий Павлович Завенягин поставил основную задачу, как можно быстрее прекратить распространение цинги и дизентерии. Единственная возможность для этого — изготовление хвойной патоки, так как витаминных препаратов в то время не выпускалось, а овощей в Норильске не хватало. И вот по поручению Завенягина его заместитель Еремеев, я, мой заместитель Скачков составили такой приказ, в котором все начальники отделений, участков обязывались создать бригады по сбору хвои и наладить изготовление хвойного настоя, для чего построить, значит, соответствующие хвоеварки. Помню, когда прочитал этот приказ Авраамий

Павлович, задумался, даже помрачнел, стал ходить по комнате и приговаривать: «Ай-ай-ай». Мы не понимали, в чем дело. Что такое?

— Товарищи, ведь что же мы делаем? Ведь так же мы весь лес кругом Норильска обдерем! Останутся от деревьев одни только голые коряги!..

Но другого выхода не было...

...А.П. не любил равнодушных, беспринципных людей, пустозвонов, а особенно не выносил людей, не желавших брать на себя ответственность из соображений: как бы чего не вышло, что, мне больше всех надо? Он часто на совещаниях, на собраниях любил повторять: «Товарищи, давайте работать так, чтобы не бояться получить пару шишек себе на голову, — лишь бы государству была польза».

ВЕРНУЛ С ТОГО СВЕТА

ИЗ ПИСЬМА М.Д. МУТМАНА (1989 г.)

Я арестован был 30 ноября 1935 г. и осужден спецколлекгией в 1936 г. к пяти годам лишения свободы и пяти годам лишения прав. Пережито — страшно, что с нами делали, мальчишками (я с 1914 г.р.), трудно передать; на первом же допросе на Лубянке меня так били, что выбили зубы, поломали ребра и т.д. за то, что я сказал следователю Стефанскому: «Не говорите глупости».

В общем, так или иначе, я оказался в Норильске летом 1937 г., работал на строительстве железной дороги Дудинка—Норильск, жил на Каларгоне, долго болел цингой (в 23 года у меня не было зубов, все выпали)... Остался жив благодаря человеку, которому должны молиться все оставшиеся в живых в Норильлаге — Завенягину Абраму Павловичу. Он мой спаситель, я уже находился в списках для отправки в Норильск-2, а оттуда никто не возвращался.

Что говорить и что писать? Не дай бог, что пережито. Меня реабилитировали только в 1959 г. (даже в армию на Отечественную войну не брали, несмотря на мои бесконечные заявления).

Сколько я скитался по стране, пока мне не разрешили жить дома в Москве! Всего сейчас описать не могу.

Очень прошу сообщить мне счет в банке, чтобы я смог перевести скромные деньги из своей пенсии на памятник погибшим. Сколько людей погибло, знает один бог.

РЕНТАБЕЛЬНОЕ — ЗНАЧИТ МОЩНОЕ

ИЗ РУКОПИСИ А.Е. ШАРОЙКО, ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА
ПРОЕКТА НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА

Под руководством А.П. Завенягина менее чем в один год была создана стройная проектная организация. Одновременно резко увеличились темпы геологоразведочных работ, которые дали большой прирост рудных и угольных запасов и поставили вопрос ребром о составлении проекта комбината вдвое большей мощности, чем это было принято ранее. Но для этого нужно было резко увеличить темпы инженерно-геологических работ.

По инициативе Завенягина руководителем инженерно-геологического сектора был выдвинут инженер К.И. Ярцев. Под его руководством и при участии геолога Б.С. Павлова отыскиали на ряде участков возможных строительных площадок комбината скальное основание, залегающее на глубине 8–10–14 метров. Выявили участки с галечно-гравийными грунтами, дающими при оттаивании ничтожный осадок... Теперь можно было с большой надежностью решить проект комбината.

Но, прежде чем решать, нужно было установить общие принципы. Проектный отдел разработал их под руководством начальника комбината.

Было установлено, что комбинат должен являться вполне законченным предприятием, рассчитанным на конечную продукцию: чистый электролитный никель, чистую электролитную медь. Близ комбината будет стоять город, где люди станут жить не год-два,

а длительный срок, имея не только нормальные, но значительно улучшенные бытовые условия, что должно компенсировать суровость местного климата. Анализируя возможность строительства на Крайнем Севере, норильчане доказали, что рентабельным в Арктике может быть только очень мощное предприятие.

Этот принцип, то есть принцип создания комбината, оборудованного самыми совершенными машинами, и был положен в основу нового технологического проекта Норильска.

ДАЛЕКО СМОТРЕЛ

РАССКАЗЫВАЕТ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НОРИЛЬСКА
ЭНЕРГЕТИК КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЫШОВ (1981 г.)

С высоты моего жизненного опыта оценивая Захватаева в первый год его пребывания в Норильске, — даже не верится, что ему только-только исполнилось тогда 37. Работать с ним — это была удача. Я его наблюдал в самых разных ситуациях и никогда не видел, чтобы он выделял себя чем-то, давил авторитетом или голосом. Часто приходил на стройплощадку в шесть утра, участвовал в планерках, в установлении заданий и сроков — и никто бы не сказал, что ведет себя как нарком... Хоть и не опускался до панибратства. Опыт его чувствовался. Это — конечно, личные качества — тоже.

Вспоминается, например, аврал, когда ветер опрокинул деревянные фермы анкерного типа ВЭС-2. Он быстро организовал крепление с помощью тросов, лично возглавил работу. Не ушел, пока существовала опасность... А замесы бетона? Их же делали вручную, а он распорядился — проложили деревянные пути, построили эстакаду, бетон пошел по желобам, шахтные вагонетки появились... Без всего этого, не знаю, сколько провозились бы с фундаментом, он же там четырехметровый.

Что рудники открытых работ — его идея, каждый, наверно, знает. А я другой пример приведу —

как не держался за неправильное решение. Построили фабрику для промывки золота, возили песок с Угольного ручья — толку нет, убыток один.

Тогда А.П. говорит: «Закрыть фабрику, переоборудовать под прачечную, китайцев туда перевести...» Видно, знал, что никто лучше их с этой работой не справится.

Чуткий человек, всегда поможет, талант... Мечтал о социалистическом городе, пролетарском центре. Не только металлургическом, а и медицинском и культурном... Высокие цели ставил, далеко смотрел.

БЫЛ РЕШИТЕЛЕН

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ИНТЕРВЬЮ ЗАХАРА ИЛЬИЧА РОЗЕНБЛУМА
(1989 г.), ОРГАНИЗАТОРА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
СЛУЖБЫ НОРИЛЬЛАГА

Когда наш этап доставили в Норильлаг, медицина в нем была в зачаточном состоянии; амбулатория в отдельном лаготделении, небольшой стационар во 2-м л/о, хирургия только так называлась, хирургов — ни одного, заведовал ею фельдшер Шацкий... Поэтому организаторы норильской медицины Сергей Смирнов, которого уговорил в Москве Завенягин приехать к нему, и Георгий Попов, заключенный, занявшийся своим делом, нас, медиков, из этапа тут же выловили.

Попали мы во 2-е лаготделение. Несколько дней были на общих работах (четыре врача, помню, конюх, зоотехник и другие). Строили бетонорастворный узел. «Сил не тратьте, — сказал десятник. — Отошло начальство — не вкалывайте».

В эти самые дни Г.А. Попову поручили организовать стационар в шестом бараке — лагерную больницу, она же «палата» на 26 человек. Лечебное дело поручили формально Слепцовой, фактически — мне, навезли строителей, те охотно строили, стекла вырезали из соседних бараков... Спешка объяснялась потоком дизентерийных больных.

Должен отметить сразу, что из первых 26 больных выжил один: умирали очень быстро... Так вот. Когда приготовили «палату» — нары сломали, полы покрасили, импровизированная ванная, процедурная, — к нам перевели воровок, проституток... то есть санитарок. С глубокой человеческой благодарностью до сих пор вспоминаю их: как они мыли, носили на руках умирающих, вымытых, улыбающихся людей — умирающих.

Попов, я, хирург Кавталадзе из Грузии, терапевт Кузнецова из Свердловска, Николай Васильевич Тарасов — старший фельдшер на положении «старшей сестры», аптекарь Ляндрес... Мы тоже работали, как могли, изо всех сил. Слепцова пробивала у начальства все, что нужно. У эков ничего «пробивать» и не приходилось — такое встречали понимание... И вот появляется А.П. Завенягин в сопровождении свиты, включающей санитарное начальство.

Завенягин: «Сергей Михайлович, какие у вас нужды, чего не хватает?»

Справа — вот так — свита, слева — мы, работники стационара. Сергей Михайлович Смирнов показывает в нашу сторону: мол, им лучше знать...

Мы, не стесняясь, рассказываем, чему стали свидетелями, перечисляем, что нужно. Первое: коллективную уборную, куда без резиновых сапог не подойти, классический рассадник инфекции, убрать и сровнять с землей. Иначе с дизентерией не справиться. Второе: обеспечить питание, вплоть до яблок (тогда в моде была яблочная диета, мы в нее верили). Третье: при малейших признаках болезни освобождать от работы.

Тут выяснилось, что прежнее медруководство дезинформировало Завенягина: цинга. А значит, свежий воздух, труд, овощи — и все пройдет! Смертность не снижалась, и в один прекрасный день Завенягин не поверил... И от нас услышал совершенно иное: максимально оберегать от всяких перегрузок.

Не было в нем начальственного вида. Очень внимательно выслушивал. Оставил очень хорошее впечатление. И все же мы не верили, что он «пойдет у нас на поводу с нашими фантастическими требованиями».

Реальность превзошла все ожидания. На следующий день — аврал. Вozами вывозили содержимое ямы. Следов от нее не осталось. Последовал строжайший запрет на привлечение больных к работе. Продукты — как в сказке, все обнаружилось на складах, даже яблоки. Такая история.

КОГДА УСПЕВАЛ ЧИТАТЬ?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРА ЕМЕЛЬЯНОВИЧА
ВОРОНЦОВА, НАЧАЛЬНИКА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА НК
ПРИ ЗАВЕНЯГИНЕ

...Я было уже собрался уходить, но Авраамий Павлович, перекладывавший книги, вдруг остановил меня:

— Вот, нашел. — Он держал в руках тоненькую книжечку. — Здесь есть материал о Бегичеве... Завидую таким людям. Вот в ком была русская богатырская удаль, бесстрашие! Большой знаток Таймыра и Севера. Ведь он и погиб где-то здесь, на Таймыре... Обязательно почитай. Интереснейший человек.

Когда успевал читать Завенягин — сказать просто трудно, но те, кто знал его хорошо, говорят, что он читал много. Видимо, отдавал на это ночные часы, так как «досугов» у него не было.

ИСКАТЬ ЛЕНИНГРАДЦА!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
АЛЕКСАНДРА ЕМЕЛЬЯНОВИЧА ШАРОЙКО

...— Александр Емельянович, — с ходу заговорил Авраамий Павлович. — Нам надо найти человека, который бы смог создать проект города-красавца. Когда мы строили Магнитогорск, то находились еще в плену представлений эпохи первой пятилетки. Здесь, в Заполярье, нельзя строить обычный город из стандартных домов. Здесь все должно быть по-другому. Зеле-

нюю Норильск не украсить — значит, надо украшать его современными жилыми ансамблями. В домах нужно создать все удобства, чтобы ванная была в каждой квартире. Человек, приходя с работы, должен попадать в самые благоприятные условия быта. Пусть у него будет уютное жилище, горячая вода, электричество, хорошая пища. Вот ты много лет прожил в Ленинграде, и я там жил. Считаешь ли ты этот город красивым, достойным, чтобы ему подражали?

— Авраамий Павлович, красота Ленинграда признана всем миром.

— Значит, нам надо искать ленинградца. Норильск должен проектировать человек с мужественным характером, художник, воспитанный на красоте ленинградских ансамблей. Ему придется повоевать! Борьба, думаю, будет упорной, так как Норильск — особый город, с особыми условиями, и их не очень-то понимают в некоторых инстанциях.

Летом 1939 г. на Таймыр по приглашению Завенягина приехали два архитектора. Оба ленинградцы, оба художники со смелыми идеями и оба с достаточно крепкими характерами, умеющие отстаивать свою точку зрения. Это были Лидия Владимировна Миненко и Витольд Станиславович Непокойчицкий. Жена и муж.

ЕГО ДОМАШНИЙ ПУШКИН ИЗ ПИСЬМА ЕВГЕНИИ ЗАВЕНЯГИНОЙ Г.К. ВАХМЕНИНОЙ (1985 г.)

Теперь по поводу обстановки в доме А.П. Завенягина. Я разговаривала с братом, мы пытались совместными усилиями что-либо вспомнить, но смогли восстановить в памяти очень немногое. По-видимому, это объясняется тем, что обстановка в доме была предельно скромная, как, впрочем, и в других домах и квартирах, в которых жил отец в последующие годы. Вот что мы вспомнили: комнат было три, не считая маленькой кухни. Первая комната что-то

вроде столовой, где вспоминался только прямоугольный стол, довольно большой, и стулья. Из этой комнаты две двери вели в так называемую спальню, где стояли деревянная кровать, тумбочка и книжный шкаф с застекленными дверцами, и в кабинет, где были письменный стол, кожаный диван и такой же книжный шкаф, как и в спальне.

Никаких мелких предметов типа настольной лампы или чего-либо другого брат не помнит. Ковра на полу не было. Портьеры темные, плотные, это брат помнит точно, потому что он много занимался фотографией в кабинете, в котором и спал, когда приезжал в гости к отцу. Кстати, отец тоже увлекался фотографией всю свою жизнь, и в Норильске у него был аппарат ФЭД и фотопринадлежности. На тумбочке у отца всегда лежал томик Пушкина. Это было и потом. В Норильске с ним был наш домашний Пушкин, академический 10-томник, выпущенный к 100-летию со дня гибели Пушкина. Он есть у нас в доме и сейчас.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ «ВИТАМИНКИ»

РАССКАЗЫВАЕТ ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ СИДОРОВ (1988 г.),
УЧАСТНИК СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ,
УЗНИК НОРИЛЬЛАГА

В 1941 г. в лагере началась цинга, для борьбы с которой на Ламе силами заключенных строилась витаминная установка. В 1942 г. на Ламу прилетел Завенягин, крестный отец «витаминки», чтобы осмотреть строительство. Я попросил начальника, чтобы мне разрешили поговорить с Авраамием Павловичем об отправке на фронт. Меня подвели к человеку с усами, среднего роста, в длинном кожаном пальто и форменной фуражке.

— Сидоров, Карабанов, на фронт?

— Да.

— Вам придется написать заявление на имя военкома.

— Написали...

— Но вы и здесь нужны, здесь все равно что на фронте, — помолчав, сказал он, не желая, как я сейчас понимаю, лишний раз обижать нас.

От заключенных мне часто приходилось слышать, что Завенягин кого-то расконвоировал за хорошую работу. Расконвоированных было много, а это — большое дело!

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ С БОЕМ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФЕДОРА ТРИФОНОВИЧА КИРЕЕНКО

Впервые я увидел Завенягина только в 1942 г. на совещании по перспективам развития Норильского комбината. Встречался с ним всего два раза и, разумеется, не могу характеризовать его. Скажу лишь, что показался он мне не таким, как иногда его изображают. Я не заметил в нем ни красоты, ни импозантности, медлителен в движениях и речи, на собеседника смотрел, не отводя глаз, даже когда слушал.

На совещаниях он вынимал карманные часы с боем и клал на стол перед собой. Это могло служить предупреждением для всех — быть кратким в выступлениях. Но вместе с тем никого не торопил, не предупреждал, не перебивал. Всех выслушивал внимательно, не отвлекаясь.

В 1942 г. я докладывал о предложении по усовершенствованию технологии переработки руд. С замечаниями против применения старого способа получения хлора выступил профессор П. Лукьянов, и между нами начался спор. Профессор сердился, я сопротивлялся, хотя мои позиции были слабее. Профессор наблюдал за процессом на заводе в Германии и знал воочию его недостатки, мое же мнение еще предстояло доказать на практике. Я проигрывал.

Завенягин оживился было во время спора, но никак не обнаружил своей позиции. Это обеспокоило меня, но запрещения не последовало, исследования мы продолжали беспрепятственно. Позже профессор А.А. Цейдлер рассказал, что Завенягин интересовался состояни-

ем исследований, спрашивал у него подробности. Следовательно, он знал, что они продолжаются... Не знаю, всегда ли таким образом Завенягин разрешал споры.

ОЧЕНЬ МАЛО СПАЛ

РАССКАЗЫВАЕТ АРХИТЕКТОР В.С. НЕПОКОЙЧИЦКИЙ

Его работоспособность была удивительной. Работая до глубокой ночи, он обычно рано, часов в шесть утра, уже обходил какую-либо из новостроек... Зная об этом, мы просто поражались его трудолюбию. Это была полная, искренняя отдача человека своему делу... Видя его пример, многие норильчане не ограничивали себя установленными часами работы.

ОБЕЩАННОЕ НОВОСЕЛЬЕ

ИЗ ПИСЬМА КЛАВДИИ МИХАЙЛОВНЫ УДОДОВОЙ (1984 г.)

16 ноября 1942 г. в Норильск прибыли эвакуированные из Тырныауза с семьями.

...Нас поселили всех вместе в новых теплых бараках с нарами и дообмундировали (кто в чем нуждался). Плохо было с детской одеждой, но ватниками и одеялами всех снабжали.

...В барак, где мы жили, пришел А.П. Завенягин (он прилетел в командировку), со всеми поговорил и сказал: «На работу оформляйтесь после того, как почувствуете себя способными работать». Обещал всем помочь с жильем. И действительно, к новому, 1943 г. нам всем дали по комнате на семью в новых гипсовых домах (так их тогда называли).

ЗАСЛУЖИЛ СТРОКУ В МЕМОРИАЛЕ

ИЗ ПИСЬМА П.А. ЭРЕЦА, БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
ГОРНОГО ОТДЕЛА ПРОЕКТНОЙ КОНТОРЫ (1991 г.)

Завенягина обвиняли в потакании «врагам народа», фактах расконвоирования специалистов, переводе их из строительных котлованов на работу по профессии и квалификации, недостаточном выдвижении вольнонаемных кадров и т.д.

Тот разбор «дела» был очень острым. Даже местный начальник милиции упрекал А.П. за слабое ведение дел... милиции. Я тогда не думал, что следует запомнить каждый факт...

Во времена Завенягина на комбинате «эксекуций» не было, а что было за его пределами, судить не могу. Осуждать Завенягина за то, что не принимал в горную академию друзей-единомышленников Каменева и Зиновьева, тоже не приходится: они наверняка вели себя точно так же. Что касается Кагановича, то кто тогда был лучше в верхах? Я знаю о его деятельности на железнодорожном транспорте, ибо в 1935–1936 гг. работал на Среднеазиатской железной дороге. Мне говорили: «Хорошо, что ты прибыл после посещения наркомом... Мог бы и не уцелеть». (Автор — репатриант из Харбина, это обстоятельство и стало впоследствии поводом для репрессий в отношении «шпиона». — *Ред.*) А А.А. Андреев был лучше? Он в 1938 г. проводил расстрелы в Куйбышеве (я там проходил следствие) и дальше — до Свердловска.

Не буду поминать других членов Политбюро и ЦК... Все хороши. Только Завенягин был ко мне по-человечески хорош, за что буду помнить его до смертного часа. Не надо делать для него скидок — время было такое. «Сколько умерло при нем в Норильске!» — при другом погибло бы больше. Нас он берег, то же делали его преемники, следуя традиции.

А как же с памятником жертвам сталинского режима? Если там есть доска, включите имя Авраамия Павловича — тоже не по своей воле попал в Норильск.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИНЖЕНЕРА
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА РОЗНАТОВСКОГО

«СЧИТАЙТЕ СЕБЯ УВОЛЕННЫМ»

Как-то Авраамий Павлович высказал желание поселиться в одном из новых домов и выбрал себе квартиру. Я распорядился отделать ее как можно лучше и, довольный собой,

пригласил его осмотреть. Авраамий Павлович восхитился отделкой, пожелал добиться такого качества во всех квартирах и... отдал квартиру лучшему шахтеру. Мне здорово влетело, а он выбрал себе другую квартиру, рядовую.

В другой раз начальник снабжения прислал на квартиру Завенягина дефицитные в Норильске продукты. Авраамий Павлович спросил:

— Вы всем уже имеете возможность доставлять такие продукты на дом?

— Нет, что вы!

— Тогда считайте себя уволенным.

Слово свое начальник строительства сдержал.

АДРЕС ВОРОШИЛОВА — ФРУНЗЕ, 19

...Мы с Прохоровым тоже уселись на нары. Петренко с воодушевлением разглагольствовал:

— А началось, ребята, с того, что я заметил, как раскачиваются лампочки на столбах. Ну, думаю, дает ветер! А грянут пятидесятиградусные морозы и сорвутся дикие пурги? Я спросил Александра Ивановича, он уже засел в Норильскснабе, сколько лампочек занаряжено Норильскстрою до следующей навигации. Двести тысяч штук, вот такую он дает справку. Все ясно, думаю, в середине полярной ночи Норильск погрузится во тьму. И пишу заявление нашему главному начальнику Завенягину: есть все основания считать, что в феврале Норильскснаб израсходует последнюю лампочку, потому что в условиях Заполярья срок службы осветительных приборов существенно сокращается. Имею по этому поводу конкретное предложение — прошу принять лично.

На другой день в бараке курьер с винтовкой: срочно за мной, вещей не брать. И прямо к Завенягину. А мы с ним и на воле были немного знакомы: он требовал в Наркомтяжпроме всякое оборудование для Магнитостроя, где работал директором, я по своей линии старался удовлетворить. «Знаете ли вы, — говорит он, — что Госплан решительно отклонил нашу просьбу о большем количестве лампочек? Вы собираетесь воздействовать на Госплан, который отказал мне?» Не на Госплан, говорю, в Госплан у меня нет ходов. Но

если разрешите дать личную телеграмму на склады Госрезерва, то там у меня были связи, в прошлом не раз выручали меня, а я, естественно, их. Он берет ручку: «Адрес складов Госрезерва, кто там начальником? — И объясняет: — Дам телеграмму от своего имени, можете идти». И тот же гаврик с винтовкой — дежурил за дверью — обратно в барак. Это было две недели назад.

— Две недели никому ни слова! — восхитился Прохоров. — Выдержка у тебя, Миша!

— Нечем похвастаться, вот и вся выдержка. Я ведь на что рассчитывал? Посадили меня без права переписки, знакомые наверняка думают, что расстрелян. А я, нате вам, — жив! Впечатление, понимаете! И вот дней пять назад снова посол с винтовкой. Завенягин мрачней нашего заполярного неба. «Вы издеваться надо мной вздумали, а ваши приятели заодно с вами?» И сует ответную телеграмму: «Материалами Госрезерва распоряжается маршал Ворошилов. Сообщаю его адрес: Москва, Фрунзе, 19». Я говорю: «Простите, гражданин начальник строительства, но ведь я предлагал послать телеграмму лишь с вашего согласия, но от своего имени». Он указывает на стол: «Пишите!» Я пишу: «Дорогой Коля, жив, здоров, работаю Норильскстрое. Очень прошу выделить для нашего заполярного строительства тысяч двести электролампочек, заранее благодарю. Петренко». Завенягин: «Сегодня же отправлю, но если и тут будет обман...» И поглядел — ударил! А вчера новый вызов, совсем другое лицо. Вежливо предлагает сесть, показывает телеграмму: «Счастлив, что ты здоров. Лично слежу продвижением вагона лампочек адресу Красноярск, контора Норильскстроя. Николай».

— Воистину, блат носит пять ромбов, — воскликнул кто-то из слушателей.

— Покажи телеграмму! — потребовал Прохоров.

— Еще чего! На ней же стоял шифр «секретно». Хотя и мне адресована, но держать ее не имею права. Я не кончил, ребята. Завенягин говорит: «Завтра вас переведут из бригады общих работ в Норильскснаб. Получите пропуск для бесконвойного хождения по всем производственным объектам,

вам также назначается персональный оклад в размере двухсот пятидесяти рублей в месяц».

*Из «Норильских рассказов»
Сергея Снегова*

ПУСТЬ ГОРЯТ КОСТРЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВИЧА БИТАДЗЕ,
ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

На Горной улице возводился двухэтажный дом. Однажды объект посетил Завенягин, которого на стройке никто еще не знал в лицо. Он разговаривал с рабочими. Те стали жаловаться на нехватку материалов, инструментов.

— Придется обратиться к самому Завенягину...

— Обратитесь, — посоветовал незнакомец.

Но обращаться к начальнику комбината не пришлось. Придя на второй день на объект, рабочие были удивлены: на площадке появились лесоматериалы, а в инструменталке — топоры, гвозди и многое другое, чего до этого не хватало.

— Вы были у Завенягина? Жаловались? — недоуменно спрашивал рабочих прораб.

Те тоже недоумевали сначала, а потом догадались: это же Завенягин был у нас вчера!

* * *

...Как-то с проектом новых складских помещений для Дудинки зашел к Завенягину.

— Значит, склады? А из чего думаешь строить? Учти, кирпича и цемента в обрез...

— Но и склады срочно нужны... Думаю, из гипсолита...

— Но и блоки на строгом учете.

— Предлагаю делать опалубку и заливать гипсолитом.

Завенягин задумчиво заходил по кабинету.

— Гипсолит... Но в Дудинке влажность большая. Поползут стены... И в то же время — заманчиво. А что, если... — Завенягин круто повернулся, — в гипсолит добавить хлористый кальций? Влажность стен понизится. И увеличится морозостойкость.

Я, конечно, не мог не согласиться с таким предложением, но только удивился тому, что Завенягин тонко разбирается в строительном деле. Несомненно, он урывал время на его изучение.

...Механизмов на стройке не доставало. Разработку мерзлого грунта вели вручную сотни рабочих. Мешали снежные заносы. Авраамий Павлович каждый день на стройке. Уже ясно, что к январю завод не построить. Как ускорить дело?

Старожилы Норильска вспоминают, что как-то в этот момент Завенягин собрал десятников, бригадиров.

— Что получается сейчас на строительстве, — говорил он. — Люди приходят утром на работу. Все котлованы за ночь занесло снегом. Очищают их, подвозят материалы. Потом в котлованах жгут костры. К концу смены земля успевает оттаять на два-четыре сантиметра. Но и эту землю едва успевают выбросить: день окончен, пора домой. Сделайте так. Из бригад строителей отберите тех, кто послабее, создайте из них группы истопников, к концу дня доставьте к стройкам дрова и уголь. Пусть все вечерние и ночные часы в котлованах горят костры. К утру земля оттает на значительную глубину: когда придет утренняя смена, то для нее сразу же откроется большой фронт работ...

С тех пор по ночам котлованы светились от костров, а строительная площадка была окутана густыми клубами дыма.

ДАЕШЬ ШИРОКУЮ КОЛЕЮ!

РАССКАЗЫВАЕТ НИКОЛАЙ НИКИФОРОВИЧ ЛАЗАРЕВ (1960 г.),
ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ 1966 г.

В Норильск я приехал в 1939 г. после окончания Ленинградского университета. И первым, кого я здесь встретил, был Авраамий Павлович Завенягин. У него было раз и навсегда установленное правило — лично беседовать с каждым, кто прибывал на строительство.

Авраамий Павлович расспросил, кто я, откуда, что умею делать, чем мне хочется заниматься.

Узнав, что я окончил географический факультет, Авраамий Павлович моментально оживился:

— Так это, молодой человек, просто замечательно! Знаете, кто нам больше всего сейчас нужен? Изыскатели!

Как у руководителя, у него была одна изумительная черта — он умел привить собеседнику любовь к тому делу, которым был захвачен сам.

Поговорил я с Авраамием Павловичем, казалось бы, совсем немного, он уже тогда, после нашей первой встречи, был убежден, что мое место на изысканиях. Самым важным в этот год было проектирование комбината — а оно нуждалось в громадных изыскательских работах.

Несмотря на противодействия некоторых центральных организаций, Авраамий Павлович принял смелое, дальновидное решение — проектировать комбинат на месте. Решение это было очень верным: наш комбинат ведь строился в необычных условиях вечномерзлых грунтов и сурового климата.

Существующая в те годы узкоколейная железная дорога работала с перебоями, не справлялась с перевозкой возрастающего потока грузов. Назрела необходимость в строительстве железной дороги широкой колеи. Но на совещание, созванное специально по этому вопросу, пришли экономисты с множеством цифр и стали доказывать ненужность широкой

колеи. «Закончится строительство, и возить-то будет нечего!» — говорили они. Авраамий Павлович просто высмеял их, правда, спокойно (что было вообще ему присуще), но очень метко.

После совещания Авраамий Павлович зашел к нам в палатку (она стояла там, где сейчас ДИТР) и долго беседовал о будущей железной дороге с инженером-путейцем Бесперчим, который страстно отстаивал необходимость широкой колеи.

МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ ВЛАДИМИРА СТЕПАНОВИЧА ЗВЕРЕВА (1977 г.),
ДИРЕКТОРА НГМК С 1948 ПО 1954 г.

В Норильск я был командирован летом 1940 г. в качестве члена комиссии наркомата.

В задачу комиссии входило: проанализировать состояние строительства и подготовить предложения по ускорению развития НК. При рассмотрении на комиссии этих вопросов выяснилось, что у Авраамия Павловича мнение по вопросу проектирования горных предприятий расходилось с предложениями проектной организации и большинства членов комиссии.

Завенягин предлагал разведанные бедные вкрапленные руды вскрывать и добывать открытым способом, а нижележащие жильные руды — горизонтальными штольнями и добычу вести подземным способом.

Предлагая увеличить одновременную добычу руд, Завенягин обосновал строительство комбината на большую мощность. Проектировщики, да и члены комиссии, высказали сомнение, что в условиях пург и сильных морозов возможна эксплуатация рудников открытых работ. Предлагали вскрывать рудное тело шахтами, ограничить значительно мощности будущего комбината и строительство вести до получения полупродуктов...

Имея опыт строительства Балхашского комбината и рудника открытых работ Коунрада, я полностью был на стороне А.П. и защищал в комиссии его предложения.

Говоря об этом факте подробно, я имею в виду на этом примере показать Авраамия Павловича как человека государственного мышления, человека больших масштабов.

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВСПОМИНАЕТ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ,
НОРИЛЬЧАНИН В 1936—1957 гг.

Когда А.П. Завенягин получил повышение, на его место назначили начальника Дудинского отделения комбината. Руководящие работники комбината с А.А. Панюковым общались редко, мало его знали и были немного обеспокоены, что вслед за ним в управлении появятся бывшие сослуживцы начальника по Дудинке. Этого не произошло. Панюков не делал перестановок, быстро сработался с норильским коллективом. Когда А.П. Завенягин прилетел в Норильск вручать государственные награды, ему преподнесли как «сенсацию» и, видимо, в преувеличенном виде некоторые факты из личной жизни А.А. Панюкова.

Я работал на БМЗ, шел по промплощадке на обед, а мне навстречу в форме НКВД А.П. Завенягин, в окружении сопровождавших. Я отошел на обочину дороги, но А.П. остановился, глядя на меня, — видимо, вспомнил. Немного смутившись, я с ним поздоровался, а он, ответив, спросил, где я сейчас работаю; кто-то из сопровождавших записал мою фамилию, как я думал, для простой формальности.

В конце рабочего дня меня вызвал начальник завода и, нахмурившись, спросил, о чем я писал Завенягину.

— Ничего не писал, случайно встретились и поздоровались, как прежде.

Оказалось, звонил референт и просил передать мне, чтобы я взял паспорт и к 8 часам вечера пришел на прием в коттедж для приезжих.

Заводской начальник добавил: «Лишнего там не болтай». Наверное, имел в виду недавний несчастный случай со смертельным исходом.

*В вестибюле ДИТРа А.П. Завенягин (слева),
А.А. Панюков (в центре) и В.И. Козловский (справа)*

Все это было большой неожиданностью и меня очень озадачило. Другой причины для встречи вроде бы действительно не было, а про тот случай я подробностей не знал. Не скрою, волновался, очень надеясь по пути в коттедж, что по какой-либо причине встреча не состоится. Но вот я на месте, охранник взял мой паспорт, после проверки вернул, стоявший рядом осмотрел меня с головы до ног и проводил в небольшую комнату. Из другой двери вышел улыбающийся А.П., уже в штатском костюме. Сопровождавший исчез. Разговор зашел о первых наших случайных встречах, прошедших событиях, знакомых обоим людям. Он задавал вопросы, на некоторые из них я ответить затруднялся, но беседа была непринужденной, в быстром темпе, я удивлялся его памяти и простоте обращения. Мое волнение убавлялось, подали кофе с «приложением», конец встречи явно отодвигался, и вдруг — разговор о Панюкове.

Завенягина не интересовало содержание пересудов, вопрос был в том, насколько глубоко они проникли в гущу народа и был ли к ним повышенный интерес. («Разве что среди жен руководящего состава», — ответил я.) Выслушав мое мнение, он сказал, что удовлетворен беседой. «А тем, кто будет спрашивать об этой встрече, скажите, что пригласил вас на чашку кофе как старого знакомого». Потом поинтересовался, есть ли у меня какие-нибудь просьбы. О них я и не думал, поблагодарил за внимание.

Перед тем как попрощаться, он вдруг спросил, который час, я посмотрел на свои карманные: 15 минут десятого.

В конце следующего дня мне позвонили из торгового отдела и просили зайти за получением ордера на ручные часы. Потом стало известно, что А.П. Завенягин приглашал к себе нескольких «знакомцев», которые помогли разобраться в обстановке и решить «кадровый вопрос».

ГОЛОС НЕ ПОВЫШАЛ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛЯРНОГО ЛЕТЧИКА
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БАЛАШОВА (1989 г.)

Помнятся встречи с Завенягиным. Первый раз — на Диксоне, в сентябре 1942 г., когда наша группа, направляясь к месту организации новой авиабазы в Обско-Тазовской губе, ожидала улучшения погоды. Авраамий Павлович прилетел на самолете Веребрюсова вместе с другими руководителями. Ясно — по служебным делам. Но он нашел время прийти в гидропорт, рассказать о положении на фронте, о важности нашей «точки». Вместе с нами пил чай в каюткомпании...

Другой эпизод — четыремя годами позже. Завенягин летел из Норильска в Красноярск (на До-24, с Т.И. Еременко) и собирался сесть в Таежном. Владимир Степанович Зверев дал мне задание обеспечить посадку на Енисее. Дело это оказалось по ряду при-

чин сложным, и, вернувшись с обследования, я доложил Авраамии Павловичу обстановку. Тот не стал настаивать, полностью доверяя моему заключению: «Что ж, нельзя — так нельзя...». Корректно, спокойно. Голос не повышал, не приказывал, не отчитывал...

...Он за короткое время создал проектное управление, подобрав в него высококвалифицированные кадры всех специальностей, которые успешно выполняли важнейшие правительственные задания.

Одновременно с разработкой технического проекта под его руководством было широко развернуто строительство: жилье во временном поселке; предприятия стройматериалов, ремонтно-механические цехи; складская база, узкоколейная железная дорога Норильск—Дудинка, причалы и склады в Дудинке и ряд других необходимых объектов.

Все это строительство выполнялось по проектам и сметам на определенные объекты, которые утверждал на месте тов. Завенягин.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УМ

ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНА МАКАРОВИЧА ПЕРФИЛОВА (1976 г.),
НОРИЛЬЧАНИНА С 1937 г., СТРОИТЕЛЯ, ПОЧЕТНОГО
ГРАЖДАНИНА НОРИЛЬСКА

До строительства БМЗ и БОФ Авраамий Павлович хотел проверить технологию производства никеля из норильских руд, для чего в срочном порядке были построены опытная обогатительная фабрика и ММЗ, и в конце июня 1939 г. завод выдал первую плавку металла. Идеи и мысли А.П., заложенные в технический проект, — оправдались. После этого, не ожидая утверждения технического проекта, началось строительство БМЗ.

В этот же период по заданию А.П. мы приступили к строительству Норильской ТЭЦ, запроектированной на скальном основании. По его инициативе для разработки скальной сопки были применены массовые взрывы и мощные механизмы: экскаватор «Бю-

*На строительстве ТЭЦ А.П. Завенягин (третий справа),
В.С. Зверев (с папирсой) и другие руководители комбината*

сайрус», 60-тонные железнодорожные платформы «думпкары» с паровозом, что позволило ускорить строительство ТЭЦ и испытать это оборудование для дальнейшей работы на РОР (руднике открытых работ).

Мы, норильчане, всегда ощущали непосредственную помощь А.П. из Москвы. В августе 1942 г. он посетил НК и детально ознакомился со всеми объектами комбината. Во время встречи на строительстве ТЭЦ он дал мне, как начальнику строительства, указание — пустить досрочно внеочередную часть ТЭЦ (с турбиной мощностью 25 000 кВт — к 15 декабря). Коллектив строительства ТЭЦ воспринял это как боевое задание, и 13 декабря 1942 г. раздался первый гудок ТЭЦ. Комбинат и город стали получать в достаточном количестве электроэнергию.

Вспоминая деятельность А.П.З., необходимо отметить его личные качества:

он являлся работником государственного масштаба;

проявлял большое внимание к воспитанию кадров и большую заботу о людях;
полностью отдавался работе;
имел твердый характер;
обладал феноменальной памятью.

А.П. — это был человек, вся жизнь которого — подвиг. Я считаю себя учеником А.П.З. и этим горжусь.

ЦЕНИЛ ВРЕМЯ. СВОЕ И ЧУЖОЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА БОРИСОВИЧА ИОФФЕ (1985 г.),
РУКОВОДИТЕЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕСТНЫХ
СТРОЙМАТЕРИАЛОВ. А.П. СПОСОБСТВОВАЛ ЕГО
ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ ЛАГЕРЯ УЖЕ В 1944 г.

Встречи с Авраамием Павловичем Завенягиным всегда обогащали и запоминались. Он умел выслушать, быстро разобраться в вопросе, найти основное звено в цепи; не откладывая, принять решение с учетом перспективы и интересов сегодняшнего дня. Как правило, принятые решения не пересматривал и настойчиво требовал их реализации. Все это делалось просто, с присущим ему юмором, без излишних и громких фраз, которые он терпеть не мог, без повышения голоса и давления на докладчиков и присутствующих. Любил он послушать новых для него людей. Если высказывания были конкретны и немногословны, свидетельствовали о знании вопроса, об интересном подходе к решению, он сразу запоминал, как зовут собеседника, узнавал о нем все необходимое для лучшего использования его знаний и опыта, не исключая личные его заботы и нужды. Многоречивые выступления, рассуждения без глубокого и конкретного знания дела, желание показать эрудицию — вышучивал, встречал иронически. Ценил свое и чужое время, незадачливый оратор обычно к нему в кабинет больше не попадал.

Решения принимал смелые, ответственные. Послушает мнения интересующих его людей, помолчит, раздумывая, иногда посвистит какой-нибудь классический мотив, затем скажет: «Делать будем так...» — и продиктует стенографистке текст приказа.

КИРПИЧ ИЗ ВОРОНЕЖА?!

На быстро разворачивавшемся в годы Великой Отечественной войны строительстве Норильского горно-металлургического комбината складывалось очень тяжелое положение из-за нехватки стеновых и вяжущих материалов.

Качественных кирпичных глин ни в окрестностях Норильска, ни в близлежащих районах не было. Ранее выстроенный полукустарный завод выпускал совершенно недостаточное количество строительного кирпича, к тому же низкомарочного и очень малой морозоустойчивости.

Завоз кирпича с материка был сложен. В районах Красноярского края излишков его не было, не хватало и для собственных нужд, а получение из Сибири и центральных районов страны, в частности Воронежской области, было связано с железнодорожным и водным транспортом (в военное-то время) и с многократными перевалками. Это приводило к огромному бою кирпича, потере его качеств, баснословной стоимости.

На мысе Входном. Слева — А.П. Завенягин

Надо было строить завод большой производительности в Норильске. С лучшими предприятиями страны мы к тому времени ознакомились и представляли себе, какой завод и с какими цехами нам нужен. Но геологи все еще не находили подходящего сырья.

После многих опробований, лабораторных проверок были найдены довольно сложные технологические приемы, позволяющие организовать производство качественного красного кирпича из местных глин и необычного сырья — алевролитов (аморфизированных глинистых сланцев, распространенных в Заполярье). Кирпич в лабораторных условиях получался хорошей формы, без отбитостей и деформаций, высокой морозостойкости. Изменяя в составе массы количество молотого порошка из алевролитов, можно было получать кирпич заданной марки.

Получив «добро» Авраамия Павловича, весь материал, как полагается, отправили на экспертизу в Московский химико-технологический институт им. Менделеева. Вскоре было получено отрицательное заключение. Время уходило, строительство по-прежнему сдерживалось отсутствием стеновых материалов.

Вновь сделали несколько опытных партий кирпича. Вручную приготавливали массу, формовали и затем сушили и обжигали сырец в печи действовавшего завода. Полученные образцы, технологическую схему, пробы сырья, все анализы (к этому времени стали известны кислотоупорные свойства алевролитов) вновь послали на экспертизу. Но поколебать мнение ученых, считавших нецелесообразным изготовление кирпича из этого сырья, не удалось. А в то время, пока шли испытания, отсылались пробы и приходили отрицательные заключения, в срочном порядке был запроектирован кирпичный завод № 3.

Удрученные результатами экспертиз, мы пошли к Авраамию Павловичу — он был в курсе дела. Ознакомившись с мнением специалистов из МХТИ, лабораторными данными и заводскими образцами, Ав-

раамий Павлович развернул чертежи. Ему подробно доложили о принятой технологии, объемах производства, качестве продукции, технико-экономических показателях...

«Ну и сколько будет стоить ваш завод?» — спросил он. В связи с усложненной технологией, потребовавшей организации специального карьера, дополнительных цехов для сушки и помола сырья, устройства двух печей, цеха крупных кирпичных блоков, высокого для того времени уровня механизации, завод стоил более 70 млн рублей.

Авраамий Павлович призадумался, но через минуту-другую на головном листе проекта написал: приступить к строительству.

Завод построили, пустили в эксплуатацию и освоили значительно быстрее, чем это предусматривалось соответствующими нормами Госстроя СССР. Из первой партии кирпича ящик образцов был послан А.П. в знак благодарности за то, что поверил своему коллективу, взял на себя ответственность за строительство завода вопреки мнению экспертизы.

Завод стал вскоре основным поставщиком стеновых материалов для промышленного и гражданского строительства в Норильске.

«НА РЕДКОСТЬ СЧАСТЛИВАЯ УДАЧА»

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ ЗВЕРЕВ

В годы войны Авраамий Павлович часто прилегал в Норильск. Но, к нашему удивлению, он занимался не только вопросом, как можно дать еще больше никеля сейчас, сегодня, фронту, но и вопросами строительства первой очереди Норильского комбината по полному циклу.

Когда мы недоумевали, то он спокойно разъяснял нам, что победа не за горами, что после победы нам будет нужно очень много меди для восстановления заводов, нам будет нужен никель — для наших машиностроительных заводов, нам будет нужен ко-

балыт для нашей авиации. Он говорил, что после окончания войны цветные металлы крайне понадобятся для новой техники, для техники завтрашнего дня, о которой мы сегодня еще и не мечтаем.

И это предвидение Авраамия Павловича сбылось, оправдалось полностью. Авраамий Павлович всегда интересовался всем, что имело отношение к Норильску, был всегда в курсе всех дел, знал хорошо кадры, знал, что строилось, как строилось в Норильске. Его помощь, внимание всегда воодушевляли норильчан.

И работать вместе с Авраамием Павловичем, я бы сказал, было не просто приятно, это была на редкость счастливая удача для человека...

«НИКЕЛЬ... РЕШАЕТ СУДЬБУ ВОЙНЫ»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А.П. ЗАВЕНЯГИНА

НА СОВЕЩАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО АКТИВА

...Война и обстановка острейшей нужды предъявляют и к Норильску чрезвычайно большие и срочные требования. В действительности от вашей работы, от вашей продукции зависит очень много в работе всей нашей промышленности, зависит очень многое в борьбе, которую ведет Красная Армия... А вы знаете, что никель нужен, что танки, знаменитые КВ... сильны прежде всего из-за никеля. Никель решает качество вооружения, решает качество боеприпасов, решает мощь Красной Армии, в значительной мере решает судьбу войны. Поэтому задача перед Норильском... такая: дать как можно быстрее, как можно больше никеля. Задача поставлена в упор. Отсрочки на ее выполнение не будет дано...

...На будущий год к Норильску предъявляются весьма серьезные требования. Не только никель нужен, нужна электролитная медь...

Норильск может существенно помочь в этом деле. Может существенно помочь и кобальтом, который нужен для авиации. Наконец, весьма существенную роль будут играть и драгоценные металлы...

Таким образом, все виды продукции Норильска имеют важное оборонное значение. В этом свете и надо расценивать вашу работу.

Особенно важно в 4-м квартале дать как можно больше электролитного никеля, что и обещает коллектив малого металлургического завода.

...Вторая задача, может быть, даже более трудная — безотлагательно пустить теплоэлектроцентраль... ибо пускаемая теплоэлектроцентраль подводит мощную базу под работу всего комбината.

Следующая задача в 4-м квартале — это окончание строительства большого электролитного цеха. ...Эта задача трудная, на нее нужно всей силой навалиться коллективу Норильского комбината.

...На будущий год Норильск должен взять на себя программу гораздо большую по сравнению с 1942 годом. По электролитному никелю надо увеличить программу почти в 10 раз. Мы наметили на будущий год выдать всего 6000 тонн никеля, из них 4500 тонн электролитного. ...Мы наметили на будущий год выдачу 5000 тонн черновой меди. ...Медь, которая записывается в плане как черновая, надо выдать как электролитную. ...На будущий год намечается выдать 650 000 тонн угля и 180 000 тонн руды.

...На будущий год строители легко при помощи металлургов могут решить задачу и должны решить — расширить мощность БМЗ... Поскольку мощность металлургического завода... будет увеличена, постольку горнякам нужно будет крепко потеть, чтобы обеспечить рудой.

...Надо скорее переходить на добычу нормально вкрапленных руд и на обогащение в большом масштабе. Отсюда задача строителей — двинуть вперед быстрее строительство обогатительной фабрики. Задача эксплуатационников — подготовить к пуску фабрики в начале 1944 года.

...Норильский комбинат и в отношении строительства, и в отношении эксплуатации является одним из лучших предприятий... во всей стране.

...У комбината сложилась традиция давать продукцию сверх плана.

...Вместе с тем возможности дают право предъявить комбинату новые и большие требования.

...Неотложной задачей комбината является повышение технического культурного уровня.

...Комбинат должен позаботиться и привести в порядок дороги.

...Пора начать канализацию, иначе может быть неблагополучно в санитарном отношении.

...Город мы строим, но надо строить быстрее.

...К концу будущего года уже будет серьезный поселок с хорошими домами, с рядом первоклассных улиц.

...С пуском ТЭЦ имеется возможность подтянуть горные работы и в ближайшие 1,5–2 года ликвидировать отставание рудной базы. Мы должны поставить перед собой задачу — отказаться от добычи богатых руд, а перейти на добычу нормально вкрапленных.

...Горняки должны эту задачу за 2–3 года полностью решить. Задача чрезвычайно большая, задача трудная, но задача почетная и чрезвычайно интересная.

...Нет таких крупных рудников в Советском Союзе, каким будет Норильск в отношении добычи руды через три года.

...После войны Норильск должен будет стать одной из основных баз восстановления народного хозяйства... По достижении полной проектной мощности будет выпускать продукции на миллиарды рублей...

ЗНАЛ НАУКУ ПОБЕЖДАТЬ

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ДАРЬЯЛЬСКИЙ,
НОРИЛЬЧАНИН С 1941 г., ЛАУРЕАТ ГОСПРЕМИИ СССР,
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР НГМК, РЕКТОР КРАСНОЯРСКОГО
ИНСТИТУТА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Его имя было известно строителям и работникам промышленности. С его именем считались крупнейшие ученые страны. Он знал, какова жизнь в палатке, поставленной в открытой степи, и каким должно быть решение, если от него зависит судьба тысяч людей.

А.П. Завенягин при облете Таймыра

Это был энергичный и хладнокровный человек, умеющий управлять армией строителей и знать в этой армии по имени и отчеству не только главных инженеров, но и многих рядовых работников.

Он любил трудные дела, требовавшие от него всей души и всего сердца. За проект создания Норильского комбината Завенягин взялся с жаром. Он считал, что отдаленность не может пугать большевиков, так как недалеко то время, когда Северный морской путь и сообщения по Енисею значительно оживут, а по воздуху будут проложены скорые воздушные дороги; на Таймыр можно привлечь умные и опытные кадры со всей страны; будут, безусловно, найдены способы, как победить вечную мерзлоту и как на ней строить; для борьбы с цингой, пургой и морозами будет создан такой город, в котором люди купаются в электрическом свете, получают свежие овощи из теплиц и цветы из оранжерей.

Но больше всего ему были дороги размах строительства и ответственность задания. Начинался штурм Заполярья, и это стало частью его жизни.

Все было им взвешено и рассчитано — где брать лес, где строить порты, базы снабжения и конторы, совхозы и пионерские лагеря.

Центральные проектные организации готовили проект будущего Норильска для утверждения правительством, а Авраамий Павлович, находясь в Дудинке, с присущей ему необыкновенной энергией управлял обеспечением строительства, находясь на Диксоне — проводкой морских судов, назавтра в Игарке решал лесные дела, а послезавтра в Красноярске занимался погрузкой и отправкой оборудования судами по Енисею.

Как высокообразованный инженер и эрудированный специалист, Завенягин не согласился с вариантом проекта комбината, представленного центральными институтами, и принял прозорливое, необыкновенное решение — создать в Норильске, на комбинате, свою мощную проектную контору. Он считал, что если комбинат должен строиться и развиваться темпами, какие установлены, то можно справиться только при таком решении — проектировать комбинат на месте.

Завенягин отверг как абсолютно неверный вариант вскрытия и отработки основных рудников комбината подземным способом, что предусматривалось проектом, и предложил строительство рудников будущего Норильска вести открытым способом.

Завенягин создает сильный проектный отдел, в работе которого он принимает самое активное и непосредственное участие, предлагая более целесообразные варианты строительства рудников, шахт, металлургических и других предприятий. Он принимает и другое принципиальное решение: в Норильске надо выпускать чистые металлы, а не фэйнштейн, который будет лежать 9 месяцев омертвленным капиталом в Дудинском порту.

Проектанты работают дни и ночи над новым проектом комбината.

Аналогичного Норильскому комбинату предприятия не было не только в нашей стране, но и во всем мире. Технология переработки руд, подобных нашей месторождению, неизвестна была никому.

УМНЫЙ ГУМАНИСТ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЙОЖЕФА ЛЕНДЕЛА,
ВЕНГЕРСКОГО ПИСАТЕЛЯ, БЫВШЕГО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО

Я знаю Завенягина как начальника Норильска. Он был человечен, хорошо кормил; если он приходил на какое-то рабочее место, к нему мог подойти каждый и без свидетелей-охранников сказать ему все, что хотел. Одного охранника, который связал зэка и пинал ногами, осудили на полтора года тюрьмы в Норильске. В больнице зэки — понятно, что врачи-заключенные, — прекрасно лечили людей, но были и лучшие лекарства, которые непросто было достать даже в Москве. Прекрасные инженеры в никелевых шахтах и на обогатительных фабриках, в угольных шахтах, в электромастерских прекрасно работали. КПД норильской электростанции был самым высоким в Союзе. Завенягин ...был отличный человек в своем умном гуманизме.

1945–1956

ПЕРЕД КОМАНДИРОВКОЙ В БЕРЛИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. ВЕРЕБРЮСОВА,

СЫНА ПИЛОТА

Мама рассказывала мне, Авраамий Павлович не раз «призывал» отца и после своего отъезда из Норильска. (Тогда, перед командировкой в Берлин, даже спросил полшутя: «Кем хочешь быть — майором или подполковником?») Так что ни майская телеграмма, ни срочность вылета — 10-го числа, на второй день после победы, — не удивили. И вот, читая гранинского «Зубра», припомнил: отец говорил мне накануне своего последнего полета в Германию о том, что он должен привезти какого-то ученого. Все три обстоятельства — спешный вызов, присвоение «майора», упоминание об ученом — «сошлись», и я подумал: нет ли здесь связи с Тимофеевым-Ресовским, вывозом оборудования немецкого института, где он работал?

Гибель отца тоже связываю с этим «делом». Кому-то, возможно, хотелось «не дать» известного биолога именно Завенягину, а, упрятав в лагерь, даже уничтожить...

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЛУБЯНКУ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗОИ ФЕДОРОВНЫ ВЕРЕБРЮСОВОЙ,

ВДОВЫ ПИЛОТА

Как Завенягин относился к Степану Александровичу, к нашей семье? Уверена, Авраамий Павлович «выделил» Веребрюсова еще в ту пору, когда Степан Александрович выполнял как пилот Игарского отряда отдельные задания для комбината. Завенягину, видимо, по душе пришелся опытный, смелый летчик.

После гибели мужа я обратилась к Авраамии Павловичу с просьбой прописать в Москве (поближе к сестре), подыскать работу. В ответ — телеграмма: «Начальнику Норильского комбината Звереву. Копия Веребрюсовой. Выезд Москву разрешаю. Необходимую помощь окажем. Завенягин». Владимир Степанович вызвал меня и прочел текст. «Ну, поздравляю. Уж если Авраамий Павлович так написал, выезжайте смело. А в случае чего можете вернуться: и работу найдем, и все льготы сохраним...»

В Москве через секретариат министерства созвонилась с Завенягиным и вскоре получила приглашение на Лубянку. Тогда все начальство работало чуть ли не до утра, и назначенное время — полночь — меня не удивило. Разговор был долгий, около часу: как я собираюсь жить, что делать... Он рассказывал о полетах с мужем («Случилось, уговорил его полетать в грозовом облаке. А он: «Не испугаетесь?» Ну и поболтало нас тогда»), о совместных «поездках» на глассере...

Прощаясь, обещал похлопотать о жилье, и буквально через две-три недели его помощник Вася Шитиков (молодой совсем) позвонил: «Получайте ордер в хозотделе МВД». Пока я туда-сюда, позвонил Завенягин. К телефону подошла сестра, сказала, что меня нет. «А я хотел ее поздравить: передайте — она может получить комнату». По тем временам 13 квадратных метров, в хорошем доме, только один сосед... — можно было только мечтать.

Да, во время беседы со мной Завенягин спросил о пенсии. Узнав, что ее начислили не с суммы персонального оклада мужа, намного превышающего ставку летчика, — распорядился сделать соответствующее изменение.

С работой вышла довольно длительная заминка. Авраамий Павлович дал мне на выбор две организации. Оформление задерживалось, и вопрос решился лишь после моего звонка Завенягину, который еще и упрекнул меня: «Что же вы раньше не сказали?!»

«ОН ЗДОРОВО ТЯНУЛ»

...На его счастье, сообщение о его аресте дошло до Завенягина... Судя по дальнейшему, на Завенягина произвела впечатление натуральность этого человека без малейшей примеси каких-либо хитростей или личных соображений...

Не сомневаясь, Завенягин поручил Тимофееву руководить институтом...

Зубр был в восторге от бесед с ним. Человек этот ему чрезвычайно понравился. Это совпадает с мнением многих физиков, которые работали с Завенягиным в те трудные годы.

— ...Завенягин, — прибавлял Зубр, всякий раз возвращаясь к этой фигуре, — он здорово тянул. Вокруг него собиралось много хороших людей и сравнительно малое количество сволочи. Вот этим он и замечателен. Завенягин был не только умница, но и прекрасный, непосредственный и хороший человек.

Д. Гранин. «Зубр»

ИЗ РОДА ЗУБРОВ

В повести Гранина мы видим еще одного человека, о котором нельзя не сказать, — Авраамия Павловича Завенягина, тогда заместителя наркома внутренних дел. С глубоким уважением отзывался о нем Зубр. Завенягину мы обязаны тем, что Зубр избежал судьбы Вавилова. Он отстоял Зубра, оставил его в науке. Мы можем только догадываться, насколько это было нелегко, и полагать, что Завенягин тоже был своего рода Зубром.

*Г. Попов. «Система и Зубры».
Из журнала «Наука и жизнь» (1988, № 3)*

ОДАРЕН БЕЗМЕРНО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Б.В. ИГРИЦКОГО

Человек одаренный, исключительный, прямо-таки гипнотизирующей силы воли, всегда и внутренне, и внешне собранный, ясный и твердый в своих убеждениях, способный немногословно и без красивых пышных фраз убеждать других, безупречно честный, взыскательный к себе и требовательный к другим. Целеустремленный, последовательный и на-

стойчивый в труде, талантливый организатор любого дела, за которое берется и к которому нужно привлечь людей, Завенягин пользовался непререкаемым авторитетом и уважением всех, кто его знал. Его можно было не любить, кое-кто не без основания его побаивался, но невозможно было быть по отношению к нему равнодушным или недооценивающим превосходных качеств его интеллекта, его поразительной работоспособности. Он отлично разбирался в людях — их характерах, взглядах, нравах, настроениях, способностях.

НЕУЛОВИМАЯ ГРАНЬ

ВСПОМИНАЕТ ЮЛИЙ АВРААМИЕВИЧ

Мне часто приходилось видеть, как он разговаривал с людьми: дружески, с юмором, без тени высокомерия. Но грань была. Неуловимая грань, которую он никогда не переступал.

ТАКТ И ЛЮБОВЬ

ВСПОМИНАЕТ ЕВГЕНИЯ АВРААМИЕВНА

У отца была основательность во всем, чувство достоинства. Ум и характер позволяли ему строить жизнь по собственному разумению. Родственники говорили, что с моим рождением дом для него стал солнечным, что я — любимая дочь. А я не чувствовала особой привязанности, всегда редактировала слова в разговоре с ним. Никаких поблажек с его стороны, никакого панибратства! Только потом, повзрослев, поняла: все шло от внутренней сдержанности, такта, любви по большому, не столько отцовскому, сколько человеческому счету.

«ЛАМА» ВИСЕЛА НА ДАЧЕ

ИЗ ПИСЬМА ЕВГЕНИИ ЗАВЕНЯГИНОЙ

А. ПЕРЕПЕЛКИНУ (1993 г.)

Жил А.П. в те годы в Норильске жизнью, не отягощенной бытом. Из своих личных вещей он имел около себя только книги, которые и вернулись потом вместе с ним в Москву.

*Это фотокопия картины «Озеро Лама».
Ее автор — местный художник Курочкин*

А картина действительно висела все годы на даче. Была еще картина Курочкина, тоже пейзаж с озером. Та висела в московской квартире, но была очень давно, еще в 60-е годы, подарена товарищу (не скажу близкому другу) Авраамия Павловича по Юзовке. Всякие связи с этой семьей утеряны. А вот эта «Лама» известна мне с детства. Так что это не легенда, что картина висела на даче. Так оно и было на самом деле.

«ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ПУШКИН»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е.А. ЗАВЕНЯГИНОЙ

Отец был человеком увлеченным. Любил музыку, хорошо играл в шахматы. Много занимался цветами — как-то из отпуска привез целое купе рассады. В Магнитогорске у него был один из лучших в городе садов. Книги были страстью. Прежде всего — Пушкин. Томик поэта был с отцом постоянно в команди-

ровках. Говорил, что Пушкина надо читать каждый день, учить наизусть хоть по несколько строк.

Всю жизнь увлекался он и фотографией: осталось несколько десятков пленок. Все они проявлены, но отпечатать снимки он так и не успел...

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ В ЖИЗНИ

ВСПОМИНАЕТ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

В.С. ЕМЕЛЬЯНОВ

— Скоро у нас жарко будет, — сказал Завенягин, — я чувствую, как нарастают буквально лавиной новые дела, они нас затопят, если мы хорошо не подготовимся. Дело, которое нам поручено, потрясающе интересно. Это самое интересное из того, чем я до сих пор занимался... Надо к работе привлекать новых людей. Одни мы ничего не сделаем. Что ни вопрос, то целая проблема. Вчера я беседовал с Курчатовым об атомном котле. Хотел выяснить, как же он сам представляет его конструкцию. Он довольно ясно изложил все свои соображения, то есть принципы, которые он закладывает в предлагаемую им модель. Но от соображений до конструкции, как тебе известно, еще очень далеко. Нам нужно уже сейчас организовать, дополнительно к уже существующим, новые конструкторские бюро и опытные производства. Физиков, занимавшихся изучением атомного ядра, у нас не так много. Всех, кого можно было практически привлечь к работам, Курчатов уже привлек.

Трумэн препятствует развитию торговых отношений. Это абсолютно ясно. Ну что же, придется делать все самим. Все! Как и раньше. Одновременно и страну восстанавливать, и создавать новое, невероятно сложное, еще никогда не бывалое. Все свои силы, всю энергию надо направить сюда, на решение этих задач. Я завершаю свои старые дела и с будущей недели займусь атомными проблемами...

ВОКРУГ КОТЛА И В ЗОНЕ ВЗРЫВА

...Через 11 лет Курчатов писал: «Вспоминаю волнение, с которым... впервые на континенте Европы мне с группой сотрудников довелось осуществить ценную реакцию деления в Советском Союзе на уран-графитовом реакторе...»

...Но для изготовления эффективного атомного оружия нашим конструкторам нужны были точные знания свойств ядерного горючего — изотопа урана с атомным весом 235 и плутония с атомным весом 239, да и самого горючего еще не было в достаточном количестве. Надо было спешить с промышленным производством горючего и изучением его свойств.

Первый урановый котел (первый физический реактор) еще не мог обеспечить получение плутония в количестве, необходимом для бомбы: из котла не отводилась выделяющаяся энергия, при пуске он быстро нагревался и от излучения была защищена только пультовая, да и то недостаточно. Но опыт эксплуатации первого котла оказал огромную помощь в проектировании предприятий атомной промышленности.

Разработку проектов завода по производству плутония начали еще задолго до пуска Ф-1. Различные варианты обсуждались на Совете при участии многочисленных инженеров и физиков. Руководители работ И.В. Курчатов, Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, В.А. Малышев вникали во все детали, но не могли сделать окончательного выбора, так как расчеты еще не были подтверждены опытом...

...Курчатов, Ванников и Завенягин поддерживали творческую активность каждого. Соревнование было, не было противопоставления. Все важнейшие темы разрабатывались параллельно в разных вариантах. Любой новый результат автор или коллектив авторов старались скорее довести до Курчатова. Он быстро схватывал все новое, полезное, объединял всех, и все ему с удовольствием помогали.

...Приближался завершающий этап. Горючего накоплено достаточно, свойства его атомных ядер изучены. Основываясь на расчетах физиков и математиков, конструкторы создали модели оружия.

...Взрыв должен многому научить и конструкторов оружия, и военных стратегов. Готовится разнообразная аппаратура для регистрации всех характеристик взрыва. В зоне будущего взрыва воинские части строят дома и другие инженерные сооруже-

ния, расставляют танки и артиллерийские орудия, которые на себе должны испытать силу взрывной волны и быть свидетелями успеха или неудачи. Для испытания биологического воздействия излучений в разных местах размещают животных — безгласных жертв достижений человека. Наконец, строят укрытый командный пункт, откуда будет произведен взрыв, и блиндажи-лаборатории, где конструкторы и авторы физических разработок будут регистрировать процесс развития взрыва.

Непосредственно на полигоне собираются создатели всех узлов оружия. Руководители — физики и инженеры — своими руками доводят их до необходимой надежности. Работа идет круглосуточно. Курчатов и Завенягин лично следят за всеми приготовлениями, ведь от этого зависит успех испытания. Их обоих можно видеть то на месте будущего взрыва, то в помещениях сборки узлов бомбы, то в бетонированных блиндажах-лабораториях.

Под утро 12 августа 1953 г. еще до восхода солнца над полигоном раздался сокрушительный термоядерный взрыв. Создавшие бомбу ученые, конструкторы, рабочие, тысячи других участников почувствовали, как вздрогнула земля, и увидели всепроникающий ослепляющий свет. Глухо стучало сердце Главного теоретика, застыли в молчании руководители работ, все многочисленные участники испытаний, случайные свидетели преждевременной зари — жители отдаленных населенных пунктов.

Выждав время, необходимое для спада радиоактивности, на место взрыва выезжают в танках медики и биологи. Получив от них сведения об уровне активности, к эпицентру направляются Курчатов, Завенягин, солдаты, офицеры, научные работники, ведущие измерения.

Приборы записали все, что надо было, о взрыве. Разрушенные и отброшенные танки, орудия, опрокинутый паровоз, снесенные взрывной волной бетонные стены, сожженные деревянные постройки — все, что было приготовлено на полигоне для контроля, подтвердило точность сделанных расчетов. Взрыв первой в мире водородной бомбы прошел успешно.

Разбита не только атомная монополия США, развеян миф о превосходстве американской науки. Умом советских ученых, руками советских рабочих создана первая в мире водородная бомба. Только в марте 1954 г. американцы сумели повторить то, что было создано на полгода раньше в Советском Союзе.

*Из книги И.Н. Головина
«И.В. Курчатов»*

ИНАЧЕ — КОНЕЦ

На Западе часто ставится вопрос о роли немецких специалистов в послевоенном развитии советской промышленности. Наивно верить в то, что сотрудничество с германскими учеными имело действительно решающее значение для строительства советской атомно-ядерной промышленности и других важных технологий.

В области ядерной энергии Советы и без немцев достигли бы своей цели — возможно, годом-двумя позже. Необыкновенная концентрация всех научных и технических средств страны для решения этой задачи продиктована памятью о вероломном нападении Гитлера, нарушившего заключенный со Сталиным пакт. Лучшие заверения миролюбия с нашей стороны не смогли в дальнейшем устранить эту травму. Гитлер разбудил «спящих собак», которые теперь не заснут.

В этой связи я вспоминаю высказывания атомного министра Завенягина, объяснявшего мне, почему Советы должны иметь атомную бомбу: «...иначе мы потеряем нашу независимость».

Из книги Николая Рилия «Десять лет в золотой клетке. Пережитое при строительстве советской урановой промышленности». 1988 г., Штутгарт

(Перевод И.Б. Паншина)

СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

...Не буду больше писать об этом пленуме (пленум ЦК, разбиравший дело Берии. — Ред.), на котором, кроме речи Хрущева, на меня, пожалуй, наиболее сильное впечатление произвели особенно умные, жесткие, последовательные и аргументированные речи Завенягина и Косыгина.

К. Симонов.

«Глазами человека моего поколения»

ЧУВСТВО ИСТОРИИ

...На месте гостиницы, из окна которой так хорошо виден город, были огороды. Устроил их А.П. Завенягин — начальник стройки, личность необыкновенная. В Норильск его при-

вели обстоятельства довольно сложные: после смерти Серго ему предложили выбрать стройку потруднее и подальше. Он выбрал.

Это была не только из-за природных условий трудная стройка. Работали здесь по большей части партийные, советские, хозяйственные руководители, многих из них он знал раньше. Он был для них «гражданин начальник», они для него — товарищи.

Выращиванием овощей за Полярным кругом Завенягин занялся, разумеется, не как натуралист-любитель. В то время апельсины в Норильск на «Ан-12» не доставляли, а людям нужны были витамины.

Об этом человеке до сих пор ходят легенды. Чаще всего говорят о том, что он многих спас. Это и так, и не так. Так — потому что он действительно спас многих. Не так — потому что спасательство это вовсе не было проявлением частной благотворительности. Завенягин... дал людям самое главное, самое большое, что мог дать. Цель. Мне рассказывали, как поразила даже очень трезвомыслящих людей задача, поставленная Завенягиным:

— Современный комбинат и настоящий город.

Этому человеку было присуще то, что называют чувством истории. Вот почему он сумел вернуть слабым мужество, отчаявшимся — самоуважение и всем — веру в значительность своего труда.

*Ю. Апенченко «Вид из окна»
(Правда. 1966. 17 августа)*

ПОБΟЯЛСЯ НАСМЕШИТЬ

ИЗ ПИСЬМА ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА А.П. ЗАВЕНЯГИНА
ФЕЛЬДШЕРУ М.Я. СУХИХ (СТ. УЗЛОВАЯ)

Я много раз собирался заглянуть в Узловую и думал, что там уже никого нет из стариков, кого бы я знал. Оказывается, что все-таки есть, и вот вы — один из них. Заболел ангиной с тридцатилетним перерывом и вспомнил, как вы лечили меня от нее в 1914 году. Летом как-нибудь в хороший выходной день постараюсь заехать в Узловую... Непременно загляну к вам.

Хочу посмотреть Дубнички, Погановку, Любовку и другие места. Не был в Узловой уже 22 года и посмотреть тянет. В прошлом году летом пролетал около Узловой на самолете, хотел сбросить вымпел, да побоялся насмешить узловчан.

ПРЕДВИДЕНИЕ

ИЗ ПИСЬМА Ф.Т. КИРЕЕНКО (1987 г.)

В своих заметках о Завенягине я умолчал об одном эпизоде. Шло совещание по перспективам развития комбината. Выступал начальник. И вдруг — совершенно неожиданные цифры (поэтому и нельзя было не запомнить):

— В дальнейшем нам предстоит расширить производство никеля до 120–150 тысяч тонн в год. Нашей стране, может быть, столько и не понадобится, но тогда представится возможность выйти на мировой рынок с этим стратегическим металлом...

Цифры, конечно, удивили: они превышали мировое производство никеля перед войной. Наверно, все присутствующие поняли, какое значение придавалось Норильску в правительстве. Сказанное характеризует скорее Норильск, чем Завенягина — руководителя комбината, поэтому я поначалу не включил эпизод в воспоминания. Но вот теперь думаю, что одно с другим связано, тем более что Авраамий Павлович увлеченно говорил об укреплении экономических и политических связей между государствами с помощью торговли.

Любопытен и факт, отдаленный от сообщенного десятилетиями и подтверждающий реальность старых планов. Нынешним летом в США состоялась встреча комиссий по торговле наших стран. Обсуждались возможности расширения торговли, и, как сообщал «Голос Америки», договорились пока об одном: СССР начал продавать никель.

Завенягин это предвидел.

СМЕРТЬ ЗАВЕНЯГИНА БЫЛА ОЧЕНЬ
ТЯЖЕЛОЙ ПОТЕРЕЙ ДЛЯ ТЕХ, КТО
ТРУДИЛСЯ НАД РЕШЕНИЕМ АТОМНОЙ
ПРОБЛЕМЫ, И ВООБЩЕ ДЛЯ ВСЕХ, КТО
ЗНАЛ ЕГО

ЗАКАЗНОЕ. МОСКВА. 03.01.1957

Супруге А.П. Завенягина

*Обратный: Алтайский край, Алейский р-н.
Уржумский с/с, деревня Крутиха, колхоз им. Чкалова.
Рудольф Ольга Александровна*

Надпись сбоку: Прошу почту обязательно доставить это письмо.

Товарищ Завенягина, мы с моим сыном услышали по радио, что супруг Ваш, Авраамий Павлович Завенягин умер. Сын мой и я горько плакали, плакали так, как плачут о самых дорогих и милых сердцу родных. Мой единственный сын Лев Константинович Рудольф отбывал 10 лет срока и одиннадцатый год по «особому распоряжению» в г. Норильске от 1939 г. до 1947 г., где был начальником комбината Авраамий Павлович в то время. Сын мой страдал невинно, по страшной ст. 58 он был арестован, а я выслана из Москвы в Омскую область, в глухое село, через полгода после ареста моего единственного сына в 1937 г., почему — непонятно до сего времени. Мы оба терзались разлукой и повседневной жизнью отверженных. Ваш муж Авраамий Павлович спасал 1000 заключенных, он чувствовал человеческие сердца, он знал и отличал хороших людей среди измученных людей, он взглянет так на измученного, истерзанного человека, что человек забывал свое горе, принимался работать и верить в то, что вернется домой. Авраамий Павлович внушал эту светлую веру многим и моему сыну. Только благодаря Вашему мужу жив и вернулся мой Лева.

Я умоляю Вас, моя родная, пришлите нам в колхоз фотографию Авраамия Павловича. (Сын мой теперь колхозник, я живу с ним, благодаря светлому, чуткому сердцу Вашего супруга.) Я думаю, какая ясная душа должна быть у той, которую выбрал Авраамий Павлович в спутницы своей прекрасной жизни. Авраамий Павлович жил для людей, для него не было почетных и отверженных, были люди. Мы не писали никогда Авраамию Павловичу, боялись затруднять его и, может быть, боялись, что он подумает: что же я еще не сделал? А сейчас, когда Ваш муж умер, мы смело говорим Вам, мы любили Вашего супруга, будем хранить прекрасный образ его до конца дней своих. Мы ждем фотографию Авраамия Павловича. Мы будем смотреть на своего спасителя, а я, 70-летняя старуха, посмотрю на него так, как на портрет моего старшего умершего сына. Я очень хочу, чтобы это письмо дошло до Вас, чтобы Вы знали, что на свете есть люди, благословляющие память дорогого Авраамия Павловича и любящие его и все, что касается его.

Простите за письмо матери, но у Вас есть дети, и Вы поймете меня. Любящая Вас и благодарная

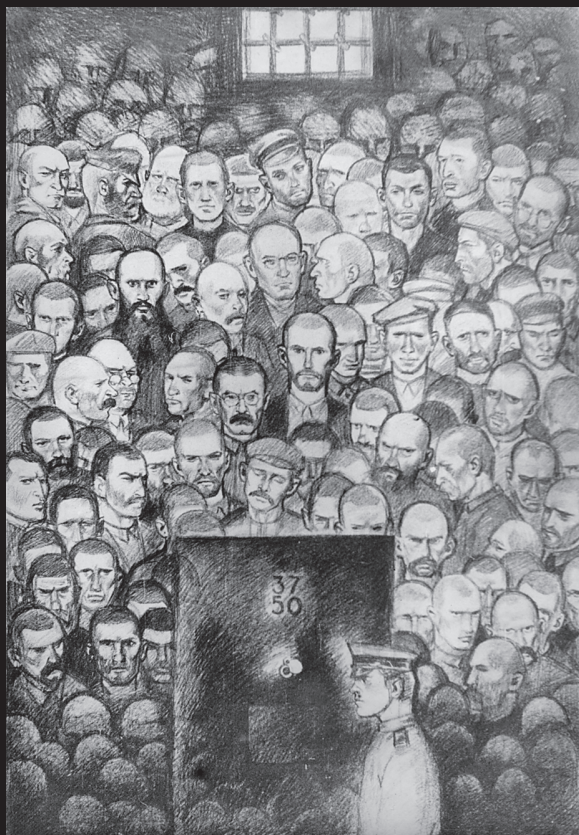
*Ольга Рудольф и ее сын Лева.
Простите. Спасибо, спасибо.*

От редактора. При подготовке публикации А.Л. Львов использовал материалы, собранные Д. Алкацевым, М. Важновым, Т. Гармашом, Ю. Геталло, Ю. Елфимовым, В. Лебединским, Ю. Полозом, Н. Циндель, И. Черваковой, а также материалы из фондов музея истории освоения и развития НПР, предоставленные В. Вачаевой и Т. Рычковой.

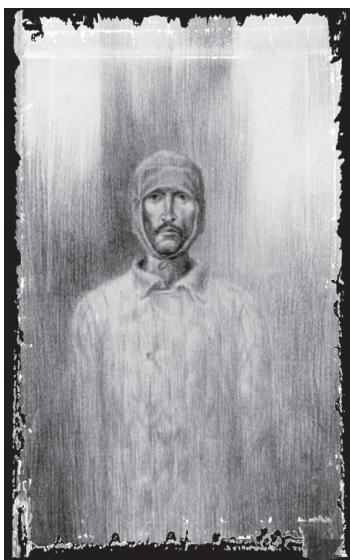
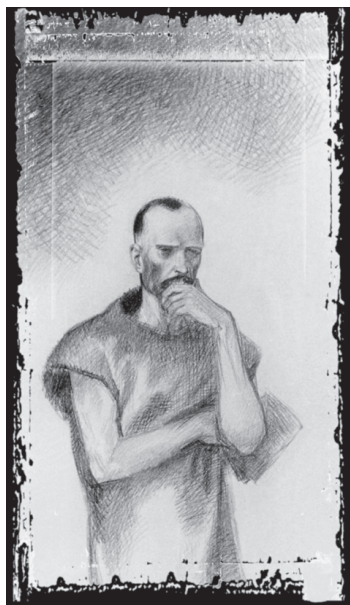

Нина Семеновна Дзюбенко

Нина Дзюбенко:

*«Иностранцы в Чорильлаге
составили интернационал
в концентрированном виде».*

Творчество заключенных

«58-Я СТАТЬЯ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ВСЕХ ЛЮДЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ...»

Когда началась перестройка, когда гласность позволила приоткрыть завесу секретности в делах репрессированных людей, на страницах самых разных изданий появились воспоминания тех, кто выжил в лагерях. В музей истории освоения и развития Норильского промышленного района стали поступать запросы и от иностранцев, которые разыскивали родственников или соотечественников. Ценнейшие сведения содержала картотека первого архивариуса Норильска Т.Я. Гармаша: и о лагере, и о лагерниках. И все же информация об иностранцах в ГУЛАГе на Крайнем Севере и о других его жертвах была крайне скупа...

Помню свое изумление, когда Михаил Сергеевич Горбачев на встрече в верхах передал японской стороне архивные дела о репрессированных японских военнопленных. Их было 540 тысяч. Затем в 1989 г. в «Литературной газете» я прочитала о том, как поляки искали сведения об интернированных на территории СССР польских военнослужащих. Для этого они обратились в ведомство генерала Наседкина, который был начальником ГУЛАГа. Разговор происходил в 1942 г. Поляк ротмистр Чапский вспоминал: «Когда я заговорил о Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, он (генерал Наседкин. — *Авт.*) не только не был удивлен, но и сам показал мне на карте порт Дудинка на Енисее, через который переправлялись на эти острова самые большие партии заключенных. Он сказал, что в его области невыпущенных поляков нет».

Эта фраза заинтересовала меня. Мы тогда еще не знали о массовых расстрелах поляков в Катыни, но

среди заключенных-иностранцев подданные Польши были не самым малочисленным контингентом. Настоящим откровением для меня было то, что севернее Норильска тоже были лагеря. Позже в журналах «Столица» и «Эко» я увидела карты лагерей всех регионов страны, но и на них были не все «точки». Господин Новак из Бонна, побывав на Таймыре, сделал снимки лагеря «Рыбак», а затем прислал эти фотографии и карты, на которых были нанесены координаты Рыбаклага. Он располагался на реке Широкая. По его словам, узники добывали урановую руду. На снимках видны вышки, мотки проволоки, сломанные детали самолета, копры и вышки, пакетик махорки 1948 г.

Все отрывочные сведения об иностранцах Норильлага в отдельную папку начала собирать научный сотрудник музея истории и развития НПР Алла Борисовна Макарова — она-то и вручила мне папку для дальнейшего поиска сведений, систематизации и опубликования в рамках деятельности местного «Мемориала», членами которого мы были.

В документах 1930–1950 гг. не употреблялся термин «иностранцы» — в них писалось «иноподданные», и это обозначало тех, кто не были советскими гражданами, но, оказавшись в поле революционной законности чекистов, имели иностранные паспорта и наши визы. Здесь уместно привести слова чекиста, сказанные на допросе Менахема Бегина, гражданина Польши, впоследствии ставшего активным организатором государства Израиль и его премьер-министром: «58-я статья распространяется на всех людей во всем мире... Весь вопрос в том, когда человек попадет к нам и когда мы доберемся до него».

Пролетарский интернационализм большевиков — это провозглашенная ими идеология, а 58-я статья — практический механизм (якобы правовой) применения этой идеологии. Вспомните, что серп и молот изображались на фоне земного шара. Это оз-

начает, что для коммунистов мировая революция — цель, а 58-я статья — средство.

Иностранцы оказались в Норильлаге с момента его создания. О самых первых заключенных можно узнать, пожалуй, в основном из документальных источников — мало кто из тех, кто прошел ГУЛАГ в 30–50-е годы, дожил до наших дней или хотя бы до перестройки.

В приказе № 12 от 11 января 1936 г., подписанном П.Ф. Аппаровичем, заместителем первого начальника Норильлага В.З. Матвеева, дается список премированных заключенных, которыми «в течение двух суток пробита дорога для движения тракторов от Дудинки до Боганидки, перевезено 5 тонн груза», а также хорошо отремонтированы трактора. В списке премированных финн Казонен (возможно Касонен) Тойво. О нем писал бывший заключенный Георгий Георгиевич Старицкий в 1990 г., что это «финн, который возил Матвеева в аэросанях, он был лейтенантом финской авиации. Я знал его еще по Сиблагу (Мариинск), там он был шофером в автобазе. Парень он был жуковатый и, как говорят, небольшой шпион, ходил через финскую границу. Думаю, что его расстреляли на Норильске втором...». Первые норильчане в своих воспоминаниях обязательно рассказывали о знаменитых тогда аэросанях с винтом наверху. Второй Норильск — это одно из печально знаменитых расстрельных мест лагеря.

В списке расстрелянных нашла еще одну иностранную фамилию: КИМ У-СУН. Он родился в 1902 г. в Корее в Сен-Дин. Был расстрелян 4 марта по постановлению тройки УНКВД от 13.02.1938 г. Как кореец попал в Норильлаг, можно только предполагать. Хорошо известно, что корейцы были первым репрессированным народом в СССР, — с Дальнего Востока их депортировали в Среднюю Азию и Казахстан в 1933 г. Может быть, оттуда он и попал как «шпион» на Крайний Север? Единственные данные о Ким У-Суне можно найти только в загсе г. Норильска.

Здесь же я нашла еще одну скупую запись об иностранце: Салева Эйно Германович, 1904 г. рождения, финн, родился в Финляндии, расстрелян тоже 4 марта 1938 г., в один день с корейцем Ким У-Суном. В графе «где работал» прочерк.

Почему о смерти не всех заключенных, в том числе и иноподданных, есть упоминание (даже самое скупое) в загсе г. Норильска? Когда возобновила свою работу комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, из Информационного центра МВД Красноярского края (здесь находится картотека заключенных Норильлага и других «лагов» этой части Сибири, которую многие десятилетия «заселяло» НКВД-МВД) в Норильский загс стали поступать сведения о смерти заключенных, в том числе и иностранцев. Но далеко не обо всех, а только о тех, на кого поступали запросы, или это была просто дань времени, ибо подобная информация появилась только в начале перестройки.

О том, как трудно получить сведения о репрессированных родственниках, в свое время рассказывал заместитель прокурора Норильска Евгений Викторович Павловский. Его отец, священник, был расстрелян в Норильлаге. Несмотря на занимаемую должность в 40–50-х годах, Евгений Павловский, естественно, не мог предпринять никаких поисков своего отца. И только в конце 80-х годов он из Норильского загса получил два свидетельства о его смерти. Почему два? Да потому что в первом в графе «причина смерти» стоял прочерк. Даже спустя полвека внутренние органы нашего государства «стеснялись» сказать правду, жить не по лжи. И только после повторных запросов сын получил документ о расстреле отца в Норильлаге.

До сих пор информация об истинных масштабах репрессий по сути неизвестна, и собрать ее пока (?) просто невозможно: так называемые компетентные органы работают только с теми делами людей, которых активно разыскивают родственники. Таким об-

разом, частные лагерные судьбы еще не составили общей аналитической и количественной картины человеческих трагедий в ГУЛАГе.

И еще одно — лексическое — отступление хочется сделать. Всегда режет слух и глаз словосочетание «политэки». Упоминаемый уже мною Трофим Яковлевич Гармаш в своей картотеке никогда не употреблял термин «зэк» по отношению к «врагам народа», это считалось им в традициях норильской интеллигенции некорректным и оскорбительным. Тут даже форма восставала против содержания. Первый архивариус всегда писал «з/к». Откуда возникла эта аббревиатура? Она появилась на строительстве Беломорканала в 1931–1933 гг. и первоначально читалась как заключенный-каналоармеец, сокращенно «з/к». А зэками в те времена называли уголовников.

ЖЕРТВЫ ПРОПАГАНДЫ

Если бы иностранцы имели реальное представление о жизни в СССР, они никогда бы не решились поехать туда. Немецкий коммунист Ганс Олрих, как и многие, стал жертвой большевистской пропаганды. В 1926 г. он эмигрировал в СССР, чтобы строить коммунизм в первой стране рабочих и крестьян. Очень быстро его обвинили в шпионаже — так он оказался в Норильском лагере, где работал инструментальщиком на заводе. В 1956 г. Ганс Олрих был реабилитирован. Вернулся на родину, где стал почетным членом руководства Трептовского района Берлина. О нем в своих воспоминаниях упоминал Юлий Янович Киперс, латышский коммунист, решивший стать революционером еще на школьной скамье, арестованный не просто, а по списку, как сам писал в стихах: «Мы, люди несчастья...» Он тоже был з/к Норильлага и от отправки еще дальше на Север, чуть ли не на Новую Землю, его спасла смерть Сталина.

Другой норильчанин — Петр Александрович Эрец, который «не сесть» не мог, ибо работал пере-

водчиком с китайского в управлении КВЖД. «Десятки тысяч кавежединцев приехали в СССР в 1931 г. в связи с продажей Советским правительством Японии советской доли КВЖД. Во время ежовщины почти все они были осуждены как «японские шпионы». Большинство из них родилось в царской России или Китае и в СССР никогда не были. Они воспользовались приглашением Советского правительства, обещавшего им самые лучшие условия по приезде в СССР». (Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу.) Так вот, Эрец рассказал просто анекдотичный случай, когда человека осудили за одну только фамилию Маржоретто — в его роду был итальянец, пленный солдат наполеоновской армии.

Как много о временах массовых репрессий могут свидетельствовать документы! В архиве комбината есть личное дело № Е-280 Еллинека Ганса Альфредовича. Вот его данные. Родился в Вене в 1906 г. По национальности еврей. Родной язык немецкий. Подданство австрийское. Окончил физмат Венского университета. С 1926 по 1938 г. был членом австрийской компартии. С января 1935 г. по 10 октября 1938 г. Ганс Еллинек руководил радиовещательной лабораторией завода № 203 им. Орджоникидзе в Москве. Далее арест. За шпионаж и террористические намерения особое совещание НКВД приговорило его к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Ганс Еллинек отбывал срок в Норильске. Личное дело з/к из Австрии венчает его красноречивое заявление: «Прошу Вас уволить меня с комбината в связи с тем, что я получил разрешение на выезд за границу. Увольнение прошу оформить с 10 апреля 1947 г. с выездом самолетом за счет лагеря».

Сколько недоуменных вопросов рождает это заявление, написанное не без подсказок местного НКВД! Каким образом несчастный коммунист из Австрии получил разрешение на выезд за границу? Вряд ли он остался коммунистом после того, как ни

за что ни про что отбыл в чужой стране (да еще где — на Крайнем Севере) 9 лет — на год больше того, что определили никакого отношения не имеющие к нему сами карательные органы. Еллинек просил уволить его потому, что после окончания срока наказания он был освобожден и оставлен на комбинате в принудительном порядке. Потому и личное дело на него завели и оно сохранилось в архиве. Если з/к убывал по какой-либо причине в течение срока наказания, то его формуляр проходил по лагерному учету. Ведь со времен А.П. Завенягина, то есть с 1938 г., администрации комбината и лагеря были разделены. Вот почему в норильских архивах хранятся дела на бывших заключенных. То, что бывшие узники не получали денег, говорит фраза Г. Еллинека об отправке его за счет лагеря. Дальнейшее строительство коммунизма в СССР проходило уже без вклада австрийского коммуниста.

Были в Норильлаге и испанцы. О них поведал Павел Владимирович Чебуркин, тоже з/к, который однажды спас заключенного-каторжанина от тяжелой работы, спросив у него: «Вы можете грамотно переписывать фамилии?» И услышал в ответ: «На каком языке? на французском? испанском? португальском?» И затем инженер-механик А.Н. Боголюбов, будущий член-корреспондент АН, стал работать по специальности. Так вот, П.Чебуркин вспоминал, как в 1938 г. в Норильлаг привезли молодого испанца, отнятого у родителей. Хуана перекрестили в Ивана, да и фамилию переделали на русский манер — стал испанец Иваном Мандраковым.

Когда гражданская война в Испании закончилась победой Франко, республиканцы стали покидать родину. Несколько пароходов с испанцами прибыли в Одессу. Последнему из них пришлось долго стоять на рейде — то ли закончились отведенные для приезжих места распределения по Союзу, то ли братская республиканская солидарность иссякла... Как бы то ни было,

когда несчастных привезли в Норильск, многие из них от лагерного «гостеприимства» умерли...

Хуан, перекрещенный в Ивана Мандракова, по возрасту попал сначала в воспитательный дом, откуда бежал. Он стал обычным беспризорником, воровал на базаре еду... Его определили в Норильлаг, откуда уже было не сбежать.

Иностранцы работали во всех лаготделениях. Семен Георгиевич Головкин, каторжанин, участник восстания в Норильске в 1953 г., в своих воспоминаниях назвал шведа Книртсена — он был закреплен за третьим отделением Горлага (Норильск).

Даже отдельные упоминания об иностранцах-заключенных, осужденных по политическим статьям и без них, расходятся с официальными заявлениями руководителей КГБ, утверждавших, что иностранцев либо не было в лагерях, либо это были единицы. Я убедилась в том, что это неправда, посмотрев документы из фонда ГУЛАГа. Вот о чем свидетельствовал статотчет, который и теперь хранится в бывшем ЦГАОРе (Центральном государственном архиве Октябрьской революции): в Норильском ИТЛ и Особлаге № 2 (здесь содержались каторжане, в Норильске он был назван Горным лагерем и начал свое существование с августа 1948 г.) отбывали наказание иностранцы из 19 стран. Это представители Германии, Японии, Италии, Румынии, Финляндии, Франции, Польши, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Китая, Болгарии, Турции, Ирана, Австрии, Голландии, Бельгии, Кореи, Маньчжурии.

Список, о котором я рассказываю, был датирован 1 октября 1951 г. Более всех было заключенных из Японии (85 человек в ИТЛ и 30 — в Особлаге № 2), Германии (55 человек и 49 — соответственно), Польши (66 и 22 человека), Венгрии (88 и 13 человек), Маньчжурии (53 человека) и т.д. Есть и такие данные, что в лексике того времени называлось «окраска». В Особлаге № 2 в это время было 13 276 че-

ловек, из них агентов иностранных разведок официально было 1365 человек, то есть каждый десятый. А вот троцкистов-бухаринцев было гораздо больше. Были ли среди осужденных по 58-й статье настоящие шпионы, сказать невозможно, если учесть размах массовых репрессий и шпиономании.

В приведенном списке государств, чьи подданные попали в Норильск, США не значатся, хотя об одном из таких, ставшем норильчанином не по своей воле, — Исае Оггинсе рассказало газета «Труд» в номере за 7 ноября 1992 г.

Исай Оггинс неизвестно за какие грехи был арестован в гостинице «Москва» 20 февраля 1939 г. Газета «Труд» опубликовала рапорт министра госбезопасности Абакумова Сталину и Молотову под грифом «Совершенно секретно». Рапорт датирован 21 мая 1947 г.

«Докладываю Вам следующее:

В апреле 1942 г. американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства иностранных дел СССР сообщило о том, что по имеющимся у посольства сведениям американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, состояние его здоровья.

В связи в настояниями американского посольства по указанию товарища Молотова 8 декабря 1942 г. и 9 января 1943 г. состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинс. Во время этих свиданий Оггинс сообщил, что он осужден как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР.

Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинс, пересылало письма и телеграммы Оггинс его жене, проживающей в США, а также сообщило МИД СССР, что признает Оггинс американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 г. американскому правительству было сообщено, что «соответствующие советские органы не считают возможным пересмотреть дело Оггинс».

20 февраля 1939 г. Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Оггинс к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года... Появление Оггинс в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для активной пропаганды против СССР.

Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинс Исаю ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 г. был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск и там в 1946 г. умер в больнице в результате обострения туберкулеза позвоночника.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинс, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинс будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения.

Ввиду того, что жена Оггинс находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, — считаем полезным вызвать ее в консульство, сообщить о смерти мужа.

*Прошу Ваших указаний.
Абакумов».*

Что можно добавить к этому откровенному и циничному документу? Только то, что Сталин «дал добро» на уничтожение профессора истории колумбийского университета из Нью-Йорка. Об Исае Оггинсе сообщал еще один узник Норильлага, автор широко известного «Справочника по ГУЛАГу», француз Жак Росси. Исай Оггинс домой не вернулся.

БРАТЬЯ-СЛАВЯНЕ В НОРИЛЬЛАГЕ

Когда началась горбачевская перестройка, норильские газеты немало писали о заключенных из Болгарии, Чехословакии, Польши, Югославии... В Норильлаг были этапированы Славка Терзиев, Славка Георгиев-Караславов, Благой Попов, как и Г. Димитров участвовавший в лейпцигском процессе, Ганс Митя, выпускник нашей сельхозакадемии и ставший ее научным сотрудником. Благой Попов в числе двадцати узников в 1939 г. был отправлен на Каларгон, штрафной изолятор в системе лагеря и расстрельное место «на шлепку», как говорил им конвой. По слухам, от смерти их спас А.П. Завенягин, тогдашний начальник комбината. В 1941 г. в июле из Норильска вывезли большую партию заключенных-инвалидов — всего 650 человек в инвалидный лагерь под Мариинском. В нее вошли болгары Матвей Илиев Тошев и Благой Попов, который дождался свободы, вернулся на родину, написал книгу воспоминаний, имеющуюся ныне в норильском музее.

Не по своей воле стали норильчанами Николаич Ярослав Федорович, Райнек — он капитаном служил с маршалом Тито, когда тот еще был комбатом-майором.

Б. Попов был дружен с Яновичем, польским представителем в Коммунистическом Интернационале Молодежи.

Родом из Брянска был Зигурд Людвиг, репрессированный «как лицо немецкой национальности», рассказавший о себе следующее: «Уголовники учили «бескорыстию»: подходили группой к «политическому», предлагая снять хорошую одежду, обувь. Тех, кто цеплялся за свое имущество, забивали до смерти досками, оторванными от нар. В результате «пожертвований» я стал ходить в кальсонах, выкрашенных химическим карандашом... Тощий, небритый, я казался стариком, и когда пришел на док-

лад С.М. Смирнова, зам. начальника санотдела Норильлага, побритым, тот не узнал меня: «А где старичок в синих штанах?!» З. Людвиг был медиком, и в 1943 г. его отправили на рудник открытых работ в десятое лаготделение. Там он вел амбулаторный прием с терапевтом Бернфельдом из Польши. Поляк Лещинский работал фельдшером на Каларгоне. Еще одну фамилию поляка мы узнали от норильчанина Н.П. Авдеева — Малец Владислав Михайлович, пройдя все круги большевистского рая, выжил и вернулся на родину.

В архиве Заполярного театра драмы им. В. Маяковского журналист Алла Борисовна Макарова нашла личное дело Кернера Терцко Шулимовича. Он родился в Польше в 1917 г. Перебрался в СССР, в 1939 г. от наступавших фашистов бежал во Львов. Во второй половине 1941 г. вместе с другими подданными Польши его освободили от спецпоселения в Свердловской области и перевели в Среднюю Азию, где формировалась польская армия.

Как же он вскорости оказался не на фронте, а в Норильлаге? Он сам дает ответ в своей автобиографии:

«В 1942 г. я проживал в Сталинабаде Кокташского района, откуда меня направило советское правительство в польскую армию. Приехал на место призыва вместе с другими. Здесь свирепствовал тиф, и меня с другими поляками вернули к месту жительства и велели не устраиваться на работу, а ждать нового вызова. Через месяц к нам в Кокташ приехали два военных поляка, которые начали вести следствие, по какой причине нас отправили обратно. Спустя два три месяца, то есть 27 августа 1942 г., меня арестовали за связь с польской разведкой. Через десять месяцев меня осудили по статье УОТТ (уклонение от трудовой повинности) сроком на 10 лет».

9 августа 1943 г. Кернер Терцко Шулимович был в Норильск. Советское правительство отпустило его в Польшу только в 1955 г. Забавная деталь: когда

в Норильске Кернер заполнял анкету, то на вопрос о причинах пребывания за границей написал: «Родился и жил».

Немало поляков строили Норильский комбинат. Например, в архиве есть личное дело Вуйцик-Юркевича Юзефа (Иосифа) Антоновича. Его арестовали в Польше в 1944 г., на второй день после прихода регулярных войск Красной Армии. В его деле упоминается еще один подданный Польши — Вальдман Абрам Геникович. Он был арестован и этапирован в Норильск тоже в 1944 г., как и Вуйцик-Юркевич. Вместе с женой Вальдман вернулся на родину, о чем говорят записи в его личном деле.

Среди работников Норильского комбината обнаружила удивительное совпадение имени, отчества и фамилии у нашего соотечественника и чеха. Фукс Александр Яковлевич родился в г. Моравска-Острава. Его родным языком был чешский, хотя он еще знал французский, немецкий и слабо русский, который он начал изучать уже в СССР. Фукс жил в Чехословакии до 1939 г., затем два года работал шофером в Бельгии. Из дела непонятно, как он попал в поле действия 58-й статьи. В конце 1940 г. Фукс осужден как СОЭ (социально опасный элемент) на три года. По директиве № 185 был освобожден с дальнейшим закреплением на комбинате до конца войны.

Президиум Верховного Совета СССР принял несколько директив, разрешающих нашим «органам» задерживать освобождение и выезд с мест заключения тех, у кого срок закончился. Директива № 185 была принята 26 декабря 1941 г. В архивах на личных делах красным карандашом писали «Д-185», таким образом срок пролонгировался сначала до конца войны, потом — «вплоть до особого распоряжения»... А потом ссылка. Вот откуда фраза — век свободы не видать.

Но А.Я. Фуку повезло, так как на родину он вернулся.

Уроженцем Чехословакии был и доктор Мозер Иоганн, немец по национальности, классный хирург, выпускник Пражского университета. Вот что о нем рассказал Павел Владимирович Чебуркин, тоже з/к, работавший с Мозером на Кайеркане: «Среди нашего контингента было несколько крупных уголовников, которые начали остальных обучать симуляции. Эти фокусы опытным врачам давно известны. Показал я Мозеру, как моментально излечивать «припадки». Удивлению честного немца не было предела. Он никак не мог понять, как можно не хотеть работать?!»

«РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ БРАТЬЯ НАВЕК...»

Так и хочется к этой крылатой фразе из песни с издевкой добавить: даже в ГУЛАГе.

Китайцы в силу своей внешности были очень приметны в Норильлаге. «Китайцев здесь, я думаю, не меньше двух тысяч человек, и большинство из них называется Ваня, реже — Володя, Андрей, Миша. Настоящие их имена и фамилии записаны в личных делах» — так писал в своих воспоминаниях Николай Владимирович Супруненко. Он еще написал, от чего не мороз по коже, а лед в душе: «Рассказал о трагедии Кима (корейца). Его арестовали во время свадьбы. Потом, как поэту Ключановичу (польский эмигрант), следователь выдергивал по волоску пышную бороду. Затем случай со знакомым мне по Чимкенту Хилько — его продержали много времени в клетке, залитой до колен водой, и у него на теле образовалась «крокодиловая» кожа...»

Но вернемся к китайцам. Не все они выжили — часть погибла от переохлаждения, истощения и голода. Среди заключенных китайцев были специалисты уникальных способностей. Например, очень известен был в лагере стеклодув Ся Шун-Чен. Все звали его Мишей. Он работал в научно-исследовательской опытной лаборатории обогатительной фабрики:

изготавливал сложные приборы для лабораторий фабрик и заводов. Попал в лагерь в 1939 г. Известно, что еще в 1957 г. он был в Норильске: выдувал химическую посуду, реставрировал битую, приспособился колбы изготавливать из перегоревших лампочек, научился делать тигели Шотта... Еще он славился своим умением радовать всех собственного изготовления елочными игрушками...

Знаменитый з/к Норильлага из Франции Жак Росси в 1939 г. встречал в Дудинке Тру Ран-Чена (это его псевдоним). Он отзывался о нем как об исключительно интеллигентном человеке, он был членом Коминтерна.

Официальная цель создания Коминтерна — поддержка компартий, рабочих движений, левых всего мира. На самом деле это было отделение советской разведывательной системы. Кадры Коминтерна готовились в КУТВ — Коммунистическом университете трудящихся Востока и КУНМЗ — Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Там готовились бойцы невидимого фронта для мировой революции. Созданный Лениным в 1919 г., Коминтерн был распущен Сталиным в 1943 г. — он всех его членов подозревал в измене, очень многие из них пережили тюрьмы, лагеря. В Норильлаге отбывали срок болгарин Б. Попов, о нем уже шла речь, немец Иосиф Генрихович Бохнер, арестованный в августе 1937 г., — он был еще и в Сиблаге. Умер в 1945 г.

В 1923 г. от ЦК Компартии Китая был направлен в КУТВ Го Шао-Тан. Этот университет имел два сектора — советский и иностранный, в последнем занималось 600–700 человек из Китая, Египта, Греции, Японии, Турции, Персии и др. Все они были коммунистами-подпольщиками, причем самая большая группа была из Китая.

После КУТВ судьба Го Шао-Тана (его псевдоним Крымов) сложилась трагически. По заданию Коминтерна он вел в Китае подпольную работу, затем вер-

нулся в Москву, стал помощником Г. Димитрова — вот тут его и арестовали. Реабилитировали Го Шаотана в 1954 г. Он вернулся в Москву и работал в Институте Востока АН СССР научным сотрудником. Еще один коминтерновец Иосиф Михайлович Бергер в 30-е годы выполнял ответственные задания Коминтерна в ряде стран. После ареста был з/к Норильского ИТЛ, Александровского централа (Иркутск). Выжил, покинул СССР и работал преподавателем в университете Тель-Авива. В 1973 г. во Флоренции он издал на русском языке книгу «Крушение поколения» (издательство «Аврора»). Эту книгу я нашла в Ленинке. Помню, что в своих лагерных воспоминаниях он не раскрыл ни одного псевдонима своих бывших товарищей по несчастью, боясь им навредить даже спустя десятилетия. Это меня, конечно, очень удивило.

... Когда по Норильску прошел слух, что приехали японские военнопленные, лагерь был взбудоражен: новые люди, другой уровень общения, полиглоты мечтали потренироваться в японском языке... В одном этапе с японцами был доставлен из Красноярской пересылки Павел Варламович Петрук, который был арестован в 1951 г. за одну фразу: «Все же американская и немецкая техника выносливее нашей». Сроки тогда были огромные — 25 и 5 лет поражения в правах. Освобождению многих тысяч помогла смерть одного — вождя. Павел Варламович вернулся домой, написал воспоминания и... стеклянную банку с рукописью закатал в пол гаража — советская власть не казалась ему гуманной. Спустя много лет он вспоминал эту тяжелую дорогу из Злобино до Дудинки: на дорогу дали десять ржавых селедок и сухари. Воды было очень мало, и все это на 13 суток. Наш соотечественник рассказывал, как в Дудинке начальник конвоя пинал и топтал японца только за то, что тот схватил кусочек снега. Через месяц этот несчастный умер в лагерной больнице пятого лагпунк-

та. Оказалось, что этот человек был в Киото директором музыкального училища, а в Квантунской армии был интендантом полка.

Несколько имен японцев, злою волею попавших в Норильлаг, назвали жена и дочь Есио Ватанабэ. Вот эти имена: Ивама Хейтаро, Ханада Минору, Сайто Мисао, Сано Синрукуро, Сакаи Садаёси, Массу Гунджи, Маямото. Сам же Есио Ватанабэ был одним из руководителей Южно-Сахалинского губернаторства. В 1945 г., когда Сахалин перешел под юрисдикцию СССР, нужно было эвакуировать с острова 450 тысяч японцев. Ватанабэ остался до конца эвакуации. Своей семье он сказал: «Встретимся через 10 дней!». Госпожа Ватанабэ уехала в Японию и до 1956 г. не имела сведений о муже. Встречала каждый пароход с репатриированными. На последнем пароходе были военнопленные из Норильска. Один из них рассказал, что знал ее мужа и что она может больше его не ждать, так как он умер в 1950 г. в центральной больнице лагеря. С того дня она поставила себе задачу посетить Норильск и произнести там заупокойную мессу. Благодаря перестройке ее мечта осуществилась. После нескольких обращений в МИД ей и ее дочери разрешили посетить Норильск. Дочь Сатико говорила о том, какие волнующие минуты она пережила, когда они пролетали над Енисеем: «По этой реке плыл мой отец...»

Из других источников известны фамилии японцев, невольников Норильска: Асацуки Сеодзо, в 1946 г. арестован и осужден по указу 1947 г. (так в его документах). По этому указу провозглашалась отмена смертной казни, но вводились 25-летние сроки наказания даже на статьи о мелких хищениях госсобственности, «левые рейсы», за недонесение о таковых, за «контрреволюционные преступления»... В то время, когда приезжали дочь и жена Ватанабэ, они встречались в Норильске с Терюо Сирота, бывшим репрессированным и в Японию не вернувшимся.

Андрей Михайлович Любченко бежал с поезда, увозившего его брата и родителей в фашистскую неволю. В 1946 г. был арестован и через четыре месяца истязаний стал «изменником» родины. Через два года был этапирован в Норильлаг. Он вспомнил японца Марикаву — «очень грамотного инженера, требовательного и аккуратного».

Суговара Каутора умер в лагере в 1947 г. от алиментарной дистрофии (так гласит запись местного загса).

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО РОДИНЫ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА МОЕЙ»

Собрать список иностранцев, в чьих биографиях есть горестные страницы жизни в Норильске, было очень трудно: данные приходилось выискивать по крупицам из самых разных источников. Например, доктор Пресс прислал письмо из Берлина в 1994 г. с фамилиями товарищей по несчастью. Он вспомнил своего коллегу Нусбаума, венгра, который работал в центральной больнице Горлагерей рентгенологом. Рассказал он и об офицере немецкой армии, который жил в ФРГ. Э. Хут нелегально перешел границу ГДР, чтобы посетить свою мать в г. Галле. Кто-то на улице его узнал и сообщил «куда следует» — так Э. Хут был арестован, осужден за шпионаж на 25 лет. Его счастье, что советские концлагеря столько лет не просуществовали.

Теперь уже сам Э. Хут прислал список из 24 фамилий немцев, которых он помнил по Норильску: Геретцки Хайнс; Кинтцель-Хюбнер Геро; Берндт Фридрих Вильгельм, владелец банка; Шарейка Хорст; Эрбен Вальтер; Мароски Вильгельм; Бокер Франц из Бремена; Эттлер Гейнц из Берлина; Клетте Эрих; Кюме Фриц, летчик-истребитель, лейтенант, генеральский сын, переехал в Южную Америку; Кайзер Альфред; Платц Герман из Берлина; Рудольф Хайнц; Шульц Хайнц; Вайсенборн Эрих; Цайсберг Фриц; Менге Херберт, родился 25.09.1925 г.; Авакович Вольдемар, родился 13.12.1928 г.; Бигюс Зигфрид, родил-

ся 27.08.1924 г.; Людтке Вульф, который родился в Штеттине 01.01.1929 г., в лагере Норильска имел номер А-803; Шредер, журналист из Шверина; Бабац Эрнст; Веларт Шерри из Данцига; Михаэлис Курт из Тюрингена.

Норильчанин Б.С. Костинский помог установить фамилию еще одного немца, тогда молодого человека. До ареста Кайзер работал главным инженером на заводе «Цейс» в Иене. Его оборудование вывозили в СССР и на выгодных условиях в страну приглашали специалистов завода с семьями для монтажа оборудования. Так Кайзер попал в СССР. За свою доверчивость был наказан очень зло: его арестовали за недоброжелательное и плохое отношение к русским. В 50-х годах он был на каторжных работах в 20-м лаготделении в Кайеркане.

Еще один, не менее циничный пример применения 58-й статьи к венгру Силадьи Элек Степановичу (его фамилию писали по-русски по-разному: Силади, Силадон, Силадый). В его личном деле сказано, что он «уроженец Карцаг (Венгрия), по национальности мадьяр, по профессии лесоустроитель». Его задержали пограничники в пограничной зоне Венгрии в то время, когда он ехал на работу 7 декабря 1939 г. Приговор гласил: за контрреволюционную деятельность 8 лет лишения свободы в ИТЛ. В личном деле нет пометок о том, вернулся он на родину или нет, ибо после Норильска был отправлен в ссылку в Красноярский край.

Наиболее известный в Норильске венгр Йозеф Лендел. Его годы жизни 1896–1975. Он писатель, один из основателей Венгерской компартии, активный участник революции 1919 г. После ее поражения эмигрировал в Австрию, затем в Германию, а в 1930 г. — в Москву, где и был арестован. Только через 17 лет Йозеф Лендел вернулся в Венгрию, где и посвятил свою жизнь литературному труду: он писал о жертвах сталинских репрессий и художественные

и документальные книги. Сборник рассказов Лендела «Незабудки» был выпущен издательством «Известия» в 1990 г., и в норильский музей его принес доктор Серафим Васильевич Знаменский, который в свое время был арестован за то, что в его фронтовом рюкзаке находилась книжка на немецком языке. Лендел описал лагерный быт, расстрелы и кладбище на Норильске вторым, жизнь людей, с кем писателя свела судьба в Норильлаге, в СССР. Сам Лендел работал санитаром у лагерного профессора Александра Александровича Баева, прибывшего в Норильск этапом из Соловков, на лагпункте «Кирпичный завод». Он знал Тру Ран-Чена, Жака Росси, Рене Мольнара и др.

В Норильске был и однофамилец Лендела. Информационный центр Красноярского УВД хранит личное дело Иштвана Лендела, 1923 г. рождения, уроженца Венгрии, который 10 июля 1953 г. убыл из Норильска в распоряжение УИТЛК (управления исправительно-трудовых лагерей и колоний) Украинской ССР.

Хлебнули лиха в Норильлаге и арабы. Например, политический заключенный Лев Николаевич Гумилев в воспоминаниях написал, что он знал язык фарси и ему было с кем поговорить в те лагерные годы. «Помню Ахмеда Васика, иранского летчика, которого истребители вынудили приземлиться на пограничном аэродроме в 1941 г. Это был большой любитель персидской поэзии». Это слова Жака Росси, сказанные им в одном из интервью.

Самый знаменитый иностранец Норильлага Жак Росси оставил собственное горькое знание о времени репрессий и лагерной жизни в книге «Справочник по ГУЛАГу», ныне известной во многих странах мира.

Жак-Робер Росси родился в 1910 г. во Франции. Ребенком его увезли в Польшу, где в 19 лет он вступил в запрещенную тогда компартию. Он вырос в богатой семье, получил хорошее образование, знал многие языки. Его, как полиглота, пригласили на работу в Коминтерн. После того как он поработал в Испа-

нии начальником секретной радиостанции, в 1937 г. его вызвали в Москву. Так началась его «лагкомандировка» в советские лагеря, тюрьмы, ссылки длиною в 24 года. 1951 г. — и новый арест «за шпионаж», и новый срок в четверть века в Александровском и Владимирском централах, а затем ссылка в Среднюю Азию. В 1961 г. был репатриирован в Польшу и через США вернулся на родину.

Мне посчастливилось видеть Жака Росси в 1994 г. на международной конференции «Соппротивление в ГУЛАГе». Он поразил меня своей порывистостью, живостью реакций, ироничностью ума и интеллектом. Он потом еще бывал в Норильске... Жак Росси написал мне свою книгу «Справочник по ГУЛАГу». Это лучшая книга из мною читанных по истории лагерей. Вот как сам Росси написал о ее содержании: «Материал составляют специфические термины, официальные и неофициальные; правительственные постановления и решения, опубликованные и неопубликованные». Будучи в достаточно «серьезном» возрасте, Жак Росси не потерял интереса и не устал от темы своей книги. По его просьбе я высылала ему во Францию журнальные статьи о количественных характеристиках лагконтингента в СССР.

Можно вспомнить и других французов, блистательно образованных, остроумных. Йозеф Лендел назвал в своей книге друга Росси Рене Мольнара. Франсуа Пэти был свидетелем по делу Ж. Росси и тоже получил срок 25 лет тюрьмы. До второго ареста Пэти работал в «Медьстрое».

Арман Жан Батистович Малумян из Парижа сидел в тайшетских лагерях с Юрием Домбровским, автором книги «Факультет ненужных вещей» и других. В Тайшет Малумян прибыл этапом из Норильска. Француза осудили на 25 лет по статье 58, пункт 1а, — предательство родины. Малумян так прокомментировал этот пункт: «...предательство родины, которая никогда не была моей».

В лагерях мрачно шутили: если какая-то нация не представлена в ГУЛАГе, значит, ее нет в природе...

Перефразируя слова известной песни, можно сказать: я другой такой страны не знаю, где б так враждебен был любой народ. Иностранцы в Норильлаге составили интернационал в концентрированном виде.

Без названия (вознесение). Петр Белов

В начале 90-х годов появившиеся в местной печати воспоминания о Норильлаге и его узниках подвигли молодого норильчанина К.К. Сычева на поиски следов лагерной жизни в окрестностях города. Он их искал и нашел на берегу реки Норилки и в районе медного завода. К.К. Сычев принес свои снимки в городской музей.

Эта вышка охранника недалеко от медного завода пережила Норильлаг и продолжает стоять в самом городе...

Остатки лагпункта «Валек» видны и сегодня в районе Валька, недалеко от моста через Норилку. Сколько еще столбов с колючей проволокой сохранилось в Норильском промрайоне? Много...

Когда-то в этом горняцком поселке кипела жизнь: отцы посменно спешили на работу на рудник «Медвежий ручей», женщины вели хозяйство, играли дети... Каждый из этих домов строили з/к. Сохранившиеся и сегодня остатки поселка говорят о культуре в архитектуре и строительстве того времени — и на Крайнем Севере людям хотелось красоты и удобств в жизни. Дома были двух- и трехэтажными, но имели широкие с арками окна, просторные лестницы, высокие потолки...

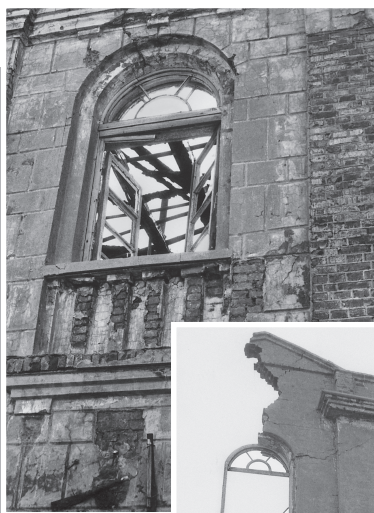
Насколько трудно строили в Заполярье жилье, настолько легко потом забросили этот поселок...

*Заброшенный поселок при руднике
«Медвежий ручей»*

Следы прошлого в настоящем...

Следы прошлого в настоящем...

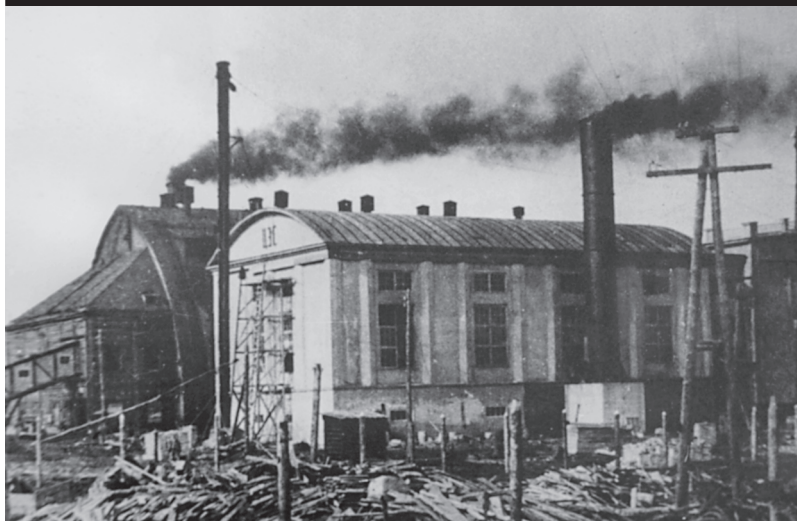
Фото 1991 г.

Эти снимки сделал фотокорреспондент
«Заполярной правды» Владимир Камышев.

Василий Николаевич Ксинтарис. 1948 г.

Василий Ксинтарис:

*«...норильская школа жизни
и работы определила мое
будущее».*

*Промплощадка. На переднем плане малый
металлургический завод. 1942 г.*

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я родился в семье служащего в 1917 г. в Таганроге. Здесь прошло мое детство, здесь окончил семилетку, планово-экономический техникум. День окончания техникума совпал с днем смерти моего отца. В 1935 г. мать и двое моих братьев остались без средств к существованию. Я после техникума был направлен на работу в райплан Тифлисского райисполкома. Поскольку окончившие техникум с отличием имели право продолжить учебу, не отработав положенных по закону трех лет, через год я стал студентом Московского планового института Госплана СССР. В 1940 г. я его окончил. По распределению был направлен в органы тогдашнего НКВД: так я попал на работу в Норильск. С небольшим перерывом я проработал в Норильске 17 лет, прошел путь от рядового экономиста планового отдела Норильлага до заместителя директора комбината по снабжению и транспорту — начальника Норильскснаба.

По национальности я грек, хотя родился в Таганроге. Моего отца в двухлетнем возрасте родители увезли из Греции, мой дед был бедным крестьянином с острова Хиос. Дед и прадед со стороны матери были военными моряками. Дед Лукин был участником русско-японской войны, в мирное время — председателем земельного банка Войска Донского. В 1918 г. скоропостижно скончался.

В студенческие годы я женился, у меня родился сын. Материально семья жила очень трудно. Когда я приехал в Норильск, со мной побеседовал начальник лагеря и комбината Авраамий Павлович Завенягин. Это была его традиция — лично пообщаться со всеми прибывшими на работу в Заполярье.

Время было тяжелое: работали напряженно и много, жилья для прибывших катастрофически не хватало. Поначалу вместе с экономистом Борисом Хлебниковым и бывшим заключенным Степаном Лисюком я жил в кабинете планового отдела, где мы трудились. Жилье было еще большим дефицитом, чем электроэнергия. Хотя бывали дни, когда из-за отсутствия света управление комбината практически не работало. Исключение составлял только кабинет Завенягина — его обеспечивали электроэнергией круглосуточно.

Когда мы выяснили это, то и сами включились в эту линию. Изобретательный Степан Лисюк с помощью булавок сделал приспособление, которое позволило осветить кабинеты. По вечерам мы играли в шахматы. В столовую ДИТРа ходили обедать, а завтракали и ужинали «дома». По субботам и воскресеньям Степан готовил для всех прекрасные обеды. И сейчас с наслаждением вспоминаю его вкуснейшую тавконицу, божественное блюдо из картофеля, который варится, толчется, а потом взбивается с жареным салом и луком.

И вот однажды вечером к нам зашел Авраамий Павлович.

— Что вы здесь делаете? — удивился он.

— Живем, пока другого места жительства не имеем.

Он приходил к нам несколько раз, играл с нами в шахматы, в основном с Лисюком, прекрасным игроком.

Завенягин видел нашу бытовую неустроенность, и потому, видимо, мы не получили выговор за кражу электроэнергии. Но, думаю, благодаря нашему умению по-житейски приспособиться и смелой сообразительности (ведь мы работали и жили напротив кабинета Авраамия Павловича!) через полтора месяца нам на троих дали комнату в двухэтажном доме. Рядом жила семья из четырех человек: отец,

мать, дочь с мужем, который работал замом директора ТЭЦ-1. Мы сразу подружились с ними. Их доброта и отзывчивость распространились и на нас: женщины помогали нам в быту — стирали наши вещи, подкармливали. Заметьте, не за деньги. А Степан Лисюк чинил в доме соседей все, что нуждалось в этом, например радиоприемник, утюг...

Узнав о том, что отца у меня нет, мать работает библиотекарем на рабфаке в Таганроге, а на моем обеспечении жена, ребенок, теща с сыном, в марте 1941 г. А.П. Завенягин перевел меня в Дудинское отделение Норильлага, которое тогда возглавлял Александр Алексеевич Панюков. Это позволило мне иметь прибавку к зарплате, ибо я стал начальником отдела труда и заработной платы Дудинского отделения. А вскоре в Дудинку ко мне приехала семья. В сентябре 1941 г. прибыла к нам и теща с сыном.

Через год меня назначили заместителем начальника Дудинского порта, позже — одним из замов образованного в 1944 г. Норильскснаба, потом возглавил отдел водного транспорта и водных перевозок комбината, а в августе 1947 г. стал начальником Дудинского порта.

В 1948 г. в моей трудовой книжке появилась запись о новой должности: я стал начальником Норильскснаба. В 1951 г. по распоряжению главка был переведен на работу в комбинат «Апатит» Мурманской области. В 1953 г. переехал в Якутию на перспективное месторождение слюды в Алданском районе, после чего через год снова получил приглашение вернуться на работу на Норильский комбинат. Короткое время я был начальником управления «Промстройматериалы» комбината, после чего был назначен заместителем директора Норильского комбината — начальником Норильскснаба.

Работа в Заполярье — это особая страница в биографии нашей семьи. Второй такой школы, которую я прошел в Норильском комбинате, больше

нет. За все, что я достиг в жизни, благодарен норильчанам, — это замечательные люди особой закваски, больших талантов.

ЕСЛИ ЗАВЕНЯГИНУ МОЖНО, ПОЧЕМУ МНЕ НЕЛЬЗЯ?

Надо сказать, учет в системе НКВД был идеальный. Утром развод на работы проходил в восемь утра. В десять часов у меня на столе уже лежали данные по четырем категориям. А — сколько трудоспособных вышли на работу. Б — сколько людей состоит на обслуживании лагеря. В — сколько на сегодняшний день больных. Г — сколько наказанных находится в ШИЗО (штрафных изоляторах). Смертность шла отдельной строкой. Больше нигде и никогда я не видел столь пунктуального учета...

Процент сволочей среди лагерного начальства в Норильлаге может быть чуть повыше среднестатистического по СССР, но гораздо выше был процент человечности, сочувствия к осужденным, простой порядочности. Ну разве мог не знать начальник учетно-распределительного отдела лагерей (УРО), что его жена помогает красавице Людмиле, популярной в Норильске певице, встречаться с заключенным Валерием Буре, знаменитым вратарем сборной страны по ватерполо? В Норильлаге в большом почете была художественная самодеятельность, тут и познакомились вольнонаемная и заключенный, дед нынешнего известного Павла Буре. Кстати, у его прославленного деда был не менее знаменитый дед Буре, часовщик, чья марка и сегодня вызывает восхищение во всем мире.

Бывало, в Норильлаге кто-то из семьи был заключенным, а кто-то работал в политчасти, и каждый вел себя так, чтобы не навредить другому... Например, в Норильскнабе у меня работал заключенный Игорь Титович Передереев, а его родной брат был секретарем одного из горкомов партии на Урале, а самый старший брат был полковником авиации, заслуженным

летчиком СССР. В Норильске я встретился с теми, с кем был знаком по Таганрогу: целый год я проработал заместителем председателя райплана одного из исполкомов Азово-Черноморского края. Леон Айвазов, заключенный, который стал потом главным бухгалтером комбината, был одним из секретарей Азово-Черноморского крайкома комсомола. В Норильске мы возобновили с ним дружеские отношения.

В Таганроге мы жили на одной улице с братьями Шапоренко, Иван был секретарем горкома комсомола Таганрога и вдруг исчез. Спустя несколько лет я случайно встретил его в Норильске. Впрочем, его брата тоже. За длинный рост Ивана звали не просто по имени, а «полтора Ивана». И вот однажды иду я на работу по Горной улице (я жил здесь в 12-квартирном фанерном доме) и вижу, как в колонне заключенных, которую тоже вели на работу, возвышается один-единственный человек. Я прибавил шаг, узнал Ивана и закричал:

— Иван! Я в плановом отделе, ищи меня!

По обе стороны колонны охрана заключенных с собаками идет. Она идет невозмутимо, а я рядом все кричу Ивану, пока он не обернулся. Охрана свое дело делает, а я кричу, пока не понял, что Иван меня узнал.

Через эков 2-го лаготделения я установил с ним связь. Это был конец сентября — начало октября 1940 г. Я тогда уже знал, что и Завенягин вот также случайно среди заключенных увидел своего друга и, как мог, помогал ему, подкармливал прежде всего. Я тогда и рассудил: если Завенягину можно, то почему мне нельзя? Иван Шапоренко работал электриком во 2-м лаготделении, я устроил встречу с ним в управлении комбината, передачу ему дал и потом систематически передавал ему еду.

В Дудинке в политотделе брат Ивана работал, о чем я и сказал Ивану. Он сразу попросил ничего не говорить о нем брату: ведь он на политработе, ему многое нельзя...

Так, через цепочку заключенных, мы общались с Иваном четыре года. В 1945 г. Ивана освободили, правда, из-за не окончившейся войны его освобождение задержали, но уж потом братья встретились с большой радостью. Система выживания срабатывала безотказно: ни родственники, ни сослуживцы старались не навредить друг другу.

В Норильлаге сидел известный на всю страну спортсмен Андрей Старостин, один из знаменитых братьев. Самый старший из них — Николай сидел в Магадане, Александр — в Воркуте, не знаю только, где Петр сидел... С Андреем Старостиным отбывал срок и муж его родной сестры Клавдии. Сколько замечательных людей собрал Норильск, и как велико было их влияние на жизнь стремительно развивающегося поселка...

ФОТОАЛЬБОМ 1942 ГОДА

Когда я уже жил и работал в Москве, однажды мне преподнесли удивительный подарок — альбом с фотографиями Норильска 1942 г. Он открывается панорамой Норильска. Говорят, что здесь не обозначены лаготделения. Это не так, их просто не видно на фотографии, охватывающей большую часть промзоны. Я думаю, что эта панорама просто не захватила лагеря. Вот улица Горная. Ее левая сторона — лаготделения, а правая — жилые дома, бутовые. Бут — это серый прочный камень. За 25-м заводом был карьер, где добывали бут. ДИТР — это своего рода граница, отделяющая вольнонаемную зону от лагерной. Со всем недалеко располагалось, например, 2-е лаготделение, где в свое время был проектный отдел.

С 1946 г. в Норильске появились женские лагеря. Горный лагерь — в 1948 г., где сейчас стадион. Временную электростанцию-2 превратили в спортзал, и туда ходил тренироваться командный состав лагеря. Помню, когда приходил из Красноярска первый в навигацию пароход, на рынке начинали продавать редис, морковь, лук, зелень. Драгоценные витамины, которых не хватало всем северянам...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ФОТОАЛЬБОМА «НОРИЛЬСК. 1942»

Фотоальбом «Норильск. 1942» принес в клуб норильчан «69 параллель» Владимир Иванович Полищук. Он рассказал о том, как попал к нему этот альбом.

Впервые такой альбом В.И. Полищук увидел в 1964 г. в гостинице «Север» в Красноярске. Он лежал на окне в кабинете директора гостиницы, родной сестры В.С. Зверева, Марии Степановны. С большим интересом и удивлением Владимир Иванович стал рассматривать альбом с фотографиями малого и большого металлургических заводов, рудников, ремонтно-механического завода, цеха железобетонных изделий, стройплощадки ТЭЦ, складов Дудинского порта и многих других промышленных объектов. В.И. Полищук так увлекся изучением альбома, что директор гостиницы сделала ему щедрый подарок — вручила ему этот альбом. Владимир Иванович поспешил показать этот альбом В.Н. Всесвятскому. И все — альбома он больше не видел...

Позже второй такой альбом Владимиру Ивановичу показал начальник строительства Горьковского автозавода, впоследствии начальник строительства «Североникеля» Михаил Михайлович Царевский. Его дочь подарила Полищуку этот альбом. При этом в семье Царевских никто не мог вспомнить, каким образом у них появился фотоальбом о Норильске.

В сентябре 1941 г. Государственный Комитет Обороны потребовал: 1 мая 1942 г. Норильский комбинат обязан выдать электролитный никель. Срок — 9 месяцев! Проект цеха никелевого порошка был выполнен за семь дней. При 40 градусах мороза возводили не только стены, но и заводскую трубу, применив электропрогрев. В ночь на 24 февраля по темпелному желобу пошел первый штейн! В марте пущен первый конвертер, получен файнштейн. 29 апреля на малом металлургическом заводе получили первый катодный никель. 1 мая из Норильска в Дудинку отправился необычный железнодорожный состав с единственным вагоном, в котором везли первую тонну норильского никеля. Из Дудинки летчик С.А. Веребрюсов доставил его в

Красноярск. Этого никеля могло хватить на 25 танков.

Задача, поставленная перед норильчанами Государственным Комитетом Обороны, была выполнена в срок, но какой ценой!

Альбом с фотографиями норильских промобъектов наверняка был связан с выпуском первого электролитного никеля. Его сделали для высокого партийного начальства. Возможно, его рассматривал И.В. Сталин, который непосредственно общался со специалистами по выпуску никеля. Вот только неизвестно, до или после выдачи первой партии металла он был предъявлен как доказательство того, что норильчане справились с трудной задачей не благодаря, а вопреки многим обстоятельствам жизни...

Кстати, в отличие от В.Н. Ксинтариса, который считает, что лаготделения просто не вошли в зону фотосъемки, некоторые норильчане утверждают, что колючая проволока отделений и вышки возле предприятий просто мастерски заретушированы. Всех, кому известна история создания фотоальбома «Норильск. 1942», просим известить об этом Г.И. Касабову. А теперь продолжит автор.

Летчик С.А. Веребрюсов

Альбом 1942 г. вернул меня в далекие годы... Почему купцу Сотникову не удалось получить чистую медь? Норильская руда полиметаллическая, без современной технологии невозможно было получить медь, никель... А.П. Завенягин понимал это и создал лабораторию, которая позволила получить столь нужные стране металлы. Благодаря людям, которые работали в ОМЦ, удалось построить множество про-

мышленных объектов, которые так хорошо видны на фотопанораме Норильска 1942 г. На Курской дуге сражались с фашистами уже совсем другие советские танки — их броня была самого крепкого сплава. Война не застала нас врасплох, потому что Завенягин строил Норильский комбинат с поразительной дальновидностью. В сентябре 1940 г. я ехал в Норильск с двумя инженерами удивительной профессии — они были спецами по электрическому прогреву бетона. Их нашел и пригласил на комбинат Завенягин, озабоченный непредсказуемостью вечной мерзлоты в Заполярье. Они справились с этой задачей, и это тоже приблизило получение первого никеля для первых танков особой прочности.

РЕШИЛИ, ЧТО ЗАКЛЮЧЕННЫМ СКАЖЕМ ВСЮ ПРАВДУ...

Я работал в Дудинке начальником порта. В 1948 г. все, что было связано с водным транспортом, входило в зону моей ответственности. Помню, что получил телеграмму от министра внутренних дел Круглова. Содержание такое: к вам направлен английский пароход, груженный польским цементом. На борту 4 тысячи тонн, разгрузить их за 96 часов только силами вольнонаемных.

Сильно озадачила нас эта телеграмма. Дело в том, что в Дудинском порту вольнонаемных было всего человек 120–150, и все это были «взбесившиеся домохозяйки» — так иногда мы называли жен командного состава, которые не имели специальности, работали экономистами, в торговле, в кадрах. А нужны были крепкие мужики, человек 160, — тогда, может быть, и справились бы с разгрузкой цемента за четверо суток. Что делать? Звоню Звереву. Он говорит:

— Собери замов и посоветуйтесь, как быть в этой ситуации.

И вот собрались начальник оперчекотдела, зам. начальника по лагерю, руководители служб. Объяс-

В.Н. Ксинтарис (слева) за работой в кабинете

нил ситуацию. Все пришли к одному мнению: о вольнонаемных грузчиках не может быть и речи. Но как тогда выполнить поставленную задачу? Начальник оперчекотдела майор Василий Кондратьевич Павлов предложил:

— Подберем надежных заключенных и разгрузим корабль.

Зам. по лагерю капитан Михно продолжил:

— Оденем заключенных в хорошую спецодежду, военизированную охрану также оденем, вместо винтовок дадим на всякий случай пистолеты...

Тут же решили, что заключенным скажем всю правду — и про запрет министра, и про 96 часов, и про охрану с пистолетами. Собрали эзков в клубе лагеря, высказали им свои соображения.

— Поняли, что предстоит?

— Поняли, — отвечают. — Только дайте нам посоветоваться.

Через некоторое время заключенный от всех высказал просьбу:

— Мы постараемся и быстрее разгрузить цемент, вот только вместо солонины нам бы свежего мяса

поесть, хотя бы по 100 граммов, да махорки просим по пачке в день...

Надо сказать, что в 4-м лаготделении держали 50 свиней. С махоркой и в Дудинке, и в Норильске было тяжело. Например, спичечный коробок махорки стоил в сентябре 1948 г. 100 рублей. Сравните: буханка хлеба стоила 20 рублей. Михно спрашиваю:

— Обеспечим грузчиков?

Покряхтел Михно и ответил:

— Найдем...

В Дудинке было много хороших специалистов, они за три дня сшили замечательную, как в американском журнале, спецодежду. Пароход разгрузили за 72 часа. На подъеме последнего груза стрела пароводного крана сломалась, мы подозревали, что наши грузчики это сделали намеренно — в два раза больше погрузили цемента, доставили его нормально, вот только стрела не выдержала и сломалась.

Когда английский пароход, прощально загудев, отошел от причала Дудинского порта, открылась удивительная картина: на воде плавали белый хлеб, пакеты, сигареты... Негры (нижняя команда парохода) и белые бросали нашим людям, как собакам, хлеб, шоколад и даже колбасу. Ни разу никто ничего не взял. То ли на это грузчики ответили сломанным краном, то ли еще почему-то. Но в тот же день всех заключенных, разгрузивших цемент с английского парохода, пригласили в лагерьный клуб к накрытым столам: их угостили хорошим обедом из свежего мяса. Всем сократили срок наказания на 3 месяца, на полгода.

Меня наградили именными часами, и еще человек 20 получили подарки и грамоты. А доклады-вать, кто и как разгрузил английский пароход, мы не стали... Дело-то сделали.

СУДЬБОНОСНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Авраамий Павлович Завенягин недолго руководил Норильским комбинатом, но именно он продумал и заложил основы стратегического развития комбината. Вот один из примеров.

Вернемся в 1940 год. На совещание, которое проводил Авраамий Павлович, приехала комиссия, которую возглавлял один из руководителей НКВД в Ленинграде — Шихтеров. Для Норильска это было судьбоносное совещание, ибо решали вопрос, кто будет проектировщиком Норильского комбината. Официально им был ленинградский институт «Гипроникель». Но вдали от Заполярья трудно учесть особенности экстремального климата, добычи полезных ископаемых, строительства северных дорог и инфраструктуры поселка. Например, «Гипроникель» считал, что добыча всех полезных ископаемых может осуществляться только подземным способом. Завенягин же считал, что самыми лучшими проектировщиками будут те, кто знает местные условия, кто может оперативно вносить поправки, продиктованные жизнью. Вот почему возник спор, который требовалось

разрешить на высоком уровне совещании.

Комиссия Шихтерова пробыла в Норильске довольно длительное время. Ее членом был В.С. Зверев, тогда главный инженер Балхашского комбината, впоследствии ставший главным инженером, а потом и директором Норильского комбината, а также главный геолог А.Е. Воронцов.

А.Е. Шаройко

Совещание проходило в красном уголке одного из бутовых домов на улице Заводской. В то время там была и читальня для вольнонаемных, где можно было ознакомиться со свежими газетами. Я был участником этого совещания и хорошо помню, что оно продолжалось несколько часов. Дискуссия была жаркой. В пользу работы местных проектировщиков проголосовали трое — в их числе Зверев и Воронцов. Позднее в Москве был утвержден вариант Завенягина.

Так родился проектный отдел, который возглавлял молодой инженер А.Е. Шаройко. Жаль, он очень рано ушел из жизни в начале 50-х годов, находясь в командировке на комбинате «Апатит» на Кольском полуострове. В проектный отдел отобрали лучших специалистов разных направлений: горняков, механиков, металлургов, строителей. Под руководством А.П. Завенягина здесь был разработан проект дальнейшей добычи руды открытым способом. Уместно заметить, что представители «Гипроникеля» считали это невозможным из-за снежных заносов открытых рудников.

В.С. Зверев (справа), В.Н. Ксинтарис (поднята рука с кепкой) и другие, чьи имена стерли из памяти годы.

Снимок сделан в дудинском совхозе

В проектно́м отделе, впрочем, как и во всех остальных коллективах, работало много заключенных. Гласности в годы Норильлага быть не могло, но негласно А.П. Завенягин своим примером и действиями как бы утвердил отношение к заключенному как к человеку, что сделать в военной системе было очень непросто. А он сумел. Это понимали и сами заключенные. Да я и сам ощущал их нормальное отношение к себе — никакой враждебности! Когда я был заместителем начальника Дудинского порта, часто во время грузовых работ без всякой охраны один ходил по баржам, спускался в трюмы пароходов — при желании меня нетрудно было утопить, убить... Но никто никогда никаких даже попыток таких не сделал, да и я сам чувствовал себя довольно спокойно в среде заключенных. Такое человеческое отношение к официальным врагам народа осталось и тогда, когда во главе комбината стали А.А. Панюков и В.С. Зверев.

КАК КОМБИНАТ ЗАИМЕЛ СВОЙ ФЛОТ

Основные грузы доставлялись в Норильск по Енисею, хотя вся продолжительность навигации составляла 130–135 дней. Два года подряд — это 1942 и 1943 гг. — последние караваны из Красноярска в пути замерзли. Енисейское пароходство понесло большие убытки, это не могло не отразиться на доставке грузов до Дудинки. И тогда комбинат построил свои суда.

В 1945 г. комбинат имел уже около 100 несамоходных судов общей грузоподъемностью 150 тысяч тонн. За год до этого ЕНУРП передал в аренду комбинату два мощных теплохода — «Красноярский рабочий» и «Клим Ворошилов». Они тянули несамоходные суда от Красноярска до Дудинки. Все это натолкнуло Наркомат внутренних дел на создание Норильскснаба — организации, которая занималась закупкой, доставкой, складированием, хранением всего необходимого для жизнедеятельности Норильского комби-

ната. Он вообрал в себя все конторы в портах перевалки грузов, в Красноярске, Архангельске, Москве, Мурманске, Игарке, Дудинке. Для ускорения совершения финансовых операций были открыты в местных банках расчетные счета. Все это улучшило снабжение комбината техникой, стройматериалами и т.п.

В 1950–1951 гг. началась контейнерная перевозка огнеупоров: это позволило уменьшить бой необходимых для печей кирпичей.

В 1953 г., с образованием Минцветмета СССР, суда были переданы Минморфлоту, а в ведении Норильскнаба остались конторы в городах. В это время я еще работал председателем Красноярского совнархоза, вскоре был назначен заместителем министра Минцветмета СССР, а затем первым замом председателя Госснаба СССР, где я проработал 10 лет до ухода на пенсию.

Можно сказать, что норильская школа жизни и работы определила мое будущее. Здесь я учился у А.П. Завенягина, А.А. Панюкова, В.С. Зверева, А.Б. Логинова — это были талантливые руководители. Одно время начальником ФИНО комбината был очень умный человек по фамилии Иш. Помню двустипшие, связанное с ним: «Что в Норильске выше крыш? Это Шмидтиха и Иш». Я дружил со многими инженерами, например с Т.Г. Стифеевым, А.И. Агафоновым до самой его смерти. Известно, что он, механик, без соответствующей документации собрал американский экскаватор «Бюсайрус». В Дудинке, а потом в Норильске, Красноярске мы плодотворно работали с Николаем Тимофеевичем Глушковым. Он был моим первым замом в совнархозе, не боялся брать на себя ответственные решения, бывало, очень рисковал, но при этом ни разу не ошибся. От имени Минцветмета СССР Н.Т. Глушков вел переговоры с финской стороной по пуску второй очереди Надеждинского металлургического завода и решил многие проблемы проектирования, строительства, монтажа завода.

Слева направо: В.В. Дроздов, В.Н. Ксинтарис, Н.Т. Глушков

Многим людям я обязан тем, кем стал, чего достиг. Но в особом ряду среди них — моя жена Лидия Евгеньевна, с которой душа в душу мы прожили 58 лет. Она работала в плановом отделе Дудинского порта, а с 1945 г. и до отъезда из Норильска — в плановом отделе Норильскснаба. Лидия Евгеньевна была первым помощником во всех делах, надежным другом в тяжелое и счастливое время.

*Слева направо: В.Н. Ксинтарис и П.С. Непорожний,
тогда министр энергетики и электрификации*

*Слева направо: В. Ксинтарис, К. Симонов
и начальник Главкраснояркстроя Б. Зверев*

Моисей Исаакович Евзеров

Моисей Евзеров:

*«Не было той радости,
с какой обычно заключенный
покидает тюрьму. Слишком
долго пришлось ждать этой
минуты...»*

41-й год. Петр Белов

Продолжаем публикацию записок горного инженера Моисея Исааковича Евзерова (начало — в первой книге «О времени, о Норильске, о себе...»). Записки в клуб норильчан в Москве «69 параллель» принесла дочь Инесса Евзерова-Качурина.

Моисей Исаакович рассказывает о собственной жизни от третьего лица — Михаила Львовича Левина. Остальные фамилии людей, встретившихся на пути з/к Левина, — подлинные.

М.И. Евзеров прожил в Норильске 20 лет. Он возглавлял шахты 12/14, 1/7, 11, занимал должности зам. начальника ПТО РОР и угольную лабораторию комбината, был главным инженером рудника «Угольный ручей». Затем комбинат направил М.И. Евзерова работать на комбинат «Печенганикель» заместителем директора.

Норильские воспоминания М.И. Евзерова публикуются впервые.

Записки горного инженера

«НОВЫЕ ЛЮДИ НА «НАДЕЖДЕ»

Юрьев недолго пробыл начальником шахты. Его сменил молодой инженер-механик Николай Иванович Галкин. Все были довольны уходом Юрьева. Каким-то будет новый начальник шахты? Кого бог послал на «Надежду»?

Николай Иванович Галкин производил впечатление собранного корректного человека. От его плотной фигуры веяло здоровьем. Приятно было смотреть на его высокий чистый лоб, правильные черты лица, блестящий ряд зубов. Был он коммунистом, и это чувствовалось сразу. В отличие от предыдущих начальников Галкин поселился на шахте и сразу начал вникать во все детали работы. Он жил в одной из комнат наверху конторы шахты, рядом с Левиным и Михайловым.

Работать на шахте стало легче. Все переговоры с лагерем, бывшие наиболее неприятным делом для заключенного техрука Михаила Ильича Левина, как и вопросы снабжения, Галкин взял на себя. Никаких разговоров об обращении «гражданин начальник» больше не было. Вскоре после назначения Галкина на шахту пришел еще один инженер — Яков Кузьмич Александров. Он был моложе Галкина. Сразу видно было, что он только что со школьной скамьи. По-настоящему его следовало бы назначить горным мастером, как обычно поступал Михаил Ильич с молодыми инженерами на воле. Это было тем более необходимо, что, судя по его словам, Александров окончил какой-то транспортный вуз. Неизвестно было, имеет ли он даже право ведения горных работ.

Александров держался очень зазнаисто. Разговаривать или иметь дело с заключенными считал ниже своего достоинства. Для него это были враги народа, с которыми близко соприкасаться было опасно.

Александрова назначили начальником «Надежды», которая теперь превратилась в участок объединенного шахтоуправления «Западная — Надежда». Пускать его на новую проходку Михаил Ильич не решился. На «Надежде» работы уже значительно развернулись, мастерами работали опытные люди, и здесь Александров не мог надеяться больших бед. Кроме того, он был все время на глазах у Левина и Галкина.

Александров не мог примириться с тем, что ему приходится подчиняться заключенному техруку. Он все время пытался вырваться из узды, спорил, получив какое-либо распоряжение, огрызался и всячески старался показать, что не считается с техруком. Это могло разложить работу шахты, тем более что он установил тесный контакт и дружбу с недавно назначенным начальником лагпункта Пономаревым. До него был молодой парень, работавший в системе лагерей недавно. Типичный военный, всегда подтянутый, вежливый, ровный. На лагерников он не кричал, не придирался по пустякам, не грозил штрафным изолятором. В нем не чувствовался «тюремщик».

Пономарев был человеком другого склада. В прошлом педагог (по его словам), он за какое-то уголовное бытовое преступление отбывал трехлетний срок заключения и после освобождения остался работать в лагере в качестве вольнонаемного. Здесь он дослужился до поста начальника отдельного лагпункта «Надежда». Такие случаи бывали. Работники лагеря из бывших заключенных-бытовиков, за редким исключением, были наихудшим типом лагерного администратора. Для них, как говорится, не было ничего святого. Они ни во что и

никому не верили. Работа в качестве вольнонаемного в лагере давала возможность судимому исправить послужной список. Бывало, они заменяли паспорт с отметкой о выдаче его по справке об освобождении из заключения, и тогда с чистым паспортом можно было наниматься на любую работу. Такие люди были жестоки, использовали любую возможность для наживы, эксплуатации заключенных в своих интересах. Таким был и Пономарев.

Несимпатичным он был и внешне: высокий, узкоплечий, худой. Бекеша, высокая папаха делали его очень похожим на «батьку Махно», каким он представлен в картине «Красные дьяволята». Лицо злое, бандитское. Особенно этот Пономарев не любил заключенных-специалистов, осужденных по 58-й статье. Это была неприязнь, сохранившаяся со времени заключения, когда он, как и другие бытовики, терпеть не мог «лордов», завидуя их знаниям, культуре, чувству собственного достоинства. С Александровым они скоро стали друзьями, как говорили лагерники — «снюхались». Пономарев начал сокращать список заключенных, имевших свободный выход в зону оцепления. Укорачивать время их пребывания за зоной. Возобновились попытки водворения Михаила Ильича в зону лагеря. Галкин упорно защищал эти льготы заключенных и пресекал все попытки усиления режима.

Видя, что Михаил Ильич не дает ему никаких поблажек, не спускает ни одного промаха, Александров попытался привлечь на свою сторону часть заключенных-мастеров, добиваясь для них через лагерь ряда льгот: выдачи лучшей лагерной и спецодежды, некоторого улучшения питания, повышения заработной платы. Кое-кто уже начал перед ним лебезить, повторяя на каждом шагу: «Яков Кузьмич, Яков Кузьмич, гражданин начальник». Заключенные чувствовали неприязнь между техруком и начальником участка, предвидели возможность столкновения меж-

ду ними и выбирали, на чью сторону стать. Видели они также, что начальник шахты недолюбливает занозистого, самолюбивого Александрова. Это заставляло быть осторожным.

Как-то незадолго до начала таяния снега Михаил Ильич дал распоряжение на площадке перед устьем Западной штольни провести водоотводные канавки. В связи с тем что устья обеих штолен уже были ограждены солидными нагорными канавами, эти водоотводные могли быть неглубокими. Яков Кузьмич тут же начал спорить: «Канавки надо проводить взрывными работами. Это очень трудоемкая работа. Вам не жалко труда других людей». Разговор шел в присутствии рабочих (зэков) и имел явной целью показать, насколько Александров заботился о них.

— Для вас эта работа была бы действительно непосильной, — сказал он Александрову. Михаил Ильич взял кайло и в течение двух часов прокайлил все канавки. Александров ушел посрамленный.

Несмотря на присутствие Александрова, частые столкновения с ним, работа на обеих шахтах шла нормально. На «Западной» штольня врезалась в коренные породы, пересела кровлю* и вошла в уголь мощного первого пласта. Вскоре началась проходка по пласту уклона, людских ходков. На «Надежде» велись небольшие очистные** работы.

Галкин создавал в коллективе атмосферу спокойствия, уверенности, что по отношению к зэкам не будет допущено произвола. Но вот к нему приехала жена в середине лета 1940 г., и у Михаила Ильича появилось опасение, что и этот — четвертый за год начальник шахты — тоже не задержится надолго. А жаль!

Как раз в это время Михаил Ильич впервые на Таймыре встретился с Завенягиным. По телефону сообщили, что на шахту прибудет начальник ком-

---

* Породы, перекрывающие верхнюю плоскость пласта.

** Работы по выемке угля.

бината. Норильский комбинат был огромным предприятием. На нем работали десятки тысяч человек. Отдельные его объекты были разбросаны на огромном пространстве от Дудинки до Норильска. Здесь были заводы, рудники, угольные шахты, разнообразные подсобные предприятия, населенные пункты, строительные конторы, лагерные подразделения. Посещение начальником комбината любого объекта было важным событием, тем более такого второстепенного, каким были пока шахты «Надежда» и «Западная».

Все готовились к встрече начальника комбината: чистили территорию шахты и лагпункта, убирали помещения. Михаил Ильич не пошел встречать начальника комбината. Он был у себя в кабинете. Если потребуется, его вызовут.

Михаил Ильич не видел Завенягина почти 12 лет. Неизвестно было, как он отнесется к встрече с заключенным, «врагом народа». Во всяком случае, Левин не разрешит себе ни одного слова или жеста, которые говорили бы об их прежнем знакомстве. Завенягин явился на шахту в сопровождении целой свиты сотрудников комбината. Галкин и Александров встретили его на границе территории «Надежды» и вошли с ним в кабинет начальника шахты. Сюда и пригласили Михаила Ильича. Он вошел, поздоровался, никому не подавая руки. Подавать руку вольнонаемным не было принято в лагере. Впоследствии было много вольнонаемных, которые очень хорошо, с большим уважением относились к Михаилу Ильичу. Но и с ними он не здоровался за руку, опасаясь, что протянутая им рука когда-нибудь повиснет в воздухе.

Завенягин попросил сесть. Прежнее обращение на «ты», принятое между студентами-коммунистами было заменено официальным «вы». Михаил Ильич включился в деловой разговор. Ни одного слова не было сказано о положении Левина. Не было намека на прежние встречи на воле.

Как же изменился за эти годы Авраамий Павлович! Видно, и ему они не легко дались. Лицо обрюзгшее, одутловатое, голова блестит, как полированный шар. Весь какой-то раздувшийся. То же самое, должно быть, подумал Завенягин о Михаиле Ильиче, но по отношению к нему это было естественно: ведь уже шел четвертый год его пребывания в заключении.

Речь шла о дальнейшей работе шахт. Железнодорожных путей на шахте все еще не было. Они велись стройконторой, созданной на «Надежде». Ей приходилось строить также бараки и подсобные помещения (баню, столовую, кухню, клуб) для лагпункта. Количество же заключенных-строителей было недостаточным. Увеличить число их было невозможно из-за отсутствия жилья.

Ставился вопрос о необходимости временно закрыть шахту и всех рабочих вместе с мастерами перебросить на строительство дороги.

Михаилу Ильичу не хотелось закрывать шахту. Дорогу бесспорно надо было достраивать, чтобы доставлять продукты, материалы, вывозить накопившийся уголь. Но закончить прокладку путей строители могли бы и без помощи шахты. Левин упорно возражал Завенягину, настаивавшему на выводе шахтеров на строительство дороги. Начальника комбината горячо поддерживали начальник лагпункта Пономарев, Александров. Лагерные работники никак не могли понять, как это какой-то несчастный зэк может спорить с начальником комбината. Этот «лорд», «контрик» зазнался — надо будет его поставить на место.

Как и опасался Михаил Ильич, Галкин ушел с шахты. Жить с семьей на «Надежде» негде было; жить на две семьи — ему на шахте, жене в Норильске — было тяжело.

Начальником шахты стал Александров. Теперь они с Пономаревым стали полными хозяевами «Надежды».

Пономарев поселился за зоной оцепления. Домик его был расположен на склоне горы немного выше конторы шахтоуправления, как раз между ними проходило два ряда проволочных заграждений. Жил в этом домике Пономарев с молодой женой и маленьким сыном. Жену его иногда можно было видеть в зоне оцепления. Это была простая женщина с добрым русским лицом. Для своего обслуживания начальник лагпункта взял заключенного дневального Алиева. Он убирал в доме, стирал белье, ухаживал за ребенком. Молодой азербайджанец, поджарый и с очень смуглым лицом, рассказывал заключенным, что и дома Пономарев был неприятным человеком: кричал на жену и сына, всем всегда недоволен. Даже поднимает руку на них.

Зимняя тундра

ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Михаил Ильич понимал, что попал в тяжелый переpleт. С ним постараются расправиться. Поставят техруком покладистого человека, готового пойти на любые сделки с лагерем. Такой человек был бы крайне полезен «Надежде». Количество работников хозлагодслуги было строго ограничено определенным процентом от числа заключенных, работающих на производстве. Между тем в лагере составлялось много лишних людей. Они незаконно обслуживали многочисленное начальство и охрану лагпункта. Здесь были специальные повара, портные, сапожники, столяры, шившие для вольнонаемного состава лагеря костюмы, обувь, делавшие для них мебель. Были дневальные, как у Пономарева, для разных услуг. И всех их надо было включить в списки работающих на шахте или в стройконторе, включить каким-то образом в ежедневный акцепт. Михаил же Ильич, наоборот, старался завести строгий учет людей, вышедших на работу. Попытки протянуть через акцепт «мертвые души» кончались неудачно. Если приняты меры и к тому, чтобы нарядчики не могли получить предварительный акцепт у мастера, после чего спорить при выдаче окончательного акцепта уже было невозможно.

Теперь на шахте объемы выполненных работ контролировались и маркшейдерским замером. Бригада в целом получала только то, что выработала. Повышать процент выработки бригады, чтобы улучшать ее питание за счет приписок, становилось все труднее. Не нравилось руководству лагпункта и то, что работники шахты держались солидно, не унижались перед лагерным начальством, не потакали бытовикам, не теряли чувства собственного достоинства. В лагере понимали, что независимый тон на шахте задает Михаил Ильич.

Вскоре представился случай свести с ним счеты. Работы на шахте все же были приостановлены.

Всех шахтеров вывели на строительство железнодорожной ветки на «Надежду». Полотно дороги к этому времени уже было подготовлено. Надо было укладывать шпалы, настилать рельсы, засыпать балластные ящики, подштопывать шпалы.

Все бригады были выведены вместе со своими бригадирами и мастерами. Подсчеты произведенных объемов работ, нормирование их, расчеты с лагерем перешли к работникам стройконторы, руководившей строительством дороги. Нужда в работниках конторы шахты временно отпала. Их всех перевели на общие дорожные работы.

На шахте кто-нибудь должен был остаться для надзора за горными работами. Естественно было бы оставить для этого техрука. Александров с Пономаревым распорядились по-своему. На этих работах оставили заключенного-инженера, пользовавшегося особым расположением Александрова и пресмыкавшегося перед ним. Михаила Ильича даже не поставили бригадиром над работниками конторы. Последним был назначен работник лагерной каптерки Кубайнешвили, сидевший в лагере уже лет восемь. Это был очень умный, ловкий грузин, отбывавший десятилетний срок по 10-му пункту 58-й статьи. Работа не была слишком тяжелой. Михаил Ильич и работавший с ним Михайлов старались не отставать от других, не показывать виду, что устали или обескуражены переводом на общие работы.

Перед консервацией шахты и переводом шахтеров на строительство железной дороги никто с Левиным ни о чем не говорил. На сколько времени перевели состав шахты на строительство дороги, долго ли Михаил Ильич будет на общих работах, было неизвестно. Поскольку ему об этом не говорили, он не стал спрашивать. Совершенно ясно было, что его решили наказать.

Если Александров и Пономарев полагали, что Михаил Ильич пойдет к ним на поклон, то они ошиблись.

Он выходил вместе со всеми на работу. Внешне настроение его было бодрое. В петлицу ватной телогрейки был демонстративно засунут букетик незабудок.

Слаженный коллектив шахтеров, в том числе Левин, работали дружно и производительно. Нормы выработки выполнялись. На свежем воздухе люди загорели и в целом были довольны новой работой. После двух недель пребывания на дороге рабочие и ИТРовский состав вернулись на шахту. Левину предложили вновь приступить к исполнению своих обязанностей техрука.

Должно быть, одно дело было поддерживать натянутые, недружелюбные отношения с техруком, когда ответственность за шахту нес Галкин. Другое дело теперь, когда Александров, будучи малоопытным горняком, должен был сам руководить шахтой, что ему явно было не по силам. Если техруком назначить другого инженера, надо обязательно взять заключенного, который жил бы в зоне оцепления и всегда был бы на месте. А кто его знает, каким он окажется организатором. Михаил же Ильич уже проверенный человек. Его умение руководить коллективом, технические знания не вызывали сомнений.

Так, возможно, рассуждал Александров, но иным был ход мыслей Левина. Руководить угольной шахтой всегда дело непростое, особенно, если месторождение имеет такие сложные геологические условия, как Норильское. Здесь обильные выделения метана, к тому же месторождение мало изучено и может поднести много сюрпризов. В этих условиях главный инженер (он же техрук) должен пользоваться доверием начальника шахты. Но после ухода Галкина Михаил Ильич не имел поддержки начальника шахты и начальника лагпункта. Они пока его терпели и мирились с установленным им на шахте порядком, но все это до поры до времени. И действительно, как они могли терпеть, например, такое, если техрук заходил в клуб лагпункта, чтобы занять свое место в

первом ряду, все заключенные, весь зал вставал, как один человек. Разве можно было это терпеть, тем более что и сам Левин не лебезил перед лагерным начальством, не признавал нарядчиков и каждый раз сокращал предъявленный лагпунктом акцепт на принятых шахтой людей.

Михаил Ильич привык к коллективу шахты и полюбил его. Здесь он себя вновь почувствовал инженером, почти свободным человеком. Но надо все это бросать и уходить: и шахту, и ее коллектив, и жизнь вне лагеря и друзей. После долгих размышлений Михаил Ильич решил, что единственный выход — это обратиться к Авраамию Павловичу с просьбой принять его. Он послал по этому поводу заявление в комбинат. Через пару дней он был вызван к начальнику комбината.

Последние месяцы Михаила Ильича начал мучить фурункулез: плохая одежда, недостаточное питание, продолжительное ежедневное пребывание на подземных работах в зоне вечной мерзлоты вызвали появление фурункулов на открытых частях тела. Как только удавалось избавиться от одного фурункула, он появлялся в другом месте, чаще всего на лице или шее. К Завенягину Левин пришел с забинтованной шеей.

Начальник комбината сидел за большим письменным столом. Кроме него в кабинете никого не было. Представилась возможность поговорить с ним откровенно, рассказать обо всем, что произошло за последние годы, убедить в абсурдности предъявленных Левину обвинений. Но к чему все это? Помочь он все равно ничем не может, сочувствие же его Михаилу Ильичу не требовалось, а сущность дел, состряпанных в 1937–1938 гг. Завенягин вероятнее всего и сам знал.

Итак, Михаил Ильич решил говорить только о деле, которое его в данную минуту интересовало: о переводе с отдельного лагпункта «Надежда». Возможно, что Левин и сделал бы попытку в какой-то мере

восстановить прежние отношения с Завенягиным, но опасался, что не встретит с его стороны сочувствия. Подвергнуться же еще одному унижению ему не хотелось. Достаточно он их имел в последнее время!

Из памяти у него не выходила одна встреча, происшедшая вскоре после приезда в Кузбасс в 1934 г. Он управлял одним из рудоуправлений. Однажды, в конце рабочего дня секретарь доложила, что в приемной ждет горный инженер Покатаев и просит его принять.

Михаил Ильич его хорошо помнил. В 1922 г. Покатаев был преподавателем Московской горной академии. Он читал общий курс горного искусства. Это был первый человек, знакомивший студентов горного факультета с основами их будущей специальности.

К преподавателям у людей обычно сохраняется теплое чувство благодарности и уважения. Михаил Ильич вышел в приемную, чтобы пригласить Покатаева к себе в кабинет. Конечно, это он: та же широкая, приземистая, медвежья фигура, большой лоб, нос картошкой и огромная борода лопатой. Одет он не совсем обычно, и какая-то растерянность на его всегда довольно самоуверенном лице.

Михаил Ильич усадил Покатаева в глубокое мягкое кресло и стал слушать. Выяснилось, что пришел он по делам лагеря, заключенные которого работали на шахтах, подведомственных Левину. Оказалось, что и сам Покатаев был заключенным, осужденным на 10 лет по 58-й статье. Михаил Ильич выполнил его просьбу, стараясь всеми силами не показать, как сразу неприятна стала ему, старому коммунисту, эта встреча с контрреволюционером. Только впоследствии он понял, что перед ним, возможно, сидел не преступник, а оклеветанный человек.

Авраамий Павлович прежде всего поинтересовался, почему забинтована шея. Узнав, в чем дело, он спросил, не нужна ли помощь комбината. Михаил Ильич от помощи отказался. Он попросил только

об одном: перевести его на какое-либо другое горное предприятие. Завенягин обещал выполнить эту просьбу.

После посещения Завенягина прошло две недели. Михаил Ильич по-прежнему работал техруком на «Надежде». Жизнь на предприятии шла обычным путем. Своевременно давались наряды (теперь уже три раза в день), осматривались подземные работы, проверялись рапорта.

Начала функционировать железнодорожная ветка, связывающая «Надежду» с магистралью Дудинка—Норильск. Бесперебойно поступали на шахту нужные материалы. Началась отгрузка отвалов угля, накопившихся от подготовительных и нарезных (очистных) работ.

Отношения с Александровым и Пономаревым стали более корректными, и понемногу забывались опасения Михаила Ильича. Коллектив шахты все больше сплачивался, все более успешно справлялся с подготовкой шахт «Надежда» и «Западная» к нормальной угледобыче.

Представление о том, что работа заключенных — это труд из-под палки, совершенно не вязалось с тем, как работали эки на «Надежде». Контингент здесь подобрался отборный, состоявший в основном из политических. Истинных контрреволюционеров, врагов Родины, среди них не было и, пожалуй, быть не могло. Все они, за весьма редким исключением, родились или, во всяком случае, стали взрослыми после Октябрьской революции, работали в колхозах, на фабриках, заводах, в учреждениях, привыкли к труду.

«Контрреволюционерами», «троцкистами» их объявили следственные органы и суд, но это не сделало их врагами своей Родины, партии и советской власти. Люди старались своей работой доказать, что они по-прежнему отдают все свои силы на благо своей страны. Были и чисто лагерные стимулы к хорошей работе: от результатов труда зависело не

только питание заключенных, получение денежного вознаграждения, но и снижение сроков пребывания в заключении.

В Норильске не было зачета рабочих дней, то есть снижения сроков пребывания в заключении в зависимости от количества отработанного времени в лагере. Вместо этого один-два раза в год по ходатайству комбината и лагеря за производственные достижения (при условии соблюдения лагерного режима) снижался срок заключения от нескольких месяцев до трех лет. Были отдельные случаи снижения сроков заключения за особые достижения на производстве до пяти лет, но давалось оно людям, осужденным на очень долгое заключение, например до 25 лет. Приказы комбината, извещавшие о снижении сроков заключения, содержали сотни фамилий заключенных и широко распространялись по лагерю.

Был какой-то небольшой процент и таких (главным образом среди бытовиков), которые всеми силами отвиливали от работы. Они старались получить через медпункт освобождение от работы, добивались более легких поденных работ. Здесь кормили хуже, и они быстро ослабевали, превращались в «доходяг», заболевали цингой. Был классический способ добиться освобождения от работы: есть с хлебом большое количество соли. Этим вызывалась сильная жажда. Поглощение большого количества воды приводило к опуханию всего тела, к освобождению от работы, но нередко кончалось и смертью.

ПОД КОНВОЕМ НА НОВУЮ РАБОТУ

Разговор с Завенягиным не прошел даром. Когда Левин уже начал забывать о нем, в отдельный лагпункт «Надежда» прибыл спецотряд на перевод его на рудник открытых работ (РОР).

Михаил Ильич никогда не работал на добыче руды. Вся его инженерная деятельность прошла на угольных шахтах. На горном факультете, где он учился, изуча-

ли системы разработок рудных месторождений, но курс был общим, обзорным, и открытый способ добычи руды в нем совершенно не рассматривался.

Предстояло знакомиться с новым делом, начинать почти с азов. Направление Михаила Ильича именно на РОР было понятно. Это было детище Завенягина, предприятие с огромным будущим, главный источник снабжения рудой строящегося большого металлургического завода.

Рудник только закладывался. В карьер проводились первые линии ширококолейного железнодорожного пути, собирались мощные импортные экскаваторы фирмы «Бюсайрус», строились промышленные здания и сооружения. Добыча руды тут должна была ежегодно измеряться миллионами тонн, вскрывша — многими миллионами кубометров пустой породы.

Завенягин направлял на РОР инженеров разных специальностей, чтобы создать костяк будущего инженерно-технического состава этого важнейшего предприятия Норильского комбината. Так был направлен сюда и Левин. Через день после получения наряда Михаил Ильич под конвоем был приведен в 10-е лаготделение, где жили заключенные, работавшие на РОРе. Инженерно-технические работники помещались в лагере в отдельном бараке. Был он небольшим, людей в нем было немного. Нары были сделаны более или менее аккуратно. ИТРовцы имели своего дневального, следившего за отоплением барака, чистотой и порядком в нем.

Почти все инженерно-технические работники трудились в одну смену. Они одновременно уходили на работу и вместе возвращались. В зону оцепления, где находился рудник открытых работ, инженерно-технические работники выпускались отдельными бригадами. Развод был общим для всех заключенных 10-го лаготделения. На вахте нередко приходилось ждать, пока соберутся все заключенные и их начнут выпускать побригадно рядами по пять человек.

РОР был предприятием очень крупным, людей на нем работало много, и развод длился довольно долго. Приходилось на вахту выходить заранее, чтобы не пропустить выпуска своей бригады. С другой бригадой выйти из лагеря было невозможно. Невыход же на работу грозил крупными неприятностями.

Михаил Ильич, живя на «Надежде» за зоной, отвык от этих порядков лагерного режима и болезненно их переживал. Угнетали и ежедневные вечерние проверки, отнимавшие остаток свободного времени. Впоследствии Михаилу Ильичу был выдан внутренний пропуск, по которому он в любое время дня мог войти в зону оцепления и затем вернуться в лагерь. К вечерней проверке он все же был обязан быть в лагере.

Михаил Ильич был назначен старшим диспетчером. Ему надо было следить за всей оперативной деятельностью РОРа, в первую очередь за поступлением многочисленных грузов, их правильным размещением, обеспечением всем необходимым большого железнодорожного и промышленного строительства.

По-настоящему его бы следовало предварительно ввести в курс дела, ознакомить с территорией рудника, с планами и чертежами строительства, с размещением отдельных объектов. Ничего этого не было сделано.

Михаил Ильич в первый же день прибытия был очень любезно встречен начальником РОРа Карапетяном. Весьма поверхностно ознакомил его с предстоящей работой главный инженер рудника Константин Аристархович Коровин. Руководство РОРа было вольнонаемным, большинство же инженерно-технических работников — заключенными.

Как только удавалось, хотя бы на время, отойти от диспетчерского телефона, Михаил Ильич уходил на строительную площадку знакомиться с рудником.

Кругом была непролазная грязь. Из вязкой мокрой глины подымались фундаменты котельной, ангара для экскаваторов, паровозного депо. Временная механическая мастерская, довольно боль-

ших размеров, была уже готова. Это был единственный объект, радовавший глаз. Кругом все было разворочено, навалены щебень, песок, огромные бутылки взорванной породы. Безотрадная картина! Не сразу охватывалась схема будущих горных работ. Много было неясно.

Временами ставил в тупик раздававшийся по телефону вопрос: «Куда направить прибывший со щебенкой или лесом состав?» Черт его знает, что с ним сделать, а спросить не у кого и ждать нельзя!

Надо признаться, что в первое время не всегда указания Левина были самыми разумными и целесообразными. Бывало он засылал состав не туда, куда следует. Приходилось краснеть, выслушивать упреки от своих же товарищей. Надо отдать им справедливость: начальству не жаловались. Докладывать о промахах своего же брата заключенного вольнонаемному начальству считалось неприличным.

Одним из диспетчеров, подчиненных Михаилу Ильичу, был заключенный Чайновский*. Это был высокий плотный человек 45 лет, очень смуглый, с широким круглым лицом. Какая-то беспомощная услужливая улыбка большого безвольного рта открывала ряд крупных зубов.

Когда знакомые инженеры, работавшие ранее вместе с Михаилом Ильичом на прокладке железнодорожного пути на «Надежду», узнали, что он назначен старшим диспетчером РОРа, сказали ему: «У тебя диспетчером будет работать Чайновский. Имей в виду — он композитор, пишет оперу».

Михаил Ильич тогда не придавал этому предупреждению никакого значения. Не все ли равно ему, какая на воле профессия была у подчиненного ему диспетчера.

После нескольких дней совместной работы Михаил Ильич спросил у Чайновского:

— Кем работали на воле?

— Как кем? В Донбассе был заведующим шахтой.

---

* Фамилия изменена.

Михаил Ильич удивился, но ничего ему не сказал. Но, встретившись с инженером, предупредившим его о Чайновском, Михаил Ильич упрекнул его.

— Что же ты говорил мне, что Чайновский композитор. Он, по его словам, горный инженер, много лет проработавший на шахтах Донбасса.

Инженер удивленно посмотрел на него.

— Ты что, лопух, что ли, или первый день в лагере? Я же тебе ясно говорил русским языком, что он пишет оперу. Пишет оперуполномоченному доносы. Он гнусный стукач! Теперь ясно тебе, дурья голова?!

В лагере ненавидели стукачей. Они вносили подозрительность в среду заключенных, недоверие друг к другу, причиняли много горя и бед. По их доносам, обычно искажавшим лагерные разговоры (им ведь надо было выслужиться), людей сажали в тюрьму, прибавляли сроки. Малейшее подозрение человека в писании доносов вызывало презрение к нему, окружало его глухой стеной ненависти.

Такому человеку, будь он трижды хорошим специалистом, не давали ходу, старались направить на самые тяжелые общие работы.

Недолго был диспетчером РОРа и Чайновский. Его спихнули с этой сравнительно легкой работы. Надо, правда, сказать, что среди крупных специалистов стукачей не водилось. Они комплектовались из среды разложившихся и опустившихся лагерников.

Их недолюбливали, презирали и вольнонаемные. Бывали случаи, когда вольнонаемные руководители предприятий о таких доносчиках предупреждали заключенных, которым доверяли.

ПРО ЛЮБОВЬ КИНОШНУЮ И ЛАГЕРНУЮ

В 10-м лаготделении один из больших бараков был приспособлен под клуб. В нем построили сцену, выкрасили стены, во многих местах повесили лозунги, призывавшие к выполнению производственных планов и трудовых обязательств.

В клубе регулярно демонстрировались кинокартины, давались концерты, ставились спектакли силами культурно-воспитательного отдела лагеря (КВО). Артистические силы КВО подбирались из заключенных. Среди них были очень хорошие певцы, опытные танцоры, музыканты. Все они освобождались от всяких работ, прилично питались и оплачивались.

Было также принято, когда труппа КВО прибывала в какое-либо лаготделение, кормить ее лучшим, что было на кухне и в столовой. Кроме труппы КВО лагеря в каждом лаготделении обычно были свои концертные и танцевальные группы.

Таким образом, в клубе по вечерам почти всегда что-нибудь ставилось. Вход был свободный. Только при приезде труппы КВО с большой постановкой раздавались билеты по бригадам.

В клуб шли охотно. Здесь можно было посмотреть хороший фильм, услышать приличный концерт.

Чудно было Михаилу Ильичу, когда он впервые после долгого пребывания в тюрьме попал на «Надежде» в красный уголок на демонстрацию кинофильма. Как будто вновь открылся перед ним кусочек вольного мира, увидеть который он надеялся нескоро. Незабываемым было впечатление от «Большого вальса». Воздействие этого очаровательного фильма было особенно сильно оттого, что его смотрели бесправные люди, лишенные семьи, друзей, воли. В течение полутора часов заключенный переносился в светлый мир чудесной музыки Штрауса, прекрасных танцев, больших чувств. Забывались личные невзгоды, тюрьма, лагерь, стужа, пурга, долгая ночь заполярного Таймыра. Он вновь был вольным человеком, жил полной жизнью. Как бы тяжело потом ни было, сохранялось обаяние этого фильма.

Будучи уже на РОРе, Михаил Ильич узнал, что вскоре после его перевода с «Надежды» начальника отдельного лагпункта Пономарева с треском сняли с

работы и как будто даже отдали под суд за избиение заключенного.

Рассказывали, что однажды рано утром за зоной лагпункта раздались истошные крики. Заключенные увидели, что, спасаясь от избиения, к лагпункту без оглядки несется дневальный начальника и кричит благим матом. За ним с палкой в руках бежит возбужденный, весь налитый кровью Пономарев и орет:

— Я тебя убью, подлюга!

Лицо дневального избито, одна рука бессильно висит. Ворота были открыты. Дневальный ворвался в лагпункт и спрятался в общем бараке. Здесь он был в полной безопасности. Сюда бы Пономарев не посмел сунуться. Позже в медпункте было установлено, что рука Алиева перебита.

Оказалось, что Пономарев приревновал свою жену к Алиеву. Не было бы ничего удивительного, если бы молодой и внимательный Алиев, служивший нянкой сыну и жене Пономарева, носивший обоих чуть ли не на руках, мог понравиться Пономаревой. Она-то от своего мужа видела только окрики и грубость, и, как поговаривали, муж временами бил жену.

Этот случай напомнил Михаилу Ильичу событие, происшедшее еще во время его работы на воле в Сибири.

Рядом с одной из подведомственных ему шахт находился лагпункт. Одним из его заключенных был московский журналист, осужденный по 58-й статье. Это был большой, здоровенный мужчина с умным симпатичным лицом. Когда кончился срок его заключения, он уехал из Сибири. Вместе с ним исчезла жена главного инженера шахты. Она бросила мужа, довольно ограниченного человека, и оставила ему ребенка. Где и как она встречалась с этим журналистом, было неизвестно, но уехали они вместе.

Через много лет, когда Михаил Ильич работал главным инженером крупного рудника на Таймыре, к нему пришел наниматься на работу в качестве вольнонаемного этот самый Пономарев.

Это был уже не тот «Махно» — гроза заключенных. Перед ним стоял обыкновенный человек, ничем не отличавшийся от других устраивавшихся на работу бывших заключенных. Он даже улыбался.

СОБРАНИЯ, СОВЕЩАНИЯ И КОНЦЕРТЫ ЗЭКОВ

Считалось, что в Норильском лагере содержатся наиболее тяжелые преступники. Сюда отправлялись люди, осужденные за самые опасные преступления против советской власти, требовавшие строжайшей изоляции. Таймырский полуостров был для этой цели особенно подходящим местом. Тысячи километров непроходимой тундры и тайги отделили его от Большой земли.

На севере были суровые воды холодного Ледовитого океана, на юге — Енисей, по берегам которого можно было пройти многие сотни километров, не встретив никого, кроме таежного зверя. Посадка на пароходы и самолеты тщательно контролировалась, и проскочить на них было невозможно, хотя такие попытки изредка и делались.

В Норильск завозились только заключенные-большесрочники. Не имело смысла направлять сюда людей, осужденных на малые сроки, тратить на их переброску огромные суммы только для того, чтобы, еле приспособившись к тяжелым условиям Заполярья, они вновь возвращались на «материк». Итак, формально, по документам, здесь были неисправимые преступники, ненавидевшие советскую власть, все ее учреждения и всех ее представителей. Этикие озлобленные звери.

Таковыми хотели их представить перед народом прихвостни Берии, истинные враги партии и государства. Были же это в основном люди, горячо любившие свою Родину, преданные ей, несмотря на все перенесенные муки.

Это понимали лучшие руководители Норильского комбината и лагеря. Заключенным доверяли,

ставили их на ответственные инженерные посты главных инженеров и техноруков шахт, цехов, прорабов. Вся работа лагеря была построена в расчете на преданность стране этих людей, считавшихся врагами народа.

Часто устраивались собрания заключенных того или иного цеха. Здесь обсуждались производственные планы предприятий, отчитывались руководители бригад и участков, принимались трудовые обязательства, объявлялись результаты соревнования. Победителям вручались красные знамена, премии. Посторонний человек, попав на такое собрание, ничем не отличил бы его от обычных собраний вольнонаемного состава на материке: так же горячи, полны энтузиазма речи передовиков производства, такая же беспощадная критика недостатков. Победителям трудового соревнования вручались подарки, обычно продовольственные: масло, сало, сахар, консервы. Изредка, главным образом ИТРовцам, выдавались ордера на пошив гражданских шерстяных костюмов. Хожение в гражданской одежде не возбранялось, но мало у кого она сохранилась. Вольную одежду надевали только в праздники: ее очень берегли.

В обычное же время ходили во всем лагерном: ватные брюки, ватная телогрейка, бушлат, шапка-ушанка, опущенная искусственным мехом, кирзовые сапоги. ИТРовцы и наиболее аккуратные рабочие старались в производственных мастерских подогнать по фигуре эту одежду и обувь. На производственные совещания приходили в чистом, одевались в лучшее, что у кого было.

После совещания обычно устраивали концерт. Среди артистов были профессионалы, имевшие прекрасные голоса. Были и любители: из многих тысяч заключенных Норильлага не так трудно было найти одаренных певцов, танцоров, чтецов. Замечательно пели, например, горный мастер Климович, девушка-десятник Марущенко. Артистические груп-

пы при лаготделениях освобождались от работы только в день выступления. Труппы культурно-воспитательного отдела лагеря ставили большие постановки, такие, как «Наталка-Полтавка», «Шельменко денщик», «Свадьба в Малиновке».

Но особенно любили заключенные выступления мужской украинской капеллы. Говорили, будто бы она была арестована где-то на Западной Украине, и в полном составе прибыла в Норильск. Так она и перешла в ведение КВО. Весь зал затихал, когда капелла выходила на сцену и выстраивалась в один ряд вся в белых вышитых украинским узором рубашках, синих шелковых шароварах, мягких сапогах.

Запевал тенор, мотив подхватывал весь хор. Глухо вторили могучие басы. Казалось, раздвинулись стены клуба, высоко темнело вечернее украинское небо, усыпанное яркими мерцающими звездами. Запахом душистых трав напоен степной воздух. Тускло поблескивает вдали пруд, и могуче разносится украинская песня парубков, собравшихся на лугу у костра. Вот-вот, кажется, проглянет луна, осветит дом у пруда, и в окне покажется тоскующая Ганна из «Майской ночи», вызванная чарующим пением веселящейся молодежи. Но вот песня кончилась и звучит уже веселая «Калинка»...

Оглядываюсь на сидящего рядом украинца. Его мысли сейчас очень далеко. Насуплены брови, крепко сжаты губы, и медленно ползет по щеке непрошенная горькая слеза. Может, он видит перед собой свое село, дом в тенистом саду, семью, собравшуюся за столом, и себя, окруженного детьми. В воскресенье на РОРе не работали. Этот день у Михаила Ильича был свободным. Как и в тюрьме, в лагере он отмечал воскресные дни, революционные, семейные торжества. К этим дням приурочивал покупки в лагерном ларьке дополнительного, более вкусного питания, посещал клуб, читал. Уже с утра Михаил Ильич шел в баню, брился и весь день чувствовал себя празднично.

С момента ареста Левина шел уже четвертый год. Все меньше оставалось вещей, взятых из дому. Часть их была изношена, другая раскрадена, но было нечто, что он особенно берег, что переносил с места на место при любых переездах и этапах, — это был кусок хорошего, душистого туалетного мыла. Его принесла ему жена в Кузнецкую тюрьму. Таким мылом обычно мылись у него дома на воле. Оно было осколком его прежней жизни.

У Михаила Ильича всегда было очень сильное обоняние. Он чувствовал запах на большом расстоянии и надолго его запоминал. Ему даже казалось временами, что он чувствует запах детей и с завязанными глазами по запаху узнал бы свою маленькую дочку (но только ее одну).

Сейчас в неволе в дни семейных юбилеев, дни рождений жены, детей он мылся этим мылом, вновь чувствовал запах своей семьи и ему казалось, что он ближе к ней. Если закрыть глаза, то можно было думать, что рядом бесконечно дорогие тебе люди.

Это кусок мыла, проткнутый посередине шилом надзирателем, опасавшимся проноса в тюрьму недозволённых вещей, сохранялся у Михаила Ильича в течение всего долгого срока пребывания в заключении.

В лагере говорили, что окончание установленно-го срока заключения — это еще не выход на свободу, что к моменту освобождения особое совещание при НКВД дает новый срок, и осужденным по 58-й статье не удастся вырваться на волю. В такое беззаконие, произвол не верилось, хотя отдельных людей, отбывавших таким образом вторые сроки, Левин встречал. Все же Михаил Ильич был твердо уверен, что освободится даже раньше срока. Без этой веры жить и работать в лагере было нельзя.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ: ШАХТА «УГОЛЬНЫЙ РУЧЕЙ»

Опала Завенягина, должно быть, кончилась. Он был назначен заместителем наркома по внутренним делам и переведен в Москву. Вместо него был назначен Александр Алексеевич Панюков. До этого он был начальником Дудинского порта. Это был строитель, спокойный, уравновешенный человек. Возможно, он хорошо разбирался в строительной деятельности комбината, но был недостаточно компетентным в вопросах металлургии.

Основной фигурой на производстве стал главный инженер Владимир Степанович Зверев. Был он мужчиной высокого роста, очень полный. На большом лице торчал широкий курносый нос. Было впечатление, что какой-то озорник приставил палец к его носу, нажал его и вздернул вверх. Таким нос и застыл. Несмотря на такое простое некрасивое лицо, это был очень умный мужик, решительный, инициативный, с сильной волей.

Он очень крепко держал в руках руль управления комбинатом. Слово его было законом. Если Зверев что-нибудь решил сделать, так оно и будет. Свои обещания всегда выполнял. Боялись Зверева, как огня. Он был резок, мог грубо оборвать и жестко обругать, нередко нецензурными словами.

Владимир Степанович не мог не понимать огромной роли, которую играли на комбинате заключенные. Он старался создать для них нормальные условия работы. Из этого не следовало, что он не мог оскорбить заключенного-инженера, выругать его последними словами, но того же самого в любой момент мог ожидать от него и вольнонаемный специалист.

Михаил Ильич проработал на РОРе месяца три. При одном из посещений этого рудника Зверев предложил руководству РОРа передать Левина как специалиста горного дела на шахту «Угольный ручей». Главный инженер рудника открытых работ Коровин,

не переносивший Зверева (он считал его выскочкой), резко запротестовал против такой переброски. Михаилу Ильичу рассказывали о громком разговоре по этому поводу, перешедшем в ругань, который произошел между ними. Все же Зверев, не любивший отступать от принятого решения, настоял на своем.

Мнением Михаила Ильича никто не интересовался, и его не спрашивали, хочет ли он остаться на РОРе или нет. Ведь он был всего лишь заключенным! Был спущен наряд в 10-е лаготделение, и Левин оказался в другом — 12-м лаготделении.

Назначили его техруком шахты «Угольный ручей», начальником которой был П.Е. Слепцов. Это он, по-видимому, настоял перед Зверевым на переброске Михаила Ильича с РОРа. За короткий период совместной работы на «Надежде» он, должно быть, убедился, что на опыт, знания, добросовестность Михаила Ильича можно положиться.

Как очень многие из вольнонаемного состава Норильского комбината, Слепцов видел, что специалисты из заключенных опытные, эрудированные. Лишенные семьи, каких-либо других интересов, они все свое время отдавали производству.

Слепцов помимо того, что он не был особенно рьяным работником, еще был не дурак выпить. На этой почве у него в семье были большие нелады: жена, врач, его не жаловала. На работу он обычно приходил с опозданием, одутловатый, с большими кругами под глазами.

Одно время Михаил Ильич заметил, что Павел Евсеевич зачастил ходить в шахту. Бывал он там недолго и неизменно возвращался через вентиляционную штольню. Левин решил проверить, в чем дело. Ведь Слепцов — горный инженер, хорошо разбирающийся в работах. Неужели он заметил какие-то неполадки в работах, допущенные Левиным? Это было бы большой неприятностью, так как до сего времени он полностью доверял Михаилу Ильичу.

Странно, что Павел Евсеевич уходит один, ничего не говорит Левину.

Как-то раз, примерно через час после ухода Слепцова в шахту, Михаил Ильич пошел вслед за ним. Он проходил по работам, проверял их состояние и мимоходом спрашивал, был ли Слепцов.

Выяснилось, что работы он осматривал бегло, а на большинстве и вовсе не был. Так Михаил Ильич дошел до вентиляционной штольни.

У вентилятора дежурила заключенная — большая, статная, очень красивая украинка. Михаил Ильич всегда с удовольствием слушал ее певучую украинскую речь, хотя больше половины слов не разбирал. Здесь Михаил Ильич заметил Слепцова. Все было ясно. Оказывается, Павел Евсеевич больше всего интересовался вентиляционными кадрами.

Шахта «Угольный ручей», куда перебросили Левина, заканчивала подготовку первого пласта к эксплуатационной добыче угля. Это был пологопадающий пласт мощностью больше 5 метров. Разработка его требовала большого внимания и осторожности. По проекту он разрабатывался на полную мощность одним слоем и крепился стойками диаметром в верхнем отрезе 20–22 см. Лес не всегда был мерным, и нередко приходилось ставить стойки большого диаметра. Крепильщики работали парами с лестниц. Это была адская работа! Ни у рабочих, ни у инженеров не было опыта разработки одним слоем таких мощных пологопадающих пластов. Среди рабочих горняков не было, а инженеры были в основном из Донбасса, они привыкли к маломощным пластам.

Михаил Ильич работал в Кузбассе, где имел дело с мощными пластами, но они были тоньше, а более мощные были крутыми. Приходилось учить рабочих и инженеров и самому учиться. Но зато как красивы были эти работы! Строго по шнуру на расстоянии 1–1,2 метра друг от друга шли по восставанию ряды столбов-стоек. Казалось, что еле видне-

лась кровля. Сплошной стеной поблескивал угольный забой, имевший длину до 110 метров. Временами обманчива была кровля. Отстучать ее было невозможно, а выглядела она снизу гладкой и ровной, как потолок.

Очистные работы быстро расширялись. Вот уже на шахте ряд участков: одни ведут подготовительные работы, другие — приступили к очистной добыче. Работы разбросаны на большое расстояние. За день их еле обойдешь, устанешь и уже ни о чем, кроме положения в шахте, не в состоянии думать.

Как-то раз Слепцов говорит Михаилу Ильичу:

— Работы под землей быстро расширяются. Надо усилить наблюдение за ними.

— Как бы мы не получили крупных неприятностей.

— Давайте установим круглосуточное наблюдение за подземными работами. Вы будете обходить работы ночью, я — днем.

— Хорошо, распределим обязанности, как вы говорите.

Михаил Ильич согласился с предложением Слепцова. Следующую ночь Левин провел под землей. Утром он дал наряд. Павел Евсеевич, как условились, пришел на шахту в 9 часов утра. Левин ушел отдыхать. Вторая ночь выдалась очень тяжелой. Как это нередко случается в шахте, началась полоса неудач.

Михаил Ильич осмотрел 3-ю лаву. Она выглядела прямо игрушкой. Забой блестел и казался зеркалом, отражающим мощные пучки света двух прожекторов. Плавно качались рештаки конвейера. Бесперывным потоком шел уголь, набрасываемый вручную навалоотбойщиками.

Михаил Ильич остановил конвейер, велел всем замолкнуть, не шевелиться и стал слушать. Абсолютная тишина, нигде ни шороха. Все спокойно. Осмотрел кровлю. Гладкая, ровная, хорошо затяну-

тая, она не вызывала опасений. Если бы всюду так! Он разрешил работать и пошел дальше.

Через 15 минут Михаила Ильича догнал мастер: в 3-й лаве, из которой он только что вышел, с кровли упал кусок породы. Пролетев 5 метров, он ударил рабочего и сломал ему ногу. Михаил Ильич вернулся в лаву, проследил, чтобы пострадавшего выдали на-гора, и продолжал обход работ. Вызывала опасения 5-я лава. Она была недостаточно хорошо подкреплена, а отошла уже довольно далеко от линии предыдущей посадки. Может, запретить в ней работать и вывести людей? Но ее надо во что бы то ни стало еще подогнать и подготовить к посадке. Дав задание поставить еще шесть стоек, Михаил Ильич пошел в остальные лавы, осмотрел проходческие работы. Только с рассветом он вернулся в контору, еле волоча ноги. Теперь перед утренним нарядом надо записать задания начальникам участков. После обхода шахты была явная картина состояния работ, и составление наряда не представляло затруднений.

Вдруг звонок. Кто мог так рано звонить? Михаил Ильич поднял трубку. Звонили из шахты.

— Завалило лаву вместе с людьми!

Кто звонил, было неизвестно. Не было сообщено, в какой лаве завал. По-видимому, звонивший был очень взволнован, торопился и бросил трубку, не рассказав подробностей. Такие вещи бывали при крупных авариях в шахтах. Что теперь делать? Первая мысль была немедленно вызвать горноспасательную команду. Но куда ее направлять? Михаил Ильич решил сам проверить, что случилось. Он еще был в спецовке. Захватив свежий аккумулятор, он предупредил ламповую, что уходит в шахту.

Левин направился в штольню. Шел он быстрым шагом, прикидывая, где была наибольшая опасность. Вероятнее всего в 5-й лаве. Недаром она его так беспокоила. К лаве он приближался почти бе-

гом. Ну, к счастью, здесь все в порядке. Лава стоит хорошо, люди спокойно работают.

В течение трех часов он вновь обошел, obeжал всю шахту. Приближаясь к каждой лаве, задавал один вопрос:

— Как лава?

— Работает нормально, — был неизменный ответ.

Усталый, измученный, вернулся Михаил Ильич на поверхность уже к самому наряду. Все белье, даже ватная телогрейка, были мокрыми от пота. Пот крупными каплями осел на внутренней поверхности масливной каски. Мокрым был подкасник, от напряжения дрожали руки, ноги.

Звонок был злобной «шуткой» какого-то подлица. Осталось дать наряд начальникам участков, поесть и спать. Глаза сами смыкались. Но теперь уже скоро конец мучительной вахте: подойдет Слепцов. Возьмет на себя дневные дела шахты. Почему же его все нет?! А дневные дела начались: надо подписывать требования на материалы, надо дожидаться возвращения мастеров из шахты, принять у них отчет о прошедшей ночной смене.

Да, из конторы нельзя уходить: могут звонить из комбината, возможен приезд какого-нибудь начальника. Ведь время рабочее.

Вдруг нагрянет Зверев! Он будет ругать матом и орать.

— Всех разогнать! Какие могут быть порядки на шахте? Начальник где-то пьянствует, главный инженер днем спит!

Ведь не расскажешь ему, какая ночью была суматоха на шахте. Еще хорошо, если он будет кричать, а если он будет говорить тихим, вежливым тоном! Жди тогда крупных неприятностей. Нет, уж лучше переждать. Допустим, что продолжается следствие и ты вновь долгими часами стоишь навытяжку перед следователем без сна и еды.

Слепцов не пришел: то ли поругался с женой, то ли пошел по учреждениям комбината.

О ТОВАРИЩАХ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Михаил Ильич оставался на работе весь день. Только после ночного наряда, пробыв на работе больше суток, он ушел отдыхать.

Жил теперь Михаил Ильич в небольшой пристройке к конторе. Здесь было общежитие из двух комнат для заключенных инженерно-технических работников: техрука, начальников и механиков участков, инженеров, работавших в конторе шахты. Всего в общежитии жило десять человек. Дневальный, он же повар, следил за чистотой и готовил пищу для жильцов общежития. Продукты получали сухим пайком из лагеря. Изредка жиры и сахар дневальный прикупал в лагерном ларьке за общий счет жильцов. Здесь прихлебателей не было, и пища стала более питательной и вкусной, чем в лагерной столовой. Жили дружно.

После работы временами пели. Начинали украинцы Крень, Шеремет. К ним присоединялись вначале начальник участка Житков, а затем остальные. По всей хибаре громко разносилось: «Распрягайте, хлопцы, коней!» Пели слаженно.

Вернувшись в общежитие после суточного пребывания на шахте, Михаил Ильич быстро съел свой обед и ужин и завалился спать. Все знали, что техрук сильно устал, и старались не шуметь. Да и никакой шум не мог бы ему помешать. Он спал, как убитый.

Слепцов пришел на работу только к обеду следующего дня. Одутловатое, припухшее лицо, синяки под глазами показывали, что он время даром не терял. Михаил Ильич ни о чем спрашивать не стал. Он только сделал для себя вывод: полагаться можно только на свои собственные силы, на Слепцова рассчитывать не приходится.

Договоренность о распределении дежурств как-то сама собой отпала. Левин строил свою работу так, как будто начальника вовсе не было.

На шахте был хорошо подобранный состав начальников участков и мастеров. Многие из них до

ареста работали в Донбассе и прошли хорошую горняцкую школу. Все они были осуждены по разным пунктам 58-й статьи.

Путь их от дома до Норильска прошел страшной дорогой. Глядя на них, трудно было поверить, что они столько перенесли.

Житков был чрезвычайно остроумным человеком. С совершенно серьезным видом он мог отколоть такое коленце, что все покатывались от смеха. У самого же Житкова при этом лицо имело выражение чуть-чуть придурковатое. Был он высокого роста, — пожалуй, больше 180 см. Лицо смуглое, глаза карие, черные усы по-украински опущены вниз, и в них прятался длинноватый тонкий нос. Лицом своим владел он в совершенстве. Обычно придавал ему любезное или простодушное выражение, но был умен, очень хитер и себе на уме.

Крень был инженером-механиком. Вскоре после окончания института он был направлен на работу в Донецкие центральные рудоремонтные мастерские. В 1937 г. руководство этих мастерских было арестовано по обвинению во вредительстве. Крень, несмотря на молодость, был назначен одним из ведущих инженеров мастерских. Вторым заходом и он был арестован, обвинен по 58-й статье и приговорен к расстрелу. После многомесячного пребывания в камере смертников расстрел ему был заменен 25 годами заключения. Крень попал в тюрьму совсем молодым, и в 1941 г., когда работал на «Угольном ручье», выглядел не старше 30 лет. Это был жизнерадостный человек. В общении он был запевалой всех песен. Крень славился и тем, что был не только инженером, но еще и мастером на все руки. Сделанные им бритвы имели хождение по всему лагерю. Помимо хорошего качества они отличались и красотой отделки. Делал он их из отработанных напильников, подобранных кусочков стали.

Бритвы и ножи в лагере хранить запрещалось, но сколько бы их ни изымали, они всегда появлялись вновь. Прятали их по самым укромным уголкам.

Обычно Крень был одет в молескиновый черный спецкостюм. Брюки заправлены в сапоги, на голове блином кепка, в верхнем кармане метр и штангенциркуль.

Внешне на нем как будто не отразилось заключение, ожидание месяцами приведения в исполнение смертного приговора. Только впоследствии Михаил Ильич мог убедиться, как была разрушена его нервная система и как сдало сердце — выносливое сердце крепкого спринтера, занимавшего в свое время одно из первых мест на вседонецких физкультурных состязаниях.

У многих в лагере были свои странности. Такой у Шеремета была необычная чистоплотность. Он был готов ежедневно часами мыться в бане, чиститься, скрестись. Все на нем блестело. Как-то он ухитрился, будучи в лагере, и брюки погладить и ботинки начистить до блеска. Был он хорошо сложенным, красивым мужчиной: высокий, стройный, с правильными, крупными, мужественными чертами лица. Было в нем какое-то барство. По-видимому, баловали его в семье. Он любил, чтобы и в лагере ему прислуживали товарищи, прозавшие его: «Дай, подай».

Глядя на него, кто бы мог подумать, что он столько перенес, работал на шахте в Донбассе, был арестован в 1938 г. и приговорен по 58-й статье к высшей мере наказания. Лагерь только отсрочил его смерть. Шеремет был убит бытовиками, когда пытался оказать сопротивление грабежу своих вещей.

Подземные работы всегда, а тем более в 30-х годах таили много опасностей: это и обрушения горных пород, и внезапные выбросы газа и воды, пожары и завалы лав. Очень мало найдется горных инженеров, проработавших долго на производстве, которые могли бы похвастаться, что у них никогда не

было крупных аварий, смертельных несчастных случаев. Поэтому так легко отдать под суд горного инженера, особенно руководителя шахты. Для этого достаточно собрать, как это сделали с Михаилом Ильичом, несчастные случаи и аварии, происшедшие за ряд лет на подчиненных ему шахтах, и объявить, что все они результат диверсий и вредительства. При этом акты расследования каждого несчастного случая, аварии компетентными комиссиями совершенно игнорировались и в свою очередь рассматривались как попытки других вредителей прикрыть своих единомышленников и соучастников.

Вот почему полосы репрессий и начинались с процессов «вредителей-горняков»: в 1928 г. с «шахтинского процесса», в 1936 г. — с процесса работников Кузнецкого каменноугольного бассейна. Вот и Шеремет был осужден за вредительство и диверсионную деятельность. А какой он был контрреволюционер? Он вырос в советское время. Все, чего добился, достиг благодаря советской власти, был ей предан всеми фибрами своей души.

Шеремет рассказывал, как он ждал в камере смертников приведения приговора в исполнение. Ждал месяц, другой. Ужас первых часов и дней после приговора сменился у большинства людей апатией, примирением с неизбежным концом. Хотя где-то все же теплилась надежда на помилование: ведь никто не чувствовал себя в чем-либо виноватым. Лишь у отдельных камерников нервная система не выдержала смертного томления.

Выводили на расстрел ночью. Всю ночь смертники не спали, чутко прислушиваясь к любому шороху в коридоре. Вот слышались крадущиеся шаги. Все замерли у дверей. Не к ним! Шаги задерживались у других дверей. Тихо звякнули ключи. Где-то бесшумно открылась дверь. Вскрик! Шум борьбы, и все затихло. Сегодня очередь другой камеры!

К утру все стихает. Теперь можно лечь спать: в дневное время на расстрел не вызывали. Но од-

нажды днем открылась дверь его камеры. Все тревожно затихли. Вызвали группу смертников с вещами, в их числе и Шеремет. Как он ни старался держать себя в руках, сердце тревожно забилося.

Сдерживая внутреннюю дрожь, он начал собирать вещи. Куда повезут? Приказ взять вещи — хорошая примета. На расстрел выводят без вещей. За ними потом приходят. Но, может быть, и тех, кого днем забрали с вещами, тоже расстреляли? Они ведь обратно в камеру не возвращались и ничего рассказать не могли. При выводе из камер надзиратели тоже ничего не говорят. Отвесив общий поклон всей камере, сказав последнее «Прощайте», вызванные пошли, конвоируемые спереди и сзади надзирателями. Подвели арестантов к выходу из тюремного здания. Здесь в книге отмечается, куда направляется заключенный.

Первым к контрольному пункту подошел Шеремет, шедший впереди группы. Выпускали по одному. Старший надзиратель сказал писцу: «В расход». Шеремет понял, что это конец. Ждать больше нечего! Начали выходить другие смертники. Что о них сказали на вахте, он не знал. Разговаривать было строго запрещено.

Он молча снял лучшее, что на нем было: хорошую папаху, зимнее пальто и передал товарищам. Может, кто-нибудь из них останется в живых. Так, раздетый, несмотря на сильный мороз, он вышел за остальными, вошел в контору, расположенную во флигеле на тюремном дворе. Здесь начальник тюрьмы объявил всем, что смертный приговор заменен двадцатилетним сроком заключения. Они переводились в другую тюрьму.

Фраза, сказанная старшим надзирателем, «в расход» означала, что заключенный снимается со списочного состава в связи с выбытием в другую тюрьму. Оказалось, что общепринятое у заключенных значение слов «в расход» как расстрел тут имело прямой бухгалтерский смысл.

Понимал ли надзиратель, что, говоря это слово в присутствии заключенного, он причиняет ему

страшную травму? Конечно. Но перед ним был враг народа, который не считался человеком, которого можно было пытаться, избивать, над которым любые издевательства были допустимы.

НА ШАХТЕ ПОНЯЛИ: ПОБЛАЖЕК НЕ БУДЕТ

Из всех горных работ Михаил Ильич больше всего любил подготовительные. От качества их прохождения и содержания зависят вид шахты, удобство и безопасность добычи угля.

Сразу же после прибытия на «Угольный ручей» Михаил Ильич заметил, что проходческие работы здесь ведутся небрежно. Картина была такая же, какую он застал в начале своей работы на «Надежде». Рамы крепления, даже в таких выработках, как главная штольня, стояли вкривь и вкось. Затяжка боков и кровли выработок была неудовлетворительной. Выработки загрязнены и захламлены. Внимательная проверка крепления показала, что сами по себе крепильщики на шахте народ квалифицированный: замки рам сделаны хорошо, но, по-видимому, никто не следил за тем, чтобы расстояние между рамами, их затяжка были строго по паспорту.

Ознакомившись с шахтой, Левин собрал сначала ИТРовский состав, затем крепильщиков и сказал им о тех требованиях, которые будут предъявляться к креплению, предупредил, что следить будет за каждой поставленной рамой, особенно в капитальных работах. Среди крепильщиков были вольнонаемные и заключенные. Они помалкивали, должно быть думая: «Говоришь-то ты строго. Посмотрим, каким будешь на деле?»

Михаил Ильич ходил в шахту ежедневно и заставлял на обход не менее шести часов. Он заставлял чистить и скрести шахту, требовал, чтобы выработки заметались, как говорится, до блеска. Шахта была газовая. Дисциплина и порядок здесь должны были быть образцовыми. Его предшественник, тоже заключенный, горный инженер, был снят именно за то, что дисципли-

лина на шахте не стояла на должной высоте, что привело к большому количеству несчастных случаев.

Крепление улучшалось медленно. Требования Левина казались излишне строгими, особенно вольнонаемному составу. Он изо дня в день проверял крепление, указывал на недостатки поставленных рам, заставлял исправлять замеченные дефекты.

Больше всех возмущался «придирами» вольнонаемный крепильщик Шарафутдинов. Он считался на шахте лучшим крепильщиком, стахановцем, значительно перевыполнял нормы выработки. На совещаниях, горячася, жестикулируя руками, кричал:

— Я не буду ставить рамы с точностью до 5–7 см. Пусть их сам техрук ставит.

И продолжал делать по-своему. В один прекрасный день Левин забраковал все рамы, поставленные накануне Шарафутдиновым. Это был общешахтный скандал. Михаил Ильич не отступил. Он понимал, что малейшее послабление здесь приведет к падению дисциплины на шахте. Он настоял на том, чтобы все рамы были переставлены Шарафутдиновым за его собственный счет.

На шахте поняли, что поблажек со стороны нового техрука не будет и шутки с ним плохи. Устанавливался твердый порядок и дисциплина.

На «Угольном ручье» наряду с мужчинами работали и заключенные-женщины, в основном бытовички. Женщин в Норильске было мало, а на горных работах их были единицы. Чувствовали они себя здесь в привилегированном положении. Поведение этих бытовичек было довольно вольным. Заключенные, осужденные по 58-й статье, с ними связывались очень редко.

Только один раз Михаил Ильич наткнулся в забое на лежавшую в довольно вольной позе парочку. Это оказался сменный мастер Щербаков, молодой, красивый парень, бывший студент, осужденный на 10 лет заключения по 58-й статье. Его напарницей

была самая удалая, похабная и развратная женщина на шахте — Третьякова. Она была еще молодой — 20–22 года, с изуродованным оспой лицом.

Их любовные игры происходили в присутствии всех рабочих лавы. И это было грубейшее нарушение порядка в шахте. Михаилу Ильичу было ясно, что наказанием, окриком здесь ничего не добьешься. Он вызвал Щербакова и Третьякову в контору и после длительной беседы добился обещания, что такие факты не повторятся, но внутренне он не верил, что Щербаков и Третьякова перестанут встречаться в шахте.

Женщины жили в обособленном лагпункте, куда доступ заключенным-мужчинам был закрыт. В зоне оцепления их встречи были бы быстро замечены и пресечены лагерным начальством. А в шахте было достаточно укромных местечек. Но была большая опасность, очень беспокоившая Михаила Ильича, что когда-нибудь такая пара либо задохнется в глухом, плохо проветриваемом забое, либо будет придавлена обрушившейся кровлей.

Поселок Норильск был расположен на значительном расстоянии от горных предприятий. Транспорта для доставки людей к месту работы не хватало, особенно в зимнее время. В ожидании подхода автобуса пассажирам приходилось на стоянке долго мерзнуть. В автомашину набивалось столько людей, что нечем было дышать. Для перевозки людей приспособлялись грузовые машины. На них устанавливались металлические дуги, обтянутые брезентом. Ехать в этих машинах можно было только скрючившись.

Неудивительно поэтому, что часть вольнонаемных рабочих селилась ближе к шахтам. Они возводили небольшие хатенки (балки). Материалом для них номинально служили шахтные отходы, а фактически взятые на шахте доски и бревна. Работники Норильлага всеми силами боролись против таких балков, располагавшихся в зоне оцепления. Они способствовали связи заключенных с вольнонаемными.

Никакая охрана не могла уберечь эти балки от захода в них заключенных.

Вольнонаемные рабочие в основном тоже были из отбывших срок заключенных, главным образом бытовиков. Связь между ними и лагерниками устанавливалась легко. Через эти балки передавались письма на волю, минуя лагерную цензуру, лагерники доставали продукты, спирт, вольную одежду.

У лагерного начальства было опасение, что, ограбив такой балок, забрав в нем одежду, продукты, деньги, отдельные заключенные могут совершить побег. Правда, за все время пребывания в Норильске Михаил Ильич о таких происшествиях не слышал. С вольнонаемными рабочими, с «Угольного ручья», в том числе с Шарафутдиновым, у Михаила Ильича наладились отличные отношения.

Отпуска у вольнонаемных работников Норильского комбината были длительными. Редко кто ездил в отпуск каждый год. Путь на «большую землю» был длительным, затруднительным и дорогостоящим. Обычно ехали вверх по Енисею от Дудинки до Красноярска, оттуда железной дорогой до Москвы и дальше на юг. Это отнимало недели. Старались совместить отпуска за несколько лет и уезжали на 5–6 месяцев.

Установился обычай, что каждый уезжающий в отпуск устраивал проводы, которые нередко длились несколько дней, особенно, если работник окончательно покидал Норильск.

ВОЙНА! ВСЕ ПРОЧЕЕ ОТОШЛО НА ЗАДНИЙ ПЛАН

Шарафутдинов собирался 23 июня 1941 г. уезжать в отпуск. В воскресенье 22 июня он собрал к себе в балок несколько человек, в том числе и Михаила Ильича.

Балок был расположен в зоне оцепления выше шахты, недалеко от конторы. Из заключенных был один Левин. На столе стояли пара бутылок вина, раз-

веденный спирт, приличная закуска. Михаил Ильич с удовольствием принимал участие в проводах. Давно прошло время, когда Шарафутдинов спорил по поводу качества крепления. Это был жизнерадостный, общительный человек. Быть в компании с ним и его семьей было приятно. Посидели часа четыре. Дни летом в Норильске длинные. Когда Михаил Ильич вышел из балка Шарафутдинова, было совсем светло. Солнце стояло высоко на совершенно безоблачном небе. Было жарко.

На территории шахты заметил необычное оживление. Вольнонаемные и заключенные стояли кучками и о чем-то возбужденно разговаривали. Первая мысль была, что на шахте произошло какое-то несчастье. Михаил Ильич ускорил шаги. Вскоре все выяснилось. Пришедшие из города на вечернюю смену вольнонаемные сообщили о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии.

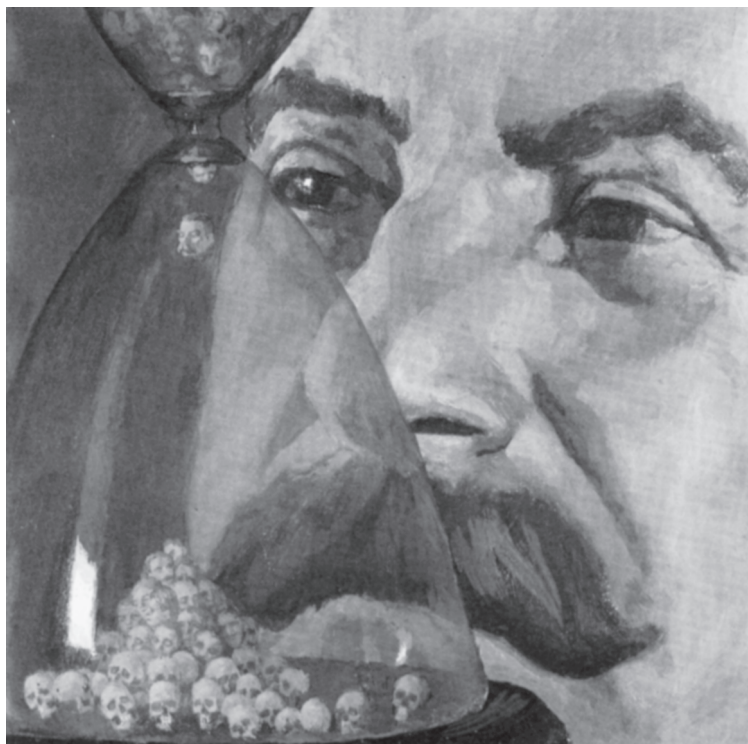
Началась Великая Отечественная война. Все прочие заботы и мысли отошли на задний план. Надо было немедленно решать вопрос о своем месте в защите Родины от злейшего врага.

В тюрьме и в лагере Михаил Ильич не прекращал попыток добиться пересмотра своего дела. Он писал тщательно мотивированные заявления на имя верховного прокурора Советского Союза, ЦК партии, Сталина. Неизменно получал один и тот же ответ: «Оснований для пересмотра дела нет». Значит, его продолжали считать врагом народа.

Ничего не изменилось за прошедшие четыре года! Как бы он ни добивался, в армию его не пустят. В годы гражданской войны Левин был на крупной военной работе. Теперь в лучшем случае его направят в штрафную воинскую часть рядовым, но и на это он был согласен. Через несколько дней после начала войны Михаил Ильич, тщательно продумав каждое слово, подал заявление с просьбой зачислить его в армию и направить на фронт. Ответа не последовало.

Приток вольнонаемных в Норильск уменьшился, часть вольнонаемных из Заполярья ушла в армию. Потребность в ИТРовском и рабочем составе из числа заключенных увеличивалась. Металл, вырабатываемый в Норильске, был крайне необходим фронту: с каждым днем требовалось больше никеля, меди, платины.

В Норильлаге в основном были заключенные, осужденные по 58-й статье. Они определяли общий тонус жизни лагеря, его настроения. Война заставила позабыть все обиды, все мучения, перенесенные заключенными. Осталось только сознание необходимости отдать все свои силы фронту.

Песочные часы. Петр Белов

В армию политических не брали. Больше того, на их многочисленные заявления с просьбой отправить на фронт даже не отвечали. Оставалось только помогать своей Родине самоотверженным трудом на производстве, и заключенные, бывшие коммунисты и беспартийные, работали не покладая рук, не считаясь ни со временем, ни с состоянием здоровья.

Руководство комбината и лагеря не могло не заметить патриотического подъема заключенных. Отношение к ним, особенно ИТРовцам, постепенно улучшалось: им начали больше доверять, больше считаться с ними.

Эти добрые перемены произошли не сразу. В начале войны оперативные органы, действуя по методам и принципам 1937 г., изъяли часть заключенных, казавшихся более подозрительными: их обвинили в сочувствии врагу. Пошли новые процессы. Они коснулись главным образом Дудинки, не затронув основной массы норийских заключенных.

Михаил Ильич продолжал руководить «Угольным ручьем». Очистные работы быстро расширялись. Добыча коксующегося угля с каждым днем увеличивалась. Шахта работала, как хорошо слаженный механизм.

Для фронта все больше требовалось никеля, меди, и вновь Левин был переброшен на добычу никелевой руды на рудник 3-6.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Эта переброска была неожиданной. До этого с «Угольного ручья» на рудник 3-6 были забраны Крень, Шеремет. Михаил Ильич с подземной разработкой рудных месторождений столкнулся впервые. Надо было учиться и работать одновременно. Он был назначен начальником технического бюро рудника. Формально Михаил Ильич не был прямо связан с оперативной работой на производстве, но постепенно он начал все больше влиять на ход дел на руднике.

Техбюро было, если так можно выразиться, мозговым центром рудника. Особое значение ему при-

давал начальник рудника Соломон Харитонович Хромченко. Это был очень энергичный молодой инженер. В отличие от большинства начальников горных предприятий, с которыми до этого в Норильске встречался Левин, он целиком отдавался работе, вникал во все детали производства.

Хромченко относился с исключительным вниманием к работавшим на руднике заключенным: заботился о бытовых условиях их жизни, создавал для них хорошую обстановку на работе. На руднике значительная часть инженерно-технического состава была подобрана из политических заключенных. В числе небольшого количества вольнонаемных был главный инженер Товкач — болезненный, очень спокойный, скромный человек. Придавленный бурной энергией Хромченко, он почти ни во что не вмешивался.

Как и Хромченко, Товкач хорошо относился к заключенным, не делая никакого отличия между ними и вольнонаемными. Особенно он не любил доносчиков (стукачей). Бывали случаи, когда он ставил в известность о них заключенных-инженеров, предупреждая о необходимости особой осторожности.

Значительную роль на руднике играл старший диспетчер Иосиф Михайлович Коган. Это был горный инженер лет сорока, многие годы до ареста работавший на золотых приисках. Фигура была колоритной: высокий рост, телосложение спортсмена, правильные черты румяного лица и огромная копна слегка вьющихся волос. Он был очень работоспособен, но замкнут.

Прежняя работа наложила на Когана определенный отпечаток: он привык к искривленным подземным выработкам, небрежному креплению их, неровностям почвы штреков. На золотых приисках основная задача была подойти к золотоносной россыпи или жиле. Выработки служили недолго, и не было смысла особенно тщательно следить за их качеством.

Коган вел оперативную работу рудника, и последний отражал его взгляды и привычки: выработки, даже капитальная штольня № 3, были пройдены небрежно. Рудник давал пока только попутную руду от проходки подготовительных выработок, которые шли по сравнительно небогатой вкрапленной руде. До жильной руды пока еще не дошли. Попадались только тонкие прожилки богатой руды. Основные запасы жильной руды должны были быть вскрыты и пересечены штольней № 6, которая еще не была заложена. Третья штольня должна была со временем стать вентиляционной для комплекса рудника 3-6.

Михаил Ильич занялся приведением в порядок штольни № 3: пришлось ее кое-где расширить, частично перекрепить. Со штольни был уже пройден по руде штрек. С него надо было начать проходку уклона: центрального северного и южного. Проектов крепления устьев (шеек) этих уклонов не было. Их готовило техбюро.

Крепкой была на руднике геологическая группа. Норильское рудное месторождение было мало изучено, и роль геологической группы в дальнейшей работе рудника должна была быть весьма значительной.

Возглавлял группу старший геолог Виктор Алексеевич Банковский. В свое время он руководил крупными геологическими работами в Донбассе. Обвиненный во вредительстве, он был приговорен по 58-й статье к расстрелу. В 1937–1938 гг. во время массовых арестов и процессов приговоренных к высшей мере наказания месяцами держали в камере смертников до окончательного решения их судьбы. Сидевшие с Банковским в одной камере, тоже ожидавшие приведения приговора в исполнение, рассказывали, что он держался очень мужественно, не только сам не поддавался отчаянию, но поддерживал мужество у других осужденных.

С виду это был типичный интеллигент: хрупкого телосложения, невысокого роста, с обескровленным лицом. Светло-русые волосы остались только на висках и затылке, обрамляя совершенно лысую голову. Борода

клинышком. Несмотря на все перенесенные тяготы, в Банковском бросалось в глаза чувство собственного достоинства. Михаил Ильич не помнил случая, чтобы Банковский вышел из себя или повысил голос.

С ним работали геолог и бывший агроном Николай Воронин, кандидат сельскохозяйственных наук. Николай был еще совсем молодым, не старше 28–30 лет. Даже молескиновая спецовка не портила его вида: ладная фигура, высокий лоб, правильные черты смуглого лица делали его внешность весьма привлекательной.

Геологическая группа работала в одном составе уже порядочно времени, была дружной и сработавшейся. Нередко, вернувшись поздно из шахты, геологи не ходили в лагерь и оставались ночевать в своем кабинете в конторе.

Первый период после своего перехода на рудник 3-6 Михаил Ильич жил в строящейся конторе рудника. Никаких удобств тут не было. Умываться приходилось идти к ручью, расположенному в кустарнике вблизи конторы. Ручей этот, пока еще не было сильных морозов, пробивался по снегу узенькой водяной струйкой. Подставляя пригоршни, можно было набрать немного воды для мытья. Не было уборной. Вместо нее было большое заснеженное поле с редкими кустиками.

Когда контору достроили, руководящую группу заключенных-ИТР перевели в одну из комнат строящейся ламповой. Это было здание, сложенное из бетонированных блоков и оштукатуренное. В нем было холодно и сыро, но все же здесь было несравненно лучше, чем в общем бараке лагпункта. Питались в лагерьной столовой. Большим подспорьем был буфет, предназначенный для вольнонаемных. По ходатайству Хромченко руководящим экам разрешили пользоваться буфетом. За небольшую плату покупали кусок рыбы в маринаде, селедку с гарниром, пудинг, сдобные булки. После пяти лет лагерьной пищи все это казалось исключительно вкусным и было преимуществом, на которое остальные заключенные смотрели с завистью. Каждый из прикрепленных к буфету старался

набрать продуктов и для своих товарищей, но это не всегда удавалось. Кстати, буфет просуществовал всего несколько месяцев, потом его закрыли.

К этому времени в лагерной зоне было подготовлено небольшое помещение для ИТРовских работников. В нем помещалось 10 человек, в том числе Коган, Крень, Банковский, Михаил Ильич. В общежитии имелся свой дневальный, убиравший помещение, он носил пищу из общей кухни. За дополнительную оплату выполнял поручения жильцов. В комнате было чисто, тепло, своевременно менялось постельное белье.

Питание инженерно-технических работников, общерудничного состава определялось выполнением плана. Борьба за выдачу максимального количества руды, за ускорение проходки выработок была очень напряженной. Ежедневные сводки выполнения плана ожидались с нетерпением.

Михаилу Ильичу добыча полезных ископаемых напоминала азартную игру, когда человек забывает о себе, своей семье, обо всем на свете. Он помнил только о тоннах выданного на-гора угля, руды. Люди долгими часами не выходили из-под земли, чтобы выдать лишнюю тонну, пройти лишний метр. Каждый понимал, что сейчас не время думать об обидах, главное — давать металл и уголь для фронта.

Данные о работе стекались к старшему экономисту рудника Василию Емельяновичу Зенину. Он вел ежедневный учет и анализ показателей. Не по росту бушлат, резиновые сапоги, лагерная шапка делали его маленькую низкорослую фигуру совсем неказистой. Это был очень жизнерадостный человек и большой плут. Василий Емельянович не был молчаливым человеком, но никогда не выбалтывал ничего о своем деле, своем прошлом. Ясно было только, что с горным делом на воле он никогда не сталкивался.

Иногда Михаилу Ильичу экономические анализы Зенина казались недостаточно обоснованными и точными. Когда он говорил об этом, Зенин, хитро

сощутив глаза, отвечал: «Не верьте глазам своим, верьте моей совести». Но, судя по всем данным, совесть его была не особенно щепетильной.

НА РУДНИКЕ СОБЫТИЕ — ПРИБЫЛИ ЖЕНЩИНЫ!

Отдельный лагпункт рудника 3-6 был исключительно мужским. Заключение-женщин не было не только на производстве, но и в конторе. Так продолжалось до тех пор, пока не была пущена сортировка для обогащения руды. Первое время пытались на сортировку ставить мужчин. Пока попутной руды шло мало, они еще кое-как справлялись, но с увеличением потока руды стало ясно, что на сортировке должны работать женщины, более пригодные для кропотливой, мелкой работы по выработке пустой породы из движущейся по ленте горной массы. Стал вопрос о направлении на рудник заключенных-женщин.

В Норильске женщины жили в отдельном лагпункте «Нагорном». Михаилу Ильичу во время работы на «Угольном ручье» приходилось бывать там. Бараки в нем были расположены на склоне горы на разных высотах. Обслуживающий персонал лагпункта состоял из женщин. Бараки отличались чистотой.

Рудник 3-6 находился на большом расстоянии от лагпункта «Нагорного». Водить под конвоем женщин на рудник с работы и на работу, особенно в зимнее время, было нецелесообразно. Рудник работал в три смены. Выводить женщин из «Нагорного» и вести их почти 5 километров до рудника было очень канителью. Да и женщины приходили бы на работу усталыми и толку от них было бы мало.

Было решено поместить женщин в мужском лагпункте вблизи рудника. Для них было выделено в зоне лагеря два барака, обнесенные колючей проволокой. Итак, заключенные готовились к встрече с женщинами.

Особенно радовались бытовики. Еще не зная, кого приведут, они уже договаривались между собой, кто какую женщину возьмет. Считалось само собой разумеющимся, что женщины будут сразу после перехода на рудник искать себе друзей и «мужей» среди заключенных. Хотя строжайший закон Норильлага запрещал связи между заключенными — мужчинами и женщинами. Помимо раздельного содержания тех и других принимались меры к тому, чтобы и на работе мужчины и женщины не могли сближаться.

В случае обнаружения половой связи строго наказывались и мужчины, и женщины: их сажали в карцер, отправляли в штрафной изолятор или даже на штрафной лагпункт «Каларгон», считавшийся самым страшным наказанием, так как пребывание там в суровых условиях (среди отъявленных бандитов) нередко кончалось смертью. Бывали случаи, что за сожителство с мужчинами у женщин стригли волосы на голове под машинку, что считалось особым бесчестием. Лишение мужчин женского общества было одним из лагерных наказаний.

Таймырский полуостров, в особенности Норильск, был закрытым районом. Попасть сюда можно было только по специальным пропускам, выдававшимся после тщательной проверки. Вольным женщинам доступ к заключенным-мужьям был совершенно закрыт. Для проезда в Норильск им не давали пропусков. Добраться туда каким-либо околным путем было невозможно. Но допустим, что каким-то чудом удалось преодолеть все препятствия на пути к Таймыру, в Норильск никто не смог бы попасть: на подступах стояли многочисленные заставы, которые задержали бы любого человека без пропуска и отправили его обратно по этапу на материк. Связи вольнонаемных женщин с заключенными были крайне редки. Одного подозрения в наличии такой связи было достаточно, чтобы женщину уволили из комбината, насильно погрузили на пароход и отправили за пределы Таймыра.

Если учесть, что в Норильске, в частности в Норильлаге, женщин было вообще очень мало в сравнении с мужчинами, общение с ними было очень затруднено, можно понять, с каким нетерпением ждали их появления на отдельном лагпункте рудника 3-6.

В один из осенних дней 1942 г. на дороге, ведущей к руднику 3-6, показалась длинная колонна заключенных. Конвоиры спереди, конвоиры с боков и сзади. К ружьям примкнуты штыки. Идут тяжело согнувшиеся женщины, каждая несет на себе чемодан или сверток с пожитками. Грязная дорога подымается в гору — скользко, нести нелегко. Время от времени слышится команда:

— Шире шаг! Задним не отставать.

И тогда видно, как задние изо всех сил стараются подтянуться к передним. Колонна на время сжимается, но вскоре вновь задние, видимо более слабые, начинают отставать, и вновь слышится команда:

— Не растягиваться, не отставать.

Если конвой особенно не спешит, а старший конвоир как порядочный человек старается хотя бы немного облегчить положение заключенных, он ставит впереди колонны более слабых. Тогда этап движется спокойно, никто, потеряв силы, не бросает вдоль дороги своих вещей на произвол судьбы. Судя по частым окрикам конвоя, в движущейся группе женщин впереди были более крепкие из них.

Вот колонна сделала последний поворот, показали вышки, бараки отдельного лагпункта, окруженные колючей проволокой. Заключенные выскочили, чтобы посмотреть, кого к ним привела злая судьба.

Женщины устали после пятикилометрового безостановочного пути: пот застилал им глаза. Но еще не скоро они смогут отдохнуть. Им предстоит еще долгие часы проверки, баня, медосмотр, снятие отпечатков пальцев. Только к вечеру женщины разместились по баракам и смогли растянуться на своих арестантских нарах.

Первый женский этап, прибывший на рудник 3-6, шел прямо с материка. Это был тяжелый и длительный путь: из тюрем разных мест европейской и азиатской части Союза их собрали в Красноярск в пересылочный лагпункт. Отсюда на баржах их переправили в Дудинку и, наконец, узкоколейной железной дорогой в Норильск.

Еще не успев оправиться от следствия и суда, они почти месяц добирались до рудника 3-6. Когда женщины немного отдохнули, привели себя в порядок, стало видно, что это почти сплошь молодежь. Осуждены они были все по бытовым статьям на большие сроки — 8–10 лет. Были здесь работники торговой сети, воровки, проститутки.

На второй день женщин распределили по работам. Часть осталась в хозлагодобслуге — дневальными, поварами, часть была направлена уборщицами в контору рудника, но основная масса предназначалась для породыотборки. До начала прошли инструктаж, им показали руду, пустые породы, ознакомили с условием породыотборки, правилами техники безопасности. Для обучения будущих породыотборщиц было создано несколько групп. Одной из них руководил Михаил Ильич.

Когда женщины собрались, Левин был удивлен: его аудитория мало отличалась от обычного состава старших классов средней школы. За партами с тетрадями и карандашами сидели девушки 18–22 лет, внимательно слушавшие его и что-то записывавшие. Все приоделись и казались спокойными и довольными. Они ожидали суровых морозов, пурги, тяжелой работы под землей. Оказывается, им дают сравнительно легкую работу, чему-то учат, поместили в теплых, чистых бараках, и каждый имеет отдельное место. Нет, не так страшен черт, как его малюют!

С тяжелым чувством Михаил Ильич смотрел на них. Он знал, что их ждет нелегкая жизнь. Трудно рассчитывать, чтобы они скоро выбрались из Норильска. Здесь пройдет их молодость.

Положение женщин в лагере несравненно сложнее и хуже, чем мужчин. На производстве получить сносное питание и кое-какую зарплату («премвознаграждение») можно только на тяжелых и ответственных работах. На них обычно женщин не ставят. Им чаще всего поручают подсобные работы, плохо оплачиваемые и обеспечивающие минимальным, большей частью недостаточным питанием, ведь даже лучшая лагерная пища однообразна и безвкусна. Одежда, выдаваемая в лагере, как правило, не приспособлена для женщин: телогрейки, бушлаты, обувь, даже самых малых размеров, велики для них. Их необходимо переделывать, хотя бы как-нибудь подогнать по фигуре. Без этого женщина в лагерной одежде будет выглядеть пугалом. А какая женщина в любом возрасте, особенно, если она всегда окружена мужчинами, согласится выглядеть нелепо и смешно? Переделка одежды требует денег. Связь с семьей и близкими нарушена, и заключенная стремится заручиться какой-либо помощью на месте. Она подыскивает «мужа» среди более обеспеченных заключенных. Очень редко, при особо благоприятных обстоятельствах, «лагерным мужем» может стать и вольнонаемный. Но не только одни материальные интересы толкают лагерницу к сближению с мужчинами.

Следствие, суд, пребывание в лагере за Полярным кругом быстро изматывают и старят женщин. Лучшие молодые годы проходят без любви. Когда идет она с работы в пургу, окруженная со всех сторон конвоем, кажется конца не будет мукам; не выйти живой из этого ада! И зачем себя беречь? Кому ты будешь нужна старая, измученная, с исхудалыми, пропавшими грудями, с облупленным промерзшим лицом, с изъеденными цингой зубами, с вечным клеймом арестантки? Уж лучше временная, короткая близость с женщиной — она на мгновение согреет и заставит забыть окружающие невзгоды. Вот почему почти каждая находила себе покровителя.

Женщин было мало. Мужчины истосковались по ним. За каждой следили десятки жадных глаз. Существовал неписанный лагерный закон: если женщина выбирала себе мужчину, она считалась «замужней», и тогда ее оставляли в покое. Всякий знал, что, если ее тронуть, надо ждать крупных неприятностей, вплоть до удара ножом. Женщина обретала в лагере какой-то покой.

Если оказывалось, что женщина меняет «мужей», она становилась «ничейной» и не была защищена от притязаний. Не исключалось, что такую пускали где-нибудь в темном уголке под землей «под хор» — коллективное изнасилование. Правда, и «верные жены» не были полностью застрахованы от таких вещей, но все же это было крайне редким явлением. Довольно быстро девушки, прибывшие на отдельный лагпункт рудника 3-6, обзавелись лагерными друзьями. В первую очередь это были бытовики, работавшие в хозлагобслуге. Они имели преимущества перед другими заключенными, поскольку исполняли хозяйственные, административные и культурно-просветительные работы. Они были нарядчиками, то есть следили за выходом заключенных на работу, в столовые, продовольственные, вещевые и материальные склады (каптерки), хлебозрезки, ведали штрафными изоляторами. Осужденные по 58-й статье к такому труду допускались очень редко. Да и не тянулись они туда, зная, что честность здесь почти невозможна. В столовых нужно давать «руководящему» составу бытовиков непопущенное им питание. Попробуй не давать — быстро окажешься в штрафном изоляторе, где отобьют тебе печенку и селезенку. В хлебозрезке надо давать незаработанный хлеб, в вещевой каптерке — лучшую обувь и т.д., иной работник из вольнонаемных не гнушался брать бесплатно продукты и лучшее обмундирование. Все это списывалось за счет остальных лагерников.

Время от времени ревизия обнаруживала недостатки. Виновников снимали с работы, отправляли в штрафной лагпункт, реже — судили. Но чаще всего таких людей покрывали свои же бытовики, и они отделывались легким испугом. Бытовики почти бесконтрольно распоряжались хозяйством лагпункта, давали «лагерным женам» лучшую одежду, подгоняли и переделывали ее в подчиненных им лагерных мастерских. Здесь грубые лагерные ботинки и сапоги могли превратиться в приличные маленькие сапожки, туфли на высоких каблуках, мешковатые бушлаты и телогрейки в сравнительно приличные полупальто. Они кормили «жен» ИТРовским питанием, отдавая им лучшие куски мяса и значительную часть жира (на заключенного во время войны давали по 5 граммов жира в сутки). Нарядчик мог, когда нужно было ему или его дружку, освободить женщину от работы, но при этом ей в таблице отмечался рабочий день. Бытовики имели возможность встречаться со своими сожительницами без помех у себя в кабинках или в каптерках, в штрафных изоляторах. Михаил Ильич впоследствии встречал семейные пары, чья любовь зародилась в лагере. Но мужьями редко становились бытовики, работники хозлагобслуги, относившиеся к своим подругам с пренебрежением, постоянно напоминавшие об их зависимости от «мужей».

Левин надолго запомнил разговор с одним из нарядчиков первого лаготделения Антоновым. Это был парень лет двадцати шести, щеголевато одетый. Весь его вид говорил, что он живет поборами с заключенных. Как-то он с возмущением сказал:

— До чего же наглыми стали эти девчонки. Переночевала у меня одна и хотела, чтобы я проводил ее до женского лагпункта. Какие нежности! Обойдется и так.

Он был уверен, что осчастливил женщину, живя с ней. Разве он в состоянии был подумать о ее переживаниях?

НА СВОЙ СТРАХ И РИСК...

Итак, на руднике начал работать новый важный цех — рудосортировка. Пока он еще не был особенно загружен, и время от времени оттуда сверху были слышны громкие женские голоса и даже песни. Надо было загружать сортировку, но руды было мало: рудник все еще вел проходческие работы и давал только попутную добычу.

А фронт требовал все больше никеля и меди!

Чтобы развернуть как следует добычу руды, надо было заложить и пройти штольню № 6, подсекавшую месторождение снизу. По проекту штольня имела большое сечение. До коренных пород она должна была идти по талым влажным пескам. Проектный отдел комбината по обыкновению не дал схемы организации работ по проходке штольни. На руднике возникли споры, как проходить штольню: сразу на полное сечение или вначале узким ходом, затем уже расширять до нормального сечения. Победила точка зрения техбюро — проходить сначала узким ходом.

Начальником участка штольни № 6 был назначен инженер Щербаков. Он только что окончил институт, был очень молодым и совершенно неопытным.

Козырьковую раму* надо было не только вычертить, но и показать, как ее ставить, как врубить замок, как затянуть лоб. Ни начальник рудника, ни главный инженер этим, конечно, не стали заниматься. Вероятнее всего они считали, что это должны сделать заключенные-инженеры. Зачем держать их, если все делать самим? Михаил Ильич вычертил узкое сечение штольни, показал, как изготовить и поставить козырьковую раму.

Вскоре после начала прохождения штольни в ней произошел обвал: влажный плывучий песок

---

* Козырьковой называется первая рама штольни. Она крепит не только саму штольню, но и 1–1,5 метра козырька выше штольни во избежание его обрушения.

прорвал крепление кровли и потек в штольню. Расстояние от штольни до склона горы было небольшим. Возникла опасность, что обвал достигнет поверхности, засыплет уже пройденную часть штольни и надолго задержит ее продвижение.

Когда начался просос песка, Михаила Ильича в штольне не было. Начальник рудника Хромченко послал за ним и попросил принять меры к удержанию обвала от дальнейшего распространения. В частности, он предложил срочно заказать металлические клины и забивать их в забой.

На месте Михаил Ильич убедился, что ждать заготовки клиньев нельзя, положение не терпит ни малейшего промедления. Он велел тесать деревянные проколоты (клинья) и загонять их выше крепления. В течение ряда часов крепильщики под его руководством боролись с наступающим плывуном. Наконец он был удержан, опасные места в кровле тщательно затянуты, забой закреплен.

Михаил Ильич, весь мокрый, усталый, пошел докладывать Хромченко о ликвидации завала в штольне. Соломон Харитонович спросил, как быстро были сделаны металлические клинья. Левин ответил, что обошелся без них. Хромченко не любил, когда не выполнялись его распоряжения. Но сказать он ничего не мог, так как дело было сделано проще и дешевле, чем он предложил. В дальнейшем штольня узким ходом благополучно дошла до коренных пород и врезалась в них. Надо было начать расширение под бетонное крепление первых ее 40 метров.

По проекту штольня должна была иметь временное металлическое крепление. Но не было металла. Но если бы он и был, центральные мехмастерские комбината, загруженные до отказа другими заказами, затянули бы наш на долгие месяцы. Надо было найти выход. Михаил Ильич решил проходить штольню полным сечением на временном деревянном креплении и затем оставить эту крепь в бетоне.

Временная металлическая крепь в бетоне только укрепила бы штольню. А как поведет себя дерево в бетоне? Не начнет ли оно гнить? Тогда появятся пустоты. Под давлением горных пород начнет лопаться бетон, даст трещины и в конце концов разрушится, вызывая завалы в штольне. Литература, по крайней мере имевшаяся в Норильске, не давала на это ответа.

Проект временного деревянного крепления, оставляемого в бетоне, был представлен в проектный отдел комбината для утверждения. Здесь он не был принят. Проектный отдел настаивал на временном металлическом креплении. Формально он был прав, а задержка проходки штольни на месяцы его мало беспокоила.

Михаил Ильич решил, что толстая деревянная крепь смерзнется в вечной мерзлоте и не будет гнить. От действия же теплой струи воздуха эту крепь предохранит бетонная рубашка. Он спустил в производство свой проект без утверждения комбината — на свой страх и риск. А риск был большой. Если бы что-нибудь случилось со штольней, ему бы никто не поверил, что это инженерный просчет или риск. Это рассматривалось бы как вредительство, и Михаил Ильич никогда бы не вышел из лагеря. То, что могло бы сойти с рук другому, ничем не запятнанному инженеру, здесь рассматривалось бы как рецидив враждебности к советской власти, да еще в военное время, и могло привести к расстрелу. Да ему и защищаться нечем было бы, ведь инженеры проектного отдела предупреждали, что этого делать нельзя. Правда, и у них не было никаких данных о поведении деревянной крепи в бетоне в вечной мерзлоте.

Опыт горного дела показал, что отставание временной крепи всего на одну раму вызывало огромные завалы, грозившие распространиться до поверхности. Вопрос был решен окончательно: временная деревянная крепь остается в бетоне. Штольня была расширена, закреплена бетоном по временному деревянному креплению. Долго еще потом, проходя по штольне,

Михаил Ильич тщательно всматривался в бетон, ища в нем признаки трещин, нарушений. Но он стоял крепко, и Михаил Ильич незаметно для других иногда любовно поглаживал его шершавую поверхность.

Впоследствии Левину рассказывали, что в разные инстанции поступали доносы о нарушении технологии бетонного крепления, но, поскольку крепь стояла хорошо, им не давали хода. Во время работы в Норильске Михаилу Ильичу не раз приходилось принимать рискованные решения, если этого требовало производство. Он никогда не останавливался перед опасностью лично для него, если это было необходимо для дела. Да и стоила ли такая жизнь без доверия со стороны окружающих, без Родины, без семьи и друзей, чтобы за нее цепляться во что бы то ни стало?

Переход штольни № 6 в коренные породы облегчил ее проходку: сечение сузилось до 11 метров. Изверженные породы стояли крепко, и опасности обвалов почти не было. Теперь надо было следить только за правильным креплением, ведением буровзрывных работ, своевременной оборкой кровли.

Прямого отношения Левин к штольне № 6 не имел, но как-то само собой получилось, что он лично следил за качеством проходки штольни, ее прямизной и особенно за тщательностью крепления: чтобы рамы были из мерного, хорошо ошкуренного леса, стояли на одинаковом расстоянии друг от друга, чтобы хорошим было освещение.

Левину приятно было заходить в штольню. Она просматривалась на сотни метров вперед. Крепь стояла по шнуру. Покрытые инеем, стойки блестели в лучах электрического освещения, как обсыпанные алмазами. Бесконечной лентой тянулись рельсы, терялись где-то в смутной дали. Стояла полная тишина. Работы удалились на сотни метров от устья штольни и не были слышны. Только изредка мелькали фары электровоза и проскакивал состав груженых вагонеток. Левин любил оставаться в штольне один,

особенно в ночную смену, молча слушал тишину. Она напоминала ему полярное безмолвие Шпицбергена, безмятежную, счастливую пору его жизни.

На руднике 3-6 были опытные бурильщики. Учет их работы, результатов соревнования был поставлен образцово. Оплата была сдельно-прогрессивной, и каждый день приносил новые рекорды скорости проходки и бурения. Штольня рвалась к руде!

Геологическая разведка утверждала, что руда где-то совсем близко, и это разжигало страсти. Каждая смена старалась первой добраться до руды, вскрыть месторождение. 30 апреля 1943 г. в конторе рудника раздался звонок: передовые шпуры вошли в жильную руду. Все бросились в штольню. Каждому хотелось собственными глазами убедиться, что из шпуров идет не обычная белая буровая мука, а золотистая пыль. Набирали ее горстями, тщательно рассматривали на свету, нюхали и чуть не лизали. Шла богатая жильная руда. Никто не уходил из штольни, пока не были забурены и отпалены все шпуры штольни. Быстро убрали взорванную горную массу. Забой был в руде. Весь он сиял металлическим блеском, переливаясь то золотистым, то серебристым цветом. Это была мощная горизонтальная залежь пиротиновой руды, главной носительницы никеля.

Этот успех пришелся на майские дни. Прошло уже пять лет с момента ареста Левина. Начинаясь вторая половина срока. Совсем нереальной уже казалась прошлая жизнь на воле. Как ждали всегда Первомай! Вставали рано, открывали окно, и в комнату врвался свежий утренний, чуть морозный воздух. Впереди два дня непрерывного веселья, праздничных встреч с сослуживцами, родней, друзьями. Жаль было каждой минуты, потерянной на сон. И вот снова праздник. В большом кабинете начальника рудника стоят в несколько рядов столы, покрытые белоснежными скатертями. Надо пробыть годы по тюрьмам, лагерям, валяться в холоде, сыро-

сти, грязи, носить несвежее, плохо выстиранное и неглаженое лагерное белье, чтобы понять всю прелесть стола, покрытого белой хрустящей скатертью.

На столах блюда с пирожками, печеньем, закусками. Играет радиола. Заключенные — инженерно-технические работники в лучшем, что у них осталось от «старых добрых времен». Откуда-то появились глаженные рубашки с галстуками, много лет бережно хранившиеся в самых удаленных уголках арестантских ящичков. Все тщательно побриты. Собралось человек сорок, включая и вольнонаемное начальство рудника. Столы обслуживали празднично одетые девушки из буфета и уборщицы. Подали обильный ужин. Фурор произвели жареные куропатки, приготовленные самим начальником рудника. На столах бутылки с газированной водой, но под столом из рук в руки передается где-то раздобытый разведенный спирт. Шумно становится за столом, произносятся тосты за победу над врагом, за процветание рудника, за здоровье его руководителей.

Михаилу Ильичу впоследствии приходилось бывать на многих вечерах, на разных празднествах. Были они обильней, роскошней этого праздника, устроенного на руднике 3-6, но ни одно из них не доставило ему столько радости...

НИНА КАЛЕНТЬЕВА

Количество женщин на руднике все увеличивалось. Теперь начали прибывать женские этапы и из других отделений Норильлага. Присылали уже не только бытовичек, но и политических. Женщины стали работать и под землей, и в конторе. Одна даже попала в техбюро секретарем. Это была девушка лет двадцати, довольно миловидная, с некрупными чертами лица. Она окончила десятилетку, работала в торговой сети и была осуждена на 10 лет заключения за недостачу. В техбюро она, по существу, не очень была нужна. Но девушка была так рада, что попала на

чистую, легкую работу, так напоминала маленького брошенного беспомощного котенка, который всего боится, что Михаилу Ильичу стало жаль ее, и он не настаивал на ее переброске на другую работу. Так она на какое-то время прижилась в техбюро, никому не мешая, робко на всех поглядывая. Но вскоре Михаил Ильич столкнулся с девушкой другого порядка, довольно прочно вошедшей в его жизнь.

Как-то прибыл женский этап из лагпункта кирпичного завода. Это был почти штрафной лагпункт. Работы там были тяжелыми, грязными, как по добыче глины, так и по переработке ее.

Михаил Ильич знал, что на этом заводе работает техруком его бывший однокашник по Московской горной академии горный инженер Манку. Левин не виделся с ним с момента окончания академии, то есть уже больше 18 лет, но хорошо помнил его солидную фигуру, большой рост, атлетическое сложение. В академию он поступил, уже будучи горным техником, и был, вероятно, лет на пять-шесть старше Михаила Ильича. В академии они встречались редко, никогда вместе не сдавали зачетов, но друг друга знали. Манку прислал ему записку с одной из заключенных. Он писал, что подательница записки Нина Ивановна Калентьева — очень порядочный человек. Манку просил помочь ей и ее подруге, чем Михаил Ильич сможет.

Калентьева оказалась девушкой высокого роста, с оригинальным, бросающимся в глаза лицом: высокий чистый лоб, иссиня-черные ресницы и брови, орлиный нос. Лицо освещалось огромными карими глазами, за что на руднике ее впоследствии прозвали «марсианкой». Как ей удалось сохранить здоровый цвет лица с тонким румянцем в тяжелых условиях лагеря? Одетая она была прилично: полупальто с меховым воротником, подогнанное по фигуре, вольная шапка-ушанка и сшитые по ноге сапоги. Держалась спокойно, солидно, с чувством собственного достоинства. Какое она имела отношение к Манку? Кто она такая? Какой бы ни был ответ

на эти вопросы, Михаил Ильич выполнит просьбу товарища, поможет Калентьевой и ее подруге по возможности лучше устроиться на руднике 3-6.

Калентьеву назначили статистиком, а через некоторое время она перешла работать в ИТРовскую столовую для заключенных.

Эта столовая заслуживает, чтобы о ней рассказать подробнее.

Рудник 3-6 работал хорошо, систематически перевыполнял месячные планы проходки и добычи руды. Это давало возможность прилично кормить заключенных — инженерно-технических работников. Норильск солидно обеспечивался продуктами даже в военное время. Пайки для заключенных-ИТРовцев предусматривали достаточное количество муки, мяса, жиров, даже сухофруктов. Хлеба на день давали до 1,2 кило на человека. Когда все это попадало в общую столовую для лагерников, лучшие продукты расхищались, шли на питание лагерных «придурков»*, ИТРовцам же перепадала только небольшая часть того, что им полагалось. Дежурство на кухне самих лагерников мало помогало, так как хищения могли идти и при получении продуктов, и при их обработке и раздаче. Заключенные-инженеры не были привередливы. И все же им надоела плохо приготовленная, невкусная, хотя и обильная пища. Было решено создать свою кухню для руководящего состава заключенных рудника. За зоной был выделен отдельный домик, достаточный по размеру для размещения кухни, кладовки для продуктов и небольшого зала человек на 20–30.

Сделано это было по инициативе начальника рудника Хромченко и было согласовано с руководством лагпункта. Заведующей назначили женщину, повара в прошлом. Поварами, официантками подбирали порядочных людей, в том числе Калентьеву. Всего прикрепленных к столовой было человек 50.

---

* Так заключенные называли работников хозлагобслужки.

В столовой было чисто, уютно. Кормили очень хорошо. В меню появились вкусные супы, пирожки с разной начинкой, мясные блюда, компот. Давали питание три раза в день: завтрак, обед, ужин. Хлеб каждый получал отдельно, приносил его утром в столовую и клал в отведенное ему гнездо на полке. Посещение столовой стало ежедневной радостью для людей, ибо это было что-то вроде клуба, где собирались близкие люди, где можно было поговорить без помех: ни лагерное, ни рудничное начальство здесь никогда не появлялось.

Все, что выдавалось сухим пайком для прикрепленных к столовой, попадало полностью заключенным. Кроме того, кое-какие суммы выдавались на улучшение пищи за счет прибылей рудника.

В начале пребывания в лагере, после установления связи с семьей, Михаил Ильич получал время от времени из дому посылки с продуктами. В первые же месяцы войны жена с детьми бросили все, что у них было, и налегке пешком лесами ушли из Смоленской области. После долгих мытарств они добрались до Фрунзе. Связь с семьей временно нарушилась. Ни о каких посылках теперь не могло быть и речи. Да в них Михаил Ильич сейчас и не нуждался. Постоянное недоедание, ощущавшееся в тюрьме и в первое время пребывания в лагере, осталось в прошлом.

Калентьева, работавшая в столовой, в особой помощи не нуждалась. Мучил ее только недостаток табака. Она курила, а в лагере, да и вообще в Норильске, табак был исключительно дефицитным. Заключенные отдавали за табак хлебные пайки, сахар. Заключенным — инженерно-техническим работникам табак выдавался по спискам, утвержденным начальником рудника. Михаил Ильич не курил. До появления Калентьевой он свой паек табака отдавал товарищам. Теперь его получала Калентьева. День выдачи табака был праздником на руднике.

Табак Левин передавал Калентьевой обычно в столовой с глазу на глаз, во избежание сплетен, хотя

близость между Михаилом Ильичом и Ниной Ивановной не была секретом в лагере. Никто только не верил, что это чисто товарищеская дружба, не имеющая ничего общего с обычными подобными отношениями. Просто у Левина появился близкий человек, который хотя бы в чем-то в нем нуждался, чувствовал в нем опору и поддержку.

Как-то Нина Ивановна рассказала Михаилу Ильичу свою историю. В начале войны в девятнадцать лет она ушла добровольцем на фронт. К 1943 г. она была уже старшим лейтенантом и заведовала полевой почтой. Военские части, которые обслуживала эта почта, почти все время отступали. Связь с ними была нарушена. Доставлять письма бойцам и командирам не представлялось никакой возможности. А их копилось все больше. Сдать их некуда, хранить негде. Была опасность, что в суматохе постоянных отходов, окружения почта могла попасть в руки врага. Не зная, что дальше делать, Нина Ивановна обратилась за помощью к своему непосредственному начальству — капитану С. Они решили, что нет другого выхода, кроме уничтожения писем. Так и сделали: письма были сожжены.

Через некоторое время положение на фронте несколько улучшилось. Отступление задержалось. Военские части вновь установили связь со своей полевой почтой. Когда стало известно, что почтовые отправления за время отступления были уничтожены, поднялся большой шум. Дело о нарушении воинского долга заведующей полевой почтой Калентьевой было передано в военный трибунал. Капитан, принимавший участие в уничтожении почты, заявил, что ему ничего не известно об этом деле. Акт о сожжении почты своевременно не был составлен. Вся вина легла на Калентьеву, и она была осуждена на 10 лет по статье 193* уголовного кодекса. Пока шло следствие и суд, она несколько месяцев пробыла в тюрьме, а затем была отправлена по этапу в Норильск.

---

* Статья о нарушении воинского долга.

ПОИСК КОНСТРУКТОРА И РАБОТА НАД ИЗОБРЕТЕНИЕМ

Аппарат техбюро состоял в первый период из двух человек вместе с Михаилом Ильичом. Объем работ был большой, так как рудник только строился. Проект его был выдан в технической стадии, рабочих чертежей, кроме строительной части, не было. Все приходилось делать на ходу.

Все чертежные и копировальные работы предстояло выполнять работникам техбюро. Было решено включить в штат чертежника. В бюро взяли человека, умевшего рисовать, обучили его черчению, в первую очередь копированию. Так появились у Михаила Ильича один за одним несколько копировальщиков. В техбюро сосредоточились важнейшие проекты рудника. Здесь их уточняли, детализировали. Здесь были секретнейшие данные.

Не было ничего удивительного в том, что оперативные органы заинтересовались работниками техбюро, и в первую очередь его начальником Левиным. Он особенного политического доверия не внушал: ведь это был «нераскайвавшийся враг», не признававший себя ни в чем виновным, не выдававший своих сообщников. За ним надо было следить и следить, не спуская глаз. Естественно было занять какого-нибудь осведомителя в техбюро, завербовать одного из его сотрудников. Проще всего было завербовать кого-либо из чертежников. Так оно и было сделано.

Как-то раз в поисках какого-то документа Михаил Ильич пересмотрел дела во всех шкафах. Было перевернуто все вверх дном. Это было в вечернее время, когда никого из сотрудников техбюро в конторе уже не было. В очень укромном месте, в щели под планкой, Михаил Ильич обнаружил какой-то лоскут кальки. На нем было написано донесение в оперативный отдел чертежника С. Это было описание работы техбюро, его начальника. Левин положил лоскут на место. Ни словом, ни взглядом он

никогда никому не дал повода подумать, что обнаружил в техбюро стукача. Разоблачение доносчика ничего не дало бы: вместо него назначили бы другого. Впоследствии Михаил Ильич убедился, что почти все работавшие у него чертежники становились информаторами оперативного отдела. Они доносили абсолютно обо всем, что творилось в техбюро рудника. Михаил Ильич часто, работая, напевал старую песенку времен русско-японской войны:

Проклятье войне —
Она отняла у нас силы.
Она отняла у нас лучших сынов
И их довела до могилы.

В черновике одного из перехваченных доносов была приведена и эта песенка. По-видимому, она должна была, по мнению информатора, характеризовать антивоенные, непатриотические настроения Левина.

Михаилу Ильичу, при всей его выдержке и терпимости, надоело находиться все время под наблюдением своих копировщиков. К тому же они были малоквалифицированными людьми. Набранные из «лагерных художников», умевшие писать плакаты и кое-как грубо размалевывать афиши, они с грехом пополам справлялись с вычерчиванием диаграмм и простыми выкопировками из планов горных работ. Михаил Ильич понемногу приучал их работать рейсфедером, циркулем. Но к моменту, когда они становились более или менее ценными для техбюро, они подыскивали себе более выгодную работу, дававшую большее вознаграждение, лучшее питание и больше шансов на снижение срока заключения.

Надо было подыскивать более постоянного человека — инженера, которого можно было бы назначить конструктором техбюро. В штатном расписании такая вакантная должность была. Михаил Ильич начал присматриваться к новым этапам заключенных. В лагпункт рудника 3-6 часто прибыва-

ло пополнение. Из этапа, сразу после его прибытия, часть людей отправляли в хозлагослужбу, часть — к строителям, остальные — на рудник 3-6. Надо было ознакомиться с этапом до его распределения.

Михаил Ильич несколько раз заходил в барак встречать только что прибывших заключенных. Шли они из тюрем и со страхом ожидали распределения, опасаясь, что их пошлют на тяжелые подземные работы «во глубину сибирских руд». Источены, небриты, запущены — как среди них разобрать, кто инженер, кто квалифицированный рабочий? Нельзя было верить и на слово: ведь документов на руках ни у кого не было, и заключенный мог называть себя кем угодно, даже профессором. Приходилось долго беседовать с каждым.

Как-то раз Левин зашел в барак, куда разместили только что прибывший этап. Люди сидели на голых нарах, на узлах с вещами. Сразу его окружила группа заключенных. Начали жадно расспрашивать об условиях жизни и работы в Норильске, о руднике 3-6. Во время беседы к Михаилу Ильичу подошел мужчина лет 28 и спросил, найдется ли на руднике работа для инженера-конструктора. Это было как раз то, что надо было для техбюро. Но как он проскочил на рудник 3-6? Ведь комбинат в инженерах, да еще конструкторах, очень нуждался, и их задерживали в Норильске для работы в управлении. Если это действительно конструктор, он, должно быть, вначале скрывал свою специальность? Или это самозванец?

После краткой беседы Михаил Ильич предложил этому инженеру, назвавшемуся Лаврентьевым, написать несколько фраз по своему усмотрению. Он написал десяток слов красивым нормальным чертежным шрифтом. Стало сразу ясно, что, во всяком случае, чертежником он работал. Михаил Ильич написал его фамилию.

На следующий день Лаврентьев уже трудился в техбюро. Он действительно оказался конструктором.

ром, ранее работал в заводском конструкторском бюро. Теперь стало возможным, переложив часть работы техбюро на Лаврентьева, заняться разработкой проекта, задуманного Левиным еще в тюрьме в 1938 г. Тогда, кроме предварительных расчетов, основанных на формулах, оставшихся в памяти со времени пребывания в горной академии, и наброска схем, Михаил Ильич ничего сделать не мог. Пришлось оставить разработку проекта до лучших времен.

И вот теперь такая возможность представилась: были нужные справочники, чертежные принадлежности, отдельная изолированная комната, куда никто носа не совал, и, по-видимому, надежный помощник. Левин, ничего не говоря Лаврентьеву, вновь проверил ранее сделанные расчеты. Подтвердилась правильность возникшей в тюрьме мысли. Теперь надо было заняться конструированием самого аппарата.

Михаил Ильич рассказал Лаврентьеву о придуманном им аппарате. Ознакомил его с расчетами. С этого дня в течение ряда недель после работы они сидели вдвоем, закрывшись в техбюро, уточняя расчеты, делая десятки эскизов аппарата.

Был конец 1942 г. Северный морской путь был важной магистралью для связи Советского Союза с союзниками. Через северные порты прибывало большое количество грузов. Очень важно было, чтобы советские подводные лодки свободно ходили подо льдом, могли в любое время быстро и бесшумно пробить во льду скважину любого диаметра, запастись через нее свежим воздухом, высадить людей на лед, подвести перископ на поверхность льда.

Михаил Ильич считал, что его изобретение окажется полезным для обороны Родины.

Работали напряженно, скрывая от всех людей чертежи и расчеты. Ведь он и Лаврентьев были врагами народа. Кто им разрешил работать над военным изобретением? Кто знает, как к ним отнесутся, если какой-нибудь стукач доложит о них в опера-

тивный отдел? Не признают ли их просто шпионами, тем более что Михаил Ильич в 1929–1930 гг. был в Германии.

22 февраля 1943 г. поздно ночью Михаил Ильич закончил все расчеты по изобретению. Виктор вычертил аппарат в туши. Как подписать чертежи? Идея была Левина, все расчеты, объяснительная записка сделаны им, основные направления конструкции были разработаны им еще в тюрьме. Лаврентьев дал некоторые детали уплотнения аппарата и выполнил чертежные работы. Были поставлены две подписи: горного инженера Левина и инженера-конструктора Лаврентьева.

На следующее утро, в день двадцать пятой годовщины Красной Армии, они попросились на прием к начальнику оперативного отдела комбината. Записка гласила: «Просим вызвать по срочному делу. Инженеры Левин и Лаврентьев». Через два часа они под конвоем с чертежами были доставлены к начальнику отдела, и Михаил Ильич доложил о своем изобретении. Его внимательно слушали. Начальник отдела был явно заинтересован и обещал срочно отправить изобретение фельдъегерской связью в Москву.

Через пять дней Лаврентьев был отправлен в Москву для освобождения из заключения на три года по сравнительно легкому 10-му пункту 58-й статьи. На чертежах стояла его подпись — «инженер-конструктор». Стоило ли иметь дело с «нераскаившимся врагом», осужденным на 10 лет тюрьмы плюс 5 лет поражения в правах? Михаил Ильич впоследствии много раз упрекал себя за оплошность. Он мог дать под чертежами либо одну свою подпись, либо вторая подпись могла быть просто — «чертил Лаврентьев», что вполне соответствовало истине. Какова была дальнейшая судьба изобретения, Михаил Ильич никогда не узнал, так же как и причину внезапного освобождения Лаврентьева. Принесли ли его труды какую-либо пользу

Родине, или они оказались плодом досужей мысли арестанта и пополнили корзину отвергнутых предложений и изобретений? Автора не известили об этом. Но для самого Левина работа сыграла немалую роль: отвлекала от мрачных дум о партии, личных несчастьях, семье, создавая иллюзию труда, приносящего какую-то пользу стране.

МАЛЕНЬКИЕ ЛАГЕРНЫЕ РАДОСТИ

Человек, как и животное, постепенно привыкает ко многому. Можно привыкнуть к тюрьме и лагерю. Увлечшись интересной книгой, работая над выводением новой формулы или изобретением, можно перестать замечать тюремные стены, решетки... Интересная работа по специальности в лагере иногда заставляет забыть о проволочных заграждениях лагпунктов. В любой обстановке создается круг людей, тесно спаянных общей судьбой, близкими интересами. Этот круг отчасти заменяет прежних близких людей. Появляются новые, пусть более мелкие, но все же интересы. Жизнь стабилизируется на иной основе. Организм и физически, и психически приспособляется к новой обстановке. С кем этот процесс приспособления не происходит, кто не смог отрешиться от прошлого, кто продолжает тосковать по прежней жизни, тот неизбежно гибнет. Так было в 1939 г. в Мариинской тюрьме с физиком Рейзенном, который был не в состоянии забыть предательство своей жены. Так погиб инженер С., не веривший в возможность собственной реабилитации.

Лагерная жизнь состояла не только из ужасов несвободы, но были в ней и свои маленькие радости. Например, возможность беспрепятственного хождения по зоне оцепления — значительное облегчение для заключенного. Следующая ступень полусвободы — расконвоирование. С какой завистью смотрят арестанты на расконвоированного заключенного! Тот может свободно оставлять не только лагпункт, но и

зону оцепления, может пойти в город и, больше того, взять на свое попечение законвоированного заключенного, пройти с ним в любое учреждение. Можно, хотя это не поощряется, пойти на норильский базар или в магазин для вольнонаемных и купить продукты, которых нет в лагерном ларьке. Можно послать по вольной почте письмо домой — семье. Если на этом тебя поймают, могут лишить пропуска или переписки. Но ведь не каждого ловят, а заключенный так часто привык рисковать!

Михаил Ильич не мог рассчитывать на расконвоирование: у него были слишком страшные пункты 58-й статьи. К тому же Левин числился «нераскаившимся врагом». Был он к тому же еще довольно строптивым человеком, не склонял головы перед производственным начальством, не подхалимничал перед лагерным руководством. Правда, работал он, не покладая рук, не отставливался перед трудностями и опасностями, неплохо знал свое дело. Но это не всегда определяло положение заключенного. Несколько раз все же начальник рудника включал Левина в списки на расконвоирование. Неизменно при возвращении списков его фамилия оказывалась исключенной.

Однажды при посещении рудника руководством комбината Хромченко обратился к главному инженеру комбината с просьбой поддержать ходатайство рудника о расконвоировании Левина. Главный инженер сделал у себя в записной книжке какую-то заметку. Михаил Ильич не придавал особого значения этому разговору. Прошло немного времени, и его неожиданно вызвали на фотографирование. Через пару дней он получил постоянный пропуск расконвоированного. Это было уже на седьмом году его заключения. По-видимому, лагерное начальство считало, что остался небольшой срок заключения, и теперь опасность побега маловероятна.

Прошло много лет с тех пор, как Михаил Ильич последний раз фотографировался. Теперь он увидел

себя на маленькой фотографии. С пропуска смотрел на него глубокий старик с изможденным морщинистым лицом, впавшими щеками, жалким подобием усов. Этому человеку можно было дать не меньше 60 лет. А ведь Левину было только 42 года! В тюрьму в 1937 г. он вошел полным здоровья. Как-то незаметно растаяли силы, сразу наступила тяжелая старость.

И все же Михаил Ильич вздохнул с облегчением. Теперь он мог временами уходить с рудника, не видеть перед собой опостылевших бараков, колючей проволоки, штыков конвоиров, вечно угрюмых, изможденных лиц арестантов, своих товарищей по несчастью. Михаил Ильич получил возможность по всем делам самому ходить в город. Особенно важным было посещение проектного отдела комбината для согласования наметок техбюро рудника. Надолго запомнилось первое свободное посещение Дома инженерно-технических работников в Норильске. Это было высокое здание, прекрасно составленное внутри, имевшее хорошую техническую библиотеку. Приятно было после многолетнего перерыва вновь очутиться в уютной вольной обстановке и, сидя в мягком кресле у столика с затемненной абажуром лампой, просматривать последние номера «Горного журнала», журнала «Glukauf», так давно им не читанных.

В городе Михаил Ильич встретился кое с кем из заключенных инженеров, знакомых ему еще по воле. Обратил внимание, что в последнее время начали часто вызывать в город Калентьеву в 3-й отдел. О чем ее там допрашивают? Нина Ивановна молчит. Не стал ее спрашивать и Михаил Ильич. Сама расскажет. Нина становилась все угрюмей. Что-то неладно! Наконец она не выдержала и рассказала, в чем дело. Оказывается, в тюрьме ее уговорили стать информатором, сообщать оперуполномоченному тюрьмы о настроениях и разговорах сокамерников. Она была еще очень молода, неопытна и не понимала, на что согласилась. Перейдя в лагерь, Калентьева не стала

поддерживать связи с оперуполномоченными. Она полагала, что о ней забыли. Но, по-видимому, в ее личном деле была соответствующая пометка, и теперь у нее требовали информационных сводок. По словам Калентьевой, она отказалась быть стукачом. Так ли это, Михаил Ильич не знал, должно быть, если бы она осталась секретным сотрудником, она не рассказала бы ему всей этой истории.

2576-Й ДЕНЬ

У каждого заключенного свое летосчисление. Оно ведется не с рождения Христова, как у христиан, или рождения Магомета, как у мусульман, и даже не с сотворения Мира, как у евреев. Его начало не тонет во мраке веков, не окружено легендами. Оно независимо от политических или религиозных воззрений, определяется совершенно точной датой — днем ареста. Оно имеет и кажущийся конец — предполагаемый срок окончания заключения.

Немногие заключенные достигают желаемого конца своего заключения. Но в начале пути мало кто сомневается в его благополучном исходе. Ведь годы — это зима — лето, зима — лето, как говорят заключенные. С первого дня несвободы составляется календарь. В нем на 10–15 лет вперед отмечен каждый день. Жирной чертой выделены месяцы, годы. Последний день этого календаря сияет лучезарной звездой. С ним связаны все мечты и надежды заключенного. С радостью в календаре вычеркивается каждый прожитый день. Не жаль уходящей молодости, жизни. Лишь бы скорей, лишь бы скорей шли дни!

Ни один скупой рыцарь с такой жадностью не подсчитывал своих богатств, как арестант считает отбывшие дни заключения. Не избегал этой участи и Михаил Ильич. Был и у него такой календарь, и он ежедневно вычеркивал в нем прошедший день и подсчитывал, сколько же еще осталось до желанного фини-

ша. Вот и сегодня, 4 марта 1944 г., был вычеркнут прошедший день. Всего их время отсчитало уже 2575. Сегодня 2576-й день. Где-то впереди уже мерещится свобода, встреча с женой, с детьми, возможность борьбы за реабилитацию. День как будто не грозил никакими осложнениями. Блестяще идут подготовительные работы. Впервые рудник прошел по крепчайшим породам за месяц больше 900 метров выработок. Все работы идут строго по графику, разработанному техбюро. На месяц вперед обеспечено нормальное питание и премвознаграждение для инженерно-технических работников рудника. За успехи на производстве Михаилу Ильичу особое совещание при НКВД СССР дважды снижало срок наказания, и теперь ему уже осталось пробыть в лагере всего 348 дней. Возможно, что и эти дни не полностью придется отбывать. Ведь на руднике все идет хорошо, и, вероятно, по ходатайству комбината будут еще льготы заключенным. Да и денек предвидится отличный. Нет обычной мартовской пурги. Тишь. Еще темновато. Луна мягким серебристым светом освещает территорию рудника. Мы еще поживем, черт подери!

В хорошем настроении Михаил Ильич в это ранее мартовское утро вышел из лагпункта и направился в техническое бюро рудника. Минут 40 он работал над графиками, затем передал их чертежнику и пошел в ИТРовскую столовую. Здесь уже все были в сборе. С удовольствием Левин стал прислушиваться к обычному легкому разговору между столующимися. Не слышался ли Михаил Ильич? На штольне № 6 загорелась крепь. Михаил Ильич побледнел. Какой ужас! Ведь на рудник 3-6 надвигается страшная катастрофа! Через штольню № 6 подается свежий воздух. Досрочно загореться десятку рам крепления — и угарный газ разойдется по всем выработкам, неся удушье и смерть сотням людей, работающим под землей.

Дана ли команда немедленно выводить из шахты на-гора всех людей? Такой приказ должен дать

главный инженер, но его на руднике еще не было, так же как и начальника. Оба они жили в городе, на большом расстоянии от шахты. В этот опасный момент рудник оказался без руководства! Распоряжение о выводе людей с подземных работ мог дать главный или дежурный диспетчер рудника, но они никогда не имели дела с подземными пожарами и не понимали опасности, грозившей людям. Эка важность — загорелась пара рам. Придет пожарник и зальет их водой.

Впоследствии оказалось, что кое-кто из рабочих видел слабый дымок, шедший из пропускного пункта штольни. Контролер куда-то вышел, замкнул дверь пункта, а электрическую печь не выключил. На ней лежала спецовка. Она и загорелась. Пламя охватило обшивку пропускного пункта, а за ней и крепь штольни. Обшивка и дверь пункта были плотно пригнаны, и дымок просочился в штольню, когда на контрольном пункте уже всюду бушевал огонь.

В создавшихся условиях людей можно было спасти, только повернув струю воздуха в обратную сторону. Для этого надо было иметь центробежный вентилятор, приспособленный для опрокидывания струи воздуха. Но его еще не успели построить. Одно было ясно: надо быстро действовать, не теряя ни минуты! По плану ликвидации аварий Михаил Ильич, как старший инженер техбюро, не обязан был принимать активного участия в ликвидации пожара. Но сейчас на руднике гибли люди, его товарищи по работе и заключению, и он — один из самых опытных и старых горняков на руднике — не мог оставаться только свидетелем несчастья. Понимая, что с ним всякое может случиться, он передал адрес своей семьи Калентьевой, попрощался с ней и бросился к шестой штольне.

Михаил Ильич сразу увидел густые клубы дыма и пара. Прикрыв лицо шапкой, он попытался проникнуть внутрь штольни, но, пройдя, несколько шагов, убедился, что пробраться невозможно. Остался один выход: попробовать пройти верхней штольней

№ 3. Может, сюда еще не проникли угарные газы? К этому времени подошел главный диспетчер Коган. Михаил Ильич сказал ему, что идет на 3-ю штольню. Зайдя по пути в ламповую, он взял аккумулятор и с заключенным-механиком участка Соколовым поднялся в вагонетке на 3-ю штольню. Здесь было все тихо и спокойно. Все были в забоях. О пожаре никто сюда не сообщил. Ничего не знал об этом и контролер Байсепанов. Михаил Ильич распорядился начать выпускать людей из штольни и тщательно регистрировать выходящих. Сам же пошел по работам.

Отойдя метров на 50 от контрольного пункта, он почувствовал запах газа. Было уже около половины десятого. От начала пожара прошло, минимум, полтора часа. По всем данным пожар распространялся не слишком быстро. У инструменталки стояло несколько человек, в том числе двое мастеров: подготовительного участка Рыжкова и очистного — Веске. Рабочим Михаил Ильич велел выходить нагору, а мастерам — выводить людей. Сам же пошел дальше, к центральному уклону, соединяющему работы 6-й и 3-й штолен. Идти одному дальше без респиратора или самоспасателя не следовало бы...

У центрального уклона атмосфера уже была удушливой. Все же Михаил Ильич спустился вниз метров на 15–10. Здесь он увидел мастера 1-го участка Щеглова, угоревшего и еле подымавшегося вверх с небольшой группой рабочих. По его словам, по уклону были люди. Михаил Ильич бросился вниз, но мог пройти только до 1-го горизонта. Дальше идти было невозможно. Он поднялся вверх на площадку центрального уклона и здесь встретил начальника 1-го участка Слепцова, тоже без респиратора. Вместе с ним они попытались пройти через людской ходок центрального уклона, но и это оказалось невозможным. Ясно было, что своими силами вдвоем со Слепцовым и присоединившимся к ним рабочим Габитовым (все без респираторов) они ничего сделать не смогут.

Михаил Ильич пошел на контрольный пункт звонить в диспетчерскую, требовать немедленной присылки людей со спасательными аппаратами. Он предупредил, что на 334-м горизонте имеются живые люди и их еще можно спасти, если срочно оттуда вынести. С работ третьей штольни люди понемногу выходили. Там в уже удушливой атмосфере разыскивали и выводили людей заключенные мастера Рыжков и Веске. Вот уже приток людей прекратился. Через контрольный пункт никто больше не выходил. Неснятых номеров на пропускном пункте осталось висеть 22. Спасателей все не было. Между тем на платформу центрального уклона с работ шестой штольни приползло семь человек. Сюда они добрались из последних сил и сейчас лежали в обморочном состоянии. Оставлять их дальше здесь — значило обречь на верную смерть: площадка уклона уже была загазована. Вынести их вдвоем со Слепцовым было невозможно. Остался один выход: вывезти людей электровозом на устье штольни. Они нашли десятника движения, посадили его на электровоз и вместе с ним приехали на площадку уклона, погрузили пострадавших в вагоны и отправили к устью штольни.

Спасателей все еще не было. Слепцов был уже в полуобморочном состоянии. Он был грузным мужчиной, с не слишком крепким и мало тренированным сердцем. Он начал сдавать. Короткие промежутки пребывания на устье штольни на свежем воздухе ему уже не помогали. Слепцов становился плохим помощником. Михаила Ильича рвало, но он выскакивал на свежую струю и, чуть-чуть отдышавшись, вновь бросался в штольню. С момента прихода на штольню прошло уже более 2,5 часа.

Наконец появились два спасателя с Зениным и вольнонаемным начальником участка Кравченко. Михаил Ильич повел спасателей и Кравченко к устью уклона и сказал, что им следует спуститься до 334-го горизонта, где находятся люди. Минут че-

рез 15 спасатели вернулись без людей, при этом у одного из них респиратор оказался неисправным. Второй сообщил, что не мог добраться до 334-го горизонта. Это было ложью. За ними, шатаясь, поднялись по уклону трое рабочих и сообщили, что по уклону лежит и ползет большое количество людей.

Михаил Ильич срочно известил по телефону начальника рудника о бездеятельности присланных спасателей и просил немедленно бросить на помощь дополнительную группу спасателей и свежих людей с самоспасателями. Примерно минут через 30 прибыл еще один спасатель и лекпом Байрашевский, которые начали выводить людей. Байрашевский был в прошлом офицером польской армии. Он был крепкого сложения, действовал спокойно, храбро. Вместе со спасателями он вывел еще несколько человек. Вернувшись с очередного рейса Байрашевский сообщил, что на 334-м горизонте лежат уже трупы, но люди более крепкие продолжают ползти вверх по уклону.

Длительное пребывание в загазованной атмосфере начало сказываться на контролере Байсепанове. Он почувствовал себя плохо. Михаилу Ильичу пришлось его вывести на свежую струю и заменить диспетчером Годесом. Но вскоре и этот не мог дольше находиться на контрольном пункте. Оба были поставлены на устье штольни, чтобы не допустить в загазованную атмосферу без респираторов или самоспасателей людей, рвавшихся на спасение своих гибнущих товарищей.

Вскоре появилась еще одна группа добровольцев-спасателей из заключенных во главе с геологом Ворониным. С ним прибыл врач Щербаков. Все пришли без респираторов, но они были свежими людьми, физически крепкими, и Михаил Ильич разрешил им спуститься по уклону, сам же с Зениным организовал спуск в уклон вагонеток. На них удалось спасти еще пять человек. Поднятых наверх отправили электровозом на устье штольни. Состояние их не про-

веряли, знали, что внизу пострадавших грузит группа Воронина при участии врача Щербакова. В одном из последних поднятых вагонов лежала женщина с прижавшимся к ней подростком. Это был вольнонаемный парнишка, работавший учеником крепильщика. Как к матери, прижался он к незнакомой женщине. Крепко обнявшись, бледные и испуганные, поднялись они на-гора.

Приток людей с шестой штольни прекратился. По-видимому, живых людей там больше не осталось. Очаг пожара на шестой штольне, должно быть, был ликвидирован. Все же решили спустить вниз еще раз вагоны. Этим удалось спасти еще нескольких человек.

Через устье штольни № 6 в шахту проник механик Крень. В обморочном состоянии он был уложен в вагонетку и еще с двумя рабочими поднят вверх. Приведенный в чувство, Крень сообщил, что пожар потушен. Живых людей ни на штольне, ни на уклоне нет. С поднявшимся на 3-ю штольню Хромченко, Михаил Ильич обошел все работы шестой и третьей штолен. Живых людей нигде обнаружено не было. Левин отправился на-гора доложить о положении на подземных работах. Контора рудника была полна начальства. Приехали главный инженер комбината, работники оперативного отдела, руководители горноспасательной станции, врачи, санитары.

Погибшим уже нечем было помочь. Пострадавших, а таких было порядочно, отправили в городскую больницу. Михаил Ильич доложил об обстановке. Ему налили полстакана спирта. Он выпил, немного закусил и вновь ушел в шестую штольню. Пожарная команда вместе со спасателями уже полностью ликвидировала пожар. Какое печальное зрелище представляла штольня! Крепь на большом расстоянии обгорела и была повалена. Кругом валялись оторванные доски обшивки боков и кровли. На каждом шагу кучи породы преграждали путь. Вода, обильно поданная в штольню пожарными, стояла большими лужами. Везде был хаос

разрушения. Пахло гарью. Теперь надо было как можно быстрее ликвидировать последствия пожара. Рудник должен был во что бы то ни стало работать и давать фронту руду. Весь руководящий состав рудника включился в восстановительные работы.

На Михаила Ильича и Когана была возложена обязанность посменно руководить расчисткой и восстановлением штольни. Все другие работы были приостановлены. Бригады выходили на работу вместе со своим ИТРовским составом. Сплошной вереницей шли из шахты самопрокидывающиеся вагонетки с породой из обвалов кровли с обгоревшей крепью. Работа шла непрерывно. Менялись на месте. Люди выходили из штольни мокрые, продрогшие, еле стоявшие на ногах. Они выпивали по стакану водки, мылись в бане и шли отдохнуть, чтобы через 8 часов вновь включиться в восстановительные работы. Так закончились 2576-е сутки заключения «врага народа» Михаила Ильича Левина. Все 24 часа он был на ногах, спасая своих товарищей, ликвидируя последствия аварии.

В течение двух дней восстановительные работы были закончены. Штольня № 6 была очищена, наиболее опасные места подкреплены. Комбинат мог сообщить в главк в Москву, что рудник возобновил работу и катастрофа на его производительности не сказалась. Он вновь был готов давать металл фронту.

Заклученные во время пожара на руднике 3-6 самоотверженно и храбро боролись за спасение своих товарищей, застигнутых аварией в шахте. Разве не героической была решимость, с какой инженер Крень, Байрашевский, геолог Воронин, мастера Щеглов, Рыжков, Веске, экономист Зенин пробирались по загазованным выработкам в поисках своих гибнущих товарищей? Разве, хотя бы на минуту, они задумывались над смертельной опасностью, грозившей им самим в момент, когда уже виден был близкий конец их заключения и реальной становилась дол-

гожданная свобода, к которой они всем сердцем стремились в течение почти восьми лет?!

И он вспомнил бывшего военного с Украины, осужденного по 58-й статье. Он работал бригадиром в шахте. В выходной день под его руководством ремонтировали ленточный транспортер длиной 250 м. Расшили ленту, заменили лопнувший кусок и вновь соединили отдельные ее звенья. Бригадир, чтобы проверить плотность натяжения ленты, стал на нее ногами. В это время кто-то включил транспортер. Бригадир попал ногами в просвет между барабанами транспортера. Люди растерялись. Только сам пострадавший оставался спокойным и продолжал командовать людьми:

— Что стоите? Быстро переключайте транспортер на обратный ход.

Когда его вытащили, ноги болтались как тряпки: они были раздавлены по всей длине, перемолоты были половые органы. Пострадавший был в полном сознании. Когда к нему подошел срочно вызванный Михаил Ильич, он попросил записать адрес семьи и сообщить ей о его смерти. Затем он попросил поднести ему ко рту папиросу. Не докурив ее, он скончался. Какую силу воли, какое мужество и выдержку надо было иметь, чтобы без ропота выдержать такие муки!

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ — НОВЫЕ ТРУДНОСТИ

Работа рудника 3-6 приобретала все большее значение для Норильска. Он стал одним из основных поставщиков медно-никелевой руды для металлургического завода. Руководство комбината пристально следило за ходом дел на руднике. В конце марта 1944 г. у начальника комбината рассматривался план работы рудника на II квартал и апрель. Докладывал начальник рудника. Внимание руководства комбината привлек тщательно разработанный и красиво оформленный график проходки горно-подготовительных выработок. Таких графиков еще не было на других горных

предприятиях комбината. Директор комбината спросил, кто строил график и кто следил за его строгим выполнением. Главный инженер рудника указал на Левина. Панюков знал его раньше по работе на угольных шахтах и обратился к Михаилу Ильичу:

— Вы не считаете, что вам хватит заниматься рисованием картинок? Не пора ли перейти на настоящую работу?

Что мог Левин на это ответить?

— Это от меня не зависит. Стараюсь добросовестно выполнять любую порученную мне работу.

Генерал промолчал и сделал какую-то заметку в своем настольном календаре. Михаил Ильич не знал, что это был конец его работы на руднике 3-6. Его назначили главным инженером шахт «Западная» и «Надежда». При последнем посещении этих шахт руководство комбината отметило, что горные работы здесь велись без должного порядка, выработки захламлены, всюду валялись кучи неубранного угля. Свое неудовольствие по этому поводу начальство выразило начальнику шахты вольнонаемному инженеру Коваленко, техруку — старому донецкому горняку Полончуку.

Михаилу Ильичу было жаль оставлять рудник. Но его согласия на перевод никто не спрашивал. Комбинат считался только со своими интересами.

Итак, надо было собираться в путь. Сборы были короткими, и Михаил Ильич с небольшим чемоданчиком налегке шел с рудника 3-6 через город, «Угольный ручей», РОР на шахту «Надежда». Всего километров девять-десять. Идти было хорошо. Пропуск расконвоированного давал возможность обойтись без провожатых. Путь до города шел под уклон. Пригревало солнышко. По сторонам виднелись только деревянные двухэтажные дома и бараки. Это еще не был тот большой город, в который впоследствии превратился Норильск. Вот и Нулевой пикет — рельсы железной дороги Норильск—Дудинка. Дальше в гору

ведет дорога, проложенная по долине Угольного ручья. По обеим сторонам проволочные заграждения и бараки 1-го и 2-го отделений Норильлага.

Михаил Ильич поднялся на плато горы Надежда. Как легко стало дышать! Белый, блестящий снег весь искрился на солнце. И какая тишина и спокойствие! Здесь действительно чувствовалось, что находишься за Полярным кругом, в зоне белого безмолвия. Михаил Ильич замедлил шаги. Хотелось подольше насладиться этой волшебной красотой: ярко-голубое небо, виднеющиеся вдали вершины гор, покрытые белой шапкой. Солнце уже набирает силу — местами робко пробиваются струйки воды от тающего снега.

Михаил Ильич шел представляться новому начальству. Перед уходом с рудника 3-6 он надел оставшееся с воли пальто, меховую шапку и костюм. Все это уже не первой свежести, но по лагерным понятиям одежда еще приличная. Вот и контора, та самая, которую построили при Левине. Расширился поселок вольнонаемных, состоящий из одноэтажных сборно-щитовых домов. Значительно вырос лагпункт.

Михаил Ильич зашел в кабинет начальника шахты. За столом сидел человек 33–35 лет, невысокого роста, узкоплечий. Это и был начальник шахты Коваленко. Напротив него сидел пожилой человек в серой рубашке на выпуск, подпоясанный ниже выпирающего брюшка ремнем, — техрук шахты Полончук. Михаил Ильич поздоровался. Ему небрежно ответили и продолжили разговор, даже не предложив сесть. Левин сам взял стул, сел и стал слушать, не вмешиваясь, не говоря ни слова. Впоследствии Михаил Ильич узнал, что на шахте о нем распространились слухи как о человеке с тяжелым характером, жестоком, который все поставит по-своему и никому спуска не даст. Ладно, посмотрим — кто кого.

Коваленко и Полончук разговаривали между собой минут 30. Не было ничего срочного в их раз-

говоре. Обычные шахтные дела. Дальше игнорировать присутствие Михаила Ильича становилось все неудобнее. Коваленко обратился к нему:

— Включайтесь в дела.

Нет, Михаила Ильича такое «включение» не устраивало. Через неделю уже невозможно было бы установить, кто на шахте за что отвечает. Он резко ответил:

— До ознакомления с горными работами, до составления акта приемки и сдачи шахты в дела включаться не буду.

Это было законное требование. Против него возразить было трудно. Михаил Ильич, не ожидая ответа, встал и вышел из кабинета.

На следующий день он принимал обе шахты. Вместе с Полончуком обошли горные работы. На «Надежде» мало что изменилось за последние годы: не было смысла тратить силы на разработку мало-мощного пласта некоксующегося угля, когда рядом был пласт мощностью до семи метров. Зато шахта «Западная» далеко продвинула свои работы.

Полончук был опытным горняком, толково ведшим свое дело. Рассудительный, спокойный, он пользовался большим уважением коллектива. Но ему уже было 55 лет. Арест, осуждение по 58-й статье на 10 лет заключения, пребывание в лагере в течение семи лет сказались на его здоровье. Он болел гипертонией в тяжелой форме. Несмотря на это, Полончук спускался в шахту, часами обходил подземные работы, подымался по наклонным выработкам и глубоким шурфам. Хотя мог быть на легкой инженерной работе в конторе и получать почти то же питание и премвознаграждение (врачи, в основном заключенные, зорко следили за тем, чтобы лагерников загружали работой в соответствии с их физическим состоянием). Но Полончук, оторванный от семьи, от близких людей, от привычной обстановки, находил единственную радость в работе, хотя она была ему уже не по силам.

Михаил Ильич за годы пребывания в лагере убедился в исключительной работоспособности и преданности делу заключенных-специалистов, осужденных в 1937 г. Когда ему становилось особенно тяжело, он вспоминал экономиста рудника 3-6 Будко. Ему было не больше 55 лет, но по внешнему виду ему можно было дать за 60. Левая рука и нога были парализованы, но как он работал! Будко можно было встретить в конторе и ранним утром, и поздним вечером. Он помнил любую цифру за все время существования рудника. И никогда — ни жалобы, ни упрека. Он был Человеком с большой буквы и остался таким, несмотря на все невзгоды. Из людей этого сорта был и Полончук.

Полончук время от времени осматривал подземные работы, но все же ежедневно спускаться в шахту, конечно, не мог. Это сказалось на состоянии работ. Не было в шахте лоска, той подтянутости и дисциплины, которые характеризуют хороший горняцкий коллектив: проектный профиль путей не везде выдержан, шпалы уложены на разных расстояниях друг от друга, крепь поставлена небрежно, очистные забои не были прямыми. И всюду неубранная порода, разбросанный уголь. Да, руководство комбината имело основание быть недовольным состоянием шахты. Михаил Ильич не делал Полончуку замечаний. Завтра за все — и свое, и чужое — будет отвечать новый главный инженер. Михаил Ильич оставил Полончука своим заместителем и передал в его ведение более легкую шахту — «Надежду», расположенную вблизи конторы.

Михаил Ильич поселился в балке за зоной. В нем кроме него жили Полончук, инженер Конин, экономист Петров и старший маркшейдер Юркевич. Войдя первый раз в свою новую квартиру, Михаил Ильич удивился образцовому порядку в ней. Это не было холостяцкое мужское жилье. Здесь чувствовалась заботливая женская рука. Все в доме блестело: некрашенный пол, крыльцо желтели, как натертые воском, на окнах белели накрахмаленные марлевые занавески. Стол был

накрыт белоснежной скатеркой, сделанной из простыни. Кругом была лазаретная чистота. Вскоре Михаил Ильич встретился с «хозяйкой» этого маленького дома.

Было время обеда. Обычно в таких небольших ИТРовских общежитиях питались сообща. Готовила дневальная Анастасия Николаевна Гамаюнова — милостивая девушка, по виду не старше 22 лет, повязанная по-старушечьи платком. Черный платок оттенял широкое белое нежное лицо, высокий гладкий лоб. Суровая редкая улыбка открывала ряд блестящих белых зубов. Лицо ее не портил даже курносый рязанский нос. Как попала она в этот суровый край? Для бытовички слишком скромна, для осужденной по 58-й статье — слишком молода. Давно уже не ел Михаил Ильич такого вкусного домашнего обеда: на столе стояла большая миска, полная белых, румяных пирожков с капустой и мясом. Горячий вермишелевый суп был жирным, аппетитно пахнущим. Левин решил, что все это было специально для него подготовлено. Впоследствии он убедился, что это был обычный обед. В руках экономной хозяйки Настеньки, как ее все здесь называли, сухого ИТРовского лагерного пайка было вполне достаточно для вкусного, сытного питания. После тщательной обработки трудно было узнать обычные продукты, выдававшиеся из лагеря в качестве сухого пайка: соленую рыбу, которую с трудом можно было проглотить в лагерьной столовой, она тщательно отмачивала, из второсортного мяса умела жарить вкусные котлеты и пирожки. Из отходов хлеба Настя готовила прекрасный хлебный квас. Часть хлеба выдавалась мукой, и это давало возможность готовить дрожжи, столь необходимые на Крайнем Севере для предохранения от цинги.

В облике Настеньки было что-то монашеское: темная одежда, тихая, замедленная речь, опущенные глаза. После обеда Настя троекратно крестилась, кланялась всем и начинала бесшумно убирать со стола. Здесь к набожности Настеньки относились терпимо.

Гамаюнова родилась в одной из деревень Рязанской области, в очень набожной крестьянской семье. Верховодила в доме фанатично религиозная мать, воспитавшая в этом же духе всех детей. Советскую власть они считали порождением дьявола. По религиозным мотивам семья отказалась участвовать в работах на оборону. В конце 1942 г. группа молодежи, среди них и Настя, была арестована и отдана под суд по обвинению в контрреволюционном саботаже. Военный трибунал осудил их по 14-му пункту 58-й статьи к 10 годам содержания в исправительно-трудовых лагерях. Так и попала Анастасия Гамаюнова в Норильск вместе с ее односельчанкой Шурой. В лагере они продолжали отказываться от всякой работы. Их держали в штрафном изоляторе на штрафном питании. И Насте, и ее подруге грозила гибель от истощения, так как лагерное начальство строго придерживалось принципа: кто не работает, тот не ест. Месяцами Настя и ее подруга числились в отказчиках. Это было неприятностью не только для них, но и для лагпункта. Ему приходилось ежедневно отмечать в сводках наличие отказчиков. Это снижало показатели работы лагпункта. Все попытки лагерного начальства, воспитателей уговорить Настю и Шуру работать терпели неудачу. Они отвечали неизменно:

— Господь запрещает работать на войну.

И тогда начальник лагпункта обратился к Полончуку с просьбой:

— Попробуйте вы поговорить с этими дьявольскими девками. Может, уговорите их все же работать.

Перед Полончуком предстали две совсем молодые девушки, бледные, истощенные. По его предложению они присели на кончики стульев. У него защемило сердце от жалости. Он сказал вызванным девушкам:

— Вы не хотите работать на войну. Ваше дело. Не стану вас уговаривать. Но ведь обслуживать людей, помогать им жить в трудных условиях Крайнего Севе-

ра религия не может запретить. Идите работать дневальными. Это разрешил бы вам сам Христос.

Девушки переглянулись, потихоньку посоветовались между собой. Так Настя стала дневальной в балке ИТР. Позже Шура начала дневалить у вольнонаемного начальника лагпункта.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Михаил Ильич встретил на шахте много заключенных, прибывших сюда в одном с ним этапе в 1939 г. Многие начальники участков, мастера начинали работать на «Надежде» еще при Михаиле Ильиче. Это облегчало задачу в самый короткий срок добиться значительного улучшения в работе.

Михаил Ильич обходил работы ежедневно. Обмануть его было невозможно. Прежде всего были улучшены крепление и очистка шахты от хлама и неубранного угля. Он обратил особое внимание на работу маркшейдерской группы. Возглавлял ее Борис Константинович Юркевич. Было ему в то время года 33. Маркшейдером он стал в лагере. Михаил Ильич предупредил его, что не потерпит никаких приписок, и маркшейдерская группа твердо придерживалась этого указания.

Почти два месяца ушло на наведение порядка на шахте. Но одного порядка было недостаточно. Надо было расширить фронт работ. На всех шахтах Норильска пока еще разрабатывался только верхний первый пласт. Под ним был разведан второй мощный пласт энергетического угля, но опыта эксплуатации второго пласта еще не было.

Михаил Ильич решил начать подготовку этого пласта, и не для экспериментальной отработки, как рекомендовали в комбинате, а для полной очистной выемки. Все работы проводились под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Подтянулись участки, бригады. Между ними разгорелось упорное соревнование за первое место, за переходящее красное знамя шахты.

Хорошо была поставлена информация о достижениях на производстве. На собраниях передовикам трудового соревнования выдавались награды в виде продуктовых посылок, ордеров на пошив гражданских костюмов. Каждый арестант мечтал о быстрейшем освобождении из заключения. По мере продолжительности пребывания в лагере все больше таяли надежды на пересмотр дела. Теперь единственная надежда — хорошая работа и ходатайство комбината и лагеря о снижении срока наказания или даже досрочное освобождение. К материальным стимулам трудового соревнования прибавилось стремление получить скидку срока заключения.

Шахта № 12 (то есть «Надежда» и «Западная») начала выходить в числе передовых предприятий комбината. По результатам соревнования за III квартал 1944 г. она получила переходящее знамя лучшего горного предприятия Норильска. Какой это было радостью на шахте! На торжественном собрании знамя шахте вручил заместитель начальника комбината по горным работам Константин Дмитриевич Васин. Принимали знамя от имени коллектива начальник шахты Коваленко и главный инженер Левин.

Красное знамя сопровождает советского человека во всех торжественных случаях жизни: в пионерском лагере знамя выносятся во время слетов, в школе — во время линейек. Знамя несут на демонстрациях, под ним сражаются на фронте. На торжественных собраниях оно всегда в президиуме. К этому привыкают — норма жизни! Но совсем другое дело, когда знамя по поручению коллектива принимает заключенный, все еще считающийся врагом народа. Для него торжественный ритуал означает признание его заслуг перед Родиной, вздорности обвинения в измене советской власти. Пусть об этом никто вслух не говорит. Это не меняет дела. Михаил Ильич стоял под красным знаменем. К горлу подкатил комок. Он напрягал все силы, чтобы люди не заметили его волне-

ния, чтобы глаза оставались сухими, и лицо, как всегда, было спокойным. Левин видел, что радость переживают и начальники участков. Он увидел волнение на смуглом лице Татаева. Он прибыл в Норильск в 1939 г. этапом из Мариинской тюрьмы. Сейчас это энергичный, опытный горняк, в котором трудно было бы узнать прежнего бортмеханика военного авиационного соединения. На всегда спокойном лице другого начальника участка — Гурвича печальная улыбка. Впечатление такое, что за прошедшие семь лет заключения он так и не смог понять, за что же его, только что окончившего торговый техникум и начавшего работать по специальности, осудили на 10 лет заключения как контрреволюционера. Рядом на передних скамьях сидят начальники участков Римкович и Конин. Эти горные инженеры еще до ареста работали в шахтах. Тяжелый, медлительный Конин, уже пожилой мужчина с седой шевелюрой жестких волос и небольшой бородкой, полная противоположность молодому подвижному рыжевато-белому Римковичу. Немного подалеже от них сидит невысокого роста Арон — бесменный начальник вентиляции шахты № 12, назначенный на эту работу Михаилом Ильичом еще в 1939 г. После торжественного собрания — большого концерта силами культурно-воспитательного отдела Норильлага. На время забыты и лагерь, и шахта, и все пережитое. Арестантами завладели яркая музыка, знакомые мелодии. Как будто кто-то нежной, ласковой рукой стирает с хмурых лиц тяжелые морщины, снимает многолетнюю угольную пыль, вьевшуюся в кожу всего тела. И снова верится, что впереди еще будет много хорошего, ради чего стоит бороться и терпеть.

Нас не сломит нужда,
Не страшна нам беда,
Рок тяжелый не властен над нами...

НО ЕГО НЕ ВЫПУСКАЮТ ИЗ КРЕМЛЯ...

Какое блаженство после пережитых невзгод ранней весной снова очутиться в Москве. Побродить по зеленым бульварам Садового кольца, слышать радостный шум большого оживленного города. Хочется побывать в парке культуры и отдыха, с которым у Михаила Ильича связано так много радостных воспоминаний студенческих лет. Но ему нужно спешить, он только что прилетел самолетом по вызову ЦК и должен явиться в Кремль. Вот и Красная площадь, башня Кремля. Как ни спешит Михаил Ильич, он не может пройти мимо Мавзолея, чтобы не зайти, не поклониться праху Великого Вождя. Ведь так долго он тут не был!

У ворот Кремля Левин предъявляет пропуск и беспрепятственно проходит на залитую асфальтом территорию Кремля. Вот заветные двери. Все убыстряя шаг, Михаил Ильич проходит в кабинет. У большого стола стоит Сталин. Рядом сидит Молотов. Обоих нетрудно узнать. Сталин приветливо встречает Михаила Ильича, говорит, что ЦК разобрал его заявление. Здесь убедились, что его оклеветали, и решили восстановить в партии. Молотов вынимает из ящика партбилет и вручает его Михаилу Ильичу. Он узнает обложку своего старого билета члена партии с 1919 г., изъятая при аресте. Горячая волна радости охватывает его. Поблагодарив руководство партии, он спешит скорей порадовать семью, жену, друзей. Вот опять ворота, и снова он предъявляет пропуск. Но его не выпускают из Кремля... Ведь он предъявил свой лагерный пропуск на бесконвойное хождение. Какой ужас! Теперь его не выпустят, вновь арестуют! В холодном поту он проснулся. Все тот же сон! Уже сколько раз этот сон в разных вариантах приходит, когда он возбужден каким-нибудь из ряда вон выходящим событием. Самоконтроль слабел, и тогда мозг беспрепятственно извлекал из памяти глубоко запрятанные переживания, на которые в обычное время было наложено строжайшее табу.

В коллективе помнили Михаила Ильича по его прежней работе на шахте. Знали его стиль работы, требовательность, жесткий, неласковый характер. Понимали, что он не терпел малейшего невыполнения его распоряжений. В этом отношении не было никаких поблажек ни вольнонаемным, ни заключенным. Может быть, он кое-кому и не нравился. Попытку не считаться с распоряжением главного инженера сделал механик шахты Кузьмин, вольнонаемный, член ВКП (б). Он привык действовать совершенно самостоятельно, не считаясь с мнением Полончука. Ту же линию он проводил и теперь. В первый же раз, когда было не выполнено его распоряжение, Михаил Ильич вызвал механика к себе:

— Почему не выполнено мое распоряжение о ремонте резервного вагонного парка? Вы же знаете, Александр Александрович, что из-за нехватки вагонов простаивают грузчики в забоях.

— Я считал, что пока обойдутся исправными вагонами. Людей не хватает для других работ в мастерской.

— Почему не поставили меня в известность о невозможности выполнить распоряжение? Может, мы бы вместе нашли выход?

— У меня нет времени согласовывать с главным инженером каждый свой шаг. Я вам не мальчик!

— Предупреждаю, что не потерплю невыполнения своих распоряжений. Отремонтировать вагоны и доложить через три дня об исполнении.

Александр Александрович молча ушел. Вагонетки были отремонтированы. Некоторое время никаких недоразумений с механиком не было. Потом опять повторилось невыполнение срочного распоряжения. Михаил Ильич вторично вызвал Кузьмина:

— Вам не кажется, что вы не справляетесь с работой? Не лучше ли вам уволиться с шахты? Или будем ссориться, я стану накладывать на вас взыскания...

На следующий день Александр Александрович оформил через комбинат перевод с шахты № 12 на другой объект. Главным механиком шахты был назначен Крень.

Больше всего Михаил Ильич опасался недоразумений с начальником шахты. Ведь главным инженером он был назначен, по-видимому, вопреки желанию Коваленко. Но скоро последний убедился, что под руководством Левина дисциплина на шахте окрепла, работа шла ритмичней, без рывков. План систематически перевыполнялся. Коваленко начал внимательней приглядываться к новому главному инженеру, убедился в его работоспособности и преданности делу. Больше ему ничего не требовалось. Он начал доверять и поддерживать Михаила Ильича.

Вскоре Коваленко познакомил Левина со своей семьей, жившей в Норильске. Каждый раз, когда Левин появлялся в городе, он был желанным гостем в доме Коваленко, хотя это и нарушало правила лагерного режима, запрещавшие расконвоированным заключенным посещать дома вольнонаемных. Но это был единственный дом, где Михаил Ильич оказывался вновь в семейной обстановке. Он не хотел лишать себя этой радости.

ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЯКОМ

В новом этапе заключенных Михаил Ильич заметил знакомое лицо. Это был мужчина лет 60–65. Возможно, он был моложе, очень старили его впалые щеки, давно небритое лицо, заросшее черными с проседью волосами. Человек снял шапку. Обнажилась совершенно плешивая голова. Только позади на затылке и около ушей торчали клочья седых волос.

В памяти промелькнули первые годы революции в одном из уездных городов Смоленской области — Велиже. Бурные собрания, митинги в городском театре. Горячие споры с эсерами, меньшевиками, первыми появившимися в городе большевика-

ми. Одним из них и был этот, теперь такой невзрачный старик, а тогда горячий, напористый, полный сил молодой человек, сын местного кузнеца. Левин уже не сомневался, что перед ним Касавин, один из создателей их уездной организации большевиков, вступивший в партию до октября 1917 г. Значит, и он попал в мясорубку 1937 г.

Отпустив вновь прибывших рабочих, Михаил Ильич задержал Касавина. Долго длилась их беседа. Оказалось, что последние годы до ареста Касавин работал в Москве управляющим трестом, занимавшимся монтажом коксохимического оборудования. Это была очень крупная организация, имевшая свои филиалы и монтажные группы во многих местах Союза.

Касавин был арестован в конце 1937 г. До него — работники главка, в который входил руководимый им трест. Были арестованы заместители Касавина, много подчиненных ему работников. Настроение было тревожное. Особенно екнуло сердце, когда на одном из собраний выступил старый инженер, всегда относившийся очень доброжелательно к Касавину. Он сказал:

— Вот арестовали много людей, с которыми дружил Касавин. А его не тронули, раз он ни в чем не виноват. Видите, как внимательно, осторожно относятся к арестам НКВД. Там сидят опытные, преданные люди.

На другой день Касавина арестовали. На следствии ему показали запись этого выступления.

— Видите, ваши друзья говорят, что вы были тесно связаны с врагами народа.

Его обвинили в том, что он был завербован в контрреволюционную организацию одним из работников главка, и сам завербовал двух подчиненных ему работников в Ленинграде.

Следователь в Москве, должно быть, сам не верил в правдивость выставленных обвинений. Он уговаривал Касавина признаться во всем, но делал это

без криков, побоев. Только временами, когда следователь слышал приближающиеся шаги капитана, проверяющего ход следствия, он вдруг начинал кричать, ругаться, топтать ногами, стучать револьвером по столу, командовать: «Встать — сесть, встать — сесть». Капитан, видя, как ретиво ведется следствие, спрашивал только, как идут дела.

— Да, вот этот бандит, контрреволюционер, не признается, несмотря на все мои усилия добиться правды.

Капитан, пошумев, уходил. Тогда следователь говорил Касавину:

— Садитесь, отдыхайте. Вот попадетесь к такому, тогда узнаете, что такое настоящее следствие. Советую подписать протокол. Вас все равно осудят. Если не признаетесь, будете считаться нераскаявшимся врагом. Это вам создаст невыносимое положение на долгие годы.

Касавин категорически отказывался что-либо подписать. Из внутренней тюрьмы его перевели в Бутырскую. Касавин так и остался «нераскаявшимся врагом».

Как-то его вызвал следователь и сказал:

— Все, следствие окончено. Вас будут судить по 7-му пункту 58-й статьи, то есть за вредительство. Это не очень страшный пункт. Когда-нибудь поймете, сколько я для вас сделал. Больше — не мог.

Касавин печально вздохнул и сказал:

— А я-то полагал, что меня отпустят на свободу. Снова вернусь на прежнюю работу, увижу жену, двоих своих сыновей...

Следователь ничего не ответил. Он подошел к телефону, набрал какой-то номер:

— Валя, это ты? Не забыла, что сегодня суббота? Что собираешься вечером делать? Не пойти ли нам в театр или кино? Что-то сильно устал за неделю, а завтра опять тяжелая, напряженная работа. Как Славик и Танюша? Не капризничают?

— Вот, видите, — обратился он к Касавину, — это моя семья. Если бы я попытался вас освободить, я бы вам не помог, а сам оказался на вашем месте. Не так все просто, как кажется.

Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила Касавина на 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах после окончания наказания. Как тогда говорили заключенные, он должен был 10 лет отбывать заключение и 5 лет поражаться такому приговору. Касавин после суда попал в Соловецкую тюрьму, а затем — переведен в Норильский лагерь.

Михаил Ильич и раньше слышал рассказы о том, что некоторые следователи только в присутствии начальства проявляли особое рвение: шумели, стучали кулаками, грозились. Оставшись с подследственным с глазу на глаз, вели себя корректно, старались вспомнить, насколько, в самом деле, правдиво обвинение. Михаил Ильич поинтересовался, где сейчас семья Касавина. Сразу же он почувствовал неуместность заданного вопроса. Касавин побледнел, плотно сжал губы и некоторое время молчал. Заметно было, что он боролся с собой, чтобы не выдать волнение.

— Нет семьи! Оба сына пали на войне, защищая Родину. Так они и не узнали правду о своем отце. Погибли, считая, что обязаны своей кровью смыть позор семьи, искупить измену своего отца. Жена отказалась от меня... От семьи не осталось даже фотографии. Рвутся последние связи с жизнью. Все отнято: честное имя, здоровье, личная жизнь. Держит только вера в партию, уверенность, что правда восторжествует. Жаль, силы с каждым днем тают. Боюсь не дожить до лучших времен.

Михаилу Ильичу нечем было утешить Касавина. Они замолчали. Дальше разговор пошел уже о будущей работе Касавина. Он окончил промакадемию, имел большой опыт хозяйственной работы. Левин назначил его нормировщиком шахты. Это освобождало от общих работ, давало возможность в какой-то мере восстановить здоровье. О том, что Касавин прекрасно справится с порученным ему делом, Михаил Ильич не сомневался. Так оно и оказалось.

НАСТАЛ ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ — ВСЕ ОСТАЛОСЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ

Начиналась суровая полярная зима 1944/45 гг. Уже в октябре земля покрылась толстым слоем снега. Часто свирепствовала пурга. Ветер сбивал с ног, сбрасывал с рельсов вагонетки. Особенно тяжело и опасно было работать на терриконике. Здесь ветер ежеминутно грозил сбросить с огромной высоты вагонетку и сопровождающего ее откатчика. Работа на поверхности превращалась в муку, особенно в ночную смену. Снег смерзался на ресницах. Люди работали почти вслепую. Фонари электрического освещения тускло мерцали в туманной мгле. Вся жизнь шахты зависела от упорства и выносливости поверхностных откатчиков, и они работали, несмотря ни на какие препятствия. Не отходили от своих бригад Шерин, Приходько. Круглыми сутками оставались на сортировке ее начальник Холодный и заместитель Богатиков. Нигде не было вольнонаемного надзора. Никто не подгонял людей, не требовал от них такой нечеловеческой работы. Формально погода часто бывала активированной, то есть неподходящей для работы на поверхности. Люди имели право не выходить из зоны, но они выходили в пургу и мороз и выполняли свои нормы на 200 процентов и более.

План 1944 г. был выполнен досрочно. Теперь надо было план первых двух месяцев 1945 г. закончить к 22 февраля — 27-й годовщине Красной Армии.

Во время войны политические заключенные даже после отбытия предусмотренного приговором суда срока задерживались в лагере до особого распоряжения. Такая задержка могла длиться годами. Изменить такой порядок могли только ходатайства комбината и лагеря при наличии особых заслуг перед комбинатом, и при этом всегда находились какие-то основания, чтобы ходатайство об освобождении не было возбуждено или было отклонено.

После следствия и суда, пожалуй, самое тяжелое время для заключенного — это канун освобождения из лагеря. Арестант перестает спать. Мучит неизвестность. У Михаила Ильича виды на будущее после освобождения были более или менее ясными. С семьей он все время поддерживал регулярную переписку. После освобождения он решил вызвать семью в Норильск. Временно они будут жить в его балке на шахте № 12. Готовясь к освобождению, он расширил балок. Теперь в нем были две комнаты. Домик оштукатурили снаружи и внутри. Жить в нем первое время было вполне возможно. Не было сомнений и по поводу работы. Михаил Ильич твердо решил, что до полной реабилитации он на материк не вернется. Ведь помимо заключения суд приговорил его к пяти годам лишения гражданских прав. Он будет пока работать в Норильске, где его знают, ему доверяют. Он будет продолжать работать главным инженером шахты и добиваться реабилитации.

Вот и новый, 1945 год. Он обещает быть радостным для всего народа. Все говорит о приближении конца войны. Этот год станет и годом освобождения Михаила Ильича из заключения. Ведь 14 февраля 1945 г., с учетом двукратного снижения срока наказания особым совещанием МВД, он должен быть освобожден из заключения. Но выпустят ли из лагеря?

Левин решил сам поговорить с начальником комбината. В первый раз к генералу Панюкову попасть не удалось: он был занят. Во второй раз начальник комбината любезно принял Михаила Ильича и обещал ходатайствовать о его освобождении. Но сделает ли он это? И когда? Ведь над ним не каплет. Кроме того, Панюков очень осторожный человек. Станет ли он ходатайствовать об освобождении из лагеря до окончания войны такого «страшного нераскаявшегося врага»?

Левин всегда считал малодушием нервозность, нетерпеливость заключенных накануне освобождения. В душе он их прощал, хотя никогда этого не высказывал. Теперь он старался никому не показывать,

что сам нервничает, ночью часами не спит, в сотый раз прикидывая все шансы выйти на свободу. Спасали работа, шахта. С подземными работами, особенно разработкой мощных угольных пластов, шутить нельзя. Они требуют от руководителя отдачи всех сил. За малейшую небрежность они страшно мстят: авариями, несчастными случаями, массовыми бедствиями. И Михаил Ильич весь отдавался работе. Особенно он боялся неприятностей в шахте сейчас, накануне освобождения, когда малейший недосмотр мог свести на нет всю его многолетнюю работу.

Приближалась 27-я годовщина Красной Армии. Горняки взяли на себя обязательство к этому дню выполнить двухмесячный план проходки и добычи угля.

Кончился январь. До освобождения Левина осталось 14 дней. Молчит горное начальство. Ничего не сообщает Панюков. Возможно, ждут ответа из Москвы. Едва ли этот вопрос доверили решать самому Норильску. Приходилось ждать! Если 14 февраля не освободят из лагеря, значит, не видать свободы, по крайней мере до конца войны. Михаил Ильич думал, что он-то как-нибудь примирится с этим, а вот как семья отнесется к этому?

Вот и настал день 14 февраля. Все осталось по-прежнему: лагерь цепко держит своих узников! Михаил Ильич подвел в своем календаре жирную черту. Намеченный им день освобождения, так долго мерцавший впереди, как огонек, манящий уставшего путника, потух. Он так долго поддерживал его силы! На что дальше надеяться? Может, правду говорят старые лагерники, что политическим не дано увидеть воли? Михаил Ильич вспомнил надпись в камере следственной тюрьмы: «Оставь надежду всяк, сюда входящий!» О чем только не передумал Михаил Ильич бессонной ночью на 15 февраля... Она была тяжелейшей в жизни Левина. У него не было больше иллюзий и надежд. Были разочарования, одиночество, горе и тоска.

ИЗВЕЛАСЬ БЫ НЕУТЕШНАЯ...

*Извелась бы неутешная,
Было б время горевать,
Да пора стояла спешная.
Надо сорок дел кончать.*

Некрасов

Утром 15 февраля собственное положение уже не казалось Левину столь безысходным. Ведь не вызвали Михаила Ильича расписаться в продлении пребывания в лагере до конца войны. Может задержаться ответ из Москвы: ведь это Таймыр! Даже самолетами почта движется очень медленно. Надо взять себя в руки. Нет, еще не все пропало!

Жизнь и работа требовали своего, не оставляли времени на размышления и отчаяние. В 7 часов утра начинается наряд. Спал ты или нет, обязан провести его, проверить задания, данные начальниками участков. Вот уже пришел Римкович, первым оформивший наряд. Ему, как и Конину, нет дела до переживаний Михаила Ильича. Им и не следует показывать, что ты чем-то расстроен. Ведь у них своих бед достаточно. Недавно Конин рассказывал, что у него пропал шестнадцатилетний сын. Куда-то ушел от матери и больше не появлялся. И отцу кажется, что, будь он дома, не пропал бы его старший сын, радость и гордость семьи.

Вот пришел со своей расстановкой рабочей силы начальник вентиляции Арон. Левин старается вникнуть во все детали наряда. Постепенно это ему удается, и на задний план отходит все личное.

Из конторы Михаил Ильич шел к себе на квартиру переодеться, чтобы спуститься в шахту. На столе — заботливо подготовленный Настенькой завтрак. Она видела, что Левин долго не спал, чем-то очень обеспокоен, но ни о чем не спрашивала. Не принято в лагере расспрашивать человека о том, чего он сам говорить не хочет.

Быстро переодевшись, почти не притронувшись к еде, Михаил Ильич ушел в шахту. Надо пройти с полкилометра по поверхности. Еще темно. На ясном небе слабо мерцают яркие звезды. Тишина... Внезапно на небе зашевелилась огромная голубая пелена, осветившая все вокруг. Она непрерывно меняет свои очертания, как будто кто-то исполинской рукой медленно перебирает огромный занавес, сотканный из серебристо-голубых лучей. Снег, освещенный северным сиянием, окрашивается в зеленовато-голубой цвет. Блестит каждый его кристаллик, превращаясь в драгоценный голубой алмаз чистейшей воды. Это играет северное сияние.

Но вот и устье штольни. Люди уже разошлись по местам работ. Еще 30 минут ходу, и тишина сменилась беспрерывным стуком отбойных молотков, жужжанием электросверл, лязгом на стыках движущихся вагонеток. Шахта жила полной жизнью. Она готовила воинам, сражавшимся на фронтах Отечественной войны, подарок к 27-й годовщине Красной Армии — досрочное окончание двухмесячного плана добычи угля. Шахта была слаженным механизмом, а Левин был в нем одним из винтиков. Вот и встал винтик на свое место, и включился в общий ритм работы.

Весь день Михаил Ильич осматривал, хорошо ли заделаны замки крепи, достаточно ли глубоки прямки дверных окладов, крепка ли кровля в очистных забоях. Проверил рамы на уклоне. Здесь он особенно тщательно осмотрел последнюю раму. Ему показалось, что стойка ее недостаточно заглублена в почву. Он кайлом разгреб мелкий уголь и обнажил конец стойки. Все в порядке. Можно идти дальше. Только он отошел на два шага, как рухнула кровля над стойкой, упала рама. Несколько тонн породы завалили место, где он только что стоял. Чудо спасло Левина.

Видимо, сказались бессонная ночь, тяжелые переживания: проверяя раму, он недостаточно тща-

тельно осмотрел кровлю. Михаил Ильич продолжил обход, вошел в очистной забой. Тишина... В лаве нет людей. Казалось, ничего не предвещает опасности. Михаил Ильич устал и медленно шел вверх по лаве. Вдруг он за собой услышал слабый шорох, затем характерный шум падающей с большой высоты породы. Быстро обернувшись, он увидел, что в лаве началось обрушение. Инстинктивно он бросился к запасному выходу. Теперь предстояло пройти через выработанное пространство, чтобы кратчайшим путем выйти на поверхность. Это был его обычный маршрут. Но на этот раз за ним дважды обрушалась кровля. Казалось, сама смерть шла по его пятам. Сегодня он не должен идти через огромное необрушенное выработанное пространство. Не должен рисковать!

Лучше он вернется обратно безопасным путем. Но ведь это — малодушие, суеверие, недостойное коммуниста! Ведь столько лет он ходил по подземным работам, и никогда с ним ничего не случалось. Сама мысль об отступлении могла возникнуть в мозгу, расстроенном горем и бессонной ночью. Михаил Ильич благополучно вернулся на поверхность через выработанное пространство.

Как и намечалось, план работ был выполнен шахтой к 27-й годовщине Красной Армии. Первое место в трудовом соревновании занял участок, который возглавлял Римкович. Культурно-воспитательный отдел Норильлага выпустил специальный бюллетень с приветствием горнякам шахты № 12. В нем были отмечены лучшие люди коллектива. Была помещена небольшая статья Левина за его полной подписью. Впервые после ареста он увидел в печати свою подпись.

Жизнь входила в нормальную колею. Шахта работала ритмично. Михаил Ильич начал привыкать к мысли о задержке в лагере. Можно было бы вновь попытаться поговорить с начальником комбината, но едва ли в этом был какой-либо смысл. Если

бы он хотел или мог, то давно возбудил бы ходатайство о его освобождении. Если он этого до сего времени не сделал, то не сделает и дальше. Зачем же ходить и унижаться?

...Скончался помощник Михаила Ильича Полончук. Его разбил паралич. В полусознательном состоянии Полончука отвезли в больницу. Оттуда он уже не вышел. До последней минуты работал на шахте. Так и не дожил до лучших времен! И сколько уже погибло таких людей, прошедших чистилище 1937–1938 гг., не выдержавших условий лагеря Заполярья.

...Добыча угля на шахте быстро росла. Вводились в работу все новые горизонты, значительно расширялся фронт очистных работ. Все больше чувствовался недостаток рабочей силы. Надо было ее где-то доставать. Но где? Поток вольнонаемных на Таймыр почти прекратился.

Михаилу Ильичу предложили взять людей из штрафной лагкоманды Каларгона, от которых все другие лагпункты отказались. Начальник лагпункта горы Надежда настойчиво советовал не брать оттуда людей. Он утверждал, что работать они все равно не будут, только начнут разлагать других. Но выхода не было, и Левин поехал на Каларгон отбирать заключенных для работы на шахте.

В штрафном лагпункте в основном сидели бандиты, грабители, воры, растратчики. Михаил Ильич, отбирая людей, проверял их учетные карточки, беседовал с каждым. Брал на шахту физически здоровых, только тех, кто вел себя хорошо в штрафном изоляторе и изъявлял согласие работать на шахте.

Прибывшие с Каларгона понемногу втянулись в работу и в дальнейшем ничем не отличались от остальных. Но часть каларгонцев и не думала работать. Они начали отказываться от нее, а если и выходили на шахту, то ничего там не делали. А ведь откуда-то в зоне оцепления появился спирт. На производстве были замечены пьяные. Надо было немед-

ленно принимать экстренные меры. Рассчитывать на помощь лагерной администрации не приходилось. Не желая еще раз попасть на Каларгон, почувствовав на своей шее все его прелести, эти заключенные в лагпункте держались тише воды и ниже травы. Распоясывались они на производстве. Зона оцепления была большой, объектов охватывала много, было где разгуляться на воле, где украсть, кого-то ограбить и укрыться от постороннего взгляда. Попустительство по отношению к ним могло привести к разложению хороших бригад.

Михаил Ильич начал действовать. По актам об отказе работать на производстве, составленным шахтоуправлением, начали сажать заключенных в штрафной изолятор. Уклоняющихся от работы администрация шахты отказывалась принимать вновь. Они оставались в лагпункте. А этого не могла допустить уже администрация лагеря. Вот тут она и начала принимать против них свои решительные меры. Постепенно все каларгонцы, отлынивавшие от работы, прятавшиеся в зоне оцепления по укромным уголкам, терроризировавшие других заключенных, были выделены в самостоятельные конвойные бригады. Теперь им прятаться было невозможно. Они были изолированы, но не смирились. Однажды на утренний наряд в конце февраля 1945 г. в контору пришел один из бывших каларгонцев. Когда Левин остался один, он зашел в кабинет и подал Михаилу Ильичу большой самодельный финский нож.

— Этот нож мне сделали, чтобы убить вас. Передаю его вам. Будьте осторожны. Вы слишком натянули струну дисциплины. Вам не сносить головы.

— Благодарю за предупреждение. Угроз не боюсь.

Посетитель ушел. Прошло дней 20. Левин возвращался из города. Не доходя до конторы, он увидел что-то лежащее темной кучей на снегу. Подошел ближе и увидел тело человека. В его спине торчал всаженный по самую рукоятку длинный финский

нож, похожий на недавно подаренный ему. В убитом он легко узнал своего посетителя. Видно, в самом деле, в который раз за последний месяц вокруг Михаила Ильича по пятам ходила смерть!

16 марта 1945 года было обычным днем в жизни Левина. После утреннего наряда он, как всегда, отправился в шахту. Осмотр большей части забоев он оставил на следующий день — надо было успеть в контору к трем часам. На это время были вызваны начальники участков для обсуждения хода выполнения плана I квартала по добыче угля и проходке горных выработок к 21 марта — дню пятилетия закладки шахты № 12.

Ровно в три часа начальники участков начали докладывать о ходе работ. Примерно через час раздался звонок телефона. Михаил Ильич неохотно поднял трубку: он не любил, когда звонками отвлекали от работы. На проводе оказался начальник лагпункта. Он поздравил Михаила Ильича с освобождением из лагеря. Ему только что позвонили из управления Норильлага. Михаил Ильич поблагодарил за поздравление и продолжил вести заседание.

Не было той радости, с какой обычно заключенный покидает стены тюрьмы. Слишком долго пришлось ждать этой минуты... Слишком много было пережито... Не осталось на душе ничего, кроме пустоты и безразличия.

Только спустя некоторое время Михаил Ильич Левин пришел в себя, почувствовал все значение официального освобождения, всю радость победы над злыми обстоятельствами жизни, всю прелесть окружающего мира.

Москва, 15.04. 1981 г.

Руки над городом. Петр Белов

Нелли Львовна Леринман-Симонова

Нелли Леринман:

*«Отцу предъявили шаблонный
по тому времени перечень
нелепых обвинений».*

Строительство БОФ, 1947 г.

Моего отца — Льва Михайловича Леринмана «взяли» летом 1937 г., предъявив шаблонный по тому времени перечень нелепых обвинений: пособничество троцкистам; шпионаж; диверсия — по статье 58 УК.

В то время отец работал начальником экспериментального цеха завода сельхозмашин им. Коминтерна в г. Херсоне, на Украине. Вместе с ним по тем же статьям арестовали все руководство завода, начиная с директора и секретаря парторганизации до начальников цехов, — 15 человек.

Методы давления на арестованных применялись самые изощренные. Из них выбивали признание несуществующей вины изуверскими пытками. 14 были расстреляны, и только отец спас себя, отказавшись от подписи.

Он был переправлен в областной центр, где его через полтора месяца скорый суд — «тройка» через 5 минут присудила приговор — 15 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

И вот товарный вагон из солнечной Украины везет его по необъятной нашей стране — Орловский централ, Владимирский централ, пересыльные пункты, по этапу в Сибирь, на Север, на еле заметную точку на карте — Норильск. Моя мама так и не сумела с ним проститься перед отправкой его из Николаева, простояв на пронизывающем февральском ветру на привокзальной платформе. Но записка отца все же какими-то путями дошла до нее с адресом Орловской тюрьмы, куда его направили, и его номером. Впоследствии благодаря этой записке мама смогла отыскать следы мужа, послать теплые вещи, а также от его имени отправлять жалобы на имя Берии и Сталина. Жалобы посылала через мужа своей подруги, Ю. Козлова, работника КГБ г. Одессы, который, рискуя жизнью, переправлял их куда следует.

Наконец в 1939 г. от отца пришло письмо из никому неведомого Норильска Красноярского края. Для моей матери, жившей безвыездно на юге Украины, это место казалось Северным полюсом. Но отец был жив — и это главное. Много позже мама узнала, какими мытарствами по тюрьмам и этапам была полна его жизнь, как он летом 1939 г. вступил на дудинскую землю, куда был доставлен в трюме теплохода «Спартак». Затем пеший переход через болотистую, комариновую тундру, через Норильские горы в крошечный поселок того времени Норильск.

Началась редкая переписка и редкая отправка ему посылок с консервами и теплыми вещами, которые собирала большая мамина родня. Ведь маму в течение долгого времени не принимали на работу как жену врага народа. При единственном свидании в Херсонской тюрьме папа успел шепнуть: «...бери ребенка. Бросай все и немедленно уезжай к маме». Мама выполнила это, возможно, потому ее не арестовали, а меня не сдали в детский дом, как стало со многими семьями арестованных.

Нас долгое время содержали бабушка, зарабатывающая шитьем, и мамин брат. Сначала мама боялась устраиваться на работу, а потом ее не принимали как жену врага народа, и только перед войной она смогла устроиться бухгалтером в жэк.

Мы эвакуировались в самом начале войны с механическим заводом, на котором работал мамин брат. Ехали в товарных вагонах уже под бомбежкой, добирались до места долго, сначала под Сталинград, в пос. Сарепта, где оборудование завода поставили под открытым небом, затем в Татарию, в пос. Затон, где нам суждено было пережить самое тяжелое военное время и узнать счастливую весть об освобождении отца.

Дошли ли какими-то путями письма и жалобы отца и мамы до всемогущего Берии или он попал под амнистию военного времени, когда освобождали специалистов, но только дело отца было пересмотрено,

а в апреле 1942 г. прекращено «за отсутствием состава преступления». Так гласит справка Главной военной прокуратуры на желтоватой хрупкой бумаге военного образца, но получил папа эту справку только спустя год вместе с освобождением, проведя в лагерях пять лет.

Шла война — отец работал на строительстве обогатительной фабрики. Он разыскал нас и вызвал в Норильск. С огромными трудностями в одном из военных эшелонов с ранеными мы прибыли из Татарии в Красноярск, а с началом навигации в июне 1943 г. пароходом «Спартак» плыли до Дудинки, затем по узкоколейке, которая к тому времени уже была построена, добрались до Норильска.

Не знали мы тогда, что четыре года назад вместе с другими заключенными в трюме этого же теплохода находился мой отец на грани смерти после голода и жажды от подгнившей картошки и ржавой селедки, которыми всю дорогу кормили заключенных.

Но все же он выжил и уцелел.

Теперь, когда мы плыли к Дудинке, в трюме этого теплохода везли крымских татар. В моей памяти осталась ночь, когда мы проснулись от шума и крика, что-то происходило за бортом. Пароход стоял на якоре далеко от берега, людей грузили в лодки, их имущество бросали вслед, что-то падало в воду, стоял крик женщин, плач детей и ругательства мужчин на чужом языке. Как выяснилось утром, семьи крымских татар высадили в лодки и отвезли в тайгу на поселение, недалеко от Енисейска.

В Норильск мы приплыли в летний яркий день, солнце светило и ночью.

Тогда в Норильске существовало несколько улиц в промышленной зоне — Озерная, Черная, Заводская и длинная Октябрьская улица, тянувшаяся от промзоны через так называемый Соцгород, через дамбу к новому району — Горстрою, который только начал строиться. Там существовал совхоз, к нему примы-

кало несколько двухэтажных домов с минимальными удобствами, с печным отоплением, и был построен единственный высокий шестиэтажный дом с удобствами, на Октябрьской площади, с аркой и магазином на первом этаже. Дом был на сваях.

В Норильске я пошла в школу, сначала в Соцгороде, школа № 2, директором была у нас Наталья Ивановна Царева — крупная, величественная женщина, которую мы побаивались. В школу нас, детей, возил «черный воронок» — крытая брезентом машина собирала нас вдоль Октябрьской улицы, а если была пурга или непогода, объявлялись активировки, довольно частые в то время.

Затем была первая школа в новом тогда здании, казавшаяся нам дворцом. Директором ее стал Борис Данилович Сухомлинов, прекрасно преподававший химию. Его мы любили и чтили безмерно. Помню и наших учителей. Со многими мы встречались годы спустя на наших встречах, происходивших далеко от Норильска, в Москве. Это наш классный руководитель Лидия Васильевна Бузунова — литератор, строгая Александра Дмитриевна Илюшина — математик, Нина Ивановна Голубцова — английский язык, Ольга Яковлевна Шадрина — завуч, Доня Александровна Волох — химик, Евдокия Ивановна Мухина — историк. Из Киева приезжала Августа Александровна Федотова — физик. На этих встречах всех нас объединяла наша общность и принадлежность к Норильску.

Из моего норильского детства помню замечательных умных людей.

Борис Семенович Медведевский, бывший узник Норильлага, а до 1936 г. — полковник Красной Армии. Он был отцом моих закадычных подружек Тани и Наташи. После освобождения он преподавал в Норильском техникуме, и я была свидетелем, как его обожали студенты. Это был человек разнообразных знаний, прекрасный педагог, он и нам, детям, которые бывали в их доме, привил много хорошего, мне — тягу к стихам. Он рано ушел из жизни. Его соседкой

по коммунальной квартире была Е. Драбкина — автор воспоминаний о Ленине, друг семьи Ульяновых, что не помешало упечь ее в лагеря на долгие годы.

К нашему приезду в Норильск отец получил квартиру в двухэтажном доме по улице Октябрьской, 24. Это был первый дом из крупных керамзитобетонных блоков, изготовленных на месте. Квартира была со всеми удобствами, и, хотя углы в ней промерзали, мы были счастливы: после наших мытарств эвакуационных, скитаний по чужим углам, мы снова были вместе с моим любимым папой. С нами приехали бабушка и брат мамы, который пошел работать на механический завод. В Норильске в то время было не очень-то сытно, но вскоре мы начали получать по ленд-лизу американскую гуманитарную помощь — нам казались вкуснейшими яствами консервированное мясо, сосиски, овощи в больших банках.

Знаю, что, еще заключенным, отец работал на инженерных должностях, а затем и на руководящих при строительстве предприятий комбината. На них с полной отдачей сил, умения и здоровья отец трудился долгих 33 года. Он был начальником конторы «Стальмехмонтаж», затем «Стальконструкция», несколько лет руководил цехом крупного дробления БОФ, был начальником комплекса строительства «Талнах», за который получил почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР», руководил строительством газопровода Мессояха—Норильск.

О его работоспособности и энергичности ходили легенды. Отец отличался отзывчивостью и необыкновенной добротой. Несмотря на свою нелегкую жизнь, он сохранил доверчивость и открытость характера. Я хорошо помню, когда начали освобождать из заключения папиных бывших «коллег» по политической 58-й статье, они приходили к нам. Мои хлебосольные бабушка и мама, всегда кормили их и в те тяжелые времена из ничего умели приготовить что-то вкусное. Отъезжавших на материк оставляли на ночлег в нашей тесноватой двухкомнатной кварти-

ре, где жили четверо взрослых и двое детей, снабжали одеждой, продуктами.

Отец покинул Норильск в возрасте 65 лет после инфаркта в 1972 г. по совету врачей. На прощальном вечере ему было сказано много теплых, прочувствованных слов.

Помню, Ю. Латышев сказал: «Все, что сделано из железа и стали, прошло через руки Леринмана».

Главный инженер управления строительства А. Зайдель отметил: «Везде, где было трудно, когда нужно было совершить почти невозможное, на прорыв мы посылали Леринмана. Строительство норильской ТЭЦ-1, обогатительной фабрики, цехов никелевого завода, строительство Талнаха и его первых рудников, газопровода Мессояха—Норильск — везде его труд, энергия, ум и душа». Думаю, лучше не скажешь. Отец был награжден орденом «Знак Почета», пятью медалями, получил почетное звание заслуженного строителя республики. При этом оставался скромнейшим в быту человеком, чуждым всякой корысти и бахвальства.

После Норильска он еще пять лет работал заместителем управляющего трестом «Вологдапромстрой». Свое 70-летие он встретил в г. Калинин (ныне Тверь), где открыл скорбный список «старых норильчан» в 1976 г.

Норильск всегда оставался притягательным для людей, несмотря на тяжелые условия жизни.

После окончания Ленинградского экономического института в 1958 г. я также 22 года проработала на комбинате в должностях экономиста, старшего экономиста и начальника планового отдела в строительстве. Почти все молодые годы прошли в Норильске. Вспоминается чаще хорошее, особенно совместная работа и общение с людьми, с кем сталкивали жизнь и труд. Я приехала работать на комбинат почти одновременно с новым молодым пополнением «комсомольского призыва», которое отличалось

энергией, верой в лучшее. Ведь это была пора оттепели, начало новой жизни в Норильске, свободной от лагерей, охранников, особой закрытости зоны. Для меня Норильск моего детства закончился с окончанием школы. После смерти Сталина Норильск 1958 г. был узнаваемым, но уже новым городом по духу, с другой, более открытой жизнью. Нас объединяли единые интересы, похожие заботы.

Дружили семьями, часто общались вне работы. Вначале нас называли молодыми специалистами, почти все жили в общежитии ИТР, затем все выросли до ведущих специалистов, руководителей производств и предприятий.

Хочу назвать моих друзей — Лена Лопухинская и Ю. Серпионов — позже директор обогатительной фабрики № 2, Г. Гуревич — начальник цеха КИП и его милейшая жена Саша Соломатина (ныне нет в живых), Галина и Александр Ушаковы, руководитель проекта проектного института А. Зайчик — также ГИП проектного института и его очаровательная жена Ева, школьные соученики И. Вакарева, Т. Мур-

*Встреча бывших норильских школьников, выпуск 1953 г.
Москва, Лужники, 1980 г.*

зина, Гершуновы, а также друзья по работе Вальтераны, Карбаевы, З. Семенова, с которой много лет дружили, а в последние годы много времени отдавали работе в экскурсбюро, когда Норильск стал туристическим городом (кто об этом мог подумать в 1940–1950 гг.?). В эти годы я увлеклась работой в архиве комбината по сбору материалов о прошлом Норильска, архивариус был интереснейший старичок, ленинградец, его фамилия была Ратнер, имя Владимир, отчество не помню, на курсах у нас преподавал краевед-историк, эрудит, милый человек Арсений Иванович Башкиров.

*Н.Л. Леринман-Симонова
и Л.П. Замятина. Тверь, 1998 г.*

Н.Л. Леринман в штате Флорида (США)

Если в старом Норильске любимым увлечением у нас был стадион, каток, то в дни моей последующей жизни в Норильске были лыжные и пешие походы по тундре, которая дарила нам столько радости и запас жизненных сил.

В последние годы жизни в Норильске часто бывала в доме Анисимовых — Леонида Ивановича и Ангелины Ивановны — совершенно замечательных, далеко немолодых людей — друзей еще моих родителей, еще долгое время остававшихся в Норильске. У них собирались удивительно интересные люди всех возрастов и поколений. Мы отмечали семейные, советские праздники, а так как Ангелина Ивановна была еще и верующим человеком, то и церковные праздники. Пили мало, но пели, читали стихи... Всем в этом доме было хорошо и весело, мы обсуждали вопросы политики, книги и фильмы... Таким мне запомнился Норильск.

*Гунар Робертович Кродерс и Римма Александровна Красавина.
1981 г.*

Римма Красавина:

*«Мы встретились с Туна-
ром в концертном зале и не
расставались до последнего
дня его жизни».*

В редакции газеты «Горняк». 1978 г.

*Редактор газеты «Горняк» Г.Р. Кродерс
с журналистским коллективом.
Справа от редактора Галия Абязова*

О Норильске я слышала от старшей сестры Алевтины. Летом 1956 г. она уехала из Ленинграда на Крайний Север. В 1960-м я прилетела к ней в гости. И попала, что называется, с корабля на бал: летом этого года комбинат отмечал 25-летие. Тогда я и думать не могла, что дальнейшие юбилеи буду отмечать не как сторонний человек, а как работник комбината.

Норильск поразил солнечными ночами и зверскими комарами. Но главное — сердечными отзывчивыми людьми. Знала: здесь был Норильлаг. Муж сестры, Борис Николаев, попавший в 1941 г. в плен, оказался на Севере не по своей воле. Здесь они создали семью, он — бывший зэк, она — комсомолец-доброволец. Такие браки были не редкостью в Норильске.

Осенью 1964 г. я решила радикально изменить свою жизнь: уехала жить и работать к сестре. Тогда Норильск был совсем небольшим, казалось, все друг друга знают. Очень ощущалась романтика новостройки — строился Талнах. В те далекие 60-е годы среди норильчан было много бывших заключенных и сосланных, но говорить об этом или о прошлом города-лагеря было не принято. Однако в ходу была легендарная лирика, песни, которые сейчас поют в телепередаче «В нашу гавань заходили корабли».

Многое о прошлом Норильска, о судьбах живших здесь людей я узнала из рассказов Ю.В. Мурахтанова. Меня познакомила с ним Галия Абязова, в то время корреспондент газеты «Горняк». Юрий Васильевич попал в Норильлаг в 1936 г.: высказался о советской действительности. В годы моего с ним знакомства он работал замом начальника ОТК комбината. В его холостяцкой квартире собиралась молодежь — слушали песни Высоцкого, Окуджавы, говорили «за жизнь».

От Галии же я услышала и о Гунаре Кродерсе, который после закрытия газеты «Огни Талнаха» перешел в «Горняк». Галия говорила о нем как об очень интересном человеке, истинном интеллигенте. К этому времени Гунар Робертович похоронил свою первую жену Аню, замечательного человека и талантливую учительницу, развелся со второй. Результат: трое детей, небольшая корреспондентская зарплата и неустроенный быт. Мне так захотелось помочь этому человеку!

И вот счастливое стечение обстоятельств: летом 1972 г. в Норильск с концертами приехал Игорь Ойстрах, на одном из них меня познакомили с Кродерсом. Мы встретились с Гунаром в концертном зале и не расставались до последнего дня его жизни.

Семья Кродерса стала моей семьей. У его старшей дочери Татьяны уже была своя семья и первенец — дочь Оля. Сын Олег только что отслужил в армии и какое-то время жил с нами, младшей дочери Ире было только девять лет. Мы жили в Талнахе, недалеко от клуба «Юность» в тесной двухкомнатной «хрущевке». Одну стену большой комнаты занимал самодельный стеллаж для книг и пластинок. Мебель — случайная. Гунар работал за расшатанным обеденным столом, и я еле уговорила его купить письменный.

Муж был удивительно неприхотлив в быту. Единственно, что он признавал только хорошего качества, были перчатки и галстуки. Даже стеллаж, который украшал книгами и пластинками нашу талнахскую квартиру, был привезен из Дудинки, где Гунар работал на радио. Когда, позднее, мы переехали в Норильск и купили нормальную мебель, старый стеллаж по мере прирастания книг и пластинок также самодельно удлиняли и наращивали в высоту.

О своих мытарствах по Северу Гунар мне рассказывал почти сразу. Было очень больно и обидно за его исковерканную судьбу. Думала: может, в нем погиб талантливый художник, ведь еще в детстве преподаватели изостудии прочили мальчику большое будущее.

Первая руда «Комсомольского». Г. Кродерс и В. Рязанов

*На юбилейном вечере в честь 65-летия Г.Р. Кродерса (справа).
В центре режиссер Заполярного драмтеатра А.М. Зыков,
слева актер С. Игольников*

Меня удивило, что несчастья, свалившиеся на Гунара, не озлобили его. Несмотря на унижения и голодную юность, он полюбил суровый северный край, его неповторимую природу. Не случаен интерес Кродерса к творческой жизни художника-долганина Б. Молчанова, нганасанского графика Мотумяку Турдагина, дудинскому ансамблю «Хейро», норильскому «Бускан». При каждом удобном случае Гунар напоминал норильчанам, что мы гости коренных народов Таймыра, а ведем себя как захватчики, не заботясь о будущем края.

Мне кажется, девизом жизни Гунара были слова Достоевского «Красота спасет мир», только под красотой он понимал прежде всего красоту души. Его любимой темой газетных публикаций, бесед на радио было творчество художников, музыкантов, актеров. Если собрать все материалы Гунара Кродерса на темы искусства во всех средствах массовой информации, это будет своеобразной историей культурной жизни Таймыра нескольких десятилетий.

Гунар не пропустил ни одного спектакля Заполярного драматического театра. Как собственную неудачу переживал «средненькие» спектакли, чувствовал себя виноватым в полупустом зале на концертах приезжих или норильских музыкантов.

Может быть, кто-то подумал, что преданность Гунара Таймыру вытеснила его любовь к Латвии. Нет, он никогда не забывал о своей Родине, ловил каждую информацию о ней. Но тогда почему же он не уехал в Ригу, где был его дом? Вот как сам Гунар Кродерс ответил на этот вопрос корреспонденту радио в сентябре 1997 г.:

— А почему, вы думаете, Вадим Козин не вернулся в свой Петербург, а остался в Магадане недалеко от Колымы — места своей «отсидки»? От обиды? Нет, конечно. Да, я скучаю по Латвии, не без этого, но без Норильска не смог бы, понимаете? Норильск нужен мне и я — простите за нескромность —

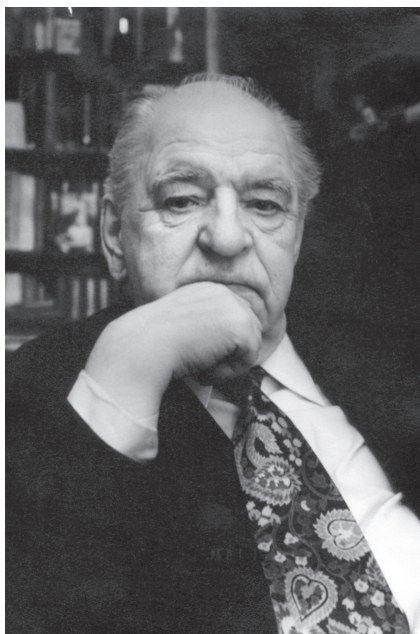
Г.Р. Кродерс с женой Р.А. Красиной. 1996 г.

Норильску. Пока еще есть силы, буду писать! Потом — дочка, две внучки, две правнучки. Скоро еще правнучка — так утверждают врачи — появится на свет. Как же их оставить?

Гунар не представлял себя пенсионером, сидящим на скамейке в парке. Хотел быть нужным. Людям, городу Норильску.

Гунар Робертович Кродерс умер в 1999 г. и похоронен в Норильске. До последнего дня он писал о культурных событиях в городе...

Гунар Робертович Кродерс

Гунар Кродерс:

«...комендант, прибывший на очередную регистрацию, торжественно сообщил, что срок нашей высылки — двадцать лет».

Гунар Кродерс. 1939 г.

*«...Нет, все бывлые недомолвки
Домолвить нынче долг велит».*

Из поэмы А. Твардовского «По праву памяти»

ПОЮЩИЙ ЭШЕЛОН (ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Давно уже я перестал мысленно возвращаться к тем далеким событиям — было, да быльем поросло. Но вот легла на стол «Правда» от 16 июня 1988 г. На второй полосе — небольшая заметка. «Стремление восстановить историческую справедливость, вернуть добрую память невинно пострадавшим в годы культа личности Сталина, поддержать курс партии на перестройку привело на площадь одного из парков Риги тысячи ее жителей, людей, прибывших из различных районов Латвии. Среди пришедших на митинг немало тех, кто вынес на себе тяготы массовых репрессий 14 июня 1941 года...».

Заметка всколыхнула воспоминания, лежащие на самом дне сознания. И первым на экран памяти всплыл Янов день.

Силюсь хоть теперь, спустя сорок семь лет, снова представить этот жутко торжественный, сквозь слезы ликующий тысячеголосый хор. Хор людей, отринутых своей родиной. Это теперь говорят о них как о подвергнутых «необоснованным массовым репрессиям». Тогда же они были просто спецпереселенцами, лишенными не только паспорта, права на передвижение, но и права смотреть в глаза своим согражданам, не потупив взгляда. Куда б их ни привозили, местным жителям непременно внушали: «Это те, из-за которых война началась».

Читателю, особенно молодому, наверное, не понять, какое это ужасное состояние — быть уверенным в абсолютной своей невинности и в то же время холодеть под людскими взорами от ощущения насильственно навязанной тебе вины.

«Эстрадой» для этого тысячеголосого хора был... эшелон — свыше тридцати «телячьих» вагонов, предусмотрительно оборудованных дощатыми нарами в два этажа. В каждой теплушке по тридцать—сорок женщин, стариков, детей. Взрослых мужчин было мало — их после ареста сразу же загнали в отдельные эшелоны.

Сгорбившиеся, кое-как разместившиеся на неструганых досках, а то и прямо на полу, оцепеневшие от внезапно обрушившегося горя, люди впервые за неделю, проведенную в пути, будто проснулись, ощутили свою общность. А началось с того, что кто-то вспомнил: «Сегодня ведь, товарищи, Янов день!»

У латышей это светлый, радостный праздник, во многом похожий на день Яна Купалы в Белоруссии. По всей стране разжигаются костры, украшаются цветами ворота. Увенчанные пышными венками из дубовых листьев, васильков и ромашек, люди выходят из своих домов, чтобы веселиться, танцевать, побаловаться медком и, конечно, спеть всем вместе. Влюбленные этой ночью до утра бродят по лесу, разыскивая папоротник, который согласно народному поверью расцветает только раз в году — в Янову ночь. «Лиго, лиго!» — летит с холма на холм, то поднимаясь ввысь, то затихая вдали. В эти чудесные ночи моего детства, казалось, даже рожи и леса, затаив дыхание, слушали, как поет народ...

...Поначалу робко, а потом все смелее, дерзостнее раздаются женские голоса в соседнем вагоне: «Я весь год копила песни, лиго, лиго! Праздник Яна поджидала, лиго!» Спустя мгновение подхватывают в других «телятниках»: «Через год приходит Янис, лиго, лиго!..» Вскоре могучее, гимновое «лиго» вырвалось из зарешеченных оконцев уже всех теплушек. В одну ночь лишившись всего, что имели, — родных, друзей, дом, работу и родину, измотанные вспыхнувшей по всему эшелону дизентерией, полуослепшие от царившего в вагонах мрака, эти, казалось бы, беспо-

воротом сломленные люди вдруг запели с такой силой, с таким «безумством храбрых», что остановить их было невозможно. Охрана растерялась. Не имея инструкций, как поступать, если конвоируемые без команды начинают петь, солдаты то угрожающе кричали в оконца, то стучали прикладами в двери. Но чем усерднее работали прикладами конвоиры, тем громче звучала песня:

Янов день, священный день, лиго, лиго!
На другие не похожий, лиго!
Сын небесный в Янов день, лиго, лиго!
Обласкает дочку солнца, лиго!..

Под мрачный, будто удары судьбы, аккомпанемент грохота стальных колес, железного лязга «телятников» песня вместе с эшелонам удалялась все дальше и дальше от Латвии, от песчаных берегов янтарного моря, снова увидеть которое большей половине высланных, увы, не было суждено. Для тех, кто не выдержал, это было последнее «лиго».

Янов день (в 1988 году, к слову сказать, он снова стал санкционированным республиканским правительством праздником) застал эшелон как раз на полпути от Риги до Канска, куда он следовал. За день до этого началась Великая Отечественная. Но мы об этом не знали.

Как все-таки хрупка, как непрочна человеческая судьба в эпохи исторических водоворотов! Не какие-то социальные группы или сословия — целые народы изгонялись из родных мест, в вагонах для скота отправляли их в безводные степи Средней Азии, в оставшиеся без мужских рук деревни Восточной Сибири, в промерзшую насквозь тундру Заполярья. «Во имя добра, столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства, — напишет через двадцать лет В. Гроссман в «Жизни и судьбе», — уничтожались люди. Идея была прекрасна и велика, но она беспощадно убивала одних, исковеркала жизнь другим. Она отрывала жен от мужей, детей от отцов».

ЭТО НАЧИНАЛОСЬ ТАК

Вечером 14 июня Рига буквально кишела слухами.

— Неужели не слышали? НКВД сегодня забирает автотранспорт у всех предприятий. Богатый, значит, будет ночью улов!..

— Ожидаются массовые аресты. Мас-со-вые, понимаете?..

— Вы не заметили, как переполнены после работы все электрички? Похоже, в городе никто не собирается ночевать...

Мы с Ольгертом, моим старшим братом, студентом исторического факультета Латвийского университета, были очень молоды и по-глупому оптимистичны. Поэтому значения молве не придали — мало ли чего говорят! В то тревожное время, когда ежедневно кто-то бесследно исчезал, к слухам притерпелись. К страху ведь тоже привыкают.

После премьеры в оперном театре, как обычно, подались в кафе, чтобы поделиться мнениями об увиденном, за чашкой кофе поспорить о спектакле. Но тут произошло такое, чего раньше никогда не случалось: за нами приехала мать.

— Отец говорит, что ожидается очень тревожная ночь, — извинившись перед товарищами, обратилась она к нам. — Папа просит вас, мальчики, не задерживаться...

Не без сожаления, но мы подчинились. Кто знает, как бы в дальнейшем сложилась наша жизнь, если бы мы, как это летом обычно бывало, вернулись домой в часа два ночи...

Нас разбудил властный продолжительный звонок в дверь. В коридоре раздались мужские голоса, потом послышался плач матери. Затем события развернулись так: я, опешивший, ничего не понимающий, хожу из одной комнаты в другую; мама, упав в кровать, рыдает: «За что? Ну, скажите, пожалуйста, за что?»; отец, когда один из троих сотрудников ведомства Берии спросил, имеет ли он оружие, подни-

мает ручку с пером и каким-то жутким спокойным голосом произносит: «Вот мое оружие — единственное!» — и тут же сосредоточенно, даже педантично начинает укладывать в портфель свои рукописи. Отец не предполагал тогда, что больше они ему не понадобятся.

Единственный, кто разумно, в соответствии с обстановкой действует, — Ольгерт. Вместе с молодым, одетым в кожаную куртку энкавэdistом он деловито кидает в чемоданы какие-то вещи. Официально нам объявляют, что просто вывозят за пределы Риги, в деревню. И все. В коридоре хмуро прохаживается скуластый красноармеец с винтовкой наперевес.

Утро выдалось пасмурным. Окутанная густым, промозглым туманом площадь товарной станции Торнькалнс запружена людьми. Отцов уже нет с нами. Чинно прохаживаются среди узелков, чемоданов, плачущих женщин и ребятишек хмурые энкавэdistы. На железнодорожных путях — длинные составы товарных вагонов. То здесь, то там звучат отрывистые команды: «По вагонам! Живей, в такую-то мать!»

Задвигаются двери «телятника». Становится темно, словно в преисподней. В полу проделано небольшое отверстие. Завешиваем его со всех сторон простынями, и визуальной туалетной проблема решена.

Мы, молодые да глупые, быстро перезнакомились, даже кое-какие парочки образовались прямо на глазах у родителей. И целоваться не страшно в вагонном полумраке — все равно маме не видно. Но дальнейшего развития возникшие в вагонах амурные вспышки не получили: голод да лютые сибирские

Гунар Кродерс. 1940 г.

морозы первой военной зимы быстро затушили эти зародыши безотчетной юношеской любви...

Представители старшего поколения, не в пример нам, сидели, погружившись в невеселые думы, лишившись не только интереса к жизни, но и желания жить. Они, наши мамы и бабушки, были людьми горького опыта — прошедшие через испытания первой мировой, а потом и гражданской войны, наслышанные о массовых расстрелах в 1937–1938 гг. оставшихся в России латышских большевиков, коммиссаров, красных стрелков.

Кстати, в 1937 г. расстреляли и нашего деда, работавшего в Москве, бывшего сельского учителя. За участие в революции 1905 г. он был приговорен к смертной казни. Какой чудовищный парадокс: приговор, вынесенный деду царским судом, привели в исполнение опричники сталинской инквизиции! Только после XX партийного съезда в энциклопедии, изданной в Латвии, появилась фотография Яниса Арвидовича Кродерса, посмертно реабилитированного участника революционного движения. Лишь в Янов день наши матери и бабушки воспрянули духом и даже распелись. Но уже через сутки, кутаясь в одеяла и платки, они снова погрузились в состояние тоскливой безысходности. Самое большое потрясение для них было впереди.

То, что произошло 24 июня, через сутки после Янова дня, забыть невозможно.

А произошло вот что. В результате какого-то конечно же фантастического совпадения в развилке железнодорожных путей остановились друг против друга два вагона: наш и теплушка, в которой были заключены наши отцы. Кто-то узнал, крикнул, и женщины вскочили, засуетились, подбежали к зарешеченным окошкам. Обмороки, плач, стоны. Окона-то крошечные, их всего два, а в вагоне — человек под сорок. И всем хотелось хотя бы одним взглядом, хоть на мгновение повидать своих.

— Как ты там? Не болеешь? Милый, что же с нами будет?..

— Держись, дорогая. Береги детей. Мы еще будем все вместе — вот увидишь!..

— Слышите нас, женушки милые? Не падайте духом, ведь это недоразумение, все выяснится, и мы вернемся...

— Доченька, Илга, где ты?..

Женщины кричали навзрыд. Мужчины пытались их успокоить, приободрить. Но улыбки не получалось — они больше походили на судороги, на трагические маски. Теперь мне трудно сказать, сколько минут это длилось — пять или пятнадцать. Помню лишь, что до самого утра не могли вывести из жуткого припадка истерики Мару, жену молодого художника. Спустя несколько месяцев, уже в Сибири, Мара родила мертвого мальчика. По всему вагону собирали таблетки для тех, кто был на грани сердечного приступа. Отпаивали мутной водой из ржавого ведра. Утешали, как умели, перепуганных материнскими слезами малышей...

Нашу маму успокаивать не надо было — в один миг постаревшая лет на десять, неестественно расширенными глазами она глядела в одну точку. Мать, по-моему, чувствовала, предугадывала все, что потом с ней случится.

Эшелон с отцами следовал в направлении Урала — туда, где отбывали сроки политические заключенные. Об этом мы узнали уже потом, когда стали получать письма от тех, кто уцелел.

Такой вот осталась в памяти последняя встреча нашей матери с отцом. Больше они не виделись.

Уже пятнадцатый день в дороге. Сухари, стакан кипяченой воды, иногда тарелка теплой похлебки — такая непривычная пища вызывала всевозможные желудочные аномалии. Медицинской помощи в эшелоне, разумеется, никакой. Изредка спецпереселенцев выпускали из вагонов подышать воз-

духом, это были минуты бурного общения, обмена информацией. От рижан из других вагонов узнали, например, что в соседнем «телятнике» минувшей ночью от жутких болей в желудке скончалась Дзидра, сестренка моего школьного товарища Эгила. И о том, что у молодой супруги известного архитектора Лапина на глазах у всего вагона родился мальчик. О том, что два парня во время прогулки исчезли в лесу и обратно в эшелон не вернулись. Рассказывали, что по злой иронии судьбы в одной теплушке едут в Сибирь и холеная жена богача Алксныса, владельца шести фешенебельных доходных домов, и неимущая семья дворника, состоявшего на службе у Алксныса. И о том шла молва, что в эшелоне оказались люди с партийными билетами, безрезультатно требующие объяснения у начальника конвоя...

Много говорили о начавшейся войне, хотя толком никто ничего не знал.

Выяснилось: не только наша семья — все, буквально все, ставшие 14 июня спецпереселенцами, слышали и знали о предстоящих ночью массовых арестах. Да и как было не знать, если еще днем в распоряжение Госбезопасности вместе с водителями передавались сотни, тысячи автомашин? Этого не скроешь даже при идеальной конспирации. И случился исторический, поистине трагикомический парадокс: оказались высланными из Латвии четырнадцать с половиной тысяч человек (эта цифра сегодня подтверждена официально), абсолютно уверенных в своей непричастности к каким-либо антигосударственным делам, а посему даже не помышлявших, чтобы провести эту ночь у знакомых или в деревне. Из тех же, кто считал свою репутацию запятнанной, дома не ночевал никто. И все они остались в Латвии — ведь на каждый жилой квартал была спущена своя разнарядка, кого забирать.

Первого июля эшелон специального назначения прибыл в Канск.

А ПРОШЛОЕ КАЖЕТСЯ СНОМ

В Канске, в то время совсем маленьком городишке, нас высадили на товарной станции, а вагоны отправили на дезинфекцию. Тут же стали распределять по колхозам. Надежда на обещанное соединение с отцами лопнула, как мыльный пузырь.

Сбросившись по рублику, мы, пятеро парней, улучили минуту, чтобы купить в винном магазине четвертинку, «обмыть» прибытие на новое место. Распили ее в каком-то скверике, чуть повеселели. Когда вернулись к своим, надо было грузить вещи в подводы и отправляться в путь. Ночь прошагали за подводами, а к обеду следующего дня прибыли в деревню Харлово.

Большими группами подходили к нам колхозники. В разговоры с нами не вступали, а оглядывали со всех сторон, будто заморских диких. В отличие от старшего поколения наша молодежь порусски не понимала почти ни слова. Помню, когда я закурил последнюю рижскую папиросу, подошли парни. Улыбаются и говорят: «Оставь сорок!» Ничего не поняв, побежал к матери: что такое «сорок»? Мама объяснила, что это цифра, сорок единиц. Потом уже узнал, что «сорок» означает просьба, чтобы владелец папироски оставил покурить.

Относились в селе к спецпереселенцам по-разному. Седой, очень худой колхозный счетовод (фамилии его, к сожалению, не запомнил) не прямым текстом — в то время это было опасно, а какими-то намеками, недомолвками дал понять, что сочувствует нам. Оказывается, счетовод сам недавно находился в таком же положении... Быстро познакомился с нами Игорь, высокий парень с чубом вьющихся черных волос, студент-художник, приехавший в деревню на летние каникулы. Поскольку в Риге кроме гимназии я учился еще и в художественной студии и, следовательно, в искусстве кое-что понимал, вскоре с Игорем мы по-настоящему подружились. Объяснялись, правда, больше жестами. Однако не только от-

лично понимали друг друга, но и умудрялись даже спорить — о французских импрессионистах, русских передвижниках...

Навещая меня, Игорь почти каждый раз приносил какой-нибудь гостинец — ломоть ржаного хлеба, пару огурцов. Не думаю, что делал он это с ведома родителей, — жилось-то отнюдь не сытно в колхозе. Тогда поговаривали, будто колхозники в Харлове трудятся спустя рукава оттого, что много среди них раскулаченных. Теперь, с той высоты понимания истории, на какую подняла нас гласность, мне кажется, что работали неохотно потому, что на колхозе висели огромные недоимки по хлебосдаче. Люди знали: как бы хорошо ни работал, все равно по трудодням ничего не получишь. Лишь сердцем, всем нутром прочувствовав войну, опасность порабощения, нависшую над страной, полную зависимость своей личной судьбы от судьбы Родины, женщины стали вкладывать в работу все силы, всю вдовью ярость.

В общем, относились к нам сельчане не так уж плохо. Не очень-то поверили в побасенку коменданта, что из-за нас, спецпереселенцев, началась война. Наведываясь в жарко натопленные избы, мы с любопытством разглядывали огромные русские печи, на которых спали симпатичные голозадые ребятишки, деревянные люльки, горшки, ухваты, кадушки, глиняные крынки. Но заходили-то лишь для того, чтобы продать что-нибудь, выменять. Нам же сбывать, в сущности, было нечего — все, что при аресте Ольгерт набросал в чемоданы, застряло в машине вместе с отцом. Не оставалось ничего другого, как продавать последнее — то, что на нас. Мой «моднячий» пиджак из английской ткани, сшитый по случаю щедрого гонорара, полученного отцом за книгу о финской литературе, приобрел за полпуда пшеничной муки председатель колхоза Фомин — курносый, катастрофически малого роста мужичок. Когда он, нарядившись в полосатый, немыслимо длинный для

него пиджак, объезжал на велосипеде полеводческие станы, колхозники хохотали до упаду.

Но мы с Ольгертом выглядели еще смешнее. Я расхаживал в одежде, на скорую руку пошитой из старых скатертей и одеял, а Ольгерт, за неимением бритвы отпустивший длинную рыжую бороду, ходил на полевые работы в полосатом пляжном халате. На голове у него торчало что-то непонятное, переделанное из школьного портфеля, и отдаленно напоминающее шлем Александра Невского. Рядом со своей худалой кобылой (Ольгерт работал на извозе) напоминал он карикатуру на Дон-Кихота. Тюря — так, помнится, окрестили его колхозники. Наверное, не только из-за несуразного внешнего облика, но и из-за абсолютного неумения обращаться с лошадью.

Вместе с семьей профессора Фриденберга, бывшего министра народного просвещения, выделили нам пустующую избу с выбитыми стеклами и разобранной крышей. Отмыли грязь, выскребли плесень. Однако уюта, даже минимального, не получилось — ни стола, ни скамеек, не говоря уж о кроватях. С помощью нескольких мужчин, которых утром 14 июня, по-видимому, не успели из-за спешки «отсортировать» от жен и детей, кое-как обустроились. Из тонких березовых жердей соорудили столик, сиденья, топчаны.

Вместе с мамой ходили на обработку урожая. Насыпали очищенную пшеницу в мешки, которые под строгим надзором потом отправлялись в Канск. С бригадиром и кладовщиком мы с Ольгертом объяснялись в основном с помощью жестов: если нужен, скажем, топор, имитировали движения лесоруба, если пила — водили руками, будто распиливаем дрова. Смеялись, конечно, над нами сельчане, но что было делать?

Кормили на полевом стане болтушкой из крупы, которую колхозники разбавляли прихваченным из дома молоком. Получали небольшой паек хлеба, вы-

пекаемого из смеси гороховой и овсяной муки. Конечно, если по справедливости, то мы, полные профаны и неумехи, не заслуживали даже этой малости...

С наступлением осенних заморозков обрушился на нас комплекс неразрешимых, в сущности, житейских проблем. Чем топить печку? Никакого инструмента, чтобы срубить да напилить дровишек. В чем ходить на работу? Ни зимней одежды, ни обуви. Ведь мы верили, что нас отправляют на недолгое время в латвийскую деревню, так что теплые вещи не брали. И, наконец, самый главный вопрос: чем питаться? Всякие мелочи, пригодные для «товарообмена» — отпоротые от рубашек механические застежки, красивые пуговицы, мамины сумка и зонтик, — все было уже «реализовано».

Пришлось осваивать — зачем греха таить? — «ремесло» сугубо позорное, постыдное, но все-таки давшее шанс на выживание. С наступлением темноты подавались на край деревни ломать на дрова заборы, кладбищенские ограды. В те редкие дни наступившей зимы, когда колхоз нуждался в рабочих руках, потихоньку, чтобы никто не видел, насыпали в карманы пшеничное зерно, дабы дома сварить из них жидкую кашу. Если попадались картошка или овсяная крупа — тоже насыпали в узелочки, прятали под одежду. А дома, сколько помню, всегда кто-то лежал больным. Мизерный паек хлеба, который получал работающий член семьи, делили на всех, потом еще на три-четыре малюсенькие части, а последний кусочек долго-долго держали в рту, пока он не таял, словно конфета...

Объективности ради надо сказать, что однородной массой не была ни та, ни другая сторона, — ни сельчане, ни спецпереселенцы. Наряду с крепкими, по-сибирски зажиточными дворами, принадлежащими прежде всего бригадирам, заведующим фермами, кладовщикам, были среди колхозников и семьи, жившие впроголодь. И среди наших не все одина-

ково бедствовали. Люди, высланные из латышских хуторов, привычные к сельскому труду, смекалистые, практичные, да всякого добра прихватившие, — они и в сибирской деревне не потеряли почву под ногами. Иное дело наш брат горожанин, не понимающий, чем пшеница от овса отличается. Тюрю, доходяга и шляпа, как, пожалуй, вполне справедливо называли нас местные жители.

Когда в декабре грянули жестокие, по-настоящему сибирские холода за сорок, — тут капитулировали мы, что называется, безоговорочно. Выйти во двор или на работу, если даже нас звали, не в чем. Казалось, что умерли в нас все живые частицы, а краски слились в одну серую беспросветность. Еще хуже стало на душе, когда комендант, прибывший на очередную регистрацию, торжественно сообщил, что срок нашей высылки — двадцать лет.

И появились в моих земляках обреченность, унижительная покорность перед ударами судьбы, перед смертельным дыханием войны, перед терзающими страну волнами репрессий.

Когда Игорь, приехав после зимней сессии к родителям, наведаясь к нам, у него словно язык отнялся. По тому, как изменилось его лицо, я, возможно, впервые понял, во что мы превратились. Он снова притащил какие-то гостинцы, но теперь уже подолгу, как это было летом, не задерживался. И это естественно: от нас, изможденных, обовшивевших «шкилетиков», отдавало, как мне теперь кажется, чем-то вроде могильного смрада. А живое, здоровое от этого всегда отворачивается — по закону самосохранения, что ли. Той зимой мы думали: ничего худшего, чем то, что с нами уже случилось, не может быть. Но мы ошиблись — худшее ожидало **впереди**.

Вместе с весенними оттепелями появились смутные, неясные надежды: рассказывали, что часть спецпереселенцев собираются отправить на Крайний Север. И еще говорили, что за имущество, оставленное нами в

Риге, будут выплачивать компенсацию. Но мало кто в это поверил: ведь там, в Латвии, немцы... Один из эпизодов той весны мне запомнился особенно.

В одну из апрельских ночей, встав с постели, подходит к окну жена Фриденберга и смотрит так пристально, будто ее кто-то позвал. А там, за окном, ни души.

Спрашивает, и в голосе ее слышится улыбка.

— Ты, милый, как оказался здесь? Тебя отпустили, да? Я ведь знала, что ты придешь...

Мне стало жутко, мороз по коже пошел. С кем она разговаривает? Ведь там никого нет! Общими силами, вместе с молодыми Фриденбергами отвели женщину от окна, уговорили лечь. Но она, взвинченная, все еще улыбаясь, доказывает:

— Ну что вы мне говорите? Ведь был папа там, был! Я что, по-вашему, ума лишилась?

Спустя несколько лет узнали: именно в ту ночь и в то самое время, когда она услышала за окном голос мужа, в исправительно-трудовом лагере в Соликамске скончался профессор Фриденберг. Очевидно, перед смертью он так сосредоточенно думал о жене, о близких, что какими-то токами, телепатическими волнами это передалось жене. Чем же еще объяснить такое совпадение?..

Когда наступила православная пасха, мама и Ольгерт, имевшие в Риге прямое отношение к театральному искусству, задумали устроить очень уж нелегкий, унижительный для них спектакль. Я бы сказал, трагифарс во спасение голодающих. Вооружившись довольно емким мешком, они отправились по соседним деревням... милостыню просить. Ольгерт в полосатом пляжном халате и до неузнаваемости исхудавшая мама в единственном своем летнем пальтишке пошли по избам:

— Христос воскрес!

В конце мая подтвердился слух об отправке нас на енисейский Север. В Красноярске, куда приехали

из Канска, помнится, всех мужчин, в том числе и меня, послали на товарную станцию уголь из вагонов разгружать. Не имеющие после голодной зимы ни маломальской физической силы, ни навыков грузчика, работали мы, надо думать, из рук вон плохо. То и дело подходили к нам сумрачные товарищи в кожаных пальто. Вытащив из кармана блокнот, записывали фамилии «саботажников». Но, слава богу, для расправы над «вредителями» у них времени не осталось — на другой день караван барж, до отказа нагруженных спецпереселенцами, отчалил от пристани Красноярского речного порта. И поплыли мы на самый дальний, самый Крайний Север, край загадочный и далекий, казавшийся нам землей обетованной — не больше и не меньше. Земным раем, где наконец-то получим то, что, казалось бы, должен был иметь каждый человек, пусть даже лишенный паспорта и гражданских прав, — работу, пищу и одежду.

В 300 КИЛОМЕТРАХ ОТ НОРИЛЬСКА

И снова — Ноев ковчег. Вместе с русским языком вокруг звучит финский, немецкий, литовский, еврейский, латышский, украинский. На этот раз, как и подобает ковчегу, эшелон у нас плавучий. В грузовых трюмах, как и в вагонах, — многоярусные нары. Однако самочувствие значительно лучше, чем после Риги, — к такому, мягко говоря, урезанному быту уже успели привыкнуть. Кроме того, переезд на новое место конечно же сопровождался самыми радужными надеждами на будущее. Поднимали настроение и встречи со сверстниками, знакомыми по Риге, и обогревающее палубу летнее солнышко, и относительно нормальное питание: ежедневно полкило хлеба да еще сдобренный растительным маслом макаронный суп.

Куда и зачем нас отправляют — об этом было сказано четко и недвусмысленно: поскольку мы политически явно неблагонадежные, назрела необ-

ходимость изолировать нас еще надежнее. Теперь, видно, уже с помощью вечной мерзлоты.

До отказа набитые народом трюмы с зарешеченными окнами очень походили на гигантские гробы, особенно ночью, когда караван становился на якорь. На всех остановках нас, точно каторжан, загоняли в трюмы (для того чтобы не смущать местных жителей или чтобы никто не сбежал?)... Тем не менее молодая поросль ощутила прилив пусть и безосновательного, но все-таки оптимизма. Одетые в жуткое отрепье, вшивые, желтолицые, исхудавшие (более приспособленную к здешней жизни крестьянскую часть спецпереселенцев оставили в колхозах), мы устраивали на палубе настоящие танцевальные вечера, веселились, шутили. Не так страшен, говорят, страх, если над ним смеяться. Даже на девушек снова стали поглядывать. На опустевшей к ночи палубе слышались шепот, вздохи, поцелуи... Ожили, одним словом!

Танцевали под превосходный джаз-бэнд из рижских евреев, чрезвычайно музыкальных парней — Саша Барухсона, Мирона и Гриши Бейлиных (последний из них, к слову, спустя пятнадцать лет станет известным в Риге поэтом-песенником, соавтором молодого Раймонда Паулса). Музыкальных инструментов, разумеется, не было. Зато каждый из юношей был настоящим человеком-оркестром, имитирующим звук саксофона, трубы, контрабаса. «Ритм-группа» вооружалась мисками, ложками, кастрюлями. И, что самое главное, у нас была и своя солистка — профессиональная певица Вилма Арая.

До полуночи Вилма, к нашему удовольствию, пела под аккомпанемент «спецансамбля». А потом — всегда в одно и то же время — за ней приходили облаченные в форму НКВД младшие чины, чтобы сопроводить бог знает за что репрессированную певицу в просторный салон к более высоким чинам. Там ей предстояло рижскими шлагерами ублажать слух сидящих за ночной

трапезой наших охранников. Возвращалась она оттуда очень бледная и, как правило, только к утру.

Один за другим остаются позади поселки Енисейск, Туруханск, Игарка, Дудинка, Караул, Байкаловск...

Вот и конец пути. Наша новая «резиденция» — раскинувшаяся на енисейском левобережье фактория Дорофеевск. Несколько срубленных из плавника домиков и помещений производственного назначения: хлебопекарня, склады, магазин... Чувствуется ледяное дыхание Карского моря, хотя августовское солнце еще припекает.

Из баржи выходим по строго заведенному ритуалу: перекличка, поштучный подсчет лишенцев, остающихся на берегу. А на прощанье сквозь зубы произнесенная фраза:

— Смотрите мне, чтобы никаких штучек! А то — сами знаете...

Первое время пришлось ночевать под открытым небом. Поначалу терзали комарье да мошка, потом стали донимать холода осенних ночей. Чтобы не оконечеть, разводили костры. Довольно быстро соорудили дощатые узенькие бараки-временки — по крайней мере, крыша над головой. Когда докрасна раскалялись изготовленные из железных бочек печурки, становилось невыносимо жарко и удушливо от вывешенных на просушку портянок. Единственный источник света вечером — коптилка. Не имея ни кусочка мыла, долго, по сути, безуспешно отмывали почерневшие от копоти лица. К утру тонкие стены барака покрывались слоем шуршащей, точно шуга, изморози. Волосы, мокрые от вечерней жары, примерзали к подушкам, а подушки — к дощатой стене...

В те августовские дни, только мы об этом ничего не знали, недалеко от Дорофеевска, в каких-то трехстах километрах вниз по течению, разыгралась героическая трагедия, связанная с гибелью ледокольного парохода «А. Сибиряков», и нападение на Диксон фашистского линкора «Адмирал Шеер». Мужество

североморцев сорвало широко задуманную военную операцию с кодовым названием «Вундерланд» (в переводе «Страна чудес»)... На таком же расстоянии вверх по течению от Дорофеевска, в поселках Дудинка и Норильск, в это самое время провожали на фронт Норильский маршевой полк, готовились к сдаче первой очереди ТЭЦ и к выпуску первого черного никеля, проводили первые опыты электропрогрева вечномерзлого грунта, лечили раненых защитников Диксона. А на том месте, где теперь Гвардейская площадь, норильский совхоз выращивал капусту... Но мы были полностью изолированы от окружающего мира — ни газет, ни радио, ни лекций, ни писем.

Как ни трудно жилось, все равно надеялись: вот построим к зиме домики из сосновых брусьев, получим хоть какую-то одежку, будем работать — проживем как-нибудь, пока не кончится война. А там, бог даст, вспомнят и о нас...

День ото дня становилось морознее. Покинули тундру пернатые. Все чаще в воздухе порхали снежинки, потом густо повалил сырой снег. Из наскоро сколоченных бараков переселились в брусчатые домики. Их не хватало, поэтому нары пришлось сооружать трехъярусные. На первом «этаже» разместились бабушки, на втором — мамы, на самом верхнем — молодежь. Сидеть на нарах можно было только согнувшись, как говорится, в три погибели. Посередине избы большая железная печка, так что повернуться буквально негде.

И тут настигла нас новость, ошеломившая, точно смертный приговор. Собственно, это и был приговор: из трехсот шестидесяти спецпереселенцев, размещенных в Дорофеевске, работать на подледном лове рыбы смогут не больше сорока. Для остальных трехсот двадцати на участке нет рыболовных снастей. Ни о какой другой работе не говорили — ее просто не было. Нет работы — нет и заработка, а стало быть, и хлеба.

Начальника рыбучастка Медведева после этого собрания мы, в сущности, не видели. Будучи человеком слабовольным, не способным ни «отлаться», ни помочь нам, он... прятался от безработных «специков». То просиживал весь рабочий день в квартире заведующего магазином, то в закутке за медпунктом, где ютилась полненькая девушка-фельдшер. А в конторе в качестве козла отпущения сидела бухгалтер, старенькая финка, по «национальному признаку» высланная из Ленинграда. С нее-то что возьмешь?

Те, у кого, в отличие от нас, что-то еще сохранилось для продажи — перстень, цепочка или браслет, штурмовали начальников, приезжавших на собачьих упряжках. У дверей квартиры, где останавливался на ночь очередной командированный, выстраивалась длинная-предлинная очередь лишенцев, готовых за бесценок, за несколько рублей, «загнать» последнюю память о прежней жизни — обручальное кольцо, подаренные в день совершеннолетия золотые часы.

Потом, правда, дошла до нас весть, что кто-то из торгового начальства поплатился за алчность, «за потерю бдительности» — то ли снятием с должности, то ли несколькими годами тюремного заключения. Возможно, «влип» при перепродаже скупленного, а может, кто-то донес по зависти. Но нам от этого легче не стало.

Вступала в свои права первая для нас полярная зима — самая страшная из всех зим, которые были до и после нее. Я старался не вспоминать о ней на протяжении сорока шести лет...

ГОЛГОФА

«Уже взрослым, долгое время я удивлялся: почему я, в общем-то впечатлительный мальчик, не заболел, не сошел с ума? Наверное, потому, что ужасы появились не сразу и у меня была возможность как-то

попривыкнуть, обмозолиться» — так говорит о своем детстве, совпавшем с мрачными годами «сплошной коллективизации», писатель Владимир Тендряков. Но то же самое мог бы сказать о своем отрочестве и я.

У нас, подопытных придуманного Сталиным метода массовой перековки людей принудительным трудом, не оказалось главного звена этого бесчеловечного опыта — труда. Больные, слабые были обречены.

Давило ощущение социальной неполноценности. По сути, мы были вычеркнуты из жизни. Ведь для тех, кто остался на родине, спецпереселенцы были без вести пропавшими. Тупик, образовавшийся в Дорофеевске, представлялся тупиком на всю оставшуюся жизнь. Но еще больше угнетало иссякание физических сил.

Казалось, что густая темень полярной ночи пришла не откуда-то извне, а от нестерпимой, овладевшей всеми скорби, от цинги, холода, голодухи. Слабость доходила до такой степени, что некоторых лишенцев, отлучившихся ночью по нужде, утром находили в сугробах замерзшими, занесенными снегом. Все живое, казалось, из нас уже испарилось — остались только память да тупая боль.

Необъяснимо, но одним из первых опух от недоедания Ольгерт, жизнерадостный юноша двадцати лет, баскетболист, неоднократный чемпион Юрмалы по десятиборью. Обрюзгший, с похожими на подушки «слоновыми» ногами и неестественно гладким, туго раздутым лицом, Ольгерт даже в таком состоянии пытался доказать, что, как бы ни играла с нами судьба, в нашей власти сохранить в себе человеческое. По-донкихотски внушив себе, что даже в голодном Дорофеевске сохранилась у людей тяга к прекрасному, Ольгерт ходил из барака в барак и, усевшись на краешке нар, читал, казалось бы, никому не нужные лекции — о развитии театрального искусства, о драматургии Райниса и Шекспира...

Ходил «в народ» не только Ольгерт. Будто призрак, появлялся то в одном, то в другом бараке лишившийся

разума Карт Шрайер, 80-летний старик, высланный из Энгельса. Обросший седой щетиной, с горящими лихорадочным блеском глазами, «пророк», воздев к небу трясущиеся руки, возвещал о прибытии страшного суда, дня гнева, несущего гибель человечеству. На фоне царившего вокруг безысходного мрака, всеобщей подавленности старик казался страшным, словно злой ангел.

Ходили по баракам придавленные горем женщины с кротко-печальными глазами, чтобы выпросить у тех немногих, кому посчастливилось получить рыболовные сети, ломтик хлеба или пару кусочков сахара для умирающего малыша, больной матери. Навещал бывших прихожан выдворенный из Риги старенький лютеранский священник. От случая к случаю наведывались бывшие наши соседи по Харлову — жена и две дочки скончавшегося, как мы после узнали, в лагере профессора Фриденберга. В последний раз пришла к нам убитая горем вдова: за небольшого муксуна, припрятанного под телогрейкой, Вариса, старшего ее сына, осудили на пять лет исправительных работ и отправили в Норильск. Я понимаю, что звучит это кощунственно, но считаю: ему, Варису, крупно повезло. Мать и сестра Мара в Латвию уже не вернулись, они даже до весны не дожили...

В начале ноября Ольгерта увезли в соседнюю факторию Иннокентьевск: каким-то чудом в тамошней больнице оказалась свободная койка.

*Брат Гунара —
Ольгерт Кродерс. 1975 г.*

Высшая, что ли, стадия голода мне запомнилась ощущением какой-то невесомости, абсолютного безразличия ко всему, что происходит вокруг. То же самое испытывает человек, замерзающий в пургу, — это я узнал потом, в Хатанге. Это состояние, когда неодолимое желание хоть что-то проглотить и телесная боль уже прошли и вдруг становится тебе фантастически легко, лишь бы никто не дергал, не беспокоил. Головокружение, легкая тошнота, икота, внутренняя дрожь, а при ходьбе легонько покачивается. Чешутся почему-то веки, замирает сердце, зато в голове поют ангелы. Однако всякий раз, когда дело доходило до критической точки, находился кто-то сердобольный: то Лариса, соседка по бараку, то Эгил, школьный товарищ, втихаря, чтобы не заметили родители, сунет кусочек хлеба или блюдце с похлебкой. И жизнь как-то продолжала теплиться в обесилевшем теле...

Больно и жутко было смотреть на маму. Будучи к тому времени уже 16-летним парнем, я обязан, должен был стать для нее опорой, кормильцем. На деле же я был лишь жалким, растерявшимся, беспомощным свидетелем ее страданий. И теперь, спустя почти полвека, не перестают мучить угрызения совести: как же это не смог я помочь ей, не вытащил из этой ужасной беды?

Покорным взглядом уставившись в покрытый копотью потолок, лежала она целыми сутками. Ни кричать, ни плакать, ни жаловаться уже не могла.

Лишь редкий вечер, если не свирепствовал мороз, надев свое летнее пальтецо, мама выходила «на промысел». Будто приведение, кружила возле рыбацких жилищ и — стыдно, жутко об этом сегодня писать! — в схваченных морозцем помоях выколупывала палочкой какие-то отбросы: рыбы кишки, гнилые листья капусты, подмерзшие, величиной с желудь, картофелины, корки засохшего хлеба...

«Добычу», добавив в нее горсть снега, мама ки-
пятила на печке, а чаще на печной трубе — чтобы не

беспокоить отвратительным запахом соседей по бараку, до этого еще не дошедших.

Однажды мама не успела довести свое блюдо до кипения, возможно, побоялась соседей. Окончилось это тяжелым пищевым отравлением. Молоденькая медичка, которую я уговорил прийти, осмотрев маму, покачала головой и ушла, ничего не сказав. Агония длилась трое суток. 30 ноября 1942 г., едва переступив порог пятидесятилетия, мама ушла из жизни.

Можно сказать и по-другому: умерла латышская актриса Герта Вульф. В историю театра вошла она под фамилией своего мужа Эдуарда Вульфа, выдающегося поэта и драматурга, чьи пьесы и сегодня широко ставятся в театрах Риги. Мне, к сожалению, не пришлось увидеть маму на сцене. Но, судя по тому, что сказано о ней в летописи латышского театра, она была яркой, талантливой актрисой. Поэты посвящали ей стихи, драматурги — роли. Через несколько лет после смерти Э. Вульфа, скончавшегося, как в то время говорили, от чахотки, она вышла замуж за театрального критика Роберта Кродерса, нашего отца, и всецело посвятила себя семье. Но, насколько я понимаю, сделала это напрасно. Даже мне, тогда еще ребенку, было видно: тоска по сцене, оставленной ради нас, не утихала в ней никогда...

Похоронили мать, слава богу, по-людски. К концу ноября число умерших еще не было так велико, поэтому нашли и доски на гроб, и даже лютеранский священник, помнящий актрису Герту Вульф, произнес над ее могилой трогательную речь. Прислышав о маминой смерти, притащился на опухших ногах, поверх лаптей повязанных каким-то тряпьем, Ольгерт. Около тридцати километров, от Иннокентьевска до Дорофеевска, падая на скользких дорогах и снова поднимаясь, прошел он за двое суток. Откуда только нашлись в нем силы?

Когда, опустошенные, молчаливые, возвращались с похорон, по запаянным льдом болотным лужам гуляла поземка. Безотрадно выглядела безжиз-

ненная, скованная морозом тундра. Из-за угла выбежал нам навстречу Шрайер. Подняв к свинцовому небу крючковатые руки, старик, как обычно, извергал проклятия роду человеческому, призывая всевышнего к страшному суду. А когда мы поравнялись с домами местных рыбаков, из раскрытой форточки выпорхнули слова популярной в те годы песни. Пели дети:

Побеждать мы не устали,
Побеждать мы не устанем!
Краю нашему дал Сталин
Мощь в плечах и силу в стане...

А зима еще только-только наступала. Растущее чувство обреченности, с каждым днем усиливающиеся муки голода — все это опустошало и без того омертвевшие души ссыльных.

«Страшная сила голода потрясает, коверкает, ломает, уничтожает человека, — снова цитирую «Жизнь и судьбу» В. Гроссмана, из всех книг самую, пожалуй, созвучную с моими воспоминаниями. — Голод размягчает кости, искривляет рахитичные ножки детей, разжижает кровь, кружит голову, суживает мышцы, съедает нервную ткань...».

Умерших уже не хоронили — на это не доставало ни досок, ни сил, ни воли. В просторном дощатом складе, возведенном для так и не поступивших сюда рыболовных снастей, трупы складывались в штабеля. И лежали в обнимку, плечом к плечу промерзшие насквозь останки латышей, немцев, финнов, литовцев, украинцев. Детей, женщин, стариков...

За что? За какие грехи, во имя какой такой высшей справедливости?

...Фактории Дорофеевск сегодня уже нет. Только по покосившимся от времени, поросшим лишайником баракам да несколькими могильным крестам в стороне можно догадаться, что когда-то здесь жили и умирали люди.

ДОРОГА НЕ КОНЧАЕТСЯ

Весной сорок третьего нас, оставшихся в живых после страшной зимы, еще способных передвигаться, из Дорофеевска отправили в Сопочное Карго, факторию, раскинувшуюся в Енисейском заливе. До Карского моря — рукой подать. Конвой на этот раз состоял из двух помощников коменданта. Одетые в мохнатые олени малицы, они удобно разместились на санках. Собаки тянули их в свое удовольствие, соизмеряя шаг с черепашьей скоростью передвижения «специков». Барахлишко, кастрюли да кое-какое тряпье, уложенные в саночки, мы тащили, разумеется, сами. За несколько суток прошли фактории Воронцово, Лайда, Ашмарино. Познакомились там с нашими русскими «собратьями» — так называемыми трудопереселенцами. За годы, прошедшие после «сплошной коллективизации», они приспособились к жестким северным условиям, стали заправскими рыбаками. Трудопереселенцев в отличие от нас призывали в армию.

Полярный день с незакатным солнцем, белые куропатки, усевшиеся на веточках тальника, ослепительная голубизна неба — все это, как и год назад, когда в Харлове нам сообщили о поездке на Север, будоражило воображение и конечно же вселяло надежды на лучшее будущее. Вера в человеке, по видимому, неистребима.

На новом месте жительства меня почему-то поселили в девичий барак вместе с кареглазыми румынками, высланными из украинских деревень, соседствующих с румынской границей. «Гарем» этот меня, 17-летнего доходягу, «шкилетика», ничуть не волновал.

Уже пригревало солнышко... Хлеб мы теперь получали регулярно. Вдобавок выкапывали в тундре различные корни и растения, занимались охотой на леммингов. Живут эти пушистые грызуны под защищающей их толщей снега. Там, в снежных ла-

биринтах, сооружают из увядшей травы норы, питаются всякой растительностью. Мяса, по вкусу напоминающего куропатку, в них ничтожно мало, но мы очень старались.

Вместе со мной охотился на леммингов Герберт Кирре, молодой инженер-мостостроитель. Восторженный и доверчивый, словно малое дитя, по-русски разговаривал он с таким уморительным акцентом, что всегда кто-то над ним слегка издевался. Решил «подшутить» над наивной доверчивостью Герберта и заведующий заготконторой. Подзадорило его, по-видимому, и то обстоятельство, что Кирре носил очки, а слово «очкарик», то есть интеллигент, в то время считалось сугубо ругательным. Заметив в комнате у Герберта разделанные для варева тушки, заготовитель сказал:

— Ты вот говоришь — курить нечего, махорку клянчишь. А разве не слышал, что за сдачу сотни выделанных шкурок лемминга выдают премию — десять пачек махорки?

Весь месяц бедный Кирре еженощно выходил на промысел, терпеливо разделявал малюсенькие тушки, высушивал на солнце шкурки. Когда наконец насчитал ровно сто, пошел к заготовителю за заветной премией. Ох и повеселился же тот! За живот держался.

Смотреть на помрачневшего, белого, точно бумага, Герберта было и жалко, и смешно.

С началом неводного лова наступили для нас, можно сказать, золотые денечки — в сравнении, разумеется, с минувшими голодными зимами. Рыбу на промысле можно было есть до отвала. Из-за этого Ольгерт, не сумевший критически оценить свои возможности, снова угодил в больницу. Решил по-гурмански отпраздновать свой двадцать третий день рождения — одного муксуна поджарил на рыбьем жиру, второго сварил, а третьего, кажется, это был уже чир, потушил. Минут пять выдерживал характер — си-

дел за богато накрытым столом, ласкал взором вкусно пахнувшие блюда, а потом за такой же отрезок времени проглотил одну рыбку за другой. Когда, мучимый жуткой резью в животе, Ольгерт дотащился до медпункта, пожилая фельдшерица, вручив ему какие-то капли, укоризненно покачала головой:

— Ну разве можно, молодой человек, так безбожно наедаться после голодухи!

К самым светлым воспоминаниям того лета я бы отнес стаи нерп. Дело в том, что нерпы прямо-таки обожают музыку. А румынские девушки, с которыми я не только соседствовал в бараке, но и вместе рыбачил, очень любили петь. Симпатичные нерпы, сопровождая наш неводник, точно меломаны, наслаждались жизнерадостными румынскими песнями.

В необычной нерпичьей «музыкальности» пришлось мне убедиться еще не раз. Когда стал бухгалтером рыбучастка, то нередко сопровождал до Дундинки продукцию Хатангского рыбзавода. Так вот, стоило зазвучать установленным на палубе теплохода громкоговорителям, как тут же над водой появлялись десятки черных нерпичьих голов...

Недолго, однако, пришлось ловить рыбу в Сопочном Карго. Осенью собрал нас комендант и велел к утру следующего дня явиться на берег со всеми пожитками. А там, поштучно пересчитанные, помеченные в соответствующих секретных списках, оказались мы примерно в таком же «гробу», как и на барже, доставившей нас в Дорофеевск. Только на сей раз «гроб» был не деревянным, а железным — угольный трюм морского парохода «Андре Марти». Десятки школ, заводов и улиц в то время у нас были названы именем этого свирепого деятеля Коминтерна, типичного представителя сталинской школы, отправившего на тот свет десятки ни в чем не повинных людей. В 1953 г. Андре Марти исключили из рядов Коммунистической партии Франции за «попытки насаждения в партии полицейских методов...»

Сопровождал спецпереселенцев в этом морском «круизе» чрезвычайно властолюбивый товарищ, по фамилии Прохвятилов, вззирающий на нас — грязных, неухоженных, с явным презрением.

Надо, наверное, описать уникальную в своем роде бытовую картинку, которая повторялась в трюме каждый вечер. Усевшись на многоэтажных нарах, мужской состав «специков» с мрачной, кровожадной решимостью уничтожал — прошу извинить, но, как говорится, слово из песни не выкинешь — на раскрытых подштанниках, на швах и воротниках рубашек... — ну, скажем более деликатно, насекомых. Пока мы ведем им боевой счет, Герберт Кирре, тот самый, которого в Сопочном Карго так «остроумно» разыграл заведующий заготпунктом, распевает оперные арии и романсы. Поет он великолепно — параллельно с университетом окончил вокальное отделение консерватории. Полетный, бархатистого тембра лирический баритон плюс абсолютный слух — зачем только понадобился Герберту еще и диплом инженера? Пока здесь, на нижних ярусах, раздаются монотонные, еле уловимые слухом щелчки, оттуда, с самого верхнего этажа, доносятся исполненные высокого благородства слова: «Гори, гори, моя звезда, звезда любви приветная...»

Скажите, разве может быть более нелепое сочетание самой что ни на есть скотской жизненной прозы и возвышенной поэзии? «...И будешь вечно неизменная» — щелк-щелк-щелк — «в душе» — щелк-щелк — «измученной моей!..».

Гулять на пароходе было негде — в одну сторону коридора да в другую, до камбуза и обратно. К несчастью, месячный паек продуктов на Диксоне нам выдали сразу в полном объеме. Мы прикончили его, разумеется, за неделю. А потом слонялись по коридорам, голодные и грустные, с глазами, излучающими покорную коровью тоску. Пока еще была мука, в общем камбузе отвели для наших нужд две конфорки. Командовал здесь тщедушный ворчливый ста-

рик, за сердитый нрав и клинообразную бородку прозванный Мефистофелем. Мы его недолюбливали и побаивались — возьмет да смахнет с плиты наши кастрюльки!

— Свалились на мою голову, доходяги чертовы, — ворчал шеф-повар, — самим-то повернуться тут негде...

Как-то очутившись в коридоре один на один с раскрытым кулем муки, я, как теперь говорят, обалдел. И — не выдержал. Соблазн — даже сегодня стыдно в этом признаться! — оказался сильнее меня. Быстро наполнив карманы мукой и воровато оглянувшись по сторонам, независимой походкой гуляющего по Невскому денди направился я в сторону трюма. И тут, откуда ни возьмись, вынырнул Прохватилов. Сверлящим, ничего доброго не обещающим взором окинул разбухший карман, скомандовал:

— А ну-ка, следуй за мной!

В каюте Прохватилова по всей форме был составлен протокол на кражу государственного имущества, усугубляющуюся строгими законами военного времени. О том, что время и в самом деле военное, через каждые два дня напоминал вой сирены, извещающей о боевой тревоге: нашему кораблю, вооруженному парой пушек, на протяжении всего пути угрожала фашистская подводная лодка...

— Вот и достукался! — твердил я себе. Если Вариса Фриденберга за одного им же добытого муксуна приговорили к пяти годам исправительных работ, то мне могут припать и побольше. И поделом! Нечего на чужое зариться...

— Отец у тебя где работал? — прервал угрюмые мои размышления Прохватилов.

— Профессором работал! — выпалил я, то ли для того, чтобы досадить Прохватилову, то ли, чтобы возвыситься в его глазах.

Отец действительно преподавал историю театра в институте, но профессором он не был. Однако Про-

хватилову пришлось по душе несколько переиначенная интерпретация: сын не профессора, а прокурора буржуазной Латвии (это звучит!) с целью вредительства похищает муку из запасов экипажа, тем самым подвергая опасности выполнение ответственного, имеющего стратегическое значение рейсового задания... С такой вот политической окраской сформулировал состав преступления Прохватилов. Батюшки, да ведь это не пять, а все пятнадцать лет!

— Смотрите! Смотрите, товарищи, и слушайте! Вот перед вами отпрыск прокурора, продажного слуги латвийской буржуазии, — вещал Прохватилов и в нижней каюте, где во главе с боцманом собрались на обед старшины, кочегары и матросы, и в кают-компании, где уже завершил трапезу командный состав. Моя роль в «представлении» заключалась в том, чтобы держать на руке мешочек с похищенной мною мукой и повсюду безропотно следовать за Прохватиловым. — Это он, сын прокурора, выполняя вражеское задание, хотел оставить экипаж без запаса продуктов...

Но, к моему удивлению и, конечно, к радости, Прохватилова не слушали. Окинув оценивающим взглядом упитанного Прохватилова, наряженного в новенький китель армейского покроя, и ведомого им подростка, одетого в грязное тряпье, моряки отворачивались. Мне кажется, они не поверили в версию политической диверсии и не скрывали, что не желают быть участниками сочиненного Прохватиловым «спектакля».

А ведь это, если вдуматься, была пусть безмолвная, но все-таки демонстрация — в то время такому поведению моряков, не раздумывая, можно было придать и политическую окраску. Однако главный «сюрприз» был впереди.

Чтобы передать дело в следственные органы, акт о хищении муки обязательно должен был подписать шеф-повар. И кто бы мог подумать! — этот с виду желчный, раздражительный старик наотрез отказался поставить свою подпись.

— Не подпишу, — процедил, как всегда сердито, Мефистофель. — Нет у меня недостачи муки. Спрашиваешь, откуда пацан ее набрал? Сам признался, говоришь? А теперь-то кто сам не признается? Все признаются. Может, пацан чокнутый. А недостачи муки у меня, мил человек, нет. Вот так!

Уломать кока Прохватилову не удалось, хотя и убеждал, и угрожал. Удивил, ох, и удивил меня шеф-повар!

Сегодня некоторые говорят, что в то жестокое время все люди были винтиками, запуганными, безвольными исполнителями воли «великого кормчего». Но ведь не были винтиками ни седой кок, проявивший не только стойкость, но и способность к милосердию, ни остальные моряки! Да, конечно, происходило это в Северном Ледовитом, на судне, а не в городе, где, как тогда говорили, и стены имеют уши. И все-таки... Нет, в теорию о винтиках я не верю. Об этом, кстати, пойдет речь в следующей главе.

...Завершился наш с Прохватиловым морской «круиз» не на корабле «Андре Марти», а на обыкновенной речной барже, которую повел вверх по течению Хатанги буксирный катер «Муксун». Прохватилов, как подобает начальству, разместился в уютном домике шкипера. А мы, «специки», — на палубе. Продукты в Нордвике нам выдали, но чтобы превратить их в заваруху или лепешки, нужна была плита. Сидим на залитой дождем палубе, глядим в окошко: в шкиперской резиденции за накрытым столом восседают Прохватилов и еще несколько командированных. Потрескивают дровишки в печке. Чокаются стаканами сидящие за столом, на патефоне «Рио-Рита» крутится.

— Давай, Гунар, вы же с Прохватиловым теперь приятели, — тычут мне в бок товарищи. — Тебе-то он, может, и разрешит поставить кастрюлю на плиту.

Всучили мне кастрюлю, наполненную водой и перловой крупой, втокнули в дверь. Стою, словно

ниций, у порога — ноль внимания. Тут я не выдержал, говорю как можно деликатней:

— Извините, пожалуйста, может быть, вы разрешите...

— Да катись ты отсюда к чертовой матери, — вылупив на меня хмельные глаза, отвечает Прохватилов. — Живей, а то...

В это мгновение у меня внутри все перевернулось. Затмение, что ли, нашло, или слишком уж много накопилось? Так или иначе, но, потеряв над собой контроль, я шагнул к Прохватилову и выплеснул в лицо ему все, что было в кастрюле. Не помню, как события развернулись дальше. Очнулся уже на палубе, в кровоподтеках. Рядом Ольгерт:

— Ты что, Спартаком себя вообразил? Или Пугачевым? Перловка-то последняя...

Все это, конечно, было и глупо, и бессмысленно. Зато впервые за два года ссылки я почувствовал себя человеком, способным на поступок. Сумасбродный, дикий, дурацкий, но все-таки поступок!

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Не знаю, как для других, но для меня осень 1943 г. осталась в памяти как время возвращения к жизни. Чувствовалось, что государство, а вместе с ним и мы перешагнули через какие-то ранее непреодолимые препятствия — прежде всего сказывался, пожалуй, прорыв немецкой блокады под Сталинградом. И ощущение всеобщей обреченности сменилось чувством пусть и смутного, но все же оптимизма.

Фактория Хета, получившая имя от одноименной тундровой речки, стала четвертым местом жительства для латышских «специков». По соседству расположились крупный участок Хатангского рыбозавода и усадьба долганского колхоза «Заветы Ильича». Кроме продуктовых карточек и работы — что уже превзошло все наши ожидания! — каждому выделили еще и ссуду на приобретение одежды. Мука, сало-лярд,

консервы, ткани, мыло, кованные ботинки — все это было американского производства и доставлялось по действующей тогда системе ленд-лиза.

Невозможно описать ощущение блаженства, какое мы испытывали, когда сбросили с себя одереветневшую, пропитанную потом и двухлетней грязью одежду, прогнившие портянки и носки. Изъеденное вшами тело наконец-то ощутило прикосновение мыла, чистого полотенца! В первое время были заняты главным образом стиркой, утюжкой и выжиганием насекомых. Потом принялись за обновление гардероба. Ткани были всего двух видов — темно-синего грезбона и хаки. Из них самодельные портнихи и сшили нам гимнастерки, куртки, брюки-галифе, а девушкам — украшенные белыми и черными цветочками (других ниток не было) блузки и юбочки.

Хуже было с обувью для рыбалки — ловить косяки ряпушки в ледяной, густой от шуги воде приходилось в промокающих брезентовых ботах (их называли, кажется, ичигами). Простывали и болели, конечно. Да и с цингой, одолевшей нас еще в Дорофеевске, враз не справишься, хотя выдавали всем отвар шиповника.

В моей трудовой книжке непрерывный стаж на Норильском комбинате сегодня обозначен «только» двадцатью двумя годами — это столько, сколько я живу и работаю непосредственно в Норильске. А ведь на комбинат я работаю уже с сорок третьего года! Потому что всю рыбу, нами добытую, посоленную и уложенную в бочки, увозили в Норильск. Возможно, не была она деликатесом — сосновые бочки протекали, а поэтому рыбу солили крепко-накрепко, но все-таки, несколько раз вымоченная в пресной воде, в лагерном меню она заменяла дефицитное мясо. Так что с Норильском, выходит, я «повязан» — ровно сорок пять лет! Но это так — к слову пришлось.

Вспоминать трудовую карьеру Ольгерта без улыбки невозможно. Поначалу его, как и остальных

спецпереселенцев, послали на неводный лов. Но если мы хоть и не без труда, но все-таки осваивались на новой работе, то Ольгерта из бригады вынуждены были отчислить в первую же неделю.

Темной сентябрьской ночью, усевшись на борт, он заснул, перевернулся да на самой середине реки грохнулся в воду. Из Хеты, слава богу, Ольгерта вытащили, однако, чтобы избавить себя от неприятностей, начальник участка отправил его на распилку дров. Но и здесь он не удержался. Проработав с ним день-два, напарники напроць от него отказались:

— Взгляните, как он пилой водит — то в одну, то в другую сторону. Будто не дрова пилит, а на скрипке играет... Артист!

Не получилось из Ольгерта и лесоруба — в первый же день умудрился свалить на себя здоровенную листовенницу. Когда вышел из больницы, решили испробовать его в качестве каюра. Общий язык с ездовыми собаками Ольгерт нашел сразу, однако помешал ему, как выразился начальник рыбучастка, «интеллигентский либерализм»: на факторию его упряжка возвращалась обычно в таком виде: четыре-пять собак, самые «сознательные» добросовестно тащат санки, а остальные, что похитрее, преспокойно сидят рядом с каюром, точно пассажиры...

Начальству не оставалось ничего другого, как опрелелить Ольгерта учетчиком — выписывать табеля, наряды, расходные и приходные ордера. На этот раз выбор оказался удачным — порядок в бумагах навел он, можно сказать, идеальный. Дослужился Ольгерт до самого высокого для лишенцев чина — до завхоза, а потом бухгалтера. В грамотных людях в то время ощущался, прямо скажем, острейший дефицит: кладовщиками, инструкторами, начальниками участков работали люди, едва умеющие расписываться.

Если сравнить жизнь в Хете с кошмарным существованием в Харлове, а тем более в Дорофеевске, то это конечно же самый настоящий рай, земля обето-

ванная. Но о том, что мы люди третьего сорта, о пропасти, отделяющей нас от честных советских граждан, напоминали нам постоянно сотрудники комендатуры, причем далеко не всегда в пределах, предусмотренных служебными инструкциями.

Соскучившиеся по живой жизни, по хоть какому-то занятию, спецпереселенцы работали, не жалея сил, набираясь опыта на рыбалке, строительстве, лесозаготовках. Ставили в местном клубе (тогда сказали бы: в красном чуме) спектакли и концерты. Проводили вечера танцев под тот же рижский «джаз-бэнд», вооруженный гребешками, кастрюлями, ложками. Организовали агитбригаду, обслуживающую рыболовецкие промыслы. На маленькой и тесной сцене, которую и сценой-то невозможно назвать, Ольгерт поставил около десятка спектаклей по пьесам Гоголя, Зощенко, Чехова, Лаврентьева. Женские роли исполняли в основном учительницы местной школы, а мужские — парни из числа «спецов». Текст мы произносили, понятное дело, с жутким акцентом, но зрители все равно переживали, а в наиболее драматических местах даже слезы вытирали.

Вполне естественно, что кое у кого из сблизившихся на «почве искусства» юношей и девушек возникали и более чем товарищеские чувства — дело-то молодое. Но стоило, например, Янису Гранкаусу, голубоглазому парню из латышской деревни, и Тамаре Варламовой, взявшись за руки, пройти вечером по фактории, как тут же вмешалась комендатура.

— Стыдно русской девушке гулять по улице со спецпереселенцем. Такая учительница, как вы, опозорившая советскую школу, не должна быть в рядах комсомола!

На это Тамара с храбростью, достойной Жанны д'Арк, отпарировала:

— Яниса я люблю, и за это мне, представьте себе, ни капельки не стыдно. Кроме того, вы должны

знать, сам Иосиф Виссарионович сказал: «Сын за отца не отвечает».

Но товарищ Сталин сказал и другое: «Яблочко от яблони недалеко падает!» — ответил комендант. Однако с минуту поразмыслив, перевернул «пластинку»: — Ну, хорошо. В таком случае вы, как учительница, должны выполнить свой граждански долг. Информировать нас об услышанном в среде спецпереселенцев будете раз в месяц. Все.

Поворот по тем временам вполне закономерный. Обстановка всеобщей подозрительности не обошла стороной ни арктические зимовья, ни таймырские фактории. Так же, как на материке, люди перед сном перебирали в памяти свои встречи за день, вспоминая, не сорвалось ли с языка неосторожное слово. По донесениям стукачей или, как их тогда называли, информаторов, за случайную или соответствующим образом препарированную фразу, за невинную шутку или намек в письме человек попадал под статью 58-10 (контрреволюционная пропаганда). Страх ареста дамокловым мечом висел над всеми.

Закончилась история хетских Ромео и Джульетты весьма печально. Так и не получив от Тамары Варламовой требуемой информации, перевели ее на работу в другую школу, а Яниса сослали «на самый дальний промысел». Спустя два года он утонул в Хете вместе с неводником, перегруженным солью. А, между прочим, Янис был великолепным пловцом...

Если в Дорофеевске представители комендатуры наведывались к нам раз в два месяца, то в Хатангском районе отношения с ними были куда более тесными. Среди встретившихся в то время представителей госбезопасности я бы выделил три типа. К первому можно отнести помощника коменданта Гончарова. Человек скорее доброжелательный, чем злой, вполне нормальный службист, он исполнял нехитрые свои обязанности, никого не унижая, никому не при-

чиняя зла. С Виктором Макаровичем Гончаровым уже тогда, когда он работал не в комендатуре, а в дудинском жэке, мы встречались не один раз. И воспринимали друг друга как старые приятели, у которых есть о чем поговорить, что вспомнить.

Зато, встретив в Минусинске, уже после XX партийного съезда, Егизарова, другого помощника коменданта, постаревшего и, как обычно, под хмельком, я не подал ему руки. Не смог простить ему Карлиса Струнке.

Это был чудаковатый, очень высокого роста латыш лет сорока, державший в Риге небольшой рыбный магазин. В очередной «отметочный» день вышло так, что Струнке оказался у Егизарова последним. Помощника коменданта, изрядно захмелевшего, от вида унылого Струнке, по-видимому, одолела хандра. Чтобы развеселить себя, придумал «игру»: вывел Карлиса во двор и, вытащив из кобуры наган, приказал рыть могилу. Расстреливать Струнке он, конечно, не собирался — шутовал. Абсолютно уверенный в своем призвании быть высшим судьей, Егизаров таким образом самоутверждался. Пока он, наслаждаясь ощущением собственного величия и размахивая наганом, прохаживался вокруг орудующего лопатой Струнке, у того помутился разум. Так и доживал свой век Карлис — с тихим помешательством.

А Янис Бензе, полноватый парень в очках, рассказывал, что всякий раз, когда он приходил к Егизарову на отметку, тот, любезно улыбаясь, спрашивал:

— А что, господин буржуй, если я вам сейчас очки разобью? Позволите?

Не обошел вниманием помощник коменданта и меня. Как-то в барак притащили патефон с десятком грампластинок. Сидим отбираем, какие прослушивать в первую очередь. В это время заходит Егизаров. Разглядывая пластинки, говорю ребятам:

— А ну его к черту, этого Новикова, давайте поставим лучше «Караван»!

Ночью, к часам двенадцати, вызывают меня к Егизарову. Вообще в то время все важные дела почему-то вершились ночью. Егизаров, указав взглядом на стул, подходит ко мне вплотную и, прижав к виску наган, по-актерски выразительно произносит:

— Значит, Новикова, любимого советским народом композитора, к черту? Так вы, кажется, соизволили выразиться? Лучше, значит, «Караван»? Не выйдет! Для господ буржуев, таких, как ты, советская пуля имеется, понял? — На этом самом месте дуло нагана почти вонзается в мой висок. — Встать!

Статью 58-10, по тогдашним обычаям, могли припаять и за Новикова. Эгон Юргенс, мой однокашник, в компании приятелей рассматривал напечатанные в «Огоньке» фотографии: рядом с нашими офицерами, одетыми в гимнастерки, сидят американские — в шикарных кителях, с разными аксельбантами, эполетами...

— Сразу видно — офицеры, — восхищенно заметил Эгон, показывая на фото. — Не то что наши, в рубашках...

Пять лет за одну эту фразу отсидел он в Норильском лагере...

Егизарова следует отнести ко второму типу тогдашних энкавэdistов. Такие люди, крайне примитивные, однако не в меру честолюбивые, находили в своей работе возможность возвысить себя, унижая других.

Коменданта Мартюхова, холеного, даже красивого с виду, сорокалетнего циника, я бы причислил к третьему типу. Бесспорно, был он умнее Егизарова, но ни во что не верил, людей, а лишенцев тем более глубоко презирал, хотя красивыми немками или латышками не пренебрегал. На этой слабости он, что называется, и погорел. А дело было так.

Контора рыбучастка в тот вечер была отдана в распоряжение прибывшего на факторию Мартюхова. «Специки» заходили к нему, как уж было заведено, по одному. И вот переступает порог миловидная, все-

гда улыбающаяся Лиза, недавно ставшая женой Ольгерта. Комендант, окинув ее оценивающим взглядом, кидает на пол свою шубу и приказывает: «Ложись!» Но допускает маленькую оплошность: дверь-то не заперта. В это самое мгновение вваливается в контору Алексей Редькин, начальник рыбучастка, весь в снегу, только что вернувшийся с промысловой точки. Воспользовавшись моментом, Лиза бежит домой и, перепуганная, прямо с порога все выкладывает мужу. А Ольгерт, будучи человеком эмоциональным, к тому же, как все молодые мужья, ревнивым, садится за стол и, не раздумывая, строчит заявление на имя начальника районного отдела МВД.

Когда слух о его жалобе распространился среди наших, мнение было единым: несдобровать Ольгерту. По тогдашним меркам подобная жалоба — беспрецедентная дерзость, которая рикошетом должна ударить в самого жалобщика. Однако на сей раз произошло чудо, да еще какое!

— Новый начальник райотдела МВД Юрьев просил передать, чтоб ты не тревожился, — сообщил обалдевшему от неожиданности Ольгерту вернувшийся из Хатанги Редькин. — Говорит, правильно сделал, что написал.

Такого еще не случалось! А произошло вот что. От врачей районной больницы Юрьеву стало известно, что Мартюхов заразил позорной венерической болезнью больше десяти женщин из числа спецпереселенцев. Юрьев, еще недавно состоявший на дипломатической службе в Китае и попавший в Хатангу, как я теперь понимаю, по чьей-то высочайшей немилости (ведь и для А.П. Завенягина Норильск был своеобразной ссылкой!), сразу же показал себя человеком честным, по-партийному принципиальным, ждать от него поблажки Мартюхову не имело смысла.

Такое вот стечение обстоятельств и спасло Ольгерта. И чего уж я никак не ожидал в 1968 г., по истечении двадцати лет после описанных здесь событий, по-

лучаю письмо от ...Юрьева. Михаил Григорьевич, к тому времени уже пенсионер, сообщил, что помнит нас с Ольгертом, видел брата в каком-то фильме, внимательно читает мои статьи в «Красноярском рабочем» и желает успехов на журналистском поприще...

Да, время тогда, в конце 40-х, расставляло точки над «і». Пугать кого-то «специками», дескать, это те, из-за которых война началась, — стало уже невозможным. Сама жизнь, совместная — плечом к плечу, работа сблизили, даже сдружили нас с полноправными гражданами. На Жданихе, например, немцы с Поволжья вкупе с долганами, коренными жителями тундры, создали крепкий, я бы даже сказал, образцовый колхоз, где наряду с оленями бережно выращивалось первое в Хатангском районе поголовье крупного рогатого скота. На фактории Обойная пример высочайшего рыбацкого мастерства показывали высланные из своей республики калмыки — прирожденные, закаленные в штормах Каспийского моря промысловики. Появилось много смешанных браков — в это «движение» и я внес свою лепту. Лишенные гражданских прав, «спецы» один за другим выдвигались на руководящие должности — председателями колхозов, начальниками участков, ведущими экономистами. Придуманная «великим кормчим» система искусственного разделения людей на касты рушилась всякий раз, как только люди по-настоящему сближались и узнавали друг друга.

Точно молния на ясном небе, 5 марта 1953 г. ошеломил скорбный голос Левитана: не стало Сталина. Как быть дальше? Ушел из жизни недосыгаемо великий человек, «наш отец, учитель, воин, гений счастья и свободы, нашей правды торжество». Плакали почти все — даже те, кто, в сущности, должен был радоваться. И, наверное, не столько от жалости или печали, сколько от растерянности, какого-то всеобщего шока. Разве мыслимо? Как же без Сталина, «мудрого стратега и гениального вождя»? Велика,

что и говорить, была магия сталинского гипноза.

Осталась в моей памяти и «холодная зима пятьдесят третьего», когда Норильск уже стал городом, а к нам, в таймырские поселки, хлынули оравы разнuzданных с удивительной поспешностью амнистированных Берией уголовников, или, как их тогда называли, «архаровцев». Где-то с месяц они держали в постоянном страхе всю факторию. Прямо на улице раздевали людей, заходили в квартиры и брали что вздумается. Спас положение, помнится, Вася Сибиряков, бедовый и развеселый «красночумовец». Подкараулив их вожака, «вора в законе», в одиночку возвращавшегося с попойки, Вася так его отделил, что на другой день «архаровцы» притихли: оказывается, и их можно побить. Кое-кто из амнистированных уголовников стал честно работать, некоторые семьями обзавелись, однако подавляющее большинство через полгода-год снова оказались там, откуда Берия их вызволил.

Хочется рассказать еще об одном эпизоде, весьма характерном для того смутного, но и исполненного больших надежд времени. В срочном порядке приезжает из краевого центра представитель МВД и сразу же является прямо на квартиру к председателю калмыцкого колхоза:

— Собирайтесь, завтра вместе со мной поедете в Красноярск!

Председатель, не на шутку расстроившись, не спит всю ночь, гадает: за какие же опять грехи? Жена для мужа сухари сушит, теплое бельишко готовит. Так, в старенькой фуфайке да с кульком сухарей, и привели председателя в крайисполком. А там к нему почтительно, называя по имени-отчеству: принято, говорят, правительственное решение о восстановлении Калмыцкой автономной области (в 1958 г. область была реорганизована в автономную республику. — *Г.К.*). На должность заместителя председателя облисполкома намечена ваша кандидатура, если, конечно, вы не возражаете...

Г. Кродерсу — 65 лет.

На юбилейном вечере. 1991 г.

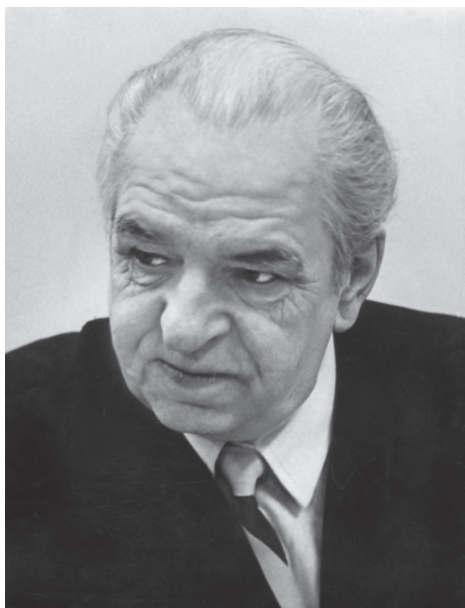
свое время расставаться с Латвией, также немислимо трудно покинуть сегодня Норильск, ставший для меня второй родиной.

А Ольгерта, сразу же после отмены «крепостного права» вернувшегося в Ригу, взял к себе в ассистенты Эдуард Янович Смильгис, старый приятель отца, основатель и главный режиссер Художественного театра им. Я. Райниса. Теперь Ольгерт, народный артист ЛССР, в портовом городе Лиепая сам осуществляет художественное руководство драмтеатром. Читатель, возможно, помнит его по киноролям в фильмах: «Риск», «Молчание доктора Ивенса», «24–25-й не возвращается», «Опознание», «Голова профессора Доуэля», «Никколо Паганини», «Контракт века»... Ольгерт и сейчас, достигнув почтенного возраста, все такой же «несерьезный», по-юношески неугомонный, до наивности доверчивый и абсо-

Осенью 1955 г. я получил справку, удостоверяющую, что «с 1941 года находился на спецпоселении в Красноярском крае и на основании заключения МВД Латвийской ССР из спецпоселения освобожден». К тому времени уже пошли в школу Олег и Таня, жена заведовала интернатом. Решил на пару лет задержаться на Севере. Не думал, конечно, тогда, что «задержка» растянется еще на тридцать три года. Как мучительно жаль было в

Г. Кродерс за привычной работой. 1983 г.

Г.Р. Кродерс

лютно непрактичный. Говоря словами Анны Ахматовой, «он награжден каким-то вечным детством». И в этом, пожалуй, главное его достоинство как режиссера и артиста.

ВРЕМЯ ПРАВДЫ НАСТУПИЛО (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

На этом дневниковые записи заканчиваю. И снова задаю себе вопрос: зачем, для чего все это ворошу? Для того, чтобы снова загнать воспоминания в глубь души? Нужны ли, интересны ли людям эти отнюдь не веселые «дела давно минувших дней»? Допускаю и такого читателя, который брезгливо отвернется от написанного: «Ну, знаете, слишком уж много черной краски. Да и не могло у нас такого быть!» Но это БЫЛО.

Тогда, в 1941 г., мы, как и сегодняшние юноши, обязаны были жить и держать удары — таков удел каждого поколения. Наши сверстники хоронили погибших в бою товарищей, мы же предавали земле матерей, умерших от голода и лишений, оплакивали заключенных в лагеря отцов. Не мы выбираем время, а время выбирает нас. Боль от пережитых ударов и ран воплотилась в строки, которые, надеюсь, все-таки помогут молодым, «приняв наследство со всеми долгами», осмыслить, постичь и понять сложное, тяжелое, противоречивое время, называемое сегодня периодом культа личности. Будущее рождается из прошлого. И каждому новому поколению, чтобы сделать собственные выводы, предстоит осмыслить путь, пройденный предыдущим.

Если о трагических судьбах узников сталинских лагерей написано уже достаточно много, то массовые депортации в нашей литературе (да и в истории тоже!) остались белым пятном по сей день. Кому же, как не нам, оставшимся в живых, восполнять этот пробел? Через каких-то пять-десять лет не станет и нас...

В заметке, напечатанной в «Правде», которая, собственно, и побудила меня взяться за перо и с ко-

торой, если помните, начинаются эти записки, сказано: «Нельзя не понять горечь воспоминаний о том времени, когда тысячи семей были высланы за пределы республики. Как горький период истории расценивали эти необоснованные акции выступившие на митинге общественные деятели, партийные работники, представители молодежи, делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции. По предложению общест-венности, поддержанному руководством республики, решено возвести мемориал невинно пострадавшим в годы культа личности».

Вычеркнутых из жизни мемориалом не вернешь, но возвести его конечно же надо. Это долг перед нашей памятью. Хотя самый лучший памятник жертвам сталинизма — это сама возможность говорить о прошлом открыто, без утайки вспоминать прошлое таким, каким оно было — со всеми трагическими противоречиями, добром и злом.

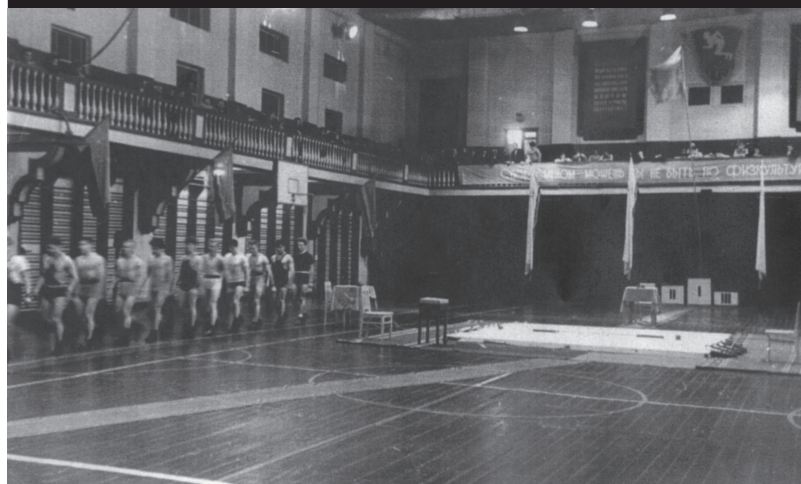
1988 г.

Р.С. С небольшими сокращениями воспоминания Г.Р. Кродерса были опубликованы в этом же году 30 августа в городской норильской газете «Заполярная правда».

Владимир Куц

Владимир Куц:

*«Если в 1946 г. в поселке
было 17 футбольных команд,
то в 1947 г. – уже 24».*

*Открытие футбольного сезона.
На параде команда медного завода. 1955 г.*

*Гвардейская площадь. Перед началом лыжной эстафеты по
улицам Норильска. 1956 г.*

Норильчанином я стал в 1946 г., когда приехал к отцу, который, как «враг народа», отбыл свои законные восемь лет в заключении и вышел на свободу. А до этого уже и я сам, как говорится, успел хлебнуть лиха.

В 1942 г. за обнаруженные в нашем доме советские листовки и брошюры с речью И.В. Сталина о 24-й годовщине Октября (на оккупированную территорию их сбросили с самолета) был угнан в Германию на каторжные работы, а было мне 14 лет. Три года жизни с ежечасной мыслью — что поесть и как выжить?

В марте 1945 г. был освобожден американцами в земле Баден-Вюртемберг (на границе с Францией). За умение изъясняться на русском, украинском, белорусском, польском, немецком языках и за подсажку об эсэсовской артиллерийской засаде в районе нашего городка американцы предложили мне заменить раненого пулеметчика крупнокалиберного пулемета. Так в 17 лет я стал солдатом 4-й дивизии американской армии.

В составе разведотряда этой дивизии прошел боевой путь фактически через всю Южную Германию. Участвовал в форсировании Дуная, взятии Аугсбурга, Мюнхена и других крупных городов. Был контужен. 4-я дивизия после взятия Мюнхена осталась добивать войска СС в Альпах, и боевой путь ее на этом заканчивался, а мне надо было на восток, к своим.

Так я очутился во 2-й танковой дивизии 3-й американской армии под командованием генерала Паттона, из которой в первых числах мая 1945 г. в районе города Амштеттен (Австрия), где встретились американские и советские войска, перешел в распоряжение командования Красной Армии. В 26-м гвардейском воздушно-десантном полку 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии находился в качестве шо-

фера-переводчика особого отдела контрразведки, выполняя особые задания командования. В конце августа 1945 г. был отправлен на Родину, так как мне не было еще 18 лет.

Короче говоря, в Норильск я приехал молодым, но уже зрелым и обстрелянным человеком. Свою трудовую деятельность начал в ТЭЦ и сразу же пошел учиться в школу рабочей молодежи. После школы окончил заочный институт, аспирантуру, стал инженером-электриком. Жизнь в Норильске свела меня с очень многими умными, порядочными, хорошими людьми, с которыми довелось работать, учиться, общаться. Все, что у меня есть хорошего и чему я обязан в жизни, — все в основном заложено в Норильске.

Полученные на комбинате знания, опыт, умения оченьгодились мне на работе в аппарате Минцветмета и Госснабе Союза, где мне потом довелось работать.

В Норильске я женился, здесь у меня родились дети, внучка (это уже четвертое поколение нашей семьи в Заполярье). Все время работы на комбинате занимался спортом. Был чемпионом Норильска по боксу (в легком весе), чемпионом Красноярского края по плаванию, защищал спортивную честь края на спартакиаде в Москве.

Вообще Норильск немыслим без спорта, без спортсменов. С первых дней своего существования Норильск имел своих спортсменов. Суровый край подвластен только сильным, выносливым, мужественным. Это всегда понимали люди, стоявшие во главе комбината. Уже в 40-е годы поселок имел свой небольшой стадион «Динамо» (на месте сегодняшнего цеха механического завода) и тир в подвале старой гостиницы.

Первым большим спортивным праздником в Норильске был физкультурный парад 1945 г. Немаловажным фактором развития физкультуры на комбинате явилось и то, что у колыбели норильского спорта

Первомайский парад физкультурников принимают руководители Норильлага и комбината

стояли такие выдающиеся спортсмены страны (оказавшиеся волей судьбы в Норильске), как А. Старостин, В. Буре, С. Леута и др.

С середины 40-х годов сборная команда Норильска неоднократно являлась чемпионом и обладателем футбольного кубка края.

Вспоминается, какая хорошая была в Норильске футбольная дружина: П. Великжанин, К. Чернышев, И. Корнейчук, В. Розыграев, Н. Лобов, А. Ли, О. Подколзин, В. Шипиц, братья Мальцевы и др.

Заслуженный мастер спорта СССР Андрей Петрович Старостин, находясь в заключении, создал в Норильске футбольную школу, традиции которой (думаю) живы и до настоящего времени. Норильск «заболел» футболом. Если в 1946 г. в поселке было 17 футбольных команд, то в 1947 г. — уже 24.

Лучшие спортколлективы были у металлургов и энергетиков (председатели — руководители этих коллективов В.В. Терпегосов и И.К. Бронштейн). Мало чем им уступали спортколлективы механиков, гор-

Спортивная жизнь Норильска. 1946 г.

Футбольная команда на стадионе «Динамо», справа — здание ДИТРа, левее — танцплощадка. 1949 г.

няков, строителей. Почти все студенты горно-металлургического техникума были спортсменами.

Первой общекомбинатской спартакиаде 1947 г. предшествовали соревнования внутри низовых коллективов. Занявшие призовые места на спартакиаде комбината представляли Норильск на краевой спартакиаде, в программу которой входили легкая атлетика, стрельба, велогонки, плавание, городки. Сборная команда пос. Норильск заняла в Красноярске второе место, уступив лишь первой сборной хозяев спартакиады, обогнав вторую сборную Красноярска, Ачинска, Канска и других, имевших в своих составах рекордсменов края и спортсменов высших разрядных норм всесоюзной спортивной квалификации.

Лучшие наши легкоатлеты О. Марков, В. Новоселов, Т. Николаева, А. Болотов составили серьезную конкуренцию чемпионам и рекордсменам края. Хорошо выступали и другие члены сборной Норильска: В. Коновалов, Г. Сакун, С. Лившиц, Н. Перевалов, Н. Султангереева, З. Лунина.

Чемпионами края по плаванию стали В. Куц, Н. Гуцол и В. Езепенко.

С большой признательностью вспоминаю своего тренера (впоследствии заслуженного тренера СССР, дедушку нынешней «русской ракеты» — хоккеиста П. Буре) В.В. Буре, ежедневные тренировки с которым, включавшие переплывание Енисея (в районе с. Атаманово), сделали меня чемпионом края на дистанциях 100 и 400 метров вольным стилем. Спортколлективу Норильска было присуждено переходящее Красное знамя с вручением Почетной грамоты краевого комитета по делам физкультуры и спорта.

Шесть «динамовцев» Норильска — О. Марков, Т. Николаева, В. Новоселов, В. Куц, Н. Гуцол и В. Езепенко были включены в сборную команду Красноярского края и защищали спортивную честь края на Всероссийской спартакиаде 1947 г. в Москве.

Это был первый большой успех норильских физкультурников. На состоявшейся в феврале 1948 г.

В. Куц на водном стадионе «Динамо». Москва, 1947 г.

физкультурной конференции Норильска были подведены итоги знаменательного 1947 г. Конференцией было принято решение о строительстве большого спортзала, расширении стадиона «Динамо».

Руководство комбината поддержало решение физкультурников. По указанию начальника комбината А. Панюкова, главного инженера В. Зверева выделялись бульдозеры и другая техника, а экскаваторы (для строительства стадиона) снимались даже с рудников открытых работ по особому приказу.

Уже в 1949 г. большой спортивный зал (Дом физкультурников) и стадион «Динамо» (северная часть) были торжественно переданы норильским спортсменам.

...Пройдут годы. Неузнаваемо вырастет спортивная база заполярного Норильска — будут построены спортивные дворцы, плавательные бассейны, лыжные и туристические базы и многое другое. Будут норильские футболисты принимать гостей — москвичей, ленинградцев, киевлян, выигрывать у «самого» московского «Спартака» (да, было и такое), будут забивать голы на норильском стадионе Э. Стрельцов, И. Дементьев, И. Нетто... Частыми гостями станут знаменитые советские хоккеисты, фигуристы и другие спортсмены, мастера, которые будут демонстрировать здесь свое мастерство. Выйдут норильские спортсмены на всесоюзные и международные спортивные арены, но в памяти норильчан должны остаться и те, чьи мужество, воля к победе, самоотверженность положили начало большому спорту в заполярном Норильске, в те далекие сороковые...

В.Т. Куц. 1999 г.

Пламенный привет делегатам II-й конференции физкультурников комбината!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган политического
отдела
комбината и
районного совета
ордена Ленина
спортивного
общества
«ДИНАМО»

№ 1-2 (37-38)

СУББОТА
21 февраля
1948 года

Выше уровень физкультурной работы! Завоеем первенство в крае!

К новым спортивным достижениям!

Сегодня на II-й конференции физкультурников комбината делегаты подводят итоги работы за 1947 г. спортивного «Динамо», его низовых коллективов, вскрыто недостатки и намечат мероприятия по дальнейшему подъему спортивной работы.

Во второй конференции низовые физкультурные коллективы и в целом наше спортивное общество приносят salutem и организационным. Проведена большая работа по водовосстановлению в секциях, росту численности ГТО, увеличению разрядников по стрельбе и лыжам, охвату разными видами спорта через секции. Об этом подробно говорится в прилагаемой таблице.

Лучшими спортивными коллективами комбината, завоевавшими первенство, являются коллективы, где председатели тт. Терпигорев, Гаврилов, Бринштейн.

Однако в развертывании физкультурной работы у нас имеются и серьезные недостатки. Еще на низком уровне находится спортивная работа в коллективах, где председатели тт. Давыдов, Перфилов, Думкин, Васин, Усугулов первенство молодежи спортивного коллектива техникума. Председатель этого коллектива т. Орошкин и физрук т. Зобач создали руководство физкультурным движением. Инструкторский аппарат Совета «Динамо» еще слабо контролирует и помогает в работе низовым коллективам.

Необходимо быстрее изжить все недостатки и в 1948 году поднять физкультурную работу еще на более высокую ступень, сделать ее подлинно-массовой и завоевать первенство в крае!

Итоги работы за 1947 год

	1946 г.	1947 г.	Рост в 1948 г.
1. Подготовка звания ГТО I ступени	334	407	134
2. Подготовка звания ГТО II ступени	5	11	220
3. Участие в кроссе имени Л. П. Б-ря	1358	2606	192
4. « в лыжном кроссе	1266	2034	160
5. Подготовка разрядников из боевой группы	1	24	2400
6. « разрядников по лыжам	73	127	174
7. « катерников по шахматам	33	114	380
8. Количество футбольных команд	17	24	141
9. « баскетбольных команд	6	12	200
10. « занимающихся в центральных секциях	297	482	162
11. « занимающихся в районных секциях	406	1303	305
12. Охват членства и общества	2005	3485	173

ХОККЕЙ

Разыгрыш первенства нашего Совета «Динамо» по хоккею по первой группе идет к концу. Без поражения идут команды коллектива № 1 и первая команда техникума.

В хорошей форме и по личному составу первая команда коллектива № 3 и № 5 (председатели тт. Терпигорев, Бринштейн). Сильно прогрессирует впервые выступившая в календаре по первой группе команда коллектива № 2 под руководством физкультурника т. Дмитриева и капитана команды т. Философа. Все встречи команд вызывают большой спортивный интерес как у своих участников, так и болельщиков хоккея.

29 февраля начнется свой календарь хоккейных команд второй группы в составе 7 команд. Хоккейный календарь второй группы будет представлять большой интерес, так как по своему составу команды очень разные. Горькая задержка привела Советом «Динамо» для второй группы будет напряженной.

Н. ПЕТРОВ.

Соревнования по шахматам

В командных соревнованиях на первенство нашего Совета «Динамо» по шахматам принимает участие—13 команд. Всего участвует 127 шахматистов, из них свыше 100 чел. имеющих квалификацию от 5 до 2 категории.

После 8 туров вперед идут команды коллектива № 3 (председатель т. Васин) и 1-я команда коллектива № 2 (управление комбината и проектанты) 3-е место—третья команда строителей, обогнавшая своего старшего товарища—первую команду, которая держит четвертое место. На 5-м месте вторая команда коллектива № 2.

Командные соревнования вызвали действенный интерес среди шахматистов комбината. Обнаружилось новое квалифицированное шахматисты. Заметный рост показали студенты Коротков, Гаразов, Зверовский. Шахматная команда ДИТРА в час игры закончила участия и в боях.

Плохо идет настречу шахматистам руководство ДИТРА, делая попытку задержать у шахматистов команду, очевидно, не считая игру в шахматы занятием достойным инженерно-технических работников.

Н. БАБИНА.

О ЧЕМ ПИСАЛИ СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

«Заполярный динамовец» за 1947 г. и 1948 г. Эти номера газет сохранились в семейном архиве Владимира Терентьевича Куца. Его имя упоминается и в той, и в другой газете как стахановца-строгальщика, добившегося спортивных побед в плавании: Владимир Терентьевич Куц был чемпионом Красноярского края по плаванию в 1947 г., был участником Spartakiady РСФСР в Москве в том же году.

МАССОВЫЙ ЛЕТНИЙ КРОСС ИМЕНИ Л.П. БЕРИЯ...

«Заполярный динамовец» № 9–10 (33–34) за 24 октября 1947 г., как и вторая газета за 1948 г., являлась органом политического отдела комбината и районного совета ордена Ленина спортивного общества «Динамо». Материалы первой газеты посвящены 30-летию Октября.

По традиции она открывается передовой статьей «Достойно встретить наступающий праздник». Из нее мы узнаем, что в параде в честь Всесоюзного дня физкультурника участвовало свыше трех тысяч динамовцев, а на старт профсоюзно-комсомольского кросса и кросса имени Л.П. Берия вышло 2076 физкультурников. В I общекомбинатской Spartakiade участвовали 188 спортсменов. Лучшие из них выступали на III краевой Spartakiade и Spartakiade РСФСР в Москве.

В информационной колонке на первой странице отмечены другие успехи спортсменов. На Кубке края

футболисты Норильска обыграли лучшую команду Красноярска «Локомотив», победителя Кубка РСФСР восточно-сибирской зоны.

На второй странице тему передовой продолжила статья А. Панова, руководителя спортивного коллектива на III краевой Спартакиаде. Норильчане впервые выступили в большом междугородном соревновании. Коллектив «Динамо» выиграл первые места по городкам и плаванию, занял второе место по легкой атлетике и остался на четвертых местах по велосипеду и стрельбе, выйдя таким образом на второе место по всей программе Спартакиады. Наградой динамовцам стало переходящее Красное знамя с вручением почетной грамоты краевого комитета по делам физкультуры и спорта.

На развороте можно прочитать немало интересного. Массовый летний кросс им. Л.П. Берия приобрел большую популярность среди физкультурников комбината. 11 коллективов приступили к выполнению упражнений III и II разрядов Всесоюзной стрелковой классификации — руководитель стрелков А.А. Воронин был первым стрелком комбината, выполнившим норму II разряда (за 29 секунд пятью патронами на расстоянии 300 метров он выбил 39 очков). Хоккейная секция совета «Динамо» готовится провести несколько показательных игр в канадский хоккей, для чего заготавливается необходимый инвентарь и готовится семинар по изучению правил игры. Совет «Динамо» приобрел для спортивных секций инвентарь, в числе которого полный комплект для фехтовальщиков и борцовский мат, что даст возможность работать секциям фехтования и греко-римской (французской) борьбы. Организованы детские (уличные) футбольные команды, восемь из которых разыграли между собой Кубок норильского совета «Динамо». Команда «Октябрьская» (капитан Стеблянко) в упорной борьбе выиграла встречу у своего равноценного конкурента — команды «Заводская-1» (капитан Курпатенко).

Самый привлекательный материал номера — рассказ о матче на Кубок совета «Динамо» по футболу, который состоялся в конце сентября 1947 г. Погода была неблагоприятной, что для Крайнего Севера неудивительно, но игра команд энергетиков и коллектива № 1 привлекла на стадион многих.

За энергетиков играли: вратарь — Буре; защитники — Чернышев, Тихомолов, Титов; нападающие — Лобов, Шипиц, Цих, Новичков и Подколзин. За коллектив № 1 выступили Лепин, Фатеев, Михаил Мальцев, Анатолий Мальцев, Николай Мальцев, Валовой, Александров, Пугачев, Жаров, Игнатьев и Арутюнов.

Автор довольно живо (в отличие от официального стиля всех других материалов) рассказывает о ходе игры. По его мнению, «коллектив № 1 играет, исходя из принципа — прежде всего не дать забить; энергетики строят игру на тактике — быстрее забить. На 25-й минуте удачный выход Арутюнова создает опасный момент. Он бьет с угла по воротам. Мяч от рук в броске парировавшего удар Буре попадает в боковую штангу и отражается в поле, где стремительно набежавший Жаров без труда забивает его в пустые ворота. Тут только энергетики, по-видимому, поняли угрозу реального поражения. Выдвинув вперед Чернышева, они резко повысили темп игры. Но через несколько минут комбинация Александров—Жаров—Игнатьев—Жаров заканчивается вторым голом. Финальный свисток судьи Фельдмана возвестил о том, что победителем Кубка совета «Динамо» в 1947 г. вышла команда коллектива № 1, одержавшая почетную и заслуженную победу в финальном матче над командой энергетиков со счетом 2 : 0».

Четвертая страница объединена шапкой «Здравствуй зима!» (восклицательный знак есть, а запятая перед обращением почему-то отсутствует). Газета «Заполярный динамовец» информирует, что теннисисты перешли в спортивный зал, где систематичес-

ки тренируются. Лыжники готовятся к розыгрышу на первенство края. Теперь у них хорошая лыжная база «с просторным теплым помещением, расположенным в районе цепи озер на местности, непосредственно прилегающей к старту и финишу всех дистанций лыжных соревнований». Зимний спортивный сезон открыли товарищеские встречи волейболистов и баскетболистов. Началось первенство совета «Динамо» по стрельбе из боевой винтовки на дистанции 300 метров. На лидирующее место вышла первая команда коллектива № 1, на второе — вторая команда коллектива № 1. И это при том, что линия огня была оборудована плохо.

Газета была отпечатана в типографии комбината тиражом 500 экземпляров, ее подписал врид. ответ. редактора К.А. Кокорин.

«ПЛОХО ИДЕТ НАВСТРЕЧУ ШАХМАТИСТАМ РУКОВОДСТВО ДИТРА...»

«Заполярный динамовец» № 1–2 (37–38) вышел в 1948 г. 21 февраля, в день открытия II конференции физкультурников комбината. Призыв конференции обозначен на развороте газеты: «Проведем вторую конференцию физкультурников нашего комбината под лозунгом критики и самокритики! Поднимем на высшую ступень все виды спорта!»

Этот номер скучнее и интересен прежде всего критическими замечаниями, которые можно прочитать уже в передовой статье. Здесь перечислены коллективы, где спортивная работа находится на низком уровне. Уступил первенство молодежный спортивный коллектив техникума. Инструкторский аппарат совета «Динамо» слабо контролирует низовые организации и мало помогает им.

В заметке «Соревнования по шахматам» говорится о том, что в первенстве совета «Динамо» по шахматам участвуют 127 человек, имеющих квали-

фикацию от 5-й до 2-й категории. После восьми туров впереди команда коллектива № 3 (председатель т. Васин), первая команда коллектива № 2 (управление комбината и проектанты) заняла второе место, на третьем — вторая команда строителей. Шахматная комната ДИТРа в часы игры всегда заполнена болельщиками. Но «плохо идет навстречу шахматистам руководство ДИТРа, делая попытку забрать у шахматистов комнату, очевидно не считая игру в шахматы занятием, достойным инженерно-технических работников».

На первой странице дана картина итогов работы за 1947 г. В первой графе перечисляются показатели: подготовка значкистов ГТО I ступени и ГТО II ступени, участие в кроссе им. Л.П. Берия, подготовка разрядников из боевой винтовки и другие показатели. В трех других — количественные данные за 1946–1947 гг. и рост в процентах к 1946 г. Самый большой рост в подготовке стрелков — 2400 процентов: это означает, что в 1946 г. был только один стрелок, а через год их стало 24. На 380 процентов выросло число шахматистов, на 220 — значкистов ГТО II ступени и так далее. По всем позициям налицо прогресс.

На второй и третьей страницах продолжились отчеты спортивных команд, которые заканчиваются критикой и самокритикой в адрес команды баскетболисток, лыжников, спортивного коллектива № 5. В заметке Н. Сапуненко отмечено, что для нормальных занятий волейбольной команды не было создано условий. «Обычно, когда приходишь в спортивный зал, там всегда большая скученность и тренироваться нет возможности». Автор просит руководство совета «Динамо» установить отдельные часы для тренировок каждому коллективу.

Самый большой материал на развороте газеты «Заполярный динамовец» за 21 февраля — рассказ о работе за год председателя передового спортколлектива № 4 И.К. Бронштейна. Здесь есть его фото-

портрет, а также снимок В.В. Терпогосова — председателя передового спортколлектива № 3.

Четвертая страница посвящена лучшим спортивным достижениям страны.

В конце четвертой страницы написано: «За пределы комбината не распространяется». Ответственный редактор газеты — Т.О. Зубарев. Ее тираж составил 1500 экземпляров.

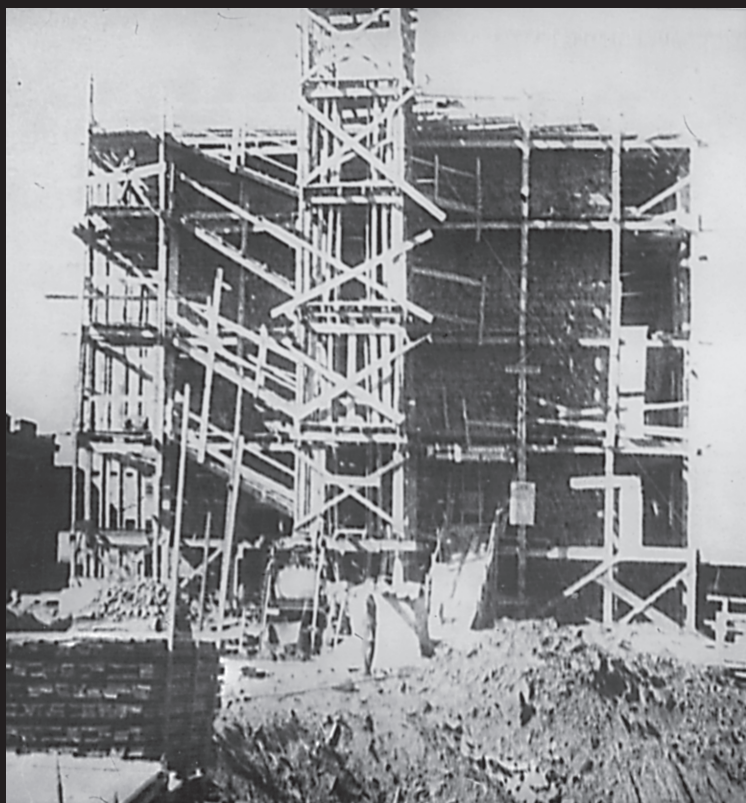
Рубрика «О чем писали старые газеты» может стать постоянной в нашей книге. Присылайте газеты прошлых лет, которые сохранились в вашей семье: они очень красноречиво рассказывают о времени и жизни в Норильске.

Г.И. Касабова

Игорь Александрович Никулин

Игорь Никулин:

*«...участие в строительстве
комбината носило семейный
характер...»*

*Дворец культуры, 22 декабря 1966 г., День энергетика.
Справа: М.П. Дьяконов, нач. электросетей; И.А. Никулин,
главный инженер Главэнерго Минцветмета СССР;
второй слева: И.Э. Бондаровский, главный энергетик комбината.
Фамилии остальных, к сожалению, память не сохранила*

Осенью 1937 г. мы с мамой и сестрой Галей проводили отца, Александра Николаевича Никулина, в первый раз в его жизни на южный курорт. Я поехал в Томск, где учился уже на третьем курсе в индустриальном институте. Тогда я и подумать не мог, что больше никогда не увижу отца. Его арестовали в первую же ночь после возвращения из отпуска в Красноярск, где жила семья. Только в 1992 г. я выяснил, что по решению тройки НКВД отец был расстрелян. Наш семейный архив пополнился двумя страшными документами: свидетельством о смерти А.Н. Никулина и справкой о том, что он расстрелян. А место его захоронения неизвестно.

Эта трагедия определила дальнейшую жизнь всей семьи. Мама не смогла пережить арест отца и вскоре умерла с мыслью, что с ее мужем обошлись несправедливо: уж она-то знала, что он всерьез увлекался техникой, но никогда — политикой и потому просто не мог быть врагом народа. В 1942 г. меня призвали в армию, но когда выяснилось, что мой отец осужден по политической статье, в ряды РККА дорогу мне закрыли, однако направили на работу в Норильск. К тому времени я уже окончил институт. Энергетики очень нужны были на строительстве первой ТЭЦ на Таймыре.

Я выехал в Заполярье, оставив в Красноярске жену, Ларису Ивановну Нечаеву, и трехлетнего сына.

В первых числах июля 1942 г. я сел в старенький гидросамолет, принадлежавший норильскому авиаотряду. Кроме меня в грузовом самолете были еще шесть пассажиров. Первый раз на работу в норильский лагерь НКВД и на комбинат летели В.И. Козловский, начальник политотдела, и пять молодых людей, возвращавшихся из Кемерово, где они стажировались для последующей работы машинистами турбин на ТЭЦ.

Наш рейс не обошелся без серьезных происшествий. Первую плановую посадку самолет совершил в устье Подкаменной Тунгуски (приток Енисея). Машинисты турбин пошли по своим делам, а экипаж — по своим. Мы с Козловским остались одни, познакомились и отправились на поиски пищи. Нам указали на небольшой рубленый одноэтажный домик.

Нас встретила симпатичная женщина, сияющая румянцем. Дом оказался кухней и столовой. Пышет жаром русская печь. Хозяйка предложила пожарить поросенка или цыплят. Для меня это было невероятной и невиданной роскошью после красноярской голодухи. Мы, конечно, остановили свой выбор на цыплятах. Пока они жарились, хозяйка поставила на стол большую суповую тарелку, наполненную до краев черной осетровой икрой, свежайшее сливочное масло, теплый хлеб и графин спирта. Война еще не коснулась таежной глухомани!

Такая трапеза удивила не только меня, но и Козловского. Он предложил выпить и закусить, пока не готовы цыплята, что мы и сделали. Выпили очень немного. После обеда поступила команда на посадку в самолет. Завели моторы... После небывало сытного обеда я сразу задремал. Проснулся от шума голосов и резкого снижения гидросамолета. Оказывается, отказал один из двух моторов, а на одном оставшемся лететь нельзя. Мы быстро снижались над тайгой, казалось, вот-вот зацепим верхушки деревьев. Но, к счастью, этого не произошло, самолет успел дотянуть до реки и плюхнулся на воду у самого берега могучего Енисея. С одним действующим мотором гидросамолет и на воде имеет тенденцию вращаться. Но наш опытный пилот Чимеров, аккуратно подбавлявая одним винтом, сумел причалить к острову. На острове срубили дерево и сделали импровизированный руль, противодействующий вращающему воздействию мотора. Таким образом мы поплыли по Енисею до ближайшей деревни.

В деревне нас разместили в школе. Пилоты и борт-механики починить мотор не смогли. Восстановили радиосвязь, которая во время аварии отказала, связались с Туруханском и вызвали катер для буксирования самолета в Туруханск. Из Красноярска вызвали самолет, он доставил мотор для замены аварийного.

В деревенском магазине я купил брюки, потому что мои были все в заплатах, и дешевенькие ботинки. Наконец я снял с себя изношенные донельзя тапочки, подошва которых была подвязана к ноге медной проволокой.

Через пару дней из Туруханска прибыл катер, он взял наш самолет на буксир, и таким экзотическим образом мы поплыли в Туруханск. Погода стояла чудесная — солнечная и жаркая. Никакого ветра. Мы с машинистами турбины, молодыми ребятами, с разрешения командира Чимерова попарно выходили на крыло самолета: загорали там, как на пляже. Наконец на самолете по воде приплыли в Туруханск.

Здесь заменили мотор в гидросамолете, и мы полетели в Норильск. Под нами была тундра с перемежающимися озерами и крупными, сияющими на солнце белыми пятнами. Оказывается, это был снег, который за короткое заполярное лето не успевает растаять — своего рода снеголедяные озера.

Вскоре на горизонте появились высокие горы. Потом я узнал, что это горы Рудная и Шмидтиха, между ними в ущелье протекал ручей Угольный. Над горами самолет сделал разворот, приземлился на аэродроме «Надежда».

На грузовом автомобиле, приспособленном для перевозки пассажиров, мы добрались до поселка Норильск.

Дорога на Таймыр даже в летнее время оказалась непростой, как же трудно приходилось норильскому авиаотряду зимой! На строящийся комбинат приходилось доставлять немало грузов круглый год. Рассказывали, что, бывало, летчики на свой страх и риск

подвязывали к фюзеляжу негабаритный груз и летели так, чтобы не задерживать монтаж оборудования на строящихся объектах.

Первым человеком, который мне запомнился в Норильске, был начальник монтажного отдела Лев Михайлович Леринман. От него я получил назначение на монтаж первой норильской ТЭЦ. В первой книге воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» я подробно рассказал о людях, работавших на ТЭЦ. Добавлю к этому описание событий, предшествовавших пуску первой ТЭЦ.

Условия военного времени требовали от всех предельного напряжения сил. В ноябре и декабре 1942 г. нам запретили покидать станцию — объявили казарменный режим. Организовали питание, оборудовали одну комнату в бытовках ТЭЦ под спальню, поставили шесть кроватей, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь на них спал. Спали на рабочих местах, когда выпадала такая возможность. Персонал цеха, в том числе и начальство, был укомплектован молодыми энергичными людьми, как вольнонаемными, так и заключенными. Перед началом пусковых работ меня, 25-летнего инженера, назначили начальником электрической части ТЭЦ. В 1940 г. в Норильск прибыла группа выпускников Одесского политехнического института того же возраста, впоследствии составившая основной костяк энергетиков комбината. И.К. Бронштейн пускал ТЭЦ, уже будучи главным инженером станции, много лет он работал главным энергетиком комбината. Дежурный инженер И.Э. Бондаровский стал начальником котельного цеха, а потом и возглавил ТЭЦ. Вспоминаю своих тогдашних сверстников — дежурных инженеров Ферштенфельда, Матвиенко, Абрамицкого, Зильберштейна. В пусковой период они работали парами по 12 часов. Столько же им давалось на отдых, который, бывало, из-за производственной необходимости сокращался. Начальником химцеха был Геллер. Николай Гуров, начальник топливопода-

чи, пускал станцию и затем много лет работал в норильской энергетике, а ведь он в прошлом был авиатором.

Пуск станции проходил трудно. Первые дни она останавливалась по несколько раз в день, случались и аварии. Но так продолжалось недолго, не более месяца. Постепенно станция вошла в норму, обеспечивая никелевый и другие заводы. Некоторое время ее страховала временная электростанция мощностью 10 тыс. кВт (ВЭС). Первый турбогенератор ТЭЦ имел мощность 25 тыс. кВт, а когда ввели второй (25 тыс. кВт) и третий (50 тыс. кВт), ВЭС закрыли и демонтировали.

Во время пуска директором ТЭЦ был Павел Петрович Коковин, которого к нам прислали из Магадана. Это был пожилой квалифицированный инженер с опытом работы на более мелких станциях. Ему было физически тяжело выдерживать напряжение и быстрый темп работы. Скоро вместо него директором стал молодой и энергичный главный энергетик комбината Александр Денисович Бизяев. Не освобождаясь от обязанностей главного энергетика комбината, он обеспечил первый период работы электростанции.

Все время, все силы мы отдавали работе, а ведь у меня была семья. Лариса Ивановна Нечаева, жена, поступила на службу в детскую поликлинику участковым врачом. Она трудно приживалась на Крайнем Севере. Еще до приезда в Норильск ей сказали коллеги:

— Там же ужас! Не выживете...

Она плакала, но вместе с трехлетним сыном Александром приехала ко мне. Короткое время работала школьным врачом, но очень скоро перешла в детскую поликлинику. Тогда врачи по большей части не ждали больных к себе на прием, а сами ходили по домам к ребятишкам. Идти надо было в любую погоду, а Лариса Ивановна боялась не только пурги и ветра, но и собак.

Однажды мне сказали, что Владимир Степанович Зверев разыскивает мою жену, но безуспешно. Я понял, что ищут Ларису Ивановну Никулину, а не Нечаеву. Наконец В.С. Зверев пригласил на прием жену: ей предложили стать детским врачом лагеря, ведь у заключенных рождались дети. Она обещала подумать, а дома мне честно призналась, что она боится заключенных, самой лагерной жизни. От нового назначения Лариса Ивановна наотрез отказалась.

В те времена почти во всех семьях были домработницы: родители работали с утра до ночи, иногда выспаться не успевали, не то что вести дом, водить детей в детсад или школу — зимой их одних не отпустишь на улицу. Из деревни Ягодной близ Таежного, где жена летом работала в пионерском лагере, она привезла скромную девушку Клаву. Когда та перешла работать обмотчицей в электроремонтный цех, домработницей стала заключенная.

Сначала мы жили в двухкомнатной квартире, одну комнату занимала моя семья, другую — Леонтьевы. Муж был моим сослуживцем. Александр Владимирович сначала был дежурным инженером, позже его назначили начальником турбинного цеха. Руфина Александровна работала заведующей детским садом. Когда появилась вакансия врача, она пригласила в детсад Ларису Ивановну. У нас были дети сверстники, а позже наши жены в январе родили по второму ребенку. С семьей Леонтьевых мы подружились надолго, до самой кончины сначала Александра Владимировича, а через много лет — Руфины Александровны.

Дети ходили в детский сад, где работали мамы, а потом Александр пошел в школу. Каждое утро по радио передавали прогноз погоды и объявляли активные дни из-за сильного ветра или мороза. И детский сад, и школа очень нравились нашим детям, они многому там научились. Когда мы уезжали из Норильска, сыну было 13 лет, а дочери Наташе — 7 лет.

Конечно, мы тогда и предположить не могли, что наши дети вернутся на Крайний Север работать. Таким образом, участие в строительстве комбината носило семейный характер: кроме нас с женой в Норильске работали сын с женой и дочь с мужем.

Александр и Наталья пошли по моим стопам — стали энергетиками. После института сын сначала монтировал гигантские трансформаторы напряжением 500/220 кВ на Красноярской ГЭС, потом Гидроэлектромонтаж послал его на работу в Норильск. Здесь он принял участие в строительстве уникальной закрытой подстанции напряжением 220 кВ. Другой такой закрытой подстанции с огромными габаритами по условиям очень высокого напряжения не знаю. Подстанция предназначена для приема энергии в Норильске от Усть-Хантайской ГЭС.

Жена Александра Тамара работала в Сибэнергоцветмете в техотделе. Они с сыном часто и сегодня вспоминают Заполярье с благодарностью: интересной была жизнь, насыщенной. Почему-то больше запомнились экстремальные погодные условия. Например, как-то за Тамарой Ивановной пришла машина. Ветер был такой сильный, что она не смогла открыть заднюю дверь. Водитель подождал немного и поехал. О том, что пассажирки нет, узнал только тогда, когда доехал до места. Пришлось возвращаться. Однажды в пургу Тамара с дочерью пулей вылетели из арки. Хорошо, что одежда зацепилась за арматуру, а то бы могли вылететь на дорогу под колесо машины. Боялись за детей, потому что как-то внучке пришлось буквально переползать Ленинский проспект, и если бы не помощь мужчины, который оттащил ее к краю дороги, она могла бы попасть под машину. Прохожий, кстати, тоже полз, ибо стихия не давала встать на ноги, уносила как пушинку.

Экстремальные условия жизни спланивали людей. Это сейчас трудности кажутся романтическими... И хотя прошло много лет, как мои дети, их семьи живут в Москве, они не растеряли норильских друзей.

Дочь Наташа и ее муж Валерий Котов тоже работали в Норильске инженерами-электриками. В.Г. Котов работал на ТЭЦ, аглофабрике, высоковольтных сетях, а Наташа — в электромонтажном управлении, Норильскэнергопромстрое. Оба в Норильске занимались спортом. Наташа серьезно увлекалась настольным теннисом, а Валерий — мотогонками. Ему, как говорится, сам бог велел: ведь В.Г. Котов до Норильска успел выиграть международные соревнования по мотогонкам и стать чемпионом страны, Российской Федерации и Москвы, он был членом сборной команды СССР.

С приходом Валерия Котова в норильскую секцию мотогонщиков ее работа оживилась. Этот вид спорта увлек молодежь, ДОСААФ стало закупать мотоциклы, состоялось первенство города. Валерий пригласил в Норильск чемпиона России и СССР Анатолия Бондаренко, норильские мотогонщики стали принимать участие в первенствах Красноярского края, Российской Федерации.

Когда я работал в Минцветмете, я по-прежнему был тесно связан с норильским комбинатом, бывал там в командировках. Конечно, был рад им, ведь мои дети жили в Норильске. Честно скажу: если сына направили на комбинат как хорошего специалиста, то дочь рвалась туда сама и своего добилась. И Наташа, и Валерий до сих пор считают, что люди на Севере по-особому сплоченные, в отношениях здесь больше тепла.

Валерий рассказывал, как в канун Дня энергетика в 1969 г. на ТЭЦ произошла авария с разрушением оборудования. Тут же мобилизовали своих специалистов, на ТЭЦ прислали энергетиков с других предприятий — работали сутки! Организовали горячее питание. Старший мастер Сергей Брилев руководил ликвидацией последствий аварии. Он обладал высокой степенью ответственности, и мастера Алексей Лудильщиков, Александр Марьясов и Валерий

Котов чувствовали плечо друг друга и действовали оперативно и слаженно. Это норильская традиция — сплоченность людей не только на работе, но и в жизни, в радостный или печальный день. Наташа и Валерий говорят, что теперь вспоминаются не трудности, а приятности. Скажу так: раньше у людей были семейные поместья, усадьбы, а у нас есть семейный город — Норильск. И Москва, где мы теперь живем.

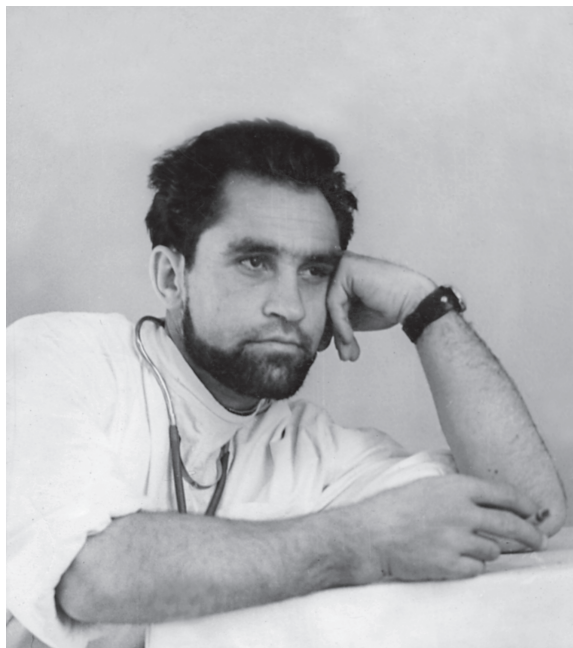

Евгений Арсентьевич Климов

Евгений Климов:

«Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности».

Евгений Арсентьевич Климов

ЖИЗНЬ ДО НОРИЛЬСКА

Родился я в январе 1929 г. в селе Покрово-Березовка, Кондольского района, Пензенской области. Березовок по России множество, даже в нашей области их несколько. А вот Покрово-Березовка одна.

Отец мой, Арсентий Егорович, потомственный кузнец. Искусство кузнечного ремесла передавалось из поколения в поколение вместе с кузницей. Дедушка Егор, унаследовавший кузницу от предков-кузнецов, после революции стал рассматриваться как богатый собственник и над ним навис дамоклов меч раскулачивания.

Мамин отец, Михаил Тимофеевич Панкратов, коммунист с 1905 г., участвовал в революционных событиях деревни, в разгроме помещичьей усадьбы, но когда началась кампания раскулачивания, он выразил несогласие с этой политикой партии и вышел из ее рядов. Дедушка Михаил был единственным шорником в деревне, который готовил сбрую для лошадей и поэтому, вероятно, его не посадили, как и дедушку Егора: он был единственным кузнецом в округе, без которого было некому починить ни плуга, ни лопаты, ни лошадей подковать.

Началась Великая Отечественная. Все здоровые мужики ушли на фронт. В деревне остались женщины, старики, старухи и дети. Наша четырехлетняя школа перешла на режим военного времени. Деревянными макетами винтовок на соломенных чучелах мы учились поражать врага вштыковую, учились метать деревянные гранаты. Была одна и натуральная винтовка, на которой мы учились разбирать и собирать затвор, снимать и надевать штык. Это была винтовка времен гражданской войны, с которой начали и Отечественную.

И что сейчас кажется удивительным, в школе было установлено дежурство в ночное время. Дежурили старшеклассники, то есть ученики четвертого класса, это мы, которым было по двенадцать лет. Трое-четверо ребяташек и девчонок несли боевое дежурство, охраняя школу. Одно нам было непонятно: от кого мы ее охраняли. Но относились мы к этому очень серьезно.

Зима в грозный сорок первый выдалась, как никогда, суровая. Она защитила нас. Поработители явно были не готовы к ее беспощадным морозам. Но тридцати-сорокаградусные морозы ударили по нашей природе. Наш колхозный сад, посаженный когда-то помещиком Васильчиковым, вымерз. Его высохшими яблонями мы топили школу всю войну.

Пустили на дрова и нашу деревянную построенную предками церковь. По приказу неистовых атеистов под неутешный бабий вой и их молитвенные причитания ее разбирали на топливо. Я тоже был участником этого святотатства. Нам и в голову не приходило, что мы творим, разрубая на дрова иконы в позолоченных рамах.

Впереди меня иконы рубил Петька, который был постарше меня, а я собирал порубленные святыни и аккуратно складывал. И вот при очередном ударе топора по иконе он промахнулся, топор вырвался из его рук и между его ног летит в меня, ударяет по голове, пробивает шапку... кровь ручьями залила мне лицо. Мне повезло. Топор ударил не острием, а обухом, и я, окровавленный безбожник, пришел домой. Дедушка Михаил, с религиозными предрассудками которого я по заданию учителей боролся, перевязал мне голову, перекрестил и уложил в постель.

Наступила весна 1942 г. Сеять хлеб было некому. Половина полей заросла осотом и молочаем. К счастью, эти сорняки медоносны. Это горькое лето для народа обернулось сладким раздольем для пчел. Теплые грозовые дожди, обильно полив землю, сразу же уступали место живительным солнечным лу-

чам. Все луга были покрыты белым клевером. Он не всегда медоносит, но в это лето он благоухал медовым нектаром. А мед белого клевера по качеству стоит на втором месте после липового по нежному аромату и вкусу. Пчелиные рои разлетались с колхозной пасеки, заселяя дупла древних лип и ветл. Мы бегали по саду и докладывали пчеловоду Сергею Михайловичу, где и в какое дупло залетел очередной рой. Но вскоре сухонький пятидесятилетний пасечник выдохся. Не мог он один обеспечить уход за 120 ульями да еще гоняться за улетающими роями.

И он однажды говорит мне:

— Иди, Женя, ко мне на пасеку, помогать будешь.

Такого я не ожидал. Я аж подпрыгнул от радости. Пчел я уже успел полюбить не столько за их мед, сколько за их потрясающее, ни с кем не сравнимое трудолюбие.

...Я окончил семилетку, передо мной стал вопрос: а куда же дальше? Петька Карпов, сын брата бабушки Матрены, пошел в военное училище. Он был на два года старше. Я туда по возрасту не подходил. И я, шутя, подумал: не пойти ли мне в художественное училище? С первого класса появилось пристрастие к рисованию, когда моя первая учительница, Надежда Ивановна Никитина, похвалила меня за то, что я лучше всех из класса нарисовал ведро. Это меня вдохновило. Тетради тогда были в косую линейку, и все ведро нарисовали по косым линейкам, а я свое поставил прямо.

Но когда я увидел, как Аркашка из четвертого класса запросто рисовал игральные карты и, не отрывая карандаша от листа бумаги, одним росчерком рисовал силуэт Сталина, — это меня поразило. Я был окончательно заражен страстью к рисованию. Все свое свободное время я стал рисовать и к третьему классу я стал делать то же самое.

На следующую ступень влечения к рисованию меня увлек Сергей Кузьмич Журавлев, учитель фи-

зики вновь открытой в деревне семилетки. Небольшого роста, горбун, а потому с непропорционально длинными руками и ногами, продолговатым бледным лицом, зачесанными назад черными волосами и пронзительными черными глазами, он был всегда чисто и опрятно одет. На его уроках мы сидели смирно и как завороченные слушали его объяснения законов физики. Его четкая дикция, подкреплённая артистичной мимикой и жестиками рук, делала объясняемые законы физики действительно физически осязаемыми.

Сергей Кузьмич руководил в школе художественной самодеятельностью. На маленькой школьной сцене мы ставили пьесы Островского, Чехова. Сергей Кузьмич был и режиссером, и художником-декоратором. Рисунки, сделанные им цветными карандашами, на которых узнавались знакомые лица учителей или ребят, не могли не вызывать восторга.

С трепетом душевным я решил поведать о тайном желании стать художником дедушке Михаилу.

— А почему не в медицинское или фармацевтическое, они в Пензе тоже есть.

— Да не, дедка, мне хочется быть художником.

— Ну, иди, раз хочется.

И я пошел. Художественное училище в Пензе без труда нашел на улице Садовой, ныне Лермонтова. Со мной сдавал документы еще один мальчик — Юрка Ромашков, с которым мы и подружились. Он был тоже из деревни, остальные были городские из разных городов. Многие из них уже окончили художественные студии. Они владели азами техники акварельной и масляной живописи, а мы с Юркой не знали еще, как правильно карандаш держать. Перед экзаменами мы месяц занимались на подготовительных курсах. Экзамены мы сдали. И первый курс окончили с пятерками по рисунку.

В художественном училище, созданном Константином Аполлоновичем Савицким, имя которого оно

носит, была прекрасная библиотека с еще дореволюционным изданием произведений русских классиков. Там я увидел полное многотомное издание Льва Николаевича Толстого в кожаном переплете.

В одном из томов я обнаружил статьи на религиозную тему: «В чем моя вера» и другие, в которых Толстой излагает свое толкование учений Христа. Из этих статей я узнал самое главное: оказывается, Христос как историческая личность жил на земле!

Я рассказал Михаилу Емельяновичу Валукину, руководителю группы, о прочитанном мною у Толстого и робко спросил, жил ли все-таки Христос или его не было. На лице любимого учителя я увидел растерянность и тревогу. Он помедлил с ответом и, с опаской посмотрев по сторонам, тихо скороговоркой промолвил, что да... был... И я решил прочитать Евангелие.

Заповеди Христа как животворящий источник влились мне в душу и питали меня идеями добра и любви к людям. В Евангелии я нашел ответы на все вопросы жизни. Я стал ходить в церковь. Не скрывал своих религиозных убеждений в общении и беседах с товарищами. Это не могло быть не замеченным. Я был комсомольцем, а вера в Бога была несовместимой с пребыванием в рядах комсомола.

Состоялось комсомольское собрание. Я четыре часа стоял на сцене, отвечал на вопросы, высказывая свои убеждения, что идеи Христа не противоречат идеям коммунизма и поведение человека по его заповедям только помогало бы построению общества, где все люди равны, все люди — братья.

Затем было предложено выступить комсомольцам. Первым выступал Юра Ромашков, который взволнованно стал защищать меня: когда я читался Толстого и стал ходить в церковь, от этого я не стал хуже. Я стал внимательней к товарищам, не пью, не курю и т.д. Зал одобрительно зашумел, были даже робкие аплодисменты. Вторым выступил Саша Карасев. Он, еще вчера одобрявший мое поведение и взгля-

ды, резко меня критиковал. На собрании присутствовал инструктор горкома. Он встал, обвел пассивную аудиторию строгим взглядом и холодным, угрожающим голосом проговорил:

— Я посмотрю, кто не будет голосовать.

Подействовало. Итак, я исключен «за принадлежность к религиозному культу». Это было в апреле 1949 г. Я, студент пятого, выпускного курса, уже написал дипломную работу «Радищев печатает свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Пенза собиралась отметить 200-летие со дня рождения своего великого земляка Радищева. Краевед В.А. Храбровицкий готовил экспозицию в краеведческом музее, и ему понадобилась моя дипломная работа. Он попросил написать маслом портрет Радищева и картину о его занятиях агрономией. Все три работы были размещены на стенде при входе в залы музея.

При открытии выставки корреспондент журнала «Огонек» попросил меня дать интервью, как я работал над дипломом, что побудило взять эту тему и т.д.

— Это будет опубликовано в журнале.

— Вы, наверное, этого сделать не сможете, — ответил я.

— Почему?

— Да потому, что меня из художественного училища уже выгнали.

Я коротко рассказал свою историю.

— Ну, что же, возьмите на память фотографию стенда с вашими работами, которую я подготовил для журнала.

Я с благодарностью принял ее, и, пожав друг другу руки, мы распрощались. Эта памятная фотография у меня не сохранилась. Я об этом очень жалел, а потом и забыл. И вот уже в 1994 г., в очередном отпуске, мы встретились с Юркой, то есть Юрием Иосифовичем Ромашковым — заслуженным художником

РСФСР. Вспомнили о моем дипломе и о фотографии для «Огонька». И решили пойти в краеведческий пензенский музей. Когда директор музея принесла архивные папки юбилея Радищева, среди многочисленных статей Храбровицкого я нашел и дубликат фотографии стенда с моими работами. Теперь я имею копию фотографии корреспондента «Огонька».

История исключения из художественного училища изменила всю мою жизнь, хотя и не погасила страсти к рисованию. Я вернулся в родную Березовку, пошел учиться в десятый класс. Не без приключений и мытарств (пришлось во время выпускных экзаменов сдавать и экзамены за 8-й и 9-й классы) получил аттестат зрелости. Убедил отца, что смогу учиться в Пензе и содержать себя сам. Отец благословил меня в институт и дал 50 рублей на дорогу.

Я выбрал медицинский институт. Все студенческие годы и работал, и учился, помогало содержать себя умение рисовать, а потом и фотографировать. Это дало возможность вызвать на учебу и сестру — сейчас она врач-педиатр.

1956 год. Я окончил институт. Наступила пора выбирать, куда ехать на работу. Меня спросили, куда бы я хотел. В моем воображении давно крутилась картина Севера: пурга, оленья или собачья упряжка и я еду лечить или спасать. Я сказал, что хочу куда-нибудь на Север. Членкомы порылись в документах и предложили Кандалакшу. На стене висела карта СССР, я глянул, где она находится. Да, действительно на Севере, и я немедленно согласился. Получив направление, я шел по Астраханской улице довольный своей удачей. И вдруг слышу:

— Женька! Ты куда едешь?

— В Кандалакшу. На Север.

— Дурак, да какой же это Север! Вот я еду в Дудинку, на Таймыр!

— А как ты туда попала?

Это была Лида Бондарева, с педиатрического факультета. Оказывается, она заранее дала телеграмму в Дудинку заведующему Таймырским окрздравотделом и получила телеграфный ответ с приглашением на работу за подписью зав. окрздравотделом Зубри.

Я бегом на почтамт и дал телеграмму Зубри. На следующий день получил такой же ответ. Мой однокурсник Марат спросил, куда меня направили, я показал ему телеграмму. Он подумал и тоже дал телеграмму в Дудинку. И тоже получил такой же ответ.

В те годы агитировали молодежь ехать на дальние стройки. Правда, Таймыр никем не упоминался. Комсорг нашего курса Игорь Жаденов произнес пламенную призывную речь, и казалось, что он завтра же возьмет билет и помчится на одну из дальних строек. Но этого не случилось. Он остался в Саратове и сейчас руководит травматолого-ортопедическим институтом. А мы поехали не по призыву, а по собственному порыву.

Наши мамы запекли нам на дорогу по четыре курочки. Мы взяли плацкартные билеты на Красноярск и двинулись в Сибирь. В Красноярске мы побрели по городу искать гостиницу. И нашли гостиницу «Север» Норильского комбината. Мы объяснили, куда мы едем, и нас поселили. На другой день мы пошли в крайздрав. Нас приняла зам. зав. крайздравотделом Наталья Леонтьевна Брумук. Посмотрев наши «путевки» в Дудинку, она резко заявила:

— Вот что, дорогие, уже октябрь, Енисей замерз, а самолетом я вас не повезу. Выбирайте что-нибудь поужнее. Вот Абакан, Минусинск, Шушенское. Выбирайте.

Такого приема мы не ожидали. Пытались объяснить, что мы любим Север и хотим только туда. Но Наталья Леонтьевна была непреклонна. А мы тоже воспротивились ехать на юг. Мы вернулись в гостиницу. Что же нам делать дальше?

В гостинице жили почти одни норильчане и говорили они только о Норильске, про который я впервые узнал здесь. А Марат, оказывается, еще до отъезда прочитал в энциклопедии про Таймыр, Дудинку и про Норильск. Рассказал, что это город, в котором даже есть озеро, а в нем можно летом купаться и загорать на его берегу. Как ни странно, но первым, с кем мы познакомились, оказался начальником тюрьмы. Очень милый, добродушный человек. На наши вопросы о Норильске он отвечал охотно и попросту:

— Город как город. А что полярная ночь? В квартире светло. Выйдешь на улицу — тоже электричество. Садись в машину — тепло. Приезжаешь на работу — в кабинете тоже светло. Правда, витаминов не хватает.

При этом он открыл свой чемоданчик, полный лука и блестящих наручников.

Прослышали мы, что в гостинице «Север» находится зампредисполкома Норильского горсовета Игорь Михайлович Добротворский. И мы рискнули обратиться к нему, чтобы он помог нам пробраться в Дудинку. Мы рассказали о своих мытарствах, о том, что крайздрав отказал нам в этом только потому, что Енисей уже замерз.

— Ну, вот что, ребятки, — сказал, улыбаясь, этот добрый полный человек, — в Дудинку я вас не повезу, не могу, а вот в Норильск — пожалуйста. Я еду в Норильск, ждите, вам поступит телеграмма от начальника САНО комбината, что вы вызываетесь на работу. Давайте ваши данные. Вот здесь, на улице Ленина, через дорогу за кукольным театром, во дворе, зеленый деревянный домик одноэтажный, номер тринадцать, это узел радиосвязи с Норильским комбинатом. Подойдете к начальнику Елене Гороховской и у нее будете узнавать о телеграмме.

Марат обрадовался, что судьба повернула нас в Норильск, а не в Дудинку. А меня что-то кольнуло

в сердце, но выбора-то не было! И мы стали ходить каждый день в этот, ставший нам родным, зеленый домик. Проходит день, другой, телеграммы нет.

За гостиницу мы платили по 22 руб. Наши скудные финресурсы таяли, как сахар в стакане чая. Но нас спас **БЕСПЛАТНЫЙ ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ**. Тогда, в 1956 г., во всех столовых хлеб был бесплатный. И мы, купив газеты по 2 копейки, заходили в столовую, брали по стакану чая по 10 копеек и садились за столик, где бесплатная горка хлеба возвышалась над всеми. Мы читали газеты и, не торопясь, пили чай, пока хлебная горка не переселялась в наши пустые желудки.

Чтобы не примелькаться и не попасть в список пожирателей бесплатного хлеба, мы утром шли в одну столовую, в обед — в другую. И вот, обойдя все столовые, мы докатились до студенческой — лесотехнического института. Облюбовали любимую горку и, развернув газеты, стали жадно поглощать «информацию». В пустой столовой за соседним столиком сидели две студентки. Они с любопытством поглядывали, с каким аппетитом мы «читали». Сначала хихикали. Потом в наш адрес раздалась реплика:

— Ну, даете!

— Мы утоляем голод свежей информацией.

— Ну, это видно. А не желаете ли вы утолить свою жажду по музыке? У нас хорошие пластинки.

Согласились, и не зря. Студентки факультета иностранных языков Дайна и Рута с братом Антоном жили в отдельном деревянном домике на берегу Чачи. Их родители были переселенцы из Прибалтийских республик. Они оказались очень гостеприимными, поставили на стол тарелку с нарезанным свиным соленым салом. Ни одной пластинки мы так и не завели. Поболтали, поохотали и были рады нечаянной встрече.

А телеграммы так и не было. Радистки сочувственно сообщали, что пока ничего. И мы, понутив

головы, опять уходили с единственной светлой надеждой, что вечером нас ждет музыка и сало.

Десять дней мы ждали телеграммы, и вот наконец в зеленом домике комбинатской радиосвязи нас встретили сияющие от радости лица радисток. Они подали нам телеграмму с приглашением на работу за подписью начальника САНО комбината Джумаева. Одно плохо: лететь в Норильск было не на что. Но и тут нашелся добрый человек — хозяйка зеленого домика Елена Викторовна Гороховская, дала нам деньги взаймы, и мы полетели.

С волнением ступили на норильскую землю. Разыскивали гостиницу на Октябрьской улице, которая была переполнена до отказа. Нас поселили в коридоре на втором этаже. Койки стояли по всему коридору между дверями в номера. Здесь жили геологи, инженеры, напротив наших коек был номер, в котором оказались наши земляки-саратовцы, среди них — артист ТЮЗа лауреат Сталинской премии Щеголев с женой.

Наутро направились в САНО на Севастопольскую, 7. В просторном с потрескавшимися стенами и потолком кабинете за стареньким столом с зеленым сукном сидел начальник САНО Борис Сулейманович Джумаев. Он встретил нас добродушной улыбкой. Мы объяснили цель своего приезда и дали ему телеграмму. Борис Сулейманович стал ее рассматривать и, разводя руками, промолвил:

— Я такой телеграммы не давал и на работу вас не вызывал.

Мы растерялись от такого оборота событий и стали, волнуясь, рассказывать, что в гостинице «Север» мы обратились с просьбой к зампреду исполкома Игорю Михайловичу Добротворскому. Это он пообещал, что будет от вас вызов.

Борис Сулейманович набрал номер телефона Добротворского.

— Игорь Михайлович, тут ко мне два доктора приехали на работу с телеграммой за моей подписью, но я такой телеграммы не давал.

— Я за тебя ее дал.

— Ну, тогда ясно, — повесил трубку. Обратившись к нам, сказал:

— Ну, вот что, мне нужны заведующие здравпунктами: один — на ТЭЦ, второй — на рудник 7/9.

Марат выбрал здравпункт ТЭЦа, а я рудник 7/9.

— Теперь вот что, сынки, — напутствовал он, — получите подъемные, не пропивайте, купите теплую одежду. Зимой холодно будет.

Что мы и сделали. И в лютые морозы, и в пургу мы с благодарностью вспоминали его совет.

Запомнился случай из лечебной практики здравпункта. Пришел молодой инженер Ван Дян Гун, еле волоча ноги: радикулит. У нас в Саратове был разработан популярный метод лечения его новокаиновыми блокадами. Набрав шприцем у него из вены кровь и добавив в нее новокаин, я сделал инженеру блокаду. Через пятнадцать минут попросил его встать с кушетки. Он был поражен. Никаких болей. Свобода движений. От радости он бегом побежал работать. На следующий день почему-то не зашел. И на второй, и на третий. Пришел через неделю. И рассказал, что на радостях собрал друзей и подался с ними в ресторан «Таймыр» обмывать чудесное исцеление. Просидели часов пять. Когда он попытался встать, не получилось. Друзья под ручки дотащили его до дому, где он и пролежал неделю. Выпитая вода нейтратализовала новокаиновую блокаду.

...Работа на здравпункте не устраивала нас. И мы пошли к Борису Сулеймановичу проситься перевести нас в стационар. Выслушав нашу просьбу, он посоветовал пойти во вторую городскую больницу, которая только что организовалась из бывшей центральной больницы лагеря, где первым главным врачом стал Виктор Алексеевич Кузнецов, он же был и заведующим хирургическим отделением.

В первую городскую элитную больницу попасть было невозможно, там все было занято. А вот во вторую, говорит, еще можно надеяться.

— Садитесь на «воронок» (так ласково звали крытые брезентом машины, тогда автобусов не было) и там под горой Медвежьей вы увидите вторую городскую.

Мы так и сделали. На столбах, которые окружали территорию больницы, еще мотались обрывки колючей проволоки. По снежной тропе мы напрямик добрались до хирургического корпуса. У сестры приемного покоя робко поинтересовались, как бы увидеть Кузнецова.

— Сейчас, если не занят, спустится, — бойко заверила сестра.

Мы, откровенно говоря, готовились увидеть измученного неволей старца. А появившийся в дверях бывший з/к оказался высоким, спортивно сложенным и стройным. Мускулистые предплечья, длинные пальцы пианиста, энергичный профиль подчеркивали характер сильный и выносливый. Ему тогда было 58. Так состоялось наше первое знакомство. Кузнецов одобрил нашу тягу к хирургии.

Почти целый год мы ходили на дежурства без оплаты и таким образом учились хирургии, а при первой возможности выкраивали время побывать в хирургии и днем, чтобы посмотреть, как оперирует Кузнецов, а иногда поассистировать ему или Кларе Николаевне Черновской, ученице, ставшей уже опытным хирургом, как говорят, его правой рукой.

Мы продолжали жить в коридоре гостиницы, к жителям номеров ходили в гости, со всеми перезнакомились. Засыпали поздно, часа в два ночи, когда мимо нас переставали ходить постояльцы. Однажды решили походатайствовать о жилье. Пошли в контору ЖКУ, которая занималась распределением жилья. Она располагалась в одноэтажном кирпичном домике в районе, где сейчас стоит проектный институт. Конечно, нас

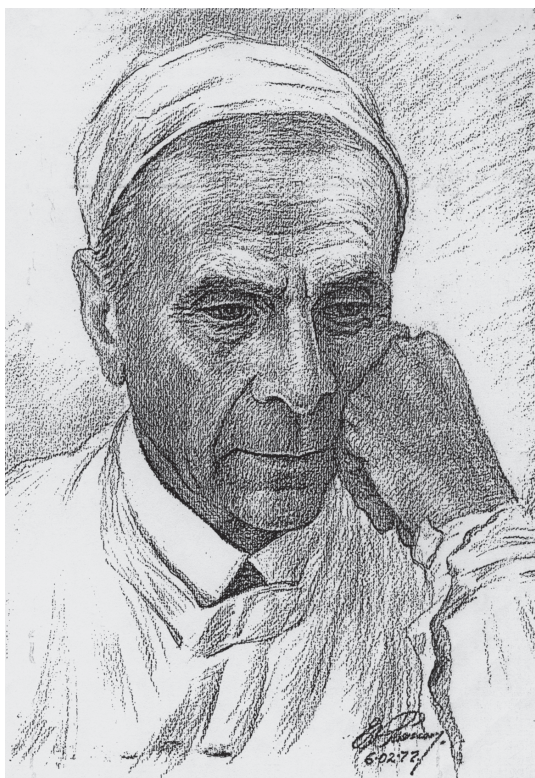
там не поняли. Но в туалете мы обнаружили пачку бланков повесток на получение жилья, отпечатанных типографским способом. Их, вероятно, выбросили за ненадобностью, потому что квартир на все бланки явно не хватало. Мы взяли пачку повесток, пришли в гостиницу и решили всем выделить по квартире.

Купили 50 конвертов. Заполнили на каждого жителя гостиницы повестки с извещением, что, к примеру, Петру Николаевичу Иванову выделена квартира № 20, в доме номер 2 по улице Полярной. Реально ни улицы, ни дома, конечно, не было. Но мы их поселили всех в один дом номер 2. Конверты послали по почте. На следующий день бездомные получили письма. Взрыв восторга, все друг друга поздравляют. Побежали по магазинам, тащат спирт и шампанское (другого тогда ничего не было). И начался пир новоселья.

На следующий день похмелья их постигло горькое разочарование, они стали искать виновника торжества. Себе мы тоже, конечно, послали извещение о выделенной квартире и пировали со всеми вместе. Но тревога разоблачения нас не покидала. И в целях профилактики травматизма на два дня из гостиницы мы исчезли и ночевали в ординаторской хирургии. Мы поступили правильно. В первый день разъяренные «квартиросъемщики» стали искать обманщиков. На следующий день вычислили, что это мы. Гнев сменился на всеобщий хохот. А на третий день, когда мы пришли, нас встретили как героев дня. И опять начался пир. Нас угощали, хохотали, хлопали по плечу, хвалили за подаренные минуты счастья.

ПАТРИАРХ НОРИЛЬСКОЙ ХИРУРГИИ КУЗНЕЦОВ

На научной конференции, посвященной столетнему юбилею патриарха норильской хирургии Кузнецова, коллектив врачей городской больницы принял решение ходатайствовать перед администраци-

В.А. Кузнецов. Рисунок Е.А. Климова

ей Норильска о присвоении больнице имени Виктора Алексеевича Кузнецова.

Каждый год 2 марта и в родительский день к могиле В.А. Кузнецова приходят норильские хирурги почтить его память. Я горд, что мне выпала честь сделать надгробный памятник легендарному Человеку с большой буквы и хирургу от Бога. Мой рассказ о нем — еще одна возможность выразить благодарность за все, что знаменитый доктор сделал для людей, для Норильска, которому он отдал 32 года своей жизни.

Виктор Алексеевич Кузнецов родился в 1898 г. в городе Москве. В личном листке по учету кадров

значится, что сословие его родителей — рабочие. Сам он беспартийный, ни в каких партиях не состоял, а потому колебаний и участия в оппозициях не было.

В 1915 г. он окончил Московскую военно-фельдшерскую школу. Участвовал в первой мировой войне, был ранен. После Октябрьской революции вступил в ряды Красной гвардии и до окончания гражданской войны работал в передовых перевязочных отрядах различных частей Красной Армии. Не снимая солдатской шинели, в 1921-м Кузнецов поступил во 2-й Московский государственный университет и в 1924-м окончил учебу на медицинском факультете.

И началась его нелегкая трудовая жизнь на гуманитарной ниве милосердия: врач больницы города Кемь, старший врач села Ковды Кандалакшского района, главврач и одновременно заведующий хирургическим отделением города Губаха на Урале... Потом его потянуло на Север. И вот он на Новой Земле. 1932 год. Здесь он организовал первую больничку на берегу мыса «Маточкин Шар». Пароход, который должен был доставить на Новую Землю продукты, затонул. 60 человек остались почти без продовольствия. Муки и соли, для того чтобы выжить, было недостаточно. Началась цинга. Больничка на 12 коек переполнилась. Чем лечить? Где взять витамины? И вот тут-то Кузнецову пригодились охотничье искусство, которым он владел в совершенстве. И потянулись длинные месяцы нелегкого охотничьего и врачебного труда. Ему самоотверженно помогал председатель Новоземельского Совета Илья Вылко, ненец, наблюдательный художник и опытный охотник. Он объезжал остров и заболевших доставлял доктору. Витамин «С» в мясе оленя спасал пациентов от гибели.

Суров и беспощаден Север к тем, кто не знает его законов, и даже к тем, кто знает, но нарушает их. Вот один из таких эпизодов.

...Архангельск. Серые тучи нависли над пристанью. Холодные волны Двины яростно бились о дере-

вянный причал. Кузнецов смотрел в беспредельную, мокрую мглу неба и моря и старался представить себе пока для него неведомый и загадочный Север.

— Вы что, товарищ, провожаете кого?

Он повернулся и увидел веселые утонувшие в морщинках глаза.

— Сам еду, я ваш врач.

— Добре... — недоверчиво протянул его собеседник. Озорная искорка метнулась из глаз.

— Трудновато будет, интеллигент. Ваш брат брезглив. А на Севере всякое бывает.

— Надо будет, привыкнем, — безразлично ответил Кузнецов.

— Так ли? А ну-ка, смотри.

Кузнецов не успел сообразить, чем собирается удивить его собеседник, как в руках у него увидел не доглоданную собаками кость. Мгновенным движением он извлек охотничий нож, а в следующую секунду он уже жевал срезанные клочья мяса. Содрогнулся хирург. А на лице попутчика не было ни тени рисовки.

— Вот так, дружище! Ну а теперь давай грузиться, — и дружеским толчком бывалый северянин вывел его из оцепенения. Они отправились на Новую Землю.

И вот он на месте. Больничка. Тесную каморку в ней называют кабинетом врача. Темень полярной ночи. За окном поет свою извечную песню метель. Ветхое строение вздрагивает от каждого удара северной хозяйки. Кузнецов, измученный охотой и беспомощностью перед больными, тревожно дремал. Три недели как запропал Илья Вылко. И вдруг сквозь снежный вой он уловил долгожданный лай собачьей упряжки. Время на одевание тратить было не надо: и больные, и врач были в полной северной экипировке. Прыжок, и он уже за порогом. Крепко обнялись с заснеженным председателем, который попросил немедленно помочь внести больного. Протиснувшись сквозь узкую дверь, они вместе втащили его. Когда Кузнецов

отбросил шкуру, он с трудом признал своего первого знакомого и попутчика на Новую Землю. Ничего не осталось от прежде живых озорных глаз. Они провалились в морщины глазниц и смотрели оттуда тускло, безжизненно.

О его трагедии рассказал Илья Вылко. На зимовке он был с семьей: жена и двое детей. Охота в этот сезон была плохой, пищи не хватало, все заболели цингой. Он занемог последним. Дети и жена ослабли совсем, а когда он не смог охотиться, погибли. После их смерти осталось всего две собаки, которые и продолжили ему жизнь. Когда его нашел Вылко, в его котелке варилась последняя собачья голова.

— На Севере всякое бывает, доктор, — чуть слышно, шевеля синюшными губами, повторил он свои слова, когда-то им задорно сказанные на Архангельской пристани. Сырое мясо морского зверя, добытое Кузнецовым, спасло ему жизнь.

В 1933 г. после Новой Земли Кузнецов для повышения своей врачебной квалификации поступил в Московский центральный институт усовершенствования врачей на 1-ю кафедру клинической хирургии, в должности интерна. Одновременно с этим он работал ординатором городской Боткинской больницы. Здесь Кузнецов получил основательную клиническую подготовку по всем разделам хирургии. По гнойной хирургии он учился у доцента Цыркуленко, по травматологии — у доцента Яуре, по общей хирургии — у профессоров В.Н. Розанова, А.Д. Очкина, П.А. Соловьева. Виктор Алексеевич овладел всеми видами оперативных вмешательств и закончил учебу в 1936 г.

Его снова потянуло на Север. Формировалась четвертая экспедиция на мыс Челюскина, в составе которой был и Кузнецов. На полярной станции он провел год в должности врача, как опытному полярнику ему одновременно было поручено выполнять обязанности заместителя начальника.

Кузнецов — натура творческая. Как говорил великий физиолог Иван Петрович Павлов, у таких людей врожденный исследовательский рефлекс «Что такое?». На мысе Челюскина он организовал наблюдение за влиянием на состояние здоровья зимовщиков экстремальных условий сурового Севера. Наряду с врачебной работой Кузнецов проделал огромную работу по биологическим сборам для музеев Москвы и Ленинграда.

Для самого Кузнецова эта экспедиция чуть было не закончилась трагически. После очередного похода ему стало плохо. Он понял, что небольшая рана на ноге, которую он получил в пути, вызвала заражение крови. Состояние ухудшилось. Зимовщики решили отправить Виктора Алексеевича на Диксон. Истощенное тело хирурга лежит на носилках в самолете. Но бывает же такое! В это же самое время на Диксоне находилась больная, которую мог спасти только хирург. Местный врач рассказал о ее состоянии Кузнецову.

— Все ясно. Эклампсия. Несите меня к больной, — попросил хирург.

Палата. Ему помогли сесть. На мгновение все поплыло перед глазами. Когда головокружение прошло, он увидел перед собой больную. Тяжелые, редкие вздохи с шумом вырывались из ее груди. Состояние женщины стало угрожающим. Начавшиеся роды затянулись. Нужна срочная операция. И Кузнецов сделал ее, хотя двухпудовыми гириями казались ему инструменты...

Когда через две недели спасенная пришла сказать спасибо доктору, он еще не мог встать, чтобы ответить на ее рукопожатие.

После северной зимовки Кузнецов уехал в Кемерово, где работал главным врачом и заведующим хирургическим отделением второй городской больницы (с 1938 по 1941 г.). Здесь впервые во всю ширь развернулся его талант. Он был хирургом от Бога, он мог все. Кузнецов оперировал больных с заболеваниями орга-

нов брюшной полости, урологическими, гинекологическими, нейрохирургическими, травматологическими. За четыре года он сделал около трех тысяч операций, написал первую научную работу «Случай операции левостороннего аппендицита», которая была опубликована в журнале «Хирургия» в 1941 г.

Продолжить творческую деятельность на свободе Кузнецову не пришлось. Его пристрастие к Северу не осталось незамеченным. 26 июля 1941 г. он был арестован, а в 1942 г. доставлен в Норильск. Любовь Кузнецова к Северу оказалась взаимной. Теперь уже Север позвал его к себе. И надолго. Как потом оказалось, навечно.

Но... всюду жизнь! И за колючей проволокой тоже. Врач нужен и вольным, и подневольным людям. Неистоимый оптимизм Кузнецова не подвел. В Норильске в те годы было две больницы: одна — для вольнонаемных около Дома инженерно-технических работников (здание уже разрушено), другая — для заключенных. Центральная больница лагеря (сокращенно ЦБЛ) находилась у основания горы Медвежки и состояла из двух основных деревянных двухэтажных корпусов: один корпус был терапевтического профиля, другой — повыше на горе — хирургического. Рядом стояли бараки для персонала, одноэтажный корпус психоизолятора и корпуса хозяйственного назначения. Сейчас все эти здания засыпаны пустой породой рудника «Медвежий ручей». В центральной больнице лагеря заведующим хирургическим отделением работал Виктор Алексеевич. Заключенный сам, заключенный — персонал, заключенные — больные.

В 1956 г. вольнонаемную больницу называли городской больницей номер один, а на базе центральной больницы организовали городскую больницу номер два. Ее первым главным врачом, заведующим хирургическим отделением стал В.А. Кузнецов.

В том же, 1956 году, в октябре, я приехал в Норильск.

В это время у Кузнецова был единственный квалифицированный со стажем хирург Клара Николаевна Черновская, его надежда и опора. Остальные (Юрий Бирючков, Генрих Квецинский, Галина Терехина, Варвара Линькова, Марат Фефер, Феликс Лободин, Зайнаб Валеева, Эра Разуваева, Елена Широковская) все до одного, как и я, были со студенческой скамьи, которых надо было учить да учить. И он учил. 14 лет, которые он провел за колючей проволокой, сложа руки он не сидел. Неуемная энергия, колоссальная трудоспособность сделали свое дело, за эти годы Кузнецов стал ведущим хирургом Норильска. Он достиг вершин хирургического мастерства. Равных ему в Красноярском крае не было. А по некоторым видам хирургических вмешательств не было и в Союзе.

Например, В.А. Кузнецов единственный в стране сделал искусственный пищевод девочке, возраст которой был 1 год 10 месяцев. По недосмотру родителей она выпила уксусную эссенцию и была обречена вследствие ожога пищевода на голодную смерть. Когда он брал ее на операцию, это был маленький скелетик, обтянутый морщинистой старушечьей кожей.

Девочка выросла, стала женщиной, затем матерью и каждый год приходила к нему в день рождения, чтобы пожелать ему здоровья и долгих лет жизни, поблагодарить за ее спасенную в младенчестве жизнь. Она до сих пор ходит на его могилу, чтобы возложить цветы своему доброму гению.

Эта сложнейшая по тем временам операция была произведена в условиях, когда не было еще интратрахеального наркоза, не было реанимационно-анестезиологической службы, не было даже анестезиолога. Масочный наркоз давала одна из операционных сестер, а контролировал глубину наркоза сам оперирующий хирург. Недостаток всех этих служб восполнялся огромным опытом Виктора Алексеевича.

В 1958 г. в мое дежурство поступила стрелочница Шарова, 21 года, с тяжелыми травмами. В пургу она расчищала стрелку и попала под поезд. Травматическая ампутация на уровне нижней трети правого предплечья, средней трети левого плеча, нижней трети правой голени, левой стопы, открытый перелом лобной кости, тяжелая травма правого глаза. Больная была в шоковом состоянии, непрерывно и монотонно повторяла: «Доктор, умертви меня, я не хочу такой жить».

Я, как мог, успокаивал ее, но мои слова утешения до ее сознания не доходили, она твердила свое. Я сам был в шоке от такой впервые увиденной травмы. Мысленно я наметил план своих действий, как я буду производить хирургическую обработку с формированием культей, мысленно отпиливал торчащие из мягких тканей кости и т. д. Но вызванный мною Виктор Алексеевич остудил мой пыл.

— Ни, ни, ни. Женя, делай самый минимум, наводящие швы и повязка, все остальное по мере заживания. Иначе мы ее потеряем.

Больная была спасена, потом мы сформировали культы. Убить себя она больше не просила. Ее жених приходил к ней каждый день и был преисполнен самого искреннего к ней внимания. Мы ее направили на протезирование в Москву. Они поженились, и она родила ему двоих детей. Мы спасли ее тело, а человека в нем спас ее любящий и преданный муж.

Нет пророка в своем отечестве. Когда поступал какой-нибудь родственник большого начальства, вокруг него начинался ажиотаж, в котором сквозило недоверие к хирургу Кузнецову: «А нельзя ли пригласить из края главного хирурга?» и т.д. Виктор Алексеевич ходил по ординаторской, потирал свои цепкие руки и спокойно этак, с чуть уловимой иронией отвечал:

— Да, да, конечно, кого-нибудь пригласить надо.

И мне вспомнился первый такой случай, когда пригласили главного хирурга края профессора Николая Валерьяновича Розовского: предстояло проопе-

рировать одного из начальствующих больных, у которого была опухоль желудка.

Виктор Алексеевич встретил профессора, как давнего друга, хотя они никогда до этого не виделись. Обсудили план операции. Когда Кузнецов предложил Розовскому помыться на операцию и прооперировать больного, тот посмотрел на него с удивлением:

— Виктор Алексеевич, как вам не стыдно, вы же прекрасно знаете, что ни я, ни кто другой в крае лучше вас не оперирует. Я приехал не оперировать, а совершить ритуал присутствия.

Больного блестяще прооперировал Кузнецов. Розовский с восхищением смотрел на чудодейство его рук из-за его спины. А потом они действительно стали друзьями. Потом главным хирургом края стал Юрий Моисеевич Лубенский, и он тоже ни разу при Кузнецове в Норильске не встал за операционный стол. И объяснял это так же просто, как и Розовский.

Потом было второе приглашение «варяга» и последнее. Видный руководитель одного из подразделений комбината нажил огромную паховую грыжу, в которую спустился почти весь тонкий кишечник. Когда больному стало невозможно таскать весь этот груз, он, как мы говорим, созрел для операции. Встал вопрос, кому же доверить оперировать этого уважаемого человека.

Комбинат пригласил, оплатив все расходы, доктора медицинских наук одной из ведущих клиник Москвы. Приехавший «корифей» держался с Кузнецовым высокомерно, давая понять величину дистанции между столичным и каким-то периферийным хирургом. Он, конечно, не опустил до обсуждения плана операции. С тем и пошел в операционную. Кузнецов глянул, что он делает, нервно заходил вокруг операционного стола и вышел.

— Что он делает? Идиот! Запихал в тощий живот полведра кишок, как он дышать будет? Угробил мужика. Скотина! — повернулся, махнул рукой, плюнул и ушел к себе в кабинет.

«Корифей», довольный операцией и получив вознаграждение, улетел восвояси. А больной, как и следовало ожидать, умер. Он стал жертвой недоверия к хирургическому опыту Кузнецова.

Знаменитый Евгений Николаевич Мешалкин, когда стал внедрять сердечную хирургию в Сибири, из всех городов края выбрал Норильск, потому что здесь был Кузнецов. Он знал его высокое мастерство хирурга и потому работал с ним спокойно и уверенно.

Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности. У него накопился уникальный материал. В этот период он подготовил монографию «Методика оперативного лечения выпадения прямой кишки у взрослых», опубликовать которую удалось только в 1960 г. в Ленинградском отделении Медгиза. Огромный клинический материал Кузнецов подверг научному анализу. В центральных журналах «Хирургия», «Вестник хирургии им. Грекова», «Новый хирургический архив», «Ортопедия, травматология и протезирование» он опубликовал только за три года около 20 научных работ. А всего им было написано и опубликовано 42.

По совокупности написанных научных работ в 1963 г. Кузнецову без защиты была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук.

Кузнецов не только сам занимался научной работой, но и побуждал к этому своих коллег, причем он привлекал не только хирургов, но и врачей всех специальностей, всех лечебных учреждений города. Только благодаря его энтузиазму в 1966 г. были изданы «Труды врачей города Норильска». Каждая из 65 научных статей, опубликованных в сборнике, была отредактирована им лично.

Эта книга стала событием не только Норильска, но и Красноярского края. Она быстро разошлась по научным библиотекам страны и сейчас в Норильске является редкостью. В этой книге, в статье «К исто-

рии здравоохранения г. Норильска», Кузнецов запечатлел образы коллег, с которыми работал в лагерный период. Это не по своей воле попавшие в Норильск в 1937 г. хирург Владимир Евстафьевич Родионов, уролог Илья Захарович Шишкин, терапевт Захар Ильич Розенблюм, патологоанатом Павел Евдокимович Никишин, врач инфекционист-гельминтолог Георгий Александрович Попов и доставленные в Норильлаг в 1942 г. терапевты Леонард Бернгардович Мардна и Андрей Витальевич Миллер, врач-окулист Альфред Янович Дзенитис, врачи-педиатры Николай Владимирович Кудрявцев и Альфонс Павлович Бачулис, психиатр Алексей Георгиевич Гейнц, онколог Серафим Васильевич Знаменский.

Виктор Алексеевич иногда любил вспоминать отдельные эпизоды из лагерной жизни.

— Вот видишь, Жень, этого гиганта, это он только кажется таким неуклюжим. Когда он подходил к двери, невольно возникало опасение: как бы он не задел головой за верхний косяк. Так вот, когда мы играли в «козла» и он проигрывал, никто не мог проскочить под столом так быстро как он, просто молниеносно.

Это он рассказал о Карле Карловиче Денцеле, который в то время работал рентгенологом в горбольнице номер два. Он был самым квалифицированным рентгенологом в городе.

— Ты и не подумаешь, — продолжил Виктор Алексеевич, — что этот увалень может отчудить. Вот однажды говорит нам: ребята, давайте-ка соберемся, встряхнемся, спирт ваш, закуска моя. Вечеринка была на редкость веселой. Его котлеты были потрясающе вкусны, и, главное — их было много!

Дня через три мы как-то все собрались, и он спросил нас:

— Ну, как, ребята, закуска?

— Чудо кулинарного искусства! Как тебе, чертяке, удалось сотворить такое? Ты давай-ка повтори!

— Нет! Вы ответьте: из чего котлеты?

— Что за глупый вопрос — из мяса.

— Из какого? — допытывался он.

— Ты что дурака валяешь, при такой выпивке разве отличишь говядину от свинины!

— Так вот, братцы, и не то и не другое, а котлеты-то были из песка!

Мы ошалело уставились на него. Дернулись в рвотном рефлексе. Но что толку, прошло три дня! Рванулись было его поколотить, но, глянув на эту трясущуюся от смеха глыбу, захохотали сами. Простили. Котлеты-то действительно были вкусными.

Многие врачи в разное время разъехались в родные места, а В.А. Кузнецов и К.К. Денцель так и остались в Норильске. Кузнецов много читал специальной литературы и все, что появлялось нового в диагностике и лечении, немедленно внедрял. Он первый в Норильске внедрил интратрахеальный наркоз. Освоить интратрахеальный наркоз он поручил Ю. Бирючкову, потому что тот охотно брался за все. Аппарат УНА первого выпуска раньше он, естественно, не видел и представления не имел, как с ним обращаться. Бирючков бойко крутил все, что крутится, дул во все трубки, которые были в аппарате и наконец через неделю заявил, что во всем разобрался и готов к наркозам. Правда, не знал, как интубировать. Но выход был найден: решили давать сначала масочный наркоз, затем интубировать, а дальше уже пойдет интратрахеальный.

Первый больной, который подвергся интратрахеальному наркозу, оказался здоровым, мускулистым горняком. Дали масочный. Уснул. С трудом всунули интубационную трубку. Бирючков подключил наркозный УНА, но в легкие воздух почему-то не поступал. Больной судорожно пытался вдохнуть, но это ему не удавалось. Бирючков нервно крутил вентили, но безрезультатно. Лицо больного стало багровым, вены на шее вздулись, он начал отчаянно бить-

ся на операционном столе, рывком свесил ноги, которые, оказывается, позабыли привязать, со столом на спине стал метаться по операционной с широко раскрытым ртом, грудная клетка раздувалась, как кузнечные мехи.

Испугавшись, что больной выпрыгнет через окно, стерильные хирурги и сестры вцепились в операционный стол и висли на нем, пока больной не пришел в себя.

Операцию пришлось отложить. Больному объяснили, что он нехорошо вел себя во время наркоза. Он осознал свою вину и клятвенно пообещал, что больше вести себя так не будет. Бирючков разобрался, каким образом он перекрыл кислород больному, и на следующем наркозе больной действительно сдержал свое слово и вел себя прямо-таки образцово.

Интубация давалась с трудом. Но и ее техникой овладели. Хирурги давали наркоз по очереди, и лучше всех получалась интубация у Лободина. Так зарождался прообраз будущего анестезиолога. От Виктора Алексеевича Кузнецова Бирючков заразился наукой, стал доктором медицинских наук и затем директором Алтайского медицинского института.

Виктор Алексеевич первый внедрил хирургическое лечение переломов костей металлоosteосинтезом (для изготовления штифтов использовали проволоку из нержавеющей стали), первый освоил торакальную хирургию. Все первое шло из его рук. Он создал специализированные хирургические отделения чистой и гнойной хирургии, урологическое, нейрохирургическое, травматологическое отделения, отделение торакальной хирургии. Обучил гинекологов технике оперативных вмешательств при онкологических заболеваниях.

Он принимал активное участие в проектировании строительства хирургического корпуса. Надо сказать, что хирургическому корпусу явно не повезло. Когда был построен первый этаж, вышло пресло-

вудое хрущевское постановление об уменьшении норм высоты помещений.

Директор комбината В.В. Дроздов приостановил строительство и отдал приказ уменьшить высоту остальных трех этажей. Здесь Кузнецов проявил гражданское мужество. Было написано письмо В.В. Дроздову. Бесполезно. Пишет в крайком партии, ЦК — никаких результатов. Вот тогда Кузнецов написал в газету «Правда»: «Последнее время в городе Норильске строительство выливается в уродливые формы. Прекрасные пятиэтажные дома строятся с такими низкими этажами, что потолки прямо давят, коридорчики такие узкие, что нельзя вынести человека на носилках, а на лестнице пятиэтажного дома трудно разойтись двоим. Капитальное строительство жилья ведется на долгие годы, а как в дальнейшем будут жить в таких домах люди? Если это недопустимо для жилищ, то для хирургического корпуса такие низкие этажи недопустимы совершенно. Мы просим вашей помощи».

Но помощи Кузнецов так ни от кого и не получил. Второй, третий и четвертый этажи хирургического корпуса были достроены с низкими потолками. Это сейчас всем ясно, какую непростительную глупость совершили, уменьшив высоту этажей хирургического корпуса.

Кузнецов был очень аккуратен. Всегда чисто выбрит, в белой рубашке с галстуком, в костюме, сшитом по фигуре и моде (он никогда не покупал костюмов, шил их в московском ГУМе у лучшего мастера). Всегда до блеска начищены его полуботиночки. Виктор Алексеевич был для нас образцом. Не знаю, как раньше, но с 1956 г. я ни разу не видел его в валенках. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь из нас в них появлялся. И потому мы свято блюли его «неуставное» требование. «Воронок», на котором мы ездили на работу, чаще всего довозил до площади Завенягина (бывшее управление комбината), а даль-

ше и он, и мы в любой мороз и пургу в ботиночках свыше километра пробирались до больницы под Медвежкой.

Виктор Алексеевич был бессребреником. Никакой благодарности от больных, кроме доброго слова, он не признавал. Не принимал цветов, коньяков, не говоря уже о деньгах. Однажды он прямо-таки паническим голосом рассказал:

— Вчера вечером кто-то позвонил в дверь, открыл. Какой-то мужик в шапке-ушанке и в шубе, ни слова не говоря, сунул в дверь мешок и убежал. И что ты думаешь в мешке? Осетр килограммов на десять! Вот мерзавец!

Все хирурги тогда придерживались такого же правила. Виктор Алексеевич иногда был вспыльчив, но отходчив и незлопамятен. Вот два эпизода, подтверждающие это.

В 1957 г. в больнице под Медвежкой он прооперировал больную с опухолью грудной железы, сделав секторальную резекцию. На следующее утро, делая обход в онкологическом отделении, он видит, что этой больной делают перевязку. Молодая доктор шприцом ЖАНЭ накачивает в послеоперационную рану перекись водорода, раздувая грудную железу, как футбольный мяч, отчего больная неистово вопит.

Кузнецов оторопел, потом побагровел, потом вскипел от ярости:

— Ты что делаешь? Ты кто такая?

— Я... врач...

— Какой ты врач! До этого санитарка не додумается. Вон отсюда! Чтобы я тебя не видел!

Это была Варвара Линькова. Она прямо со студенческой скамьи, первую «перевязку» делала в свой первый рабочий день. «Авторитет» перед Кузнецовым она подкрепила еще раз. Он удалил кисту легкого и попросил препарат сохранить. Любопытная Варвара взяла из раковины кисту, ткнула в нее пальчиком, и ее не стало. Вышедший из операционной Кузнецов по-

дошел к раковине, в которой вместо кисты лежало нечто вроде использованного презерватива. Взгляд уловил метнувшуюся в дверь Варвару.

— Опять она! — Плюнул и пошел в ординаторскую.

Долго он не мог слышать имя Варвары-Волчицы, как ее уже успели прозвать хирурги за шумливый и агрессивный характер. Но вот однажды он подходит ко мне и этак вкрадчиво шепчет: «А ты знаешь, Варвара-то парашютистка! О-о-о! Это не всякая сможет, это кое о чем говорит». — И он многозначительно поднял указательный палец к небу. Он простил ей былые прегрешения, потом ее трудолюбие получило признание. Варвара Линькова стала хорошей заведующей отделением гнойной хирургии.

Иногда он мог вспылить и во время операции. Это случалось крайне редко и исключительно в критических ситуациях, когда в момент внезапно возникшего массивного кровотечения операционная медсестра подавала не тот инструмент.

— Что ты даешь, чертова кукла! Зажим! Тампон! Лигатуру! — подавал он резкие команды.

Когда опасные подводные пороги были пройдены и операция выходила на обычную, спокойную водную гладь, он тихо начинал мурлыкать свою любимую, в этих случаях, песенку:

Дайте в руки мне гармонь,
Золотые планки,
Парень девушку домой
Провожал с гулянки...

Операция заканчивалась в хорошем настроении. Он подходил сзади операционной медсестры, обнимал ее за плечи и тихо и смиренно просил прощения.

Как-то на одном из редких и спокойных дежурств мы сидели и от нечего делать баловались подаренным городской больнице магнитофоном. Тогда, в 1958 г. он был чудом техники. Мы записывали свои голоса и, довольные, хохотали. Я попробовал имитировать го-

лос Кузнецова. Сцену за операционным столом, описанную выше. Получилось. И вот на его день рождения, 31 января, мы притащили магнитофон и прокрутили запись имениннику. Имитацию он воспринял за настоящий свой голос и с удивлением воскликнул:

— Это как же вы, черти, сумели записать?! Вот здорово, это вы оставьте мне на память.

Но что интересно, после этого он ни при каких ситуациях больше не бранился.

Радикализм хирургов и консерватизм терапевтов всегда были предметом разногласий и противоречий. Хирурги чувствовали некое превосходство над терапевтами, когда исчерпывались все возможности медикаментозного лечения и на выручку приходил хирургический нож. В какой-то форме это сидело и внутри нашего патриарха хирургии — Кузнецова.

— Что они могут со своими таблетками? Вот мы — другое дело! — полушутя говаривал он, потирая волосатые руки.

И вот однажды нашему деду стало худо. Его стала беспокоить одышка, появились отеки на ногах. Он поставил себе диагноз — пневмония и решил сам себя лечить. Заведующая кардиологическим отделением Антонина Виссарионовна Дуберг стала убеждать Виктора Алексеевича, что отеки эти и одышка сердечного происхождения, и убедила его лечь обследоваться и полечиться.

И «всемогущий» хирург сдался на милость «ничего не могущего» терапевта и впервые в жизни лег на больничную койку. Как выяснилось, он уже три недели ходил с инфарктом миокарда. Состояние его было тяжелым.

— Ну вот, Женя, видно, и конец пришел, — проговорил он каким-то необычным для него смиренным голосом, — вот завещания пишу своим детям, внукам.

— Да что вы, Виктор Алексеевич, пройдет все это, — утешал его я.

— Нет, Женя, это все, конец, уж я-то чувствую...
Что они могут, эти терапевты...

Я долго еще вселял в него дух оптимизма, что все это, дескать, пройдет, и мы еще поживем да повоюем, а в глубине моего сознания где-то глухо звучали его слова: «Что они могут — эти терапевты?» И внутренне я с ним был согласен. Что поделаешь? Ведь я тоже хирург.

Это был первый день его госпитализации. Я тогда работал заведующим горздравотделом. В кардиологическом отделении городской больницы мы впервые открыли инфарктную палату. Это была просто одноместная маленькая комната с индивидуальным постом медсестры. Виктор Алексеевич оказался первым в этой палате. Я с тяжестью на сердце оставил печального, приготовившегося отойти в мир иной, недавно еще боевого и не по возрасту энергичного вожака хирургов.

На следующее утро я снова пошел его проводить. Самые мрачные картины рисовало мое воображение, пока я шел к его палате. Ожидал увидеть серое, осунувшееся лицо, вялые движения рук, тихий, почти беззвучный голос, потухший, неподвижный взор, устремленный в вечность. Но когда я вошел в палату, я от неожиданности остановился в дверях. На кровати, свесив ноги, сидел как ни в чем не бывало наш прежний Кузнецов. Он рвал написанные им завещания.

— Ты посмотри-ка, Женя, а эти терапевты тоже что-то могут! — с азартом говорил он, энергично стуча жилистыми кистями по коленям. — Ты смотри-ка, какие молодцы!

Из уст матерого хирурга это звучало высшей похвалой. Виктор Алексеевич стал говорить о терапевтах с большим уважением и почтением.

Виктор Алексеевич подготовил целую плеяду высококвалифицированных хирургов. Это К.Н. Черновская, А.Д. Маринич, Д.У. Душан, Е.Н. Петрова, Л.А. Матюха, Г.П. Колядко, Н.П. Скворцова,

Е.Д. Жданова, которые, в свою очередь передавали эстафету хирургического мастерства молодому поколению хирургов: Л.В. Теплову, Г.Г. Пьянзину, В.М. Эфросу.

А молодой хирург кандидат медицинских наук Сергей Егорович Сукач освоил уникальную по сложности операцию пластики пищевода. Таких операций в Норильске еще никто не делал. Молодому хирургу пришлось встретиться с больной, которой в 6 лет (1957 г.) Кузнецов сделал подкожную пластику пищевода из тонкого кишечника после ожога уксусной эссенцией.

Через сорок лет у больной развилась непроходимость искусственного пищевода, и хирургический правнук В.А. Кузнецова С.Е. Сукач повторно спас больную, сделав ей внутригрудную пластику пищевода по новой освоенной им методике. В те времена в магазинах продавалась только концентрированная уксусная эссенция в треугольных флакончиках. Ожоги пищевода у детей и у взрослых были явлением довольно частым. Кузнецов, как депутат горсовета, вел активную борьбу за то, чтобы торговля продавала раствор безопасной концентрации уксусной кислоты. И добился этого. Ожоги пищево­дов прекратились.

Являясь главным хирургом города, Кузнецов возглавлял городское медицинское общество. Наряду с этим он являлся членом многих краевых и республиканских обществ, членом Красноярского и Ленинградского обществ хирургов, членом междугородственной комиссии по проблемам Севера при Госплане СССР и т.д.

За свои заслуги перед народом он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, ему присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР». Он неоднократно избирался депутатом городского Совета. Народ его назвал «почетным гражданином Норильска», когда такое звание в Норильске еще не было узаконено.

В личном деле Кузнецова ни в одном документе нет даты и месяца его рождения. Год рождения 1898-й. И все. Единственная бумажка, в которой говорится о дне рождения, — это приказ № 6 главного врача Бориса Сулеймановича Джумаева от 31 января 1958 г. В связи с 60-летием со дня рождения Кузнецову объявляется благодарность. Все последующие годы свой день рождения он отмечал 31 января.

Виктор Алексеевич Кузнецов был человеком веселым, общительным и гостеприимным. Такой же была и его жена Елена Анисимовна Филякина. Для нас 31 января всегда был праздником. Шумной молодой толпой мы собирались у него в квартире. Теплая непринужденная обстановка, шутки, смех, веселье. И он с нами не чувствовал разницы в возрасте, был таким же веселым, молодым и озорным. Таким он и остался в нашей памяти. На работу он приходил ровно в восемь. По нему можно было, как говорят, проверять часы. Быстро переодевшись, широко шагая через две ступеньки, он буквально взлетал на чет-

У могилы В. А. Кузнецова

вертый этаж. Оттуда он начинал обход по отделениям, спускаясь с этажа на этаж, осматривая каждого тяжелого и диагностически неясного больного. К врачебной планерке он уже знал все. И вот однажды, 2 марта в 8 часов, Виктор Алексеевич на работу не пришел. Такого никогда не было. У всех на душе стало тревожно. Опасения оказались не напрасны.

***P.S.** Продолжение воспоминаний Евгения Арсентьевича Климова читайте в книге третьей «О времени, о Норильске, о себе...». К сожалению, автор не дождался публикации своих работ — от тяжелой болезни он скончался в конце 2001 г.*

Александр Давидович Горр. 1949 г.

Александр Горр:

*«...оленоводы и рыбаки иначе
как «Счастливый путь» его
не называли».*

А.Д. Горр за рабочим столом. 1978 г.

*Светлой памяти жены Тамары,
многие годы прожившей со мной на Таймыре,
посвящаю*

До 1941 г. я жил в цветущей республике немцев, в Поволжье. И вот однажды три с лишним миллиона человек в телячьих вагонах вывезли в Сибирь. В их числе была и моя семья. Ночью мы прибыли в Канск. Поглазеть на живых немцев (ведь уже шла война с Германией!) пришли многие. А на кого было смотреть — на русских немцев?

Мы поехали работать в совхоз, в село Чечеул. Зимовать пришлось в Канском птицесовхозе, а в 1942 г. отца отправили в трудармию, нас с матерью — на север ловить рыбу. Так в сентябре я оказался в Потапово, где и прожил десять лет. Здесь я окончил семь классов, здесь в моей трудовой книжке сделали первую запись. Забегая вперед, скажу, что и сегодня очень горд, что за тяжелую работу в экстремальных условиях Крайнего Севера меня наградили медалью за работу в тылу во время Великой Отечественной войны.

Время было страшное: мой отец ни за что ни про что три года сидел. По тем меркам ему дали небольшой срок, да еще и освободили досрочно. Помню, как отец рассказывал:

— Сажу на допросе следователя, отвечаю на вопросы. Потом следователь встал и вышел. Стенки между кабинетами тоненькие были, все слышно, что говорят рядом. Следователь и докладывает начальнику, что не того, мол, взяли, этот-то невиновен...

Таких невинно осужденных можно было встретить и в селе Потапово, в ста километрах от Дудинки. Вместе с местным населением (ненцами, долганами, эвенками) здесь жили и спецпереселенцы (нем-

цы, русские), и заключенные из числа расконвоированных. Потаповский совхоз был местом ссылки в годы войны и после, до 1949 г. он был подразделением Норильского комбината и исправительно-трудового лагеря МВД.

На базе Потаповского оленеводческого совхоза была образована Таймырская опытная комплексная оленеводческая станция, а при ней — опытно-производственное хозяйство (собственно, бывший оленеводсовхоз). Это большое хозяйство в районах Крайнего Севера занималось оленеводством, рыболовством, заготовкой древесины, сена, сбором ягод, перевозками оленьим транспортом, содержанием домашнего скота — коров, лошадей. Здесь на гектаре пахотной земли были теплицы и парники. Совхоз входил в состав Норильского комбината.

Здесь я познакомился с замечательным человеком Василием Валерьяновичем Семеновым. В 1937 г. он был осужден как враг народа. Отбыв срок заключения, Семенов хотел вернуться к месту своего жительства в Москву. Однако ему объяснили, что лицам, отбывшим наказание, проживать ни в Москве, ни в городах областного подчинения не разрешается.

Так Василий Валерьянович появился в небольшом городе Таганроге. По-хорошему он вошел в семью с тремя детьми, работал в местном профтехучилище.

Прошло несколько лет, власть вспомнила о бывших врагах народа и снова как неблагонадежных стала отправлять их в места отдаленные. Василию Валерьяновичу досталось село Потапово (правильнее — станок Потапово).

Человек он был высокообразованный, но совершенно не приспособленный к ручному труду. Другой же работы в поселке не было. Трудился он на улице — в холод и слякоть пилил дрова, возил сено, убирал снег и т.д. На здоровье Семенова сказывались возраст, скудная еда. Василий Валерьянович искал вы-

ход из этого положения: как себе помочь? Был он в хорошей дружбе с моим отцом, работавшим заведующим хозяйством (что-то вроде бригадира). Вместе им удалось перевести Василия Валерьяновича на работу сторожа на скотном дворе.

Работа была ночная, но главное — в тепле. Через какое-то время Василий Валерьянович решил заполнить свое ночное время работой по совместительству, так он сумел бы дополнительно заработать немного денег. Благородный Василий Валерьянович регулярно делал, хотя и небольшие, переводы детям, семье, которую вынужденно оставил в Таганроге.

Дополнительная работа нашлась. В конюшню, где он ночью дежурил и ухаживал за скотом, завезли несколько саней мерзлого торфа — его предостаточно было в окрестностях. Нужно было разбить комки торфа на мелкие части, готовить его для использования в выращивании рассады капусты.

Это может показаться невероятным, но северный совхоз каждое лето сажал картофель, капусту. В теплицах выращивали лук-батун. Этим руководила агроном, старший научный сотрудник опытной станции, однофамилица Василия Валерьяновича, Мария Михайловна Семенова. Добросовестное отношение к делу, можно сказать фанатическое, приводило к успеху. В условиях Крайнего Севера в суровые годы войны пусть небольшой, но всегда собирали урожай картофеля, капусты, лука, турнепса. Движущим мотивом трудового энтузиазма был явный недостаток продуктов питания.

Предметом гордости моего отца, активного участника выращивания овощей, и Марии Михайловны был экземпляр картофеля весом более 300 граммов. Этот экспонат долго показывали приезжему начальству.

Но вернемся к главному герою — Василию Валерьяновичу Семенову. Его ночная работа была проста: обухом топора он дробил мерзлый торф. Для этого требовалось освещение. Конечно, тогда ника-

кого электричества в помещении, где трудился Василий Валерьянович, и в помине не было, он использовал для этого фонарь «летучую мышь». Он был единственным экземпляром в хозяйстве, и потому отец очень просил Василия Валерьяновича работать осторожно, чтобы не разбить стекло.

Со стороны Василий Валерьянович выглядел комично: фонарем он освещал кучу торфа, фиксировал точку, по которой следовало ударить топором, потом убирал фонарь за спину и бил по комку торфа. Хотя и медленно, но дело шло — крупный торф становился мельче; не на много, но денег у Василия Валерьяновича прибавилось.

Но однажды Василий Валерьянович в одну из ночей, очевидно задумавшись, забыл убрать фонарь и разбил стекло. Это была катастрофа! Василий Валерьянович извинялся, серьезно переживал о случившемся. Он пробовал приспособить вместо фирменного стекла стеклбанки — они постоянно лопались. Производительность его труда упала, а с ней и заработок. Тут уместно сказать, что Василий Валерьянович в дальнейшем вместе с другими местными инженерами — Синюткиным, Шкетом, Резвовым и другими был инициатором и участником создания в селе Потапово первого источника электричества — строительство линии электросети стало настоящим событием для населения.

От Василия Валерьяновича исходили какая-то необыкновенная доброта и уважительное отношение к людям. С ним было легко общаться, а его рассказам о прожитой жизни не было конца. Он рассказывал о гражданской войне, в которой участвовал, за что и был награжден боевым орденом Красного Знамени. При чем его орден имел номер из первой сотни. В годы заключения его вытащили из лагеря на Колыме и самолетом привезли в Москву. Вместе с другими заключенными-инженерами его принимал Берия, который определил Семенова в одно из конструкторских учреж-

дений, в «шарашку», к конструктору А.Н. Туполеву. Работа его была связана с моторостроением. Я впервые услышал от Василия Валерьяновича о самолетах, о Циолковском, о разделении урана и его колоссальной силе и многом другом. От него тогда же я узнал о запрещенном к распространению знаменитом письме В.И. Ленина о Сталине. Все это было очень интересно. Я был внимательным и любопытным слушателем, и Василий Валерьянович многие часы посвятил моему просвещению. Так родилась наша дружба. Он радовался вместе со мной, когда я поступил в вечернюю школу, интересовался моими делами и вдохновил меня на учебу в институте.

Наши доверительные отношения родились в условиях ограниченной свободы. Василий Валерьянович, как и я, находился под надзором коменданта МВД, мы ежемесячно ходили к нему на отметку — это была очень строгая и неукоснительная обязанность. Даже в тундру можно было выехать только с его разрешения и по маршрутному листу. При этом справедливости ради не могу не отметить, что большинство комендантов были хорошими людьми и довольно лояльно относились к своим поднадзорным. А некоторые из них и сами отбывали наказание в поселке по линии своей службы. Одно время, к примеру, комендантом был майор Николай Иванович Михайлюк — на Крайний Север его направили с Украины, и он частенько, когда бывал навеселе, напевал любимую песенку про чубчик кучерявый.

С большой благодарностью вспоминаю моего последнего коменданта в Потапово — капитана Торгашина (к своему стыду, не помню его имя и отчество). Он убедил моих родителей, заметив мое огромное желание учиться, направить меня в Дудинку. Он помог мне устроиться на работу в порт, поступить в вечернюю школу рабочей молодежи и сам прикрепил меня к дудинской комендатуре, которую я посещал еще четыре года.

В ведении комендантов Потапово были также ссыльные в поселках Никольское и Хантайка (теперь поселков уже нет). В них были созданы колхозы. В Потапово «Заполяжник» объединял местных жителей, а ссыльных немцев собрали в отдельный колхоз, назвав его «Новая жизнь». Это была издевка! В первые две зимы большинство работников и их детей умерли от голода и холода, ведь зимовать пришлось в вырытых у подножия горы землянках. Кстати, следующее большое село от Хантайки в сторону Игарки — деревня Плахино. Я вспомнил о ней не потому, что наш совхоз прихватывал у нее уголья для выпаса оленей, а потому что о событиях в этой деревне близ могучего Енисея написано в книге «Царь-рыба» знаменитым писателем Виктором Астафьевым.

Меня поразили необычайно трудные условия жизни местного населения. Зимой и летом я жил с ними и понял, насколько они сильны в борьбе за жизнь, за своих детей! Не все могут представить, как в условиях жуткого холода и кочевого образа жизни зимой рождаются дети, растут, продолжая род свой!

Я убежден, что малые народы Севера заслуживают большего уважения и помощи от власти. Несправедливость к местному населению удивляет. Вот один из примеров. До недавнего времени работающим на Крайнем Севере через каждые шесть месяцев платили 10 процентов надбавки и коэффициент 1,8 к заработной плате. И надо же было такое придумать: эти льготы не распространялись на главных, основных работников тундры — на местное население, включая русских, родившихся на Таймыре! Даже ссыльным переселенцам платили, а местным — нет!

Через какое-то время Василий Валерьянович перебрался на новую работу — продавцом в ларьке на озере Таймень, примерно в 40 километрах на левом берегу Енисея.

В этой округе находились большие уголья тундры с белым мхом — любимым кормом оленей. Там

же капитально построили крепкий и большой кораль, который использовался для маркировки, перебрыва, выбраковки оленей и других работ. Поэтому к осени все стада подтягивались к коралю. Работали на корале научные сотрудники, ветеринары, зоотехники и конечно же пастухи, бригадиры. Особое внимание уделяли формированию транспортного стада из быков — кастратов и яловых важенков. В это время к Василию Валерьяновичу чаще приезжали за покупками. И хотя наступало темное время суток, он был рад всем посетителям. Он знал всех работников и членов их семей. Василий Валерьянович часто проводил с ними беседы, читал газеты. Хотя новости они узнавали с опозданием, воспринимали их живо и с интересом. Помню, в газете «За металл», которую в годы войны издавал Норильский комбинат, была помещена карикатура на руководство управления подсобных хозяйств, куда входил и Потаповский совхоз. Слушатели Василия Валерьяновича смеялись, когда увидели на рисунке трех мужиков, стоящих с пустыми удочками посреди озера, и стихотворное пояснение: «Пивень, Силин и Мамед рыбу ловят, рыбы — нет». Речь шла о начальнике, главном инженере и главном технологе совхоза.

Каждый оленевод, отправляясь в ларек, прихватывал с собой дрова (сушняк или тальник) для печки Василия Валерьяновича. Они же помогали ему распилить и наколоть дрова, угощали мясом, рыбой. А Василий Валерьянович угощал каждого крепким горячим чаем, заготовленными сухарями. Покупки оленеводов и рыбаков всегда были небольшими — они увозили домой муку, крупу, сахар, чай, табак, соль, спички, карамель для детей.

Василий Валерьянович обязательно всем выписывал своеобразный чек — записку (в ходу были листики из книжечек курительной бумаги). Четким почерком он писал название товара, количество, цену, сумму и итог. Расписывался и ставил дату.

В.В. Семенов снискал абсолютное доверие среди пастухов, рыбаков в отличие от предыдущего продавца Юрлова, который их нагло обсчитывал. По заведенному порядку каждый раз, провожая покупателя у своей заваленной по крышу снегом избушки, он обращался к ним с напутствием: «Счастливого пути!» Постепенно эти слова «пристали» к Василию Валерьяновичу как выражение взаимной дружбы и уважения.

Между собой в разговорах оленеводы и рыбаки иначе как «Счастливого пути» его не называли.

Местное население уважало и почитало Василия Валерьяновича.

Он часто время коротал в одиночестве. В ожидании очередного путника — покупателя изучал официальную литературу, чтобы, как он говорил, не отстать от времени. Книгу «Война и мир» Л.Н. Толстого он зачитал до дыр. На полях делал свои, одному ему понятные пометки. Жалею, что не записал написанное им стихотворение под названием «Лиственница». Оно оставило в моей памяти настроение стойкости духа автора. Помню, Василий Валерьянович хотел написать о долганине Николае Николаевиче Куропатове, по-местному его звали Муку. Он спас немецкого ребенка.

А дело было так.

Николай Николаевич Куропатов, высокий и крепкий мужчина, многие годы работал бригадиром большого оленьего стада (до 1000 голов). Жена его, Зоя, очень чистоплотная хозяйка, к сожалению, болела, как многие ее соплеменники, туберкулезом. Большой мастер шитья, она одевалась в нарядные яркие верхние одежды (парки), красивые, вышитые бисером унты, шапки. Зоя умело подбирала по цвету и качеству шкуры оленя (камус, пыжик), песца, горностая, росوماхи. Детей у них не было. Николая Николаевича уважали, он пользовался большим авторитетом среди своих братьев — Григория, Афанасия, Василия, Петра. Наиболее драчливый Афоня, бывало, даже ког-

да выпьет, слушался его беспрекословно. Он «держал» дисциплину пастухов, проверял ночные дежурства, оберегал оленей от волков. По-настоящему соревновался с другими бригадами — Еремина, Мелькова, Сапожникова, Ямкина, Корякина, Столыпина. Главное было — сохранить поголовье оленей к осени, особенно молодняк, добиться упитанности стада.

И вот в один из холодных зимних дней Николай Николаевич с женой возвращались в стадо, которое выпасалось возле деревни Плахино. Проехать туда по Енисею можно, только минуя станок Хантайку, где первую зиму в землянках жили немцы. Когда в сентябре 1942 г. их высадили с флагмана Енисейского пассажирского пароходства «И. Сталин» на берег Енисея, там стоял один небольшой домик, в котором когда-то жили извозчики, возившие на лошадях почту из Красноярска, Енисейска, Туруханска в Дудинку.

Дав передохнуть оленям (от Потапово до Хантайки 70 км), Николай Николаевич с женой зашли в одну из землянок и увидели там жуткую картину: изможденные и голодные люди лежали без всякой помощи — они умирали... Полная безысходность была в их глазах: работы не было, холод стоял жуткий, мизерного пайка хлеба не хватало даже для поддержания жизни...

Николай Николаевич и Зоя ужаснулись, увидев лежавшую на нарах опухшую от голода женщину и ползающую по ней громко плачущую совсем малую девочку. Как рассказывал потом Николай Николаевич, девочка потянулась к ним ручками и повторяла по-немецки: «Хлеба! Хлеба!» Жалости Куропатовых не было предела! Посоветовавшись с Зоей, с молчаливого согласия умирающей женщины они взяли девочку с собой, решив хотя бы досыта накормить. Через несколько дней они вновь заехали в Хантайку и, к большому огорчению, узнали, что мама девочки умерла. Они оставили малышку у себя и назвали Марусей. Так немецкий ребенок стал Марией Николаевной Куропатовой.

Маруся называла Николая Николаевича и Зою папой и мамой и очень любила их. Шло время, а вместе с ним пришла пора идти в школу. Зимой девочка училась со своими сверстниками в школе-интернате в Потапово, а летом приезжала домой в тундру к родителям. И потом, когда училась в институте им. Герцена в Ленинграде, Маруся, как и раньше, приезжала на каникулы к своим родителям. Она выросла красивой, умной женщиной, избежала унижений и мытарств как немка по национальности.

Мы часто с Василием Валерьяновичем Семеновым сидели на берегу большого, богатого крупной рыбой озера Таймень. О чем только не говорили! С тех пор прошло много лет — после Потапово я жил и работал в Дудинке, Норильске, встречал много интересных людей, пережил и тяготы, и радости жизни и всегда вспоминаю с благодарностью своего друга и учителя Василия Валерьяновича Семенова. Он из тех, кто учил примером своей жизни и негромким добром, которое делал встретившимся на его жизненном пути. Такие, как он, как долганин Николай Николаевич Куропатов, — люди одной породы. На таких, как они, добрых, деятельных и порядочных, страна держалась в самое тяжкое время. Дай бог, выстоит и теперь.

Когда гуляю по поселку Озеро Белое, воспоминания о прожитом сопровождают меня все чаще. И так хочется, чтобы имя «Счастливый путь», данное северными жителями Василию Валерьяновичу Семенову, стало символом нашего будущего, в котором уже не будет массовых репрессий, унижения народов...

Р.С. Продолжение воспоминаний Александра Давидовича Горра о времени, о Норильске, о семье читайте в следующей книге.

*Мария Павловна Гросманис
и Александр Давидович Горр. 1947 г.*

А.Д. Горр. Дудинка. 1960 г.

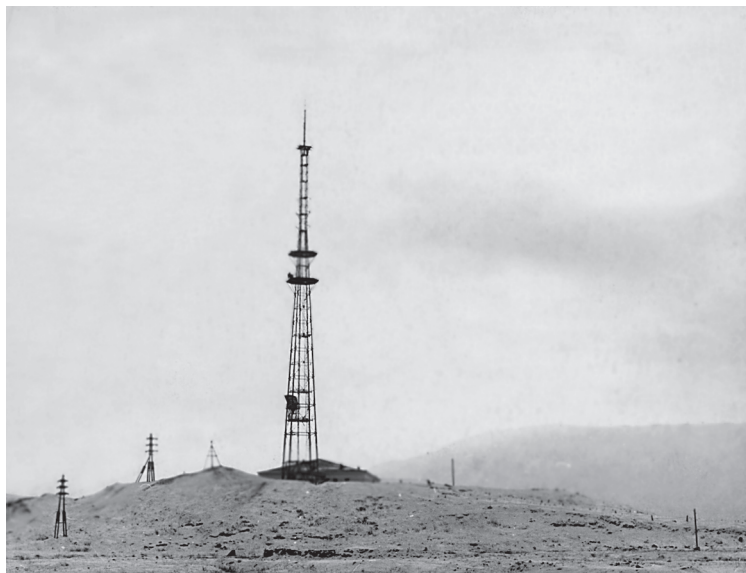
Раиса Петровна Смолова

Раиса Смолова:

*«83 процента телезрителей
смотрели местные новости
Чорильской студии, а не
хороший фильм Московс-
кого канала — такие были
предпочтения!»*

Телецентр, 1958 г.

Как-то зимой 1970 года в моем рабочем кабинете открылась дверь — и на пороге выросла фигура высокого худощавого человека с черной бородкой клинышком. Незванный гость стащил с головы лохматую, из собачьего меха, шапку, погладил ухоженную бородку и представился:

— Дмитрий Кузьмич. Директор студии телевидения.

Я, разумеется, знала, что коллективом телевизионщиков руководит некий Дмитрий Кузьмич Карпов, прибывший из Красноярска, изредка видела его на телеэкране по большей части с анализом опросов телезрителей. В то время слово «социология» только-только входило в обиход, и наши «братья по перу», надо отдать им должное, были одними из первых, кто пытался проложить живой мост между голубым экраном и зрительской аудиторией. Наука, употребляемая ранее только с приставкой «псевдо», становилась надежным помощником в работе.

— Ну, все!.. — мелькнула мысль. — Сейчас попросит открыть какой-нибудь цикл передач на телевидении и конечно же с учетом пожеланий зрителей.

К тому времени я уже руководила промышленно-экономическим отделом в «Заполярной правде», и сказать в рамках обозначенной темы было что. Однако ошиблась. Дмитрий Кузьмич без обиняков спросил, хочу ли я работать на телевидении. Гром среди ясного неба сразил бы меньше, чем такой поворот событий. Несмотря на то что норильчане без малого 12 лет уже не представляли своей жизни без экрана (местное вещание впервые вышло в эфир 31 декабря 1958 г., ретрансляция Москвы по системе «Орбита» началась с 1967 г.), лично для меня в профессиональном плане телевидение было явлением абстрактным и непостижимым.

Передачи смотрела редко. «Заполярка» практически «съедала» все время: днем мы собирали материал, а по ночам скрипели перьями, чтоб наутро сдать в очередной номер положенное число строчек. И все же телевидение, как тогда его называли «электронное средство массовой информации», покорившее сердца норильчан, не было и для меня крепостью за семью печатями. Всякий раз, как только появлялась возможность сесть перед экраном, оно очаровывало меня новизной, необычностью, колдовским умением создавать иллюзию соучастия в делах студийных.

Город знал историю своего родного телевидения и бережно хранил в памяти все ее значимые страницы. К примеру, строительство здания телецентра на самой высокой точке города — Зуб-горе. Было известно, что идея рождения местного телевидения принадлежала тогдашнему руководству Норильского горно-металлургического комбината. А если точнее — Юрию Николаевичу Дроздову, возглавлявшему в те годы комбинатскую комсомольскую организацию.

По его инициативе будущий телецентр был объявлен ударной комсомольской стройкой. Здесь по графику работали бригады молодежи, прибывшие в Норильск по призыву ЦК ВЛКСМ.

Строители хотели сделать норильчанам подарок и слово свое сдержали. В самый канун нового, как уже было сказано, 1958 г., в эфир вышла первая передача местного телевидения, участниками которой стали сами создатели телецентра.

За режиссерским пультом сидели «откомандированный из Норильского драмтеатра» режиссер Владимир Горюнов и несколько актеров, ставшие его ассистентами. Слова «Добрый вечер, дорогие товарищи!» норильские телезрители слышали из уст актрисы Рахили Марковны Лариной. Она и была первым диктором. А директором Норильской студии телевидения, естественно тоже первым и без сомнения заслуженно, стал Ю.Н. Дроздов.

Попутно замечу, что уже через год на этом посту Юрия Николаевича сменила Антонина Афанасьевна Каландарова, работавшая до того секретарем по идеологии городского комитета партии.

К моменту, когда состоялась моя первая встреча с Д.К. Карповым, в историю Норильского телевидения уже были вписаны несколько ярких и интересных страниц, касающихся создания творческого потенциала коллектива. На слуху у всех были имена замечательных дикторов Зинаиды Стегний, Галины Георге, Евгения Дудника, Евгения Арбенина, Галины Львовой, Эдуарда Тараканова, Аскольда Паскевича, Натальи Никитиной. Многие из них получили впоследствии высшие профессиональные категории, создавали и вели в эфире собственные программы. А «великолепная четверка» — Галина Львова, Наталья Никитина, Эдуард Тараканов и Аскольд Паскевич посвятили Норильскому телевидению свою жизнь, точнее, отдали ему лучшие свои годы.

Вскоре после открытия студии в Норильск приехали журналисты — выпускники Московского государственного университета Виктор Москалев, Тамара Александрова, Нина Иванова, Светлана Светана и др.

Вместе с режиссерами Всеволодом Вильчеком, Игорем Шадханом (первый, как известно, впоследствии стал крупным теоретиком телевидения, а второй — автором известных документальных телесериалов «Контрольная для взрослых» и др.), Анной Шмаенок, Геннадием Мюнценмайером они в короткое время создали уникальные программы о северном городе и его людях, о Таймыре и его обитателях.

Затаив дыхание, норильчане смотрели встречи команд веселых и находчивых, автором и ведущей которых была Екатерина Лопото. Дети приходили в восторг от общения с телевизионной куклой Северок.

А тем временем Феликс Сакалис и Валерий Легат дали толчок к созданию документальных телефильмов, указавших дорогу и Юрию Яновичу Ледину. К началу

70-х Ледин уже снял свои первые фильмы — «Олененок», «А кругом тундра», положившие начало его долгому пути в телевизионном кинематографе и сделавшие его имя известным и за пределами страны.

Забегая вперед, скажу, что в моем личном архиве хранятся записки Анны Борисовны Шмаёнок, присланные ею из Москвы к 35-летию Норильской студии телевидения и радиовещания. В прошлом актриса одного из московских театров, она освоила работу телевизионного режиссера и отдала норильскому телевидению более десяти ярких и плодотворных лет. Ее трудом и тех, кто был с ней рядом, созданы и живут по сей день детская, литературно-драматическая и общественно-политическая редакции.

О чем писала Анна Борисовна?

«С большим удовлетворением вспоминаю работу с моим первым старшим редактором детского вещания журналистом Ниной Ивановой. Толковый, деловой человек, она была к тому же блестящим журналистом, обаятельной в кадре, великолепно вела свои передачи. Много детей приходили в студию, с ними было интересно и радостно работать. В школьные каникулы мы вещали ежедневно. Тут были и концерты, и передачи со Знайкой и Незнайкой, и праздники елки в студии, и маленькие спектакли.

Детей развлекали, обучали правилам хорошего тона и многому другому. Мы были частыми гостями и в школах, и в детских садах, ездили в Дудинку, по Таймыру — по крупницам собирали материал о детях и для детей».

Позволю себе еще одну цитату из тех же записок. «Спустя некоторое время я с удовольствием приняла приглашение Зинаиды Иосифовны Зорькиной (к сожалению, ее уже нет среди нас. — *Р.С.*) работать в общественно-политической редакции, где она была старшим редактором. Дружно и слаженно проработали мы эти годы. У Зорькиной кроме качеств, необходимых руководителю, было одно очень важное достоинство — она излучала теплоту и добро, что ска-

зывалось на атмосфере и работе всей редакции. Зинаида Иосифовна направляла творческий процесс неназойливо, благословляла на новое, поиск, эксперимент, даже связанный с риском.

Вместе мы создали цикловые передачи «Ленинский проспект», «Северянка», «Служба-02», «Деловой самовар», «Здоровье — наше богатство», передачи на военные темы, шедшие на местном экране много лет».

С этими людьми, можно сказать, и закончился начальный этап истории Норильской студии телевидения (НСТ). Мне предстояло пройти ее следующий отрезок, не менее сложный и интересный. С новой командой творческих работников и иным творческим потенциалом. Однако тогда, при первой встрече с Дмитрием Кузьмичом Карповым, не было и мысли, что судьба готовит мне крутой поворот в профессии.

Жизнь пошла своим чередом, и вскоре в суете газетных будней начисто забылся мимолетный разговор с Карповым. А спустя полгода на моем рабочем столе зазвонил телефон. Звонок из приемной горкома партии. В такой-то день надо было зайти к первому секретарю ГК КПСС Ивану Александровичу Савчуку. Я не считала себя человеком робкого десятка, и все же, как говорят, под ложечкой заныло. Из личного опыта знала, что такого рода вызовы ничего хорошего не сулили. В памяти еще не стерся визит к тому же Ивану Александровичу в связи с публикацией в «Заполярной правде» за моей подписью рецензии на концерт в нашем городе восходящей тогда звезды эстрады Муслима Магомаева. Концерты шли с успехом, в актовом зале Дворца культуры комбината и яблоку негде было упасть.

Благодарные «отцы города» устроили Муслиму Магомаеву проводы по высшему классу, о чем сразу же пронюхали газетчики. Почтил эти проводы и первый.

По сей день не могу понять, что же так разозлило Ивана Александровича. В рецензии о творчестве Магомаева было сказано в самых лестных для него

выражениях. Правда, сценическому окружению звезды перепало. Скачущие по сцене человечки отвешивали «одесские шюточки», от которых просто тошнило. В рецензии под названием «На периферию...» так примерно о них и было сказано.

Похоже, наши партийные вожди и в мыслях не допускали возможность критики того, что им самим нравилось или было рядом с предметом их обожания.

Я получила добрую взбучку лично от Ивана Александровича, а Валентина Дмитриевна Мартынова (в то время редактор «Заполярной правды») должна была в отношении меня «принять меры». На этом прецедент был исчерпан. Однако, будучи по своей натуре человеком рассудительным, вряд ли думал тогда партийный секретарь, что я уж вовсе была не права. Иначе с какой стати позже он вновь пригласил меня в свой кабинет, как выяснилось, совсем по другому поводу.

Оказывается, Дмитрий Кузьмич Карпов с момента нашей последней встречи не расстался с мыслью перетащить меня на телевидение. Иван Александрович, вероятно, уже знал о моем отказе и без обиняков дал понять, к чему обязывает партийный билет...

Не раз потом я ругала себя за малодушие — в кабинете у Савчука не хватило духу еще раз сказать «нет».

9 октября 1970 г. я вошла в здание телецентра уже в должности главного редактора. Здесь мне предстояло прожить ровно 25 лет.

Тот, кто знаком с телевидением, знает, сколь сложен процесс его постижения. От рождения до воплощения на экране телевизионная программа проходит долгий и часто тернистый путь. Это длинная цепочка взаимоувязываемых звеньев, малейший сбой одного из них ведет к разрушению всей конструкции. Приходится съесть не один пуд соли, прежде чем разберешься в специфике телеискусства, а когда с головой уходишь в эту работу, назад, оказывается, дороги уже нет.

Разумеется, мысли эти пришли в мою голову позже. А в тот октябрьский день, непонятно, по какому стечению обстоятельств, на пороге телецентра я буквально нос к носу столкнулась с Анатолием Львовичем Львовым. Ситуация пренеприятнейшая. Толик, так тогда величали ныне известного биографа Норильска, покидал пост главного редактора художественных программ. Мне этот пост как раз и предстояло занять. Буквально на ходу Львов бросил вслед мне слова вроде того, что и не такие головы летели с Норильского ТВ, не сносить и мне своей.

Наверняка Анатолий Львович забыл и никогда не вспоминал нашу мимолетную встречу. Мне же она запала глубоко в душу. Напутствие — предупреждение помнила и когда штормило, и когда наш телевизионный корабль готов был разбиться о подводные рифы. Помнила его слова и в часы полного штиля. Наверное потому, что вложила в них свой смысл — желание понять и научиться работать в творческом коллективе так, чтобы уцелеть самой и сохранить коллектив, особенно талантливых людей.

Как раз накануне моего «пришествия» со студии ушли те, кому Норильское телевидение было обязано своим ярким началом. О Львове уже было сказано. Признаться, я до сих пор не знаю истинных причин его ухода, хотя в лице Львова студия имела одну из самых своих ярких величин. Однако были и другие. Под давлением обстоятельств после скандального разбирательства (с участием И.А. Савчука) подала заявление об уходе вся московская группа тележурналистов, режиссеры И. Шадхан, В. Вильчек и др.

Поводом тому послужила, теперь смешно сказать, цикловая передача «Контур», форма и содержание которой раздражали, как мне представляется, идеологическую верхушку города, а также какую-то часть коллектива студии.

Передача не укладывалась в прокрустово ложе замшелых представлений, о чем можно говорить с экранана, а о чем нельзя.

Короче, то были еще те времена! Когда свое суждение иметь было если и не опасно, то уж чревато последствиями наверняка.

Студия осталась с тем, с чем осталась. Главной редакцией общественно-политических программ руководил Валерий Кравец. Норильчане знали его и как талантливую поэта. На слуху были имена журналистов Тамары Масловой, Антонины Лященко, Лилии Рудаковой, Жанны Дунаевой, Светланы Мазеиной, Валерия Шломы. Последний возглавлял информационную программу. Вместе с режиссерами Антониной Ногинской, Надеждой Лозинской, Михаилом Талайко, Валентиной Рянской и Валентиной Гридневой долгие годы они удерживали местное вещание на профессиональном уровне.

Всецело отдавал себя телевидению незабвенный наш главный режиссер Ганс Вильгельмович (в народе Геннадий Васильевич) Мюнценмайер. Работая рьяно, на износ, помимо телевизионного вещания умудрялся играть первую скрипку еще и во Дворце культуры комбината, где руководил известной вокальной группой «Снежинка». Эту группу и лучшие передачи Норильской студии телевидения он представлял на Центральном телевидении, в краевом центре и других городах страны.

Казалось, все шло как надо. И все же у меня осталось устойчивое впечатление (оно сохранилось и в годы, когда уже работала директором Норильской студии телевидения), что с уходом тех первых, кто начал местное вещание, стоял у его истоков на студии, образовалась брешь, закрыть которую до конца так и не удалось. Просто были другие люди, звучали иные песни... Самые разные. Удачные и не очень. В мою жизнь они вошли надолго, как оказалось, навсегда.

...Первые встречи, первые знакомства, полные неожиданностей.

Элла Бегалько. Дмитрий Кузьмич Карпов пригласил ее с материка на должность руководителя редакции художественного вещания «по фотографии»: «Личико

что надо!» Но когда на пороге кабинета Карпова выросла двухметровая фигура женщины не первой молодости, да еще с явными признаками «отрицательного обаяния», наш бедный директор схватился за голову.

Меня Бегалько буквально доставала: «Пожалуйста, читайте быстрее (речь шла о сценарии). До эфира полчаса, а мне это все надо выучить наизусть». И надо сказать — выучивала!

Лера Филковская. Она работала в одной редакции с Эллой Бегалько, они жили, как кошка с собакой. Разобраться в их претензиях друг к другу не было никаких сил — телевизионное дело частенько упиралось в человеческий фактор. Как это ни печально, зачастую качество нашей работы целиком зависело от степени совместимости сотрудников, каждый из которых, естественно, считал себя всегда правым и уж, конечно, безгранично талантливым.

Пишу об этом без гнева и обиды, ибо, как это ни странно, именно в противостоянии сил и талантов родились наши передачи, бурлила жизнь — порой печальная, порой смешная...

В ноябре заканчивался период летних отпусков. По коридорам пронесся вздох облегчения. К месту службы не вернулся только Вадя Рехлов, очень способный телеоператор. Он же сын известного норильского коллекционера Ивана Варламовича Рехлова. Вадя, уезжая в очередной отпуск, предупредил Дмитрия Кузьмича: «О кончине сообщу!»

*Ганс Вильгельмович Мюнценмайер,
главный режиссер
Норильской студии телевидения.
1970–1980 гг.*

Все знали, что речь идет о деньгах, которые кончались у Вади уже на второй неделе отпуска. Так оно и случилось. Спустя некоторое время на стол Карпову легла телеграмма: «Шлите двести на билет», и адрес: «Сочи, санаторий «Заполярье». Кузьмич в раздумье подергал бородку и написал ответ: «Денег нет. Иди пешком».

Мы работали. Прошел месяц. И тут Карпов получает еще одну телеграмму от Вади с таким текстом: «Дошел до Урала. Иду дальше». Студия покатилась со смеху. Рассерженный Кузьмич грозился выгнать Вадю, если тот опоздает на работу хоть на один день. Однако Вади не было в Норильске еще пару месяцев.

Явился он только к Новому году и мало походил на человека, измученного пешим переходом. И тут выяснилось, что Вадим Рехлов, оказавшись без гроша в кармане, был принят на временную работу телеоператором Останкинского телецентра. Отлично трудился, за что получил денежное довольствие и благодарность.

Кузьмичу ничего не оставалось, как принять все это к сведению...

Забавных историй в нашей жизни случалось множество. Часть из них становилась сюжетами «капустников», которые в течение многих лет сочинялись к 23 февраля и 8 марта. Авторами и исполнителями забавных сцен были мы сами. Естественно, мужские роли играли женщины, и наоборот. Помню, смотреть эти представления съезжались наши нептатные авторы, друзья, знакомые, родные.

К концу 70-х годов норильчане смотрели телевизионные передачи по двум программам: ретрансляция Москвы по системе «Орбита» с 1967 г., цветное с 1971 г. и местный канал вещания. Уже тогда постоянных зрителей насчитывалось 300 тысяч. Соперничать с «Орбитой» — дело не из легких. Понимали: удержать зрителей можно лишь хорошими передачами на местном материале. Старались не уклоняться от курса — освещать жизнь Норильского промышленного района, в первую очередь комбината, активно участвовать в решении со-

циальных проблем города и конечно же давать возможность для хорошего отдыха у голубого экрана.

Подумать только: в 2002 г. Норильскому телевидению 44 года. И все это время ежедневно в эфир выходит информационная программа. Ее первое имя — «Последние известия», затем — «Панорама». И вот уже 27 лет норильчане смотрят «Север». Начинали с живого эфира, его сменила видеозапись.

Однажды мы провели телефонный опрос, чтобы узнать, смотрят ли нас в часы работы «Орбиты»? Смотрят! 83 процента телезрителей смотрели местные новости Норильской студии, а не хороший фильм Московского канала — такие были предпочтения!

Центром внимания, главным предметом наших забот всегда был человек и его дело. «Герой передачи» — так называли мы людей, которых приглашали в студию или снимали на пленку. Это сейчас простого рабочего или сельского труженика не увидишь на экране. А тогда мы и в мыслях не допускали поворачиваться спиной к тем, кто добывал руду, плавил металл, строил дома.

*Дорога на Талнах, давший вторую жизнь Норильскому
промышленному району*

...В конце 70 — начале 80-х годов внимание журналистов было приковано к новому металлургическому гиганту, строительство которого развернулось в нескольких километрах от города на бывшей площадке Надеждинского аэропорта.

На сооружение будущего завода кроме «коренных» норильчан трудились тысячи новоселов, прибывших по так называемому оргнабору со всех концов страны. Формировался коллектив, людям надо было устраиваться на работу, получить жилье. Их надо было кормить, лечить, обеспечивать транспортом. Масса проблем, решать которые взялись руководители комбината и города.

Не осталось в стороне от производственных и житейских забот и телевидение. Каждое утро Валерий Кравец, прихватив с собой кинооператора, усаживался в «уазик» и катил на стройку. А вечером он уже был в эфире с передачей «Дни и ночи». Факты минувшего дня являли собой живую картину людских забот и тревог, удач и поражений.

Однажды задула сильнейшая пурга. Дорогу на Надежду завалило снегом. Автобусы, которые возили строителей на смену, застряли на полпути. Почти трое суток те, кто оставался на строительной площадке, не покидал рабочих мест. Усталость валила людей с ног. В «Днях и ночах» прозвучало предложение в ненастную погоду возить строителей колоннами автобусов в сопровождении бульдозерной техники. Выход практически был найден.

«Дни и ночи» сменила цикловая передача «Надежда-80» — 81, 82 и т.д. Автором ее был Борис Онуфриев (к тому времени Валерий Кравец уже представлял интересы Гостелерадио СССР в качестве собственного корреспондента по Таймыру и енисейскому Северу), а позже Николай Ушков. Вместе с местными специалистами, учеными и исследователями Москвы, Ленинграда, других научных центров журналисты доступно и понятно рассказывали о проблемах жизни завода и освоении его мощностей.

Народный театр музыкальной комедии — артисты окружили критика ВТО Е. Финкельштейна (в центре), справа от него режиссер театра А.В. Колесников. Фото В. Кузнецова

Можно назвать другие примеры тесной связи местного телевидения с жизнью норильчан. Мы принципиально старались ни в чем не дублировать Центральное телевидение. И надо сказать, Север предоставлял такие возможности.

Длинная полярная зима не обходилась без активировок. По несколько дней, а то и недель, когда трещали морозы, либо дули сильные ветры, замедляла жизнь на стройках, отменялись занятия в школах. Ребята оставались не у дел. Вот тогда и родилась идея вести уроки по телевидению. Журналисты детской редакции встретились с директорами школ, и спустя некоторое время в дневные часы педагоги из студий телепавильона давали уроки по литературе и математике. Сначала для младших классов, а позже и для старших. Сидя у себя дома перед экранами телевизоров, ребята изучали текущий материал. Мы были горды тем, что нашли свою «нишу» в решении городских проблем. И чувствовали себя первооткрывателями новых направлений телевизионного вещания.

В 1984 г. Норильское телевидение получило собственный автономный канал вещания. Это открыло новые возможности для творчества. Руководитель детской редакции Лина Андреевна Нестеровская, прекрасный организатор, создала оригинальный цикл передач-конкурсов, в которых учащиеся школ проявляли выдумку и смекалку, рассказывали о самых значительных фактах из истории Норильска и Таймыра, а потом и края. Передачи так и назывались: «Знаешь ли ты Норильск?», «Путешествие по Таймыру», «Край наш Красноярский».

Бесценные экспонаты, инсценированные фрагменты из истории Крайнего Севера, воспоминания старожилов появились на телеэкране задолго до того, как увидели свет фундаментальные исследования истории Таймыра и освоения Арктики. Жаль только, что записать эти передачи на магнитную пленку в то время мы не имели возможности.

Большой резонанс в городе получила цикловая передача «Это наша советская власть». По сути дела это было прямое общение членов городского исполнительного комитета с жителями города. С помощью телефонной связи в течение телевизионного вечера жители говорили о проблемах, требующих разрешения. Норильчане верили в возможности местной власти. Все просьбы, критические замечания ставились на контроль и студией телевидения, и самим исполкомом. Мы очень старались помочь людям, живущим в тяжелых условиях Крайнего Севера...

Очень популярны и чрезвычайно полезны были телемарафоны. Один из первых был посвящен моральной и материальной поддержке детей-сирот, инвалидов и многодетных семей. Нельзя сказать, что эта категория северян была позабыта, — конечно нет. Пенсии, пособия, подарки к праздникам — все это было.

Однако нам надо было показать городу, что скрывается за сухими цифрами статистики, лицом к лицу увидеть людей, обездоленных судьбой, и самое главное — пробудить к ним сочувствие и сострадание.

Режиссер Надежда Константиновна Лозинская и оператор Николай Николаевич Маркин приступили к съемкам сюжетов. Задуманный нами грандиозный проект потребовал усилий практически всего коллектива телевизионщиков. Ощутимую помощь оказал и общественный комитет содействия, созданный при исполкоме горсовета. Рекламный прессинг в рамках обозначенной цели — «Поможем детям» — также сыграл свою роль.

Результат превзошел все ожидания. Первоначально рассчитанный на шесть часов эфира телемарафон длился до глубокой ночи. По сути, в эту ночь город не ложился спать.

Посланцы с предприятий и организаций, стоя перед телекамерой, называли денежные суммы, перечисленные на банковский счет телемарафона. В здание телецентра до глубокой ночи несли и везли подарки, книги, игрушки, комплекты белья и одежды детям, стоявшим на учете в центре содействия малоимущим семьям, а также детям-инвалидам и сиротам. Короче, норильчане, талнахцы, кайерканцы — все исполняли свой гражданский долг. Слезы наворачивались на глаза при виде детишек, которые принесли свои копилки, — они решили отдать их сиротам.

Сегодня Государственное телевидение в Норильске — телерадиоканал «Норильск» — это свыше ста специалистов разных профилей. В аппаратно-студийном комплексе установлено цветное оборудование «Перспектива-3», есть видеоаппаратные для предварительной записи передач. Есть видеомонтажная, телевизионные журналистские комплекты, освоена станция компьютерной графики и многое другое. Коллектив телевизионщиков умеет работать, бережно хранит в делах и памяти добрые традиции тех, кто стоял у истоков норильского телевидения и сделал его неотъемлемой частью жизни норильчан.

*Бригада Николая Повара ведет монтаж на
дробильном корпусе, который будет питать ТЭЦ-2.
Фото Д. Капустина*

Немало домов в Норильске построено Валентином Королевым. Он работал в знаменитой бригаде Михаила Могалюка. Фото Д. Капустина

Любовь Ивановна Лозовая

Любовь Лозовая:
*«Как сейчас, помню Чорильск
1968 года...»*

Л.И. Лозовая за работой в институте «Норильскпроект». 1975 г.

Мороз в пятьдесят меня не смущает.
Беру аппарат, иду на Медвежку.
Солнца восход меня изумляет,
Солнце и снег — все вперемежку.

Медвежья гора — стою на верхушке.
Внизу расстилается город.
Дома и проспекты, как на картине.
И каждый кадрик мне дорог!

...2 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Прошло шесть с половиной часов с момента вылета из Москвы. Стюардесса объявляет, что через 25 минут самолет приземлится в Норильске. С жадностью смотрю в окно. Пока только ослепительно белые облака и ослепительно яркое солнце. Так бы хотелось пошалить, попрыгать с одного облака на другое, пробежаться, как по замерзшим волнам Арктики. Но... рваные плещи в небе вернули меня к действительности. Я увидела тундру, которая все еще в снегу, и только кое-где виднеются черные водные проталины. Спускаемся ниже, миновали облачный «потолок», и я четко различаю голые деревья. Вот лиственница, еще спящая в это время. Затем и она исчезла. Снега, снега, снега, среди которых появляются отдельные островки домов и тонкие нити проложенного между ними следа от автомашины, которая двигалась, как букашка...

Летом на бульварах посреди улицы растут трава и кустарники. Деревьев очень мало — только в городском сквере, около кинотеатра имени Ленина, да на некоторых «старых» улицах. А вокруг Норильска в тундре настоящая королева — лиственница. Она необыкновенно свежа и пушиста летом и удивительно красива осенью, когда приобретает желто-оранжевую окраску. Почти все дома в городе пятиэтажные. В старой его части в основном — деревянные в два этажа.

Основа основ — сам горно-металлургический комбинат, в ведении которого практически находится весь город. Поэтому и учреждение, в котором я работаю, именуется проектной конторой, а не институтом, хотя в ней насчитывается около тысячи человек. В одном из светлых широких коридоров выставлена галерея портретов ветеранов конторы, начиная с тех, кто работал с 1936–1938 гг.

Общежития здесь — не бараки, а тоже пятиэтажки с горячей водой и комнатами не более чем на двух–четырёх человек. Летом наезжает много сезонников, при мне в 1968 г. — 11 тысяч студентов, на рукавах, на груди их зеленых костюмов эмблемы института. Всех разместили, всех заняли работой, которой невпроворот.

Я, например, как только приехала, проектировала родильный дом на сто коек в порту Дудинка. Это четырехэтажный типовой кирпичный дом с подвалом. А так как здесь подвалы невозможны из-за вечной мерзлоты, то мне следовало подвальные помещения втиснуть в первый этаж, что разрешилось путем двухэтажной пристройки к торцу здания. Затем я делала одностадийный проект Дома бракосочетания и загса, встраивая их в первый этаж типового пятиэтажного жилого дома, далее здание корпуса норильской городской больницы.

ДОМА В НОРИЛЬСКЕ НЕ ИМЕЮТ ПОДВАЛОВ

Необходим продух — воздушное пространство между полом и землей, чтобы земля под домом никогда не оттаивала, иначе он может просесть и рухнуть. А на постоянно мерзлом грунте дом может стоять вечно. Фундаменты, как в Москве ленточные или на железобетонных столбах, здесь отсутствуют вообще, все здание держится на сваях, уходящих в мерзлую землю на 8–10 метров. Сваи, как и подобает, связываются ростверками, на которых держатся капитальные стены. Чтобы не зияла пустота, воздушное простран-

ство между перекрытием первого этажа и землей закрывается тоненькой кирпичной стеночкой с продухами под каждым окном.

В первые дни я никак не могла привыкнуть к тому, что здесь не было магазинных витрин с выставленными товарами. Они стали появляться позже. Отличать большинство магазинов можно было только по вывескам на фасадах, например: «Талнах», «Хантайка», «Москва», «Святослав», «Татьяна», «Северянка», «Сияние», «Ярославна», «Северок», «Октябрь», «Аян», «Белые ночи» и др. Пока не войдешь вовнутрь, не увидишь товары — не узнаешь, что это за магазин: продуктовый или промтоварный. Выставлять товары в обыкновенных окнах, пожалуй, и нет смысла, так как первые этажи, как правило, находятся высоко от земли. Потом все же мы стали проектировать магазинные витрины по всем правилам.

Дома кварталами соединяются между собою, образуя огромные дворы. В воротных проемах господствует вольный ветер. Через них со дворов стремительными потоками текут талые воды. Старые двухэтажные дома соединяются мощными заборами с арками и без них (такова была четная сторона улицы Кирова). Мощными, потому что по верху из котельной проходила отопительная труба довольно-таки солидной толщины из-за большого изоляционного слоя. Современные дома объединяли уже подземными магистралями, мощными коллекторами посредине улиц, «замаскированными» зелеными бульварами с прямоугольными железобетонными колодцами, из которых в сильный мороз эффектно струится пар.

В первое время я никак не могла понять назначение высоких (5–6 м) голубых или красных домиков во дворах. Оказалось, это мусоросборники. В таком домике, который стоит высоко, как на курьих (деревянных) ножках, имеется дверь, к ней жители поднимаются по лестнице. Мусор выбрасывается

сверху вниз в два желоба. На уровне земли — высокие ворота, куда по утрам заезжает специальная автомашина. Пятясь, она зацепляется за желоба, которые раскрывают свои горизонтальные створки, и мусор оказывается в кузове машины. Затем поверх кузова натягивается укрепленный брезент, и машина направляется на специальный пункт по выгрузке. Такие мусоросборники очень гигиеничны.

Мне рассказывали, что в Норильске год назад побывал Косыгин. Он проехал по городу и, конечно, посетил рудники. Вел он себя по примеру Ленина: отказался надеть приготовленный специально для него комбинезон, а вынул первый попавшийся из шкафика шахтера. Не пошел в приготовленную для осмотра квартиру, а отправился опять-таки в первую попавшуюся. Но все обошлось как нельзя лучше.

Норильчане — люди в основном приезжие, то есть привыкшие к солнцу, теплу, удобствам. Расскажу об общежитии, в котором я жила три недели до получения квартиры в новом доме. В холле общежития совсем не чувствуешь Крайнего Севера. Светлое, широкое окно, теплый радиатор под ним. Удобные мягкие кресла вокруг журнального полированного столика, на одной из стен висят полочки со свисающей традицией. Тут же примостились пять удивительно красивых камней (своеобразные сувениры), которые зимой отражают зеленые лучи рядом стоящего торшера. Зимой, потому что летом торшер нет надобности включать: в 12.00 дня и 12.00 ночи светит солнце. На другой стене фотоснимки тундры, веточка лиственницы. Коридор отделен деревянной решеткой-перегородкой, на которой, как птички, расселись вазочки с живыми цветами. Уютно!

Если уж продолжать о жилищных удобствах Норильска, то следует рассказать о доме, в котором я жила. Сдали его в эксплуатацию 28 июня 1968 г. Толщина его панелей — 40 см, окна с двойными переплетами. Горячее водоснабжение. Ванная. Элект-

рическая плита «Луч». Встроенные шкафы. Число секций в отопительных радиаторах увеличено, а поэтому в квартире было настолько тепло, что я никогда не закрывала форточку в комнате. Снаружи над ней образовался снежный козырек от постоянного нарастания инея. Мороз-скульптор доставлял мне эстетическое удовольствие от созерцания снежной фантазии на окнах, вентиляционных трубах ресторанов, домовых кухонь. Исключительно красиво мороз «трудился» в туманные дни...

УСЛОВИЯ ДЛЯ РАБОТЫ, ЖИЗНИ И ДУШИ В НОРИЛЬСКЕ ПРЕКРАСНЫЕ

Рабочие комнаты имеют широкие окна. На каждого архитектора полагалось два стола: кульман и стол с ящиками. В нашей бригаде было 14 человек, и мне довелось сразу со всеми познакомиться, так как в день моего прихода на работу как раз отмечали день рождения одной сотрудницы. Точь в точь как в Москве — выпивон, закусон, пожелания. Меня приняли дружелюбно.

Сделаю некоторое отступление от описания Норильска и его быта. Но это все равно относится к норильским порядкам. Мне здесь снова пришлось проходить медкомиссию о пригодности к работе на Крайнем Севере. Местный медосмотр обязателен — а вдруг человек сюда по благу приехал? И когда идешь к врачам в кабинеты, то обязательно спрашивают паспорт или другой документ с фотокарточкой.

Меня поразило обилие зелени. Куда не войдешь, всюду в помещениях зимний сад с множеством берез, розанов и лимонов. В кафетерии буквально у каждого стола стоит кадка с деревцем высотой 2,5–3 метра, то есть почти до потолка. А на стенке, состоящей из деревянных реек, сплошь свешиваются вьющиеся растения.

Умиляли и кондитерские изделия. Очень много самых разных, и все они красиво оформлены. Хочется попробовать их все. Чуть ли не год только «дегус-

тировала». Запомнился фирменный торт «Горняк» — круглый, с двумя слоями крема с орехами и слой варенья, верх облит шоколадом, на котором каллиграфическим почерком выведено белое сладкое слово «Горняк». Фантазии кондитеров в украшении тортов (розочки, листики, плетенки, орнаменты всевозможных цветов) не уставала удивляться...

ТЕПЕРЬ О МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НОРИЛЬСКА

Цены на продукты в Норильске мало отличались от московских. Например, колбаса и мясо были дороже всего на 20 копеек за килограмм. Хлеб, консервы, сливочное масло стоили столько же, сколько на материке. Конечно, дороже стоили овощи, фрукты, молоко, яйца — все то, что доставлялось самолетом. Бывало, правда, что к весне картофель продавался совсем плохого качества, ну а капусты и морковки вообще в продаже не было. Но что было всегда в отличие от других городов, так это спирт по 6 рублей 54 копейки за бутылку. Оглядываясь в 1968 г., должна признать: снабжение города на Крайнем Севере было хорошим. И это при том, что туда все завозилось или в короткую летнюю навигацию, или самолетом. А ведь тогда страна уже жила в эпоху дефицита, всего и вся. Кроме культуры, по-моему.

Во Дворце культуры я часто бывала на концертах гастрوليрующих артистов. Слушала, например, Ирину Бржевскую, Тамару Миансарову, Валерия Ободзинского. Смотрела две постановки кукольного театра Сергея Образцова, он приезжал сюда и выступал по нашему радио. В уютном концертном зале проводились превосходные лекции-концерты о выдающихся музыкантах и композиторах, выступали скрипачи, киноактеры и др. Два комфортабельных кинотеатра — имени Ленина и «Родина» — расположились в пяти минутах ходьбы от моего дома и от работы. А драмтеатр имени Маяковского — в десяти

ти минутах. Его фасад украшал колонный портик. Очень уютный зал. Единственный «недостаток» театра в том, что он находился на «отлете» от главной магистрали города — Ленинского проспекта — и своим боковым фасадом смотрел в тундру.

Московский институт «Гипротест» в 70-х годах разрабатывал чертежи нового здания театра. Уже тогда было решено перенести центр Норильска из одного конца Ленинского проспекта в другой.

Я стала свидетелем бурного строительства в Норильском промышленном районе. О строительстве Хантайской ГЭС писали «Известия», рядом с городом перекрыта река Хараелах, образуя водохранилище. Норильское телевидение показало пуск ТЭЦ-2, строительство газопровода Мессояха—Дудинка—Норильск: в город пришел газ! Открыта еще одна газовая скважина. Труд людей, прокладывающих газопровод в вечной мерзлоте при жесткости погоды 70—80 баллов, поистине героический. И это не красивые слова, это — констатация фактов.

ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОГО ГОРОДА Я ЗАМЕТИЛА СРАЗУ

Например, доброжелательное отношение к кошкам и собакам. Здесь кошки не убегают (как в Москве) от людей, а продолжают сидеть спокойно на месте. Правда, в семье не без уродца, и когда один из них наехал мотоциклом на собаку, об этом тут же написала «Заполярная правда», и читатели осудили водителя по заслугам.

После 1 сентября в городе появилось столько детей, что во дворах их звонкие голоса забивали даже шумы улицы. Их любимое, но вредное занятие — жечь костры посреди двора, преимущественно около мусоросборников, куда жители выносили за необходимостью старые матрасы, мебель и прочие вещи.

Кстати, опять о мусоросборниках. Эти голубые и красные домики являлись и своеобразным скла-

дом вещей. Например, здесь выставляют диваны, кровати, столы, тумбочки, шкафы, стулья и т.д. Считалось нормальным принести «с помойки» домой мебель — больше-то взять ее было негде! Таким образом, счастливчик, купивший в магазине дефицитный стол или диван, щедро делился своим старым имуществом, выставив его возле мусоросборника. Кстати, разбирали вещи с удивительной скоростью.

Я ходила на работу мимо трех мусоросборников. Если я видела здесь подходящий брусок, руки сами, без приказа поднимали вещь и тащили домой. Таким образом, были «приобретены» кухонный стол с надставленными мною ножками, тонкие металлические трубы, из которых я смастерила карнизы для оконных занавесок, вешалка, столики, шкафчики и другие мелочи. На период квартирного благоустройства я стала самостоятельным столяром. Вообще норильчане не любят захламлять свои квартиры и от излишков быстро избавляются. В Москве старые пальто, например, сдают в утиль-сырье. Здесь их просто кладут в подъездах — вытирать обувь. Об утерянных, вернее, найденных вещах сообщается в газетах, по телевизору и радио. К примеру: «Найдены два кошелька с деньгами. Потерявших просьба обращаться в милицию, ком. 46, с 16 до 18 часов». В магазине уцененных вещей вдруг появились подержанные часы стоимостью по 5–10 рублей. Оказывается, эти часы из бюро находок, которые остались невостребованными.

Странно просыпаться летним утром без чирикания вездесущих воробышков. Оказалось неверным выражение: где их только нет — воробьев. Газета «Заполярная правда» (от 14.01 и 1.02.1969 г.) сообщила, что в Норильске в детском саду живет один воробей, шустро летая по просторному залу, на радость тридцати ребятishкам, которые сами соорудили ему жилье на манер скворечника. Этого воробья им привез рабочий из Дудинки, где, как оказалось, на конном дворе осваивали

Север еще сорок таких же птичек. Предполагали, что они летели на юг, но на пути их застала ранняя зима. Весной 1969 г. в Норильск прилетали и ласточки (впервые это было, как утверждают знатоки, десять лет назад), которые за короткое лето успевали выводить птенцов. А гнезда они вяют, как обычно, под крышами и на карнизах домов.

Поскольку в Норильском промрайоне в обычном понимании нет дачных мест — кругом болота, тундра, — то маленькие дети, если не улетают к бабушкам на материк, остаются на лето в своих детских садах. Для них огораживают площадки для прогулок и игр, а вместо деревьев, которых просто нет, на фасаде здания детсада и на игровых щитах рисуют картины с березами, липами и пр. Забор обычно окрашивают зеленой краской, по низу которого «пускают» яркие цветы. Это и трогательно, и грустно. Пионерам везло больше. Они отдыхали под Красноярском в пионерлагере «Таежный» (добирались туда более пяти суток по Енисею).

В октябре 1968 г. стада диких оленей, которые с наступлением мороза перебирались в горы Пutorана, «наткнулись» на город, точнее, на трубопровод и запутались в сетях новых заграждений. Основная часть, конечно, прорвалась вперед, а более слабые испугались и даже стали жертвами браконьеров. Я сама была очевидцем этой беды: олени растеряли свои семьи и метались в бесплодных поисках. Не забуду обессиленного олененка, устало лежавшего на снегу. Какие у него были скорбные глаза!.. И какой неестественно яркой казалась кровь животных на снегу.

В 1968 ГОДУ ЛЕТА ПРОСТО НЕ БЫЛО

В середине июля во дворах лежал снег. пляж только на несколько дней огласил окрестности звучными голосами. А в остальные дни — постоянное ношение пальто или теплого жакета. В том, что лето было холодное, виновата предыдущая зима. Она, говорят,

была слишком теплой. Зато летом 1967 г. целый месяц стояла температура плюс 30 градусов. И озеро Долгое «кишело» обнаженными, загорелыми телами. Но в любую погоду норильские «моржи» плавают в озере Долгом чуть ли не круглый год. Это водохранилище теплое — там установлены брызгательные установки — отвод труб с горячей водой, через которые идет сброс отработанной воды из обоганительной фабрики. Вода эта чистая, потому что проходит через ряд каменных пород, где хорошо фильтруется.

В Норильске не говорят «я пошел в лес», здесь скажут: «Я ухожу в тундру». Вот где нельзя ходить в тапочках или даже в кожаных ботинках. Надо надевать резиновую обувь или сапоги. Все это потому, что под ногами сплошные кочки, к тому же летом почва оттаивает лишь на 15–20 см, кругом множество болот, тысячи миниатюрных озер в диаметре 200–500 метров. Мох под ногами очень мягкий, но тоже сырой. Земной покров тундры содержит в себе 50 процентов влаги. И, несмотря на все это, тундра так хороша, что порою дух захватывает. Стоишь среди редких, но изумительно свежих лиственниц, обзираешь окрестности и... наслаждаешься, восторгаешься. Столько ласкающих глаз красок: нежно-голубых, густо-синих, розовых, нежно-зеленых, с вкрапленными ярко-оранжевыми пятнами цветов, которые здесь называются жарками, с постоянно меняющимся фоном гор. Вот они бурые, с желтым налетом на складках, освещенных солнцем. Однако через минуту, стоит только скрыться солнышку, они укрываются лиловой шалью. А чуть затянется воздух туманом, даль становится нежно-голубой, как невеста, выглядывающая из-под кисеи.

Двадцать пятого января 1969 г. я ездила на автобусе (примерно 12 километров) на верхотуру местных гор — на рудник «Медвежий ручей», чтобы увидеть восходящее после полярной ночи солнце. Здоровалась с ним в течение часа, пока оно не коснулось горизонта.

Это было от двух до трех часов дня. А в феврале солнце, перевалиясь через горы, явилось в город, осветив сначала дали, а затем и дома. По этому случаю в ресторанах всю неделю проводились балы.

Я прожила и проработала в Норильске архитектором восемь лет. Из коммунальной квартиры переехала в отдельную, где имела еще несколько лет, полных удовлетворения души. Ибо... из окон

моей новой квартиры с шестого этажа открывались изумительный вид города и пейзажи тундры: горы вдаль, под окном небольшое озеро Уютное, далее озеро Городское с песчаным пляжем, слева — часть Ленинского проспекта. Особенно было красиво в три часа ночи в полярный день. При ярком восходящем солнце здание телеграфа сияло вспыхнувшим костром благодаря стеклянным витражам окон. Летом, когда температура воздуха достигала +30 градусов, песчаный пляж был плотно заполнен купающимися людьми. Загорали даже на берегу озера Уютное, что находилось внизу, почти под моим окном.

Закончила я работу в Норильске в 1976 г., а в 1985-м приехала в гости в тот дом, где когда-то жила... И что я увидела? Озеро Уютное засыпано. На этом месте строят дома. Появились плавательный бассейн (сразу после моего отбытия), Дворец культуры, Дворец спорта, новые улицы...

Я ходила по городу, радовалась встрече с ним, но мысленно говорила себе: «Как сейчас, помню Норильск 1968 года... Какое счастье, что он был в моей жизни!»

Л.И. Лозовая. 1995 г.

УТОЧНЕНИЯ

В первой книге воспоминаний норильчан мы призвали читателей, заметивших неточности в изложении событий, фактов, фамилий, известить нас об этом. Принимаем и дополнения к рассказанному норильчанами. Мы получили первые уточнения и дополнения к материалу Б.В. Витмана, их сделал Алексей Николаевич Свечников, автор-составитель книг «Кобальт Норильска» (Рязань, 1992 г.) и «Драгоценные металлы Норильска» (Москва, 2000 г.).

«Б. Витман пишет (с. 145): «Грузовик подвез нас к вокзалу узкоколейной железной дороги Дудинка — Норильск.

Небольшой вагончик трясло и подбрасывало. Рельсы были уложены прямо на мерзлый грунт. В одном месте они разошлись, и вагончик чуть не перевернулся».

Известно, что первая узкоколейная железная дорога Дудинка — Норильск была построена в 1937 г. Потому что ни гужевой, ни санно-тракторный транспорт не мог справиться с нарастающим потоком грузов. И эта дорога действительно строилась наспех, строители торопились, шли навстречу друг другу с двух сторон. На строительстве этой железной дороги не было специального оборудования, машин, не хватало грунта для отсыпки насыпи. В ход шло практически все: хворост, торф, мох, валежник. С наступлением зимы все это перемешивалось снегом и заливалось водой. Эту первую железную дорогу так и называли — ледяной. Но она выручила. Ее постепенно довели до ума, а уже в 1940 г. начали перешивку ее на широкую колею. К тому времени, когда в Норильск прибыл Витман (1949 г.), эта огромная (по арктическим масштабам) и трудоемкая работа подходила к своему завершению.

Далее Б. Витман пишет: «Часов через семь езды по тундре вдаль показалось много электрических огней. Из тьмы полярной ночи начали действительно вырастать многоэтажные дома и прямые освещенные проспекты. Обогнув город стороной, поезд въехал в промышленную зону...»

Я приехал в Норильск в октябре 1956 г. Даже и тогда поезда из Дудинки ходили по 12–14 часов. Известно, что в Норильске первый пятиэтажный дом был построен в декабре 1946 г., в феврале 47-го началось строительство Ленинского проспекта, в июне 1948 г. была построена первая очередь железобетонного коллектора городских коммуникаций. («Заполярная правда» от 13, 31 июля 1984 г.) Следовательно, не было ни физической, ни экономической возможности построить город с «прямыми освещенными проспектами» за три года (1947–1949 гг.).

Б. Витман пишет о студенте, который, работая в ОМЦ, «сумел наскрести с килограмм крупинок чистого золота» (с. 155). Это не может быть правдой. Все, кто хотя бы мало-мальски знаком с производством НГМК, знают, что вся технология получения металлов связана с переработкой уникальных полиметаллических руд, которые содержат в себе более полсотни элементов Периодической системы Менделеева. Это значит, чтобы получить хотя бы один из них, надо освободиться от всех остальных. Поэтому такая сложная и многоступенчатая технология на комбинате. Получение сырья для производства концентратов благородных металлов идет попутно. В результате электрорафинирования меди и никеля образуются электролитные шламы, в которых содержание благородных металлов (золота, серебра, платины, палладия, рутения, родия, осмия, иридия) в сумме составляет в среднем один процент. Причем содержание золота здесь намного ниже, чем содержание платины и палладия.

7 апреля 1939 г. ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР приняли Постановление о строительстве аффинаж-

ного (получение чистых металлов: платины и металлов платиновой группы, золота и серебра) завода в Красноярске. Завод должен был перерабатывать концентраты благородных металлов, полученных при переработке шламов в Норильске и Мончегорске.

Над получением чистых благородных (раньше их называли драгоценными) металлов бились лучшие умы России еще с дореволюционных времен. В когорту выдающихся ученых-платинистов прошлого века вошли Н.С. Курнаков, Л.А. Чугаев, В.Я. Мостович, И.И. Черняев, И.Н. Плаксин, О.Е. Звягинцев. Почти у каждого ученого была своя школа, свой институт, воспитаны десятки учеников и последователей. Орест Евгеньевич Звягинцев был одним из тех, кто активно участвовал в выборе площадки для строительства Красноярского аффинажного завода и в разработке основ технологии аффинажа платиновых металлов.

Ни на комбинате «Североникель» в Мончегорске, ни в Норильске проектом строительства комбинатов не было предусмотрено строительство переделов по обогащению шламов. Возможно, предполагалось, что переработку шламов на извлечение чистых металлов будет вести непосредственно Красноярский аффинажный завод.

Первыми получили шламы мончегорцы в конце 30-х годов. Решением проблемы переработки шламов на концентраты занималась группа ученых Ленинградского горного института. По технологии, разработанной Н.С. Грейвером и К.Ф. Белоглазовым, впервые в России были получены концентраты БМ. Но дальнейшие работы по совершенствованию технологии прервала Великая Отечественная война.

С пуском электролитного цеха на ММЗ в апреле 1942 г. пошли норильские шламы. Перед ОМЦ была поставлена задача — отработать технологию переработки шламов на концентраты БМ. Примерно тогда же была организована исследовательская группа в составе инженеров А.Т. Боряева, К.К. Чащина,

К.И. Вуккерта. Руководил исследованиями Ф.Т. Ки-
реенко — начальник ОМЦ, курировал И.С. Берес-
нев — главный металлург комбината.

Казалось, что трудностей особых не будет. Ведь
руды Кольского полуострова схожи с норильскими.
Ученые успели отработать технологию, прежде чем
«Североникель» пришлось остановить и законсерви-
ровать. Но это только казалось... Исследовательская
группа скрупулезно проверяла и перепроверяла ме-
тод обогащения, предложенный учеными ЛГИ, но
тщетно — обогащения не получалось; пошли на то,
чтобы приспособить технологию Канады; пытались
также определиться с довоенными наработками ин-
ститута общей и неорганической химии. На все про
все ушел 42-й и почти весь 43-й. Ожидания оказались
напряжными.

В апреле 1943 г. вступил в строй действующих
большой электролитный цех (БЭЦ) и шламы пошли
в проектом объеме. Исполняющий обязанности на-
чальника комбината Б.В. Шевченко издал приказ об
организации на БЭЦ шламового цеха. Цех мог к это-
му времени только промывать, сушить, фасовать и
отправлять шламы с таким содержанием БМ, с ка-
ким они получались — в пределах одного процента.
Иногда чуть больше, а чаще и того меньше.

«23 марта 1943 г. аффинажный завод в Красноя-
рске сумел получить первые 1291 грамм платины и
3235 граммов палладия из норильских шламов. Это
были первые в истории России платина и палладий, из-
влеченные в Сибири из сибирской руды и аффиниро-
ванные на строящемся первом в Сибири аффинажном
заводе. Поэтому день 23 марта 1943 г. стал днем рож-
дения Красноярского аффинажного завода» (И встал
завод над Енисеем. Красноярск: Издательско-полигра-
фический комплекс «Платина», 1998. С. 23).

Эта вынужденная мера — отправка сырого шла-
ма была слишком расточительной и для норильчан,
и для завода в Красноярске.

Федор Трифионович Киреенко как выход из создавшегося положения предложил свой вариант технологии переработки шлама: обжиг шлама, выщелачивание огарка, электролиз растворов сернокислой меди — все по методу Хибинетта; плавка выщелоченного огарка на аноды, электрохимическое растворение анодов при фиксированной плотности тока 440 А/м^2 с получением вторичного шлама, медной губки и раствора сернокислого никеля; обжиг и растворение медной губки с получением второго концентрата, в основном родия и раствора сернокислой меди. Кроме концентратов БМ по этой схеме получают катодная медь и раствор сернокислого никеля, которые возвращаются в основное производство никеля и меди.

Руководство комбината поддержало Киреенко. В сентябре 43-го была создана специальная исследовательская группа в составе А.П. Соколова, И.Ф. Коппа, А.А. Алифбаева, О.Н. Малицкого. Группу возглавил Анатолий Петрович Соколов, выпускник Томского политехнического института 1931 г. До ареста в 1937 г. он занимался проблемой переработки золото-содержащих промпродуктов на Алтае. В задачу исследователей входило отработать технологию по предложенной схеме. Консультировал работу группы профессор С.М. Анисимов. Забегая вперед, скажу, что к началу 1945 г. по этой схеме был получен концентрат с содержанием 50 процентов суммы благородных металлов. В апреле 46-го был построен и запущен в работу временный шламовый цех. Главным инженером цеха был назначен А.П. Соколов, который и внедрил эту технологию в производство. Понадобилось, как минимум, еще лет 10–15 для того, чтобы повысить концентрацию БМ в выдаваемом цехом концентрате. Работы по совершенствованию технологии продолжаютсся до сих пор.

«С самого начала работ (ноябрь 1942-го) по обогащению поступающих на завод шламов медного и ни-

келевого электролиза из Норильска стало ясно: в том виде, в каком они поступают, они малопригодны для переработки по принятой в проекте технологии, так как соотношение содержания тяжелых цветных и благородных металлов в них оказывалось в лучшем случае 40 : 1, а порой и 200 : 1... Выход был один — добиваться, чтобы Норильский комбинат рассматривал шламы не в качестве побочного, а как важнейший вид своей продукции... Уже в конце 40 и начале 50-х годов было налажено получение из шламов платиноидных концентратов, а затем организовано и фракционирование благородных металлов в разные концентраты: ПК-1 (КП-1) — с преимущественной концентрацией платины и палладия, ПК-2 (КП-2) — с концентрацией в нем металлов-спутников и серебра, а еще позже и КП-3 — иридиевый концентрат» (И встал завод над Енисеем. С. 33, 34).

За эту выдающуюся работу группа норильчан в 1948 г. была представлена на соискание Сталинской премии. В эту группу по рекомендации Киреенко были включены Анатолий Петрович Соколов и Исаак Файвишевич Копп, но оба не прошли вышестоящие инстанции как бывшие заключенные. Учитывая их личный крупный вклад в разработку технологии, руководством комбината позднее им обоим была вручена в качестве премии крупная денежная компенсация. Первыми в истории Норильска лауреатами Сталинской премии (абсолютно заслуженно) стали Иван Симонович Береснев и Федор Трифонович Киреенко.

Этот краткий экскурс приведен здесь для того, чтобы понять, «как шел процесс насребания килограмма золота...». Владислав Казимирович Пиотровский технологией переработки шламов в Норильске никогда не занимался просто потому, что перед этим талантливым инженером стояли задачи иного рода.

А теперь вернемся к вопросу о кобальте.

Одной из главных задач, стоявших перед комбинатом в течение всей войны, была организация про-

изводства кобальта. С пуском завода № 25 (кобальтового) 28 июня 1945 г., с получением товарной гидроокиси к сентябрю и выдачей первой плавки кобальта 12 января 1946 г. такая задача была разрешена самым успешным образом. Надо отдать должное — эту сложнейшую задачу фактически решили мончегорские металлурги-кобальтчики И.С. Береснев, А.Б. Логинов, Ф.Т. Киреенко, В.А. Дарьяльский, К.Н. Бродницкий, С.И. Афанасьев, А.А. Пушкин, Г.М. Левенко, А.М. Шапкина и их коллеги-норильчане.

К тому времени (о котором пишет Витман — 1950 г.) появилась острая необходимость в производстве химически чистого, или, как говорили в обиходе, чистого кобальта. По заданию правительства на территории завода № 25 небывалыми темпами шло строительство здания нового цеха. Строительство и монтаж (одновременно) вел «Металлургстрой» под руководством начальника В.И. Шулика и главного инженера З.И. Хараз. Непрерывный контроль осуществлял начальник завода № 25 В.А. Дарьяльский. Начальник НГМК В.С. Зверев в последние два месяца перед пуском ежедневно посещал цех и не реже чем дважды в неделю проводил рабочие совещания в любое время суток, но чаще в 1–3 часа ночи или в 5 часов утра.

Один из выпускников (1950 г.) Норильского ГМТ Александр Сергеевич Тупицын готовил защиту диплома как раз по этой теме. Ему и было поручено вести контроль за строительством цеха и монтажом оборудования. В августе он был назначен начальником этого цеха. А.С. Тупицын вспоминает: «Мы, группа молодых специалистов, сразу после защиты дипломов, с первого июля начали свой труд под руководством Федора Трифоновича Киреенко в ОМЦ на полупромышленной установке по получению кобальта высокой чистоты. В состав группы входили Г.М. Патюков, Ф.Ф. Копылова (гл. инж. цеха «К»), Н.В. Адмаев, Н. Елистратов, Б.А. Теняков, Ф.Н. Лапинская, старшим на установке работал Исаак Файвишевич Копп (официально — начальник установ-

ки № 188). Однажды меня и начальника нашего завода В.А. Дарьяльского вызвали к начальнику комбината Владимиру Степановичу Звереву. Мы приехали. В кабинете находились начальник главка «Енисейстрой» генерал А.А. Панюков, начальник политотдела комбината полковник Елисеев, первый заместитель министра МВД СССР генерал Мамулов. Нам в их присутствии предложили расписаться на подлиннике постановления правительства, подписанного лично И.В. Сталиным, о пуске в работу цеха «К» (так он был обозначен в проекте) к 7 ноября 1950 г.).

Несколько позднее А.С. Тупицын сказал: «Подписываясь под постановлением, мы фактически подписались под собственным приговором». В одном из пунктов говорилось: в случае срыва задания особой государственной важности — расстрел.

Официально запуск производства цеха «К» состоялся 6 ноября 1950 г.

«За разработку и внедрение в промышленность нового способа получения металла (кобальта высокой чистоты) Совмин СССР присудил Государственную премию начальнику отдела Главка инженеру Иевлеву Ивану Степановичу — руководителю работы и инженерам: Киреенко Федору Трифоновичу, Терпогосову Владимиру Вагановичу и Дарьяльскому Владимиру Алексеевичу» («Заполярная правда» от 5 сентября 1984 г.).

В заключение мне хочется предложить выписку из письма Владислава Казимировича Пиотровского от 15 апреля 1988 г., адресованного Ларисе Николаевне Коваленко в ГМОИЦ: «Первый этап моей работы в цехе относительно к тому времени, когда он назывался опытным металлургическим цехом (ОМЦ) и помещался в деревянном бараке на так называемой «Пашкиной деревне» (поселке, состоявшем из таких же строений, находившихся в низине на продолжении ул. Заводской). Вместе с тем это был период в моей жизни, который, по-моему, не должен фигурировать

в официальных воспоминаниях. Упомянул о нем лишь потому, что к нему относится первая из выполненных мной в Норильске и вместе с тем наиболее систематично исследованных работ (полагая, что хронологическая привязка отделения в этих воспоминаниях необязательна). Вместе с тем это была, пожалуй, единственная моя работа по гидрометаллургии: называлась она «Осаждение товарной гидроокиси кобальта». Систематичность ее выполнения обусловлена тем, что вел я ее под непосредственным руководством Ф.Т. Киренко, о котором я тут уже хотел бы сказать несколько слов. Я сохранил о нем впечатление как о человеке необычном, не часто встречающемся в наше время. Даже отвлекаясь от этой моей оценки и оттого, что я ему обязан многим, хочу отметить тот несомненный факт, что он был по существу зачинателем и организатором науки в Норильском комбинате. Он был в подлинном смысле человеком науки. И то обстоятельство, что, уйдя из комбината в среду «высокой науки», он не смог найти себе в ней достойного места и, будучи еще (по возрасту) в расцвете творческих сил, ушел на пенсию, не характеризует наилучшим образом организацию, в которой он работал».

И еще одна неточность. На с. 302 помещено фото А.П. Соколова с подписью: «А.П. Соколов с женой». На самом деле рядом с Соколовым Ольга Николаевна Лукашевич — первый начальник ОМЦ (1939–1941 гг.).

На с. 515 (первая строка снизу) напечатано: «На этом кобальтовом заводе работало 90 исследователей и примерно 10 занимались производством».

Правильно: на этом заводе работало до 90 процентов исследователей и примерно 10 процентов занимались производством».

Норильску посвящено много книг. Но нет ни одной, где была бы дана полная картина освоения и развития промышленного района на полуострове Таймыр. История Норильска еще не написана — некуда заглянуть, чтобы сверить даты, факты, фамилии... А в этом так нуждаются те, кто вершил эту самую историю и кто спустя много лет решил рассказать о пережитом. С годами в памяти остаются имена, но забываются отчества, а то и фамилии, путаются даты... Понимая неизбежность подобных ошибок, все же продолжим уточнения к книге первой воспоминаний норильчан.

На с. 7 написано: «В.З. Матвеев — первый директор Норильского комбината». На самом деле его должность называлась так: начальник Норильского строительства и лагеря (см. п. 4 Приказа Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР за 1935 г. на с. 6 книги первой «О времени, о Норильске, о себе...»). Но как бы ни называлась должность В.З. Матвеева, он навсегда останется первопроходцем, зачинателем Норильского комбината и потому его первым директором. Бесспорно, В.З. Матвееву досталась самая трудная работа на нежилом месте заполярной тундры. Позже Владимира Зосимовича стали называть первым начальником Норильскстроя, опустив слово «лагеря», а о первых строителях комбината, заключенных, очень долго вообще умалчивали... Не упоминали и о том, что В.З. Матвеев был арестован «за вредительство и контрреволюционную деятельность» в 1938 г. и приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет. В.З. Матвеев умер в Тулагилаге в 1947 г. В 1955 г. он был реабилитирован военной коллегией Верховного Суда СССР посмертно.

Заклученные своего начальника лагеря уважительно называли Батей, а власть заклеила его как контрреволюционера, который «занимался вредительством в строительстве Полиметаллического комбината, вредительски построил железнодорожную ветку Норильск–Дудинка».

А вот что в действительности удалось сделать заключенным под руководством В.З. Матвеева с июля 1935 по апрель 1938 г.

Первый объект, сданный в эксплуатацию в августе 1935 г., — пекарня в Дудинке. Тогда же была основана первая химическая лаборатория, а при управлении строительства — проектное бюро. В следующем месяце заработали мерзлотная станция для изучения возможности строительства на вечной мерзлоте и почтово-посылочная экспедиция, центральная радиостанция. В сентябре первая норильская школа (одна комната) приняла семь учеников и одного учителя.

Темпы строительства поражают. Октябрь — вступила в строй первая локомотивная электростанция мощностью 25 кВт. Ноябрь — начались строительство узкоколейной железной дороги Валек–Норильск, эксплуатационные работы на угольной штольне в горе Шмидта, построены первый двухэтажный деревянный дом для управления строительства (бараков еще не строили, все жили в палатках), две животноводческие фермы... Декабрь — с помощью 20-номерного коммутатора установлена телефонная связь. Строители спешат закончить железную дорогу Валек–Норильск, шпалы и рельсы укладывали на временную насыпь из снега и торфа, политых водой... И так ежемесячно напряженным трудом вводятся в строй необходимые для строительства комбината объекты...

Приступили к заготовкам противощинготного напитка — «хвойного кваса». Начались буровые работы, подготовка к строительству железной дороги Дудинка–Норильск. Вступила в строй временная электростанция № 1 (ВЭС-1) — 5 локомотивов,

250 кВт. С начала 1936 г. по 18 августа того же года на воздушной трассе Дудинка–Норильск четыре самолета сделали 733 рейса и перевезли 495 тонн грузов и 396 пассажиров (судами в навигацию много больше).

На угольной шахте (август 1936 г.) появился первый компрессор. Заложен подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка рудных штолен, добыча известняка и обжиг извести, гидрологи приступили к наблюдению за погодой... Сдан в эксплуатацию кирпичный завод — впервые применен метод свайного фондирования. Смонтирована и освоена однотонная установка непрерывной флотации. Открыто новое месторождение «Медвежий ручей». Организован лесозаготовительный участок на озере Лама, освоено изготовление керамзита. Первые детский сад, паровозное депо, транспортная контора, типография, кинопередвижка, радиовещание и духовой оркестр — все это заработало при В.З. Матвееве.

Справочный материал об этих и других годах освоения Таймыра, строительства Норильского комбината можно прочесть в первой (и, видимо, пока последней) исторической книге «Историко-географическая и социологическая справка о Таймыре, Норильске и комбинате (Пособие для лекторов, пропагандистов, экскурсоводов)». Эту справку подготовил Т. Гармаш, она отпечатана в местной типографии в 1973 г.

С. 188. А.Н. Гарри никогда не был «видным деятелем Интернационала». Алексей Николаевич был участником гражданской войны, известным журналистом-международником, писателем, основателем научно-технической библиотеки Норильского ГМК... Гарри выпускал в библиотеке ДИТРа «Бюллетень технической информации Норильского комбината», представлявший, по сути, научно-технический журнал. Он издавался с 1943 г. В нем печатались статьи работавших в Норильске ученых, видных инженеров. Вся работа по составлению и изданию бюллетеня, подготовке рукописей лежала на Гарри. Его боль-

шая заслуга в том, что это издание выпускалось солидно, имело лицо настоящего журнала.

В один из осенних дней 1950 г. Алексей Николаевич расстался с Норильском и поселился в Ачинске. В самом конце 1951 г. в альманахе «Год тридцать четвертый» появилась его повесть «Зайчик» — первое литературно-художественное произведение о людях Норильска... В 1956 г., когда он переехал в Москву, в красноярском альманахе «Енисей» мы прочитали повесть Гарри «Битва в тундре» — о событиях Великой Отечественной войны. В том же году в Профиздате вышел сборник его повестей под названием «Последний караван»...

А 21 мая 1960 г. в «Литературной газете» был напечатан некролог Алексея Николаевича (С. Щеглов «Алексей Гарри в Норильске», «Заполярная правда», 1969, 23 сентября).

С. 235. В материале В.Е. Родионова рассказано об обстреле острова Диксон и судов, находившихся в бухте, с немецкого линкора «Адмирал Шеер». Это не линкор, а «карманный линкор». Разница нешуточная. По вооружениям и габаритам — крейсер, по «образцу жизни» — очень мобильное судно, рейдер.

С. 300. Фамилия Евфросиньи Антоновны правильно пишется так: КерснОвская.

С. 347. Подпись под снимком следует читать «В.В. Мечев и Х.А. Базоев. Сочи, 1964 г.».

С. 355. Жену В.З. Матвеева зовут Елизавета (не Лидия!) Карловна.

С. 356. Имя-отчество Крахмана — Иван Николаевич.

Благодарим норильчан за внимательное прочтение книги «О времени, о Норильске, о себе...».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамицкий 390
Абязова Галия 312, 313
Авакович Вольдемар 160
Авдеев Н.П. 154
Агафонов А.И. 187
Адмаев Н.В. 488
Айвазов Леон Агасиевич 177
Александров Яков Кузьмич 193–198, 201, 202, 205
Александров 380
Александрова Тамара 453
Алиев 199, 212
Алифбаев А.А. 486
Алкацев Дебола Касполатович 46, 139
Алксныс 328
Аллилуев Павел Сергеевич 6, 7, 39, 40, 41
Аллилуев Сергей Яковлевич 6
Андреев А.А. 105
Анисимов Леонид Иванович 309
Анисимов С.М. 486
Анисимова Ангелина Ивановна 309
Антонов 245
Апенченко Ю. 136
Аппарович П.Ф. 145
Арая Вилма 336
Арбенин Евгений 453
Арон 281, 291
Арутюнов 380
Асацуки Сеодзо 159
Афанасьев С.И. 488

Б

- Бабац Эрнст 161
Багратуни Е.Г. 16–18, 20, 22, 26, 27, 29, 30, 35, 38, 39
Баев Александр Александрович 162
Базоев Хазбечир Асахметович 494
Байрашевский 269, 271
Байсепанов 267, 269
Баландин Алексей Александрович 4
Баландина Нина Алексеевна 4, 5
Балашов Василий Васильевич 114
Банковский Виктор Алексеевич 236–238
Барухсон Александр 336
Бачулис Альфонс Павлович 423
Башкиров Арсений Иванович 308
Бегалько Элла 458, 459
Бейлин Григорий 336
Бейлин Мирон 336
Белов Петр 164, 192, 233, 297
Белоглазов К.Ф. 484
Бензе Янис 357
Бергер Иосиф Михайлович 158
Береснев Иван Симонович 485, 487, 488
Берндт Фридрих Вильгельм 160
Бернфельд 154
Бесперчий 111
Бигюс Зигфрид 160
Бизяев Александр Денисович 391
Бирючков Юрий 419, 424, 425
Битадзе Михаил Алексеевич 108
Богатиков 288
Боголюбов А.Н. 149
Бокер Франц 160
Болотов А. 373
Бондарев Алексей 78
Бондарева Лидия 406
Бондаренко Анатолий 394
Бондаровский И.Э. 386, 390
Боряев А.Т. 484
Бохнер Иосиф Генрихович 157

Брагинский Л.И. 54
Брилев Сергей Георгиевич 394
Бронштейн И.К. 371, 382, 390
Бродницкий К.Н. 488
Брумук Наталья Леонтьевна 406
Бузунова Лидия Васильевна 304
Будко 276
Булгакова Оксана 66
Буре Валерий 176, 371, 373, 380
Буре Павел 176, 373
Бурштын Вульф Яковлевич 88
Бусыгин Василий Павлович 46, 92

В

Важнов М. 139
Вайсенборн Эрих 160
Вакарева И. 307
Валеева Зайнаб 419
Валовой 380
Валукин Михаил Емельянович 403
Вальдман Абрам Геникович 155
Ван Дян Гун 410
Ванников Б.Л. 133
Варламова Тамара 355, 356
Васик Ахмед 162
Васильчиков 400
Васин Константин Дмитриевич 280
Ватанабэ Есио 159
Ватанабэ Сатико 159
Вахменина Галина Константиновна 101
Вачаева Валентина Петровна 139
Веларт Шерри 161
Великжанин П. 371
Веребрюсов Степан Александрович 114, 127, 179, 180
Веребрюсов В.С. 127
Веребрюсова З.Ф. 127, 128
Веремеенко Виктор Александрович 74
Веске 267, 268, 271
Ветчинкин 10, 16

Вильчек Всеволод Михайлович 453, 457
Витман Борис Владимирович 482, 483, 488
Вознесенский Владимир Константинович 112
Волох Дonya Александровна 304
Воронин А.А. 379
Воронин Николай 237, 269–271
Воронцов Александр Емельянович 46, 72, 81, 100, 184, 185
Всесвятский Владимир Николаевич 179
Вуйцик-Юркевич Юзеф (Иосиф) Антонович 155
Вуккерт К.И. 485
Вульф Герта 343
Вульф Эдуард 343
Вылко Илья 414–416

Г

Габитов 267
Галкин Николай Иванович 193–198, 202
Гамаюнова Анастасия Николаевна 277, 278
Гармаш Трофим Яковлевич 139, 143, 147, 493
Гарри Алексей Николаевич 493, 494
Гейнц Алексей Георгиевич 423
Геллер 390
Георге Галина 453
Георгиев-Караславов Славка 153
Геретцки Хайнс 160
Геталло Ю. 139
Гидовиус Альфред Карлович 40
Гинзбург Леонид 86
Глушков Николай Тимофеевич 187, 188
Годес 269
Головин И.Н. 134
Головко Семен Георгиевич 150
Голубцова Нина Ивановна 304
Гончаров Виктор Макарович 356, 357
Горкин М.Х. 12–14, 17, 20, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 37
Гороховская Елена Викторовна 407, 409
Горр Александр Давидович 434–436, 446, 447
Горюнов Владимир 452

Го Шао-Тан (Крымов) 157, 158
Гранкаус Янис 355, 356
Грейвер Н.С. 484
Гречухин 68
Григорьев Иосиф Федорович 20, 31, 41
Гриднева Валентина Георгиевна 458
Гросманис Мария Павловна 447
Грязнов В.В. 66
Губкин Иван Михайлович 56, 57, 62, 64, 65
Гумилев Лев Николаевич 162
Гурвич 281
Гуревич Г. 307
Гуров Николай 390
Гусев 88
Гуцол Н. 373

Д

Даргайс Ян Оттович 62
Дарьяльский Владимир Алексеевич 123, 488, 489
Дементьев И. 375
Денцель Карл Карлович 423, 424
Джумаев Борис Сулейманович 409, 432
Дзенилис Альфред Янович 423
Дзюбенко Нина Семеновна 140, 141
Димитров Г. 86, 158
Добротворский Игорь Михайлович 407, 409
Драбкина Е. 305
Дроздов В.В. 188, 426
Дроздов Юрий Николаевич 452
Дуберг Антонина Виссарионовна 429
Дубинский-Мухадзе И. 55
Дубровская Лана 46
Дубровский Семен 72
Дубровский Сергей 86
Дудник Евгений 453
Дунаева Жанна Валентиновна 458
Душан Д.У. 430
Дьяконов М.П. 386

Е

Евзеров Моисей Исаакович 190–192
Евзерова-Качурина Инесса Моисеевна 192
Егизаров 357, 358
Езепенко В. 373
Елисеев 489
Елистратов Н. 488
Еллинек Ганс Альфредович 148, 149
Елфимов Ю. 139
Емельянов В.С. 55, 132
Еремеев 94
Еременко Т.И. 114
Еремин 445
Ершов Виктор Васильевич 76

Ж

Жаденов Игорь 406
Жаров 380
Жданова Е.Д. 431
Житков 223, 224
Журавлев Сергей Кузьмич 401

З

Завенягин Авраамий Павлович 43–85, 87–121, 124–129, 132–138, 149, 153, 173–177, 180, 181, 184–187, 196–198, 203–207, 217, 426
Завенягин Иван 60
Завенягин Павел Устинович 49, 50, 60
Завенягина Пелагея Владимировна 50
Завенягин Юлий Авраамиевич 49, 67, 130
Завенягина Евгения Авраамиевна 101, 130, 131
Завенягина Мария Павловна 51
Завенягина Мария Никифоровна 53, 94
Зайдель А. 306

Зайцев Федор Иванович 54
Зайчик А. 307
Замятина Людмила Петровна 308
Зверев Б. 189
Зверев Владимир Степанович 111, 114, 116, 120, 128, 179, 181, 184–187, 217, 218, 374, 392, 488, 489
Зверева М.С. 179
Звягинцев Орест Евгеньевич 484
Зенин Василий Емельянович 238, 268, 269, 271
Зильберштейн 390
Знаменский Серафим Васильевич 162, 423
Зоркова Мария Ивановна 52
Зорькина Зинаида Иосифовна 454
Зубри 406
Зубарев Т.О. 383
Зуев 82
Зыков А.М. 315

И

Ивама Хейтаро 159
Иванова Нина 453, 454
Иванов-Смоленский 90
Игнатъев 380
Игольников С. 315
Игрицкий Б.В. 129
Иевлев И.С. 489
Иевский Николай Иванович 75
Илюшина Александра Дмитриевна 304
Иш 187
Иоффе Михаил Борисович 117

К

Кавтеладзе 99
Казонен (Касонен) Тойво 145
Кайзер 161
Кайзер Альфред 160

Каландарова Антонина Афанасьевна 453
Калентьева Нина Ивановна 251–255, 263, 264, 266
Камышев Владимир 169
Капустин Д. 466, 467
Карабанов 102
Карапетян 208
Карасев Саша 403
Карпов Дмитрий Кузьмич 451, 453, 455, 456, 458–460
Карпов Петька 401
Касабова Галина Ивановна 5, 180, 383
Касавин 285–287
Квечинский Генрих 419
Кернер Терцко Шулимович 154, 155
Керсновская Евфросинья Антоновна 494
Ким У-Сун 145, 146, 156
Кинтцель-Хюбнер Геро 160
Киперс Юлий Янович 147
Киреенко Федор Трифонович 69, 103, 137, 485–490
Кирре Герберт 346, 348
Клетте Эрих 160
Климов Арсентий Егорович 399
Климов Евгений Арсентьевич 396–398, 413, 433
Климов Петр 86
Климович 214
Клишевич 61
Ключанович 156
Книртсен 150
Коваленко 273, 274, 280, 284
Коваленко Лариса Николаевна 489
Коган Иосиф Михайлович 235, 236, 238, 267, 271
Козлов Ю. 301
Козловский В.И. 113, 387, 388
Коковин Павел Петрович 391
Кокорин К.А. 381
Колесников А.В. 463
Колпаков Михаил Леонидович 65
Колядко Г.П. 430
Конин 276, 281, 291
Коновалов В. 373
Копп Исаак Файвишевич 486–488
Копылова Ф.Ф. 488
Корешков В.А. 22

Коркин Павел Григорьевич 88
Корнейчук И. 371
Коровин Константин Аристархович 66, 208, 217
Королев Валентин 467
Корякин 445
Костецкий П.В. 4
Костинский Б.С. 161
Котов В.Г. 394, 395
Коунрад 111
Кравец Валерий Ефимович 458, 462
Кравченко 268
Красавина Римма Александровна 310, 311, 317
Крахман Иван Николаевич 494
Крень 223–225, 234, 238, 270, 271, 284
Кржовицкий 16
Кродерс Гунар Робертович 310, 312, 314–320, 325, 362, 363, 365
Кродерс Ольгерт 341
Кродерс Роберт 343
Кродерс Янис Арвидович 326
Круглов 181
Ксинтарис Василий Николаевич 170, 171, 180, 182, 185, 188, 189
Кубайнешвили 201
Кудрявцев Николай Владимирович 423
Кузнец Анатолий Григорьевич 91
Кузнецов В. 463
Кузнецов Виктор Алексеевич 397, 410–427, 429–432
Кузнецова 99
Кузьмин Александр Александрович 283
Куликов Никита 86
Курнаков Н.С. 484
Курочкин 131
Куропатов Николай Николаевич 444, 446
Куропатова Зоя 444
Куропатова Мария Николаевна 445
Курпатенко 379
Куц Владимир Терентьевич 366, 367, 373–375, 378
Кюме Фриц 160

Л

- Лаврентьев 258–260
Лазарев Николай Никифорович 110
Лапинская Ф.Н. 488
Лапинь 328
Ларина Рахилия Марковна 452
Латышев Ю. 306
Лебединский В.Н. 52, 65, 139
Левенко Г.М. 488
Левин Михаил Львович 192–296
Легат Валерий 453
Ледин Юрий Янович 453, 454
Лендел Иштван 162
Лендел Йожеф 126, 161–163
Леонтьев Александр Владимирович 392
Леонтьева Руфина Александровна 392
Лепешинский Ю.В. 31
Лепин 380
Леринман Лев Михайлович 301, 306, 390
Леринман-Симонова Нелли Львовна 298, 299, 308, 309
Леут С. 371
Лещинский 154
Ли А. 371
Лившиц С. 373
Линькова Варвара 419, 427, 428
Лисюк Степан Семенович 174, 175
Лобов Н. 371, 380
Лобода Д.М. 80
Лободин Феликс 419, 425
Логинов Алексей Борисович 187, 488
Лозинская Надежда Константиновна 458, 465
Лозовая Любовь Ивановна 468–470, 481
Ломинадзе 63
Лопото Екатерина 453
Лопухинская Лена 307
Лубенский Юрий Моисеевич 421
Лудильщиков Алексей 394
Лукашевич Ольга Николаевна 70, 490
Лукин 173
Лукьянов П. 103
Лунев Иван Иванович 74

Лунина З. 373
Львов Анатолий Львович 41–43, 47, 139, 457
Львова Галина 453
Любченко Андрей Михайлович 160
Людвиг Зигурд 153, 154
Людтке Вульф 161
Ляндрес 99
Лященко Антонина 458

М

Мазеина Светлана Михайловна 458
Макаров Иван Гаврилович 54
Макарова Алла Борисовна 144, 154
Малец Владислав Михайлович 154
Малицкий О.Н. 486
Малумян Арман Жан Батистович 163
Малышев В.А. 133
Мальцев Анатолий 380
Мальцев Михаил 380
Мальцев Николай 380
Мандраков Иван (Хуан) 149, 150
Манку 252
Мардна Леонард Бернгардович 423
Маржоретто 148
Марикава 160
Маринич А.Д. 430
Маркин Николай Николаевич 465
Марков О. 373
Мароски Вильгельм 160
Марти Андре 347, 351
Мартынова Валентина Дмитриевна 456
Мартюхов 358, 359
Марущенко 214
Марьясов Александр 394
Массу Гунджи 159
Маслова Тамара 458
Матвеев Владимир Зосимович 68, 70, 145, 490–494
Матвиенко 390
Матюха Л.А. 430
Махоткин Василий Михайлович 67

Маямото 159
Медведев 339
Медведовский Борис Семенович 304
Межлаук В.И. 64
Мельков 445
Менге Херберт 160
Мечев Валерий Валентинович 494
Мешалкин Евгений Николаевич 422
Миллер Андрей Витальевич 423
Мильчаков Александр Иванович 86
Миненко Лидия Владимировна 101
Митя Ганс 153
Михайлов 201
Михайлюк Николай Иванович 441
Михаэлис Курт 161
Михно 182, 183
Могалюк Михаил 467
Мозер Иоганн 156
Молчанов Б. 316
Мольнар Рене 162, 163
Морозов (погибший первый секретарь окружкома) 82
Москалев Виктор 453
Мостович В.Я. 484
Мурахтанов Ю.В. 313
Мурзина Т. 307, 308
Мутман М.Д. 95
Мушина Евдокия Ивановна 304
Мюнценмайер Ганс Вильгельмович (Геннадий Васильевич)
453, 458, 459

Н

Наседкин 143
Непокойчицкий Витольд Станиславович 101, 104
Непорожний П.С. 189
Нестеровская Лина Андреевна 464
Нетто И. 375
Нечаева Лариса Ивановна 387, 391, 392
Никитина Надежда Ивановна 401
Никитина Наталья Михайловна 453
Никишин Павел Евдокимович 423
Николаев Борис 313
Николаева Т. 373

Николаич Ярослав Федорович (Райнек) 153
Никонова Анна Андреевна 72
Никулин Александр Николаевич 387
Никулин Игорь Александрович 384–386
Новак 144
Новиков 357, 358
Новичков 380
Новоселов В. 373
Ногинская Антонина Вячеславовна 458
Нусбаум 160

О

Оггинс Исай 151, 152
Олрих Ганс 147
Онуфриев Борис 462
Ордуханян Абел 86
Островский (бывший посол СССР в Румынии) 86, 90
Очкин А.Д. 416

П

Павлов Б.С. 96
Павлов Василий Кондратьевич 182
Павловский Евгений Викторович 146
Палицын Авраамий 49
Панкратов Михаил Тимофеевич 399
Панов А. 379
Паншин И.Б. 135
Панюков Александр Алексеевич 93, 112, 113, 175, 186, 187, 217, 273, 289, 290, 374, 489
Паскевич Аскольд 453
Патюков Г.М. 488
Перевалов Н. 373
Передереев Игорь Титович 176
Перепелкин А. 130
Перфилов Иван Макарович 115
Петренко 106
Петров 276

Петрова Е.Н. 430
Петрук Павел Варламович 158
Пиотровский Владислав Казимирович 487, 489
Плаксин И.Н. 484
Платц Герман 160
Повар Николай 466
Поворозник Арсентий Ульянович 78, 79
Подколзин О. 371, 380
Покатаев 204
Полищук Владимир Иванович 179
Полоз Ю. 139
Полончук Александр Александрович 273–276, 278, 294
Пономарев 194, 195, 198–201, 205, 211, 212
Попов Благой 86, 153, 157
Попов Г. 129
Попов Георгий Александрович 98, 99, 423
Потапова Тамара Михайловна 74
Пресс 160
Пригоров (или Тригоров) М. 40
Приходько 288
Продаевич Петр Еремеевич 74
Прохватилов 348–352
Прохоров 106, 107
Пугачев 380
Пушкин А.А. 488
Пьянзин Г.Г. 431
Пэти Франсуа 163

Р

Разуваева Эра 419
Рассказов Леонид Петрович 52
Ратнер Владимир 308
Редькин Алексей 359
Резвов 440
Рейзен 261
Рехлов Вадим 459, 460
Рехлов Иван Варламович 459
Риль Николай 135
Римкович 281, 291, 293
Родионов Владимир Евстафьевич 423, 494

Розанов Алексей Николаевич 72, 73, 89
Розанов В.Н. 416
Розенблюм Захар Ильич 98, 423
Рознатовский Николай Николаевич 105
Розовский Николай Валерьянович 420, 421
Розыграев В. 371
Ромашков Юрий Иосифович 402–404
Росси Жак-Робер 148, 152, 157, 162, 163
Рудакова Лилия 458
Рудольф Лев Константинович 138, 139
Рудольф Ольга Александровна 138, 139
Рудольф Хайнц 160
Рыжко Александр Корнеевич 75
Рыжков 267, 268, 271
Рычкова Т. 139
Рябчиков Евгений 45
Рязанов В. 315
Рянская Валентина Павловна 458

С

Савва Лев Александрович 79, 83
Савицкий Константин Аполлонович 402
Савчук Иван Александрович 455–457
Сайто Мисао 159
Сакаи Садаёси 159
Сакалис Феликс 453
Сакун Г. 373
Салева Эйно Германович 146
Сано Синрукуро 159
Сапожников 445
Сапрыкин Григорий Иванович 80
Сапуненко Н. 382
Светана Светлана 453
Свечников Алексей Николаевич 482
Семенов Василий Валерьянович 438–440, 444, 446
Семенова З. 308
Семенова Мария Михайловна 439
Серебряков 82
Серпионов Ю. 307
Сечко Иван Игнатьевич 84

Сибиряков А. 337
Сибиряков Вася 361
Сидоров Иван Терентьевич 102
Силады Элек Степанович (Силади, Силадон, Силадый) 161
Синюткин 440
Скачков 94
Скворцова Н.П. 430
Слепцов (начальник 1-го участка) 267, 268
Слепцов Иван Павлович 49
Слепцов Павел Евсеевич 218–220, 222, 223
Слепцова 98, 99
Сливинская Тамара Ивановна 87
Смилгис Эдуард Янович 362
Смирнов (автор учебника) 77
Смирнов Алексей Васильевич 52
Смирнов Сергей Михайлович 94, 98, 99, 154
Смолова Раиса Петровна 448, 449
Снегов Сергей 108
Соколов Анатолий Петрович 486, 487, 490
Соколов Н.В. 40
Соловьев П.А. 416
Соломатина Александра 307
Сотников 180
Старицкий Георгий Георгиевич 77, 145
Старостин Александр 178
Старостин Андрей 178, 371
Старостин Николай 178
Старостин Петр 178
Стебляно 379
Стегний Зинаида 453
Стефанский 95
Стифеев Т.Г. 187
Столыпин 445
Стрельцов Э. 375
Струнке Карлис 357
Суговара Каутора 160
Сукач Сергей Егорович 431
Султангереева Н. 373
Супруненко Николай Владимирович 156
Сухих М.Я. 136
Сухомлинов Борис Данилович 304
Сытин 49
Сычев К.К. 165
Ся Шун-Чен 156

Т

Талайко Михаил Аркадьевич 458
Тараканов Эдуард Петрович 453
Тарасов Николай Васильевич 99
Татаев 281
Теняков Б.А. 488
Теплов Л.В. 431
Терехина Галина 419
Терехов Роман Яковлевич 54
Терзиев Славка 153
Терпигосов Владимир Ваганович 371, 383, 489
Терюо Сирота 159
Титов 380
Тихомолов 380
Ткачев 90
Товкач 235
Торгашин 441
Тошев Матвей Илиев 153
Третьякова 230
Трошев Жорес 46
Тру Ран-Чен 157, 162
Тупицын Александр Сергеевич 488, 489
Тупиков 92
Турдагин М. 316
Тынка В. 12

У

Удодова Клавдия Михайловна 104
Урванцев Николай Николаевич 8, 12, 13, 15–18, 20–22, 26,
28, 30, 31, 33–35, 38–40, 45, 72
Ушаков Александр 307
Ушакова Галина 307
Ушков Николай 462

Ф

Фатеев 380
Федотова Августа Александровна 304
Фельдман 380
Ферштенфельд 390
Фефер Марат 419
Филковская Лера 459
Филякина Елена Анисимовна 432
Финкельштейн Е. 463
Фишер Владимир 86
Фомин 330
Франко 149
Фриденберг 331, 334, 341
Фриденберг Варис 341, 349
Фукус Александр Яковлевич 155

Х

Хайвен 61
Ханада Минору 159
Хараз З.И. 488
Хитаров 65
Хилько 156
Хлебников Борис 174
Холодный 288
Хорольский А.В. 68
Храбровицкий В.А. 404, 405
Хромченко Соломон Харитонович 235, 237, 247, 253, 262, 270
Хут Э. 160

Ц

Цайсберг Фриц 160
Царева Наталья Ивановна 304
Царевский Михаил Михайлович 179

Цейдлер А.А. 103
Циндель Н. 139
Цих 380
Цой Ольга Петровна 87
Цыркуленко 416

Ч

Чапский 143
Чашин К.К. 484
Чебуркин Павел Владимирович 149, 156
Червакова И. 139
Черкасов Илья Федорович 52
Черновская Клара Николаевна 411, 419, 430
Чернышев К. 371, 380
Чернышов Константин Николаевич 97
Черняев И.И. 484
Четвериков П.А. 82, 86
Чефранов 90
Чигринцев 86
Чимеров 388, 389
Чугаев Л.А. 484
Чугурин 54

Ш

Шадрина Ольга Яковлевна 304
Шадхан Игорь 453, 457
Шапкина А.М. 488
Шапоренко Иван 177, 178
Шарафутдинов 229, 231, 232
Шарейка Хорст 160
Шарова 420
Шаройко Александр Емельянович 70, 81, 89, 96, 100, 184, 185
Шацкий 98
Шевченко Б.В. 485
Шеремет 223, 225–227, 234
Шерин 288

Шипиц В. 371, 380
Широковская Елена 419
Шитиков Вася 128
Шихтеров 184
Шишкин Илья Захарович 423
Шкет 440
Шлома Валерий 458
Шмаенок Анна Борисовна 453, 454
Шотт 157
Шрайер Карт 341, 344
Шредер 161
Шулик В.И. 488
Шульц Хайнц 160
Шутов Яков Моисеевич 79

Щ

Щеглов 267, 271
Щеглов С. 494
Щеголев 409
Щербаков (сменный мастер, заключенный) 229, 230
Щербаков (инженер) 246
Щербаков (врач) 269, 270

Э

Эрбен Вальтер 160
Эрец Петр Александрович 89, 104, 147, 148
Этенеер Николай Яковлевич 88
Эттлер Гейнц 160
Эфрос В.М. 431

Ю

Юнусов Абдулла 86
Юргенс Эгон 358
Юркевич Борис Константинович 276, 279
Юрьев 193
Юрьев Михаил Григорьевич 359, 360

Я

Яковлев (псевдоним В.П. Бусыгина) 46
Ямкин 445
Янович 153
Ярцев К.И. 96
Яуре 416

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю</i>	3
<i>Аллилуев П.:</i> «...приходилось решать задачу со многими неизвестными»	6
<i>Львов А.:</i> «Через сорок пять лет мне кажется, что Завенягин долгие годы жил рядом, мало кого представляю столь живо...»	42
<i>Дзюбенко Н.:</i> «Иностранцы в Норильлаге составили интернационал в концентрированном виде»	140
Следы прошлого в настоящем	165
<i>Ксинтарис В.:</i> «...норильская школа жизни и работы определила мое будущее»	170
<i>Евзеров М.:</i> «Не было той радости, с какой обычно заключенный покидает тюрьму. Слишком долго пришлось ждать этой минуты...»	190
<i>Леринман Н.:</i> «Отцу предъявили шаблонный по тому времени перечень нелепых обвинений»	298
<i>Красавина Р.:</i> «Мы встретились с Гунаром в концертном зале и не расставались до последнего дня его жизни»	310
<i>Кродерс Г.:</i> «...комендант, прибывший на очередную регистрацию, торжественно сообщил, что срок нашей высылки — двадцать лет»	318
<i>Куц В.:</i> «Если в 1946 г. в поселке было 17 футбольных команд, то в 1947 г. — уже 24»	366
«О чем писали старые газеты»	376
<i>Никулин И.:</i> «...участие в строительстве комбината носило семейный характер»	384
<i>Климов Е.:</i> «Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности»	396
<i>Горп А.:</i> «...оленоводы и рыбаки иначе как «Счастливым путем» его не называли»	434

Смолова Р.: «83 процента телезрителей смотрели местные новости Норильской студии, а не хороший фильм Московского канала — такие были предпочтения!»	448
Лозовая Л.: «Как сейчас, помню Норильск 1968 года...»	468
Уточнения	482
Указатель имен	495

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель
Г.И. Касабова

Корректор
П.М. Смирнов

Компьютерная верстка
О.Г. Егин
Н.А. Аринчева

ООО «ПолиМЕдиа»
Лицензия ИД № 03287 от 20.11.2000 г.
143000, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Подписано в печать 14.07.2008. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.

Объем 16,25 печ. л.

Заказ № 20.

Доп. тираж 4 экз.

Отпечатано в ООО «ПолиМЕдиа»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 18, стр. 1

Для заметок

Для заметок